

Робин Кук

Кома

Памяти моего отца, с признательностью моей матери и благодарностью к Шэррон

Пролог

14 февраля 1976

В операционной номер восемь на операционном столе лежала на спине Нэнси Гринли, смотря вверх на хирургическую безтеневою лампу, похожую на литавры, и пытаюсь успокоиться. Она уже получила несколько предварительных инъекций, которые, как ей сказали, должны сделать ее сонной и счастливой. Но это было не так. Нэнси стала еще более нервной, чем до уколов. Хуже всего было ощущение полной незащитности. В свои двадцать три года она никогда еще не была так смущена и уязвима. Ее укрывала белая льняная больничная простыня с обтрепанным краем и маленькой дыркой в углу. Она не знала, почему, но это ее беспокоило. Под простыней на ней была только больничная рубашка до пояса, завязывающаяся сзади на шее и оставляющая спину открытой. Кроме этого были гигиенические салфетки, пропитанные, как она знала, ее собственной кровью. В этот момент Нэнси больницу боялась и ненавидела, и всего больше хотела выскочить в коридор и убежать. Но она этого не делала. Она боялась кровотечения больше, чем жестокой отчужденной атмосферы больницы. И то, и другое заставляло ее остро осознавать свою смертность, а с этим чувством ей редко приходилось сталкиваться в жизни.

В 7.11 утра небо на востоке над Бостоном было светло серым. Сплошной поток машин с включенными фарами направлялся в город. Температура воздуха была чуть выше нуля, и пешеходы на улице бежали каждый по своим делам. Голосов не было слышно, только шум машин и ветра.

Внутри Бостонского Мемориального госпиталя все было по-другому. Мощная флюоресцентная лампа освещала каждый квадратный дюйм операционной. Суетливая деятельность и возбужденные голоса возвещали начало операций ровно в 7.30. Они свидетельствовали о том, что скальпель неминуемо коснется кожи в 7.30. К этому времени пациент должен быть доставлен, подготовлен, завершена премедикация и готов инструментарий.

Итак, в 7.11 работа в оперблоке и восьмой операционной шла полным ходом. Это была самая обычная операционная госпиталя. Ее стены были окрашены в нейтральный цвет, пол был из полихлорвинила. На 7.30 утра 14 февраля 1976 года в восьмой операционной была назначена рутинная гинекологическая операция – выскабливание полости матки. Пациенткой была Нэнси Гринли, анестезиологом – доктор Роберт Биллинг, ординатор второго года, операционной сестрой – Рут Дженкинс, помощницей медицинской сестры – Глория Д'Матео. Хирургом был Джордж Мейджор – новый молодой коллега заслуженных акушеров-гинекологов госпиталя, – сейчас он находился в соседней комнате и одевал хирургический костюм в то время, как остальные напряженно работали.

Кровотечение у Нэнси Гринли продолжалось уже одиннадцать дней. Оно началось как обыкновенная менструация, и Нэнси не испытывала неприятных ощущений, кроме, пожалуй, некоторого спазма в низу живота в первый день месячных. Но, хотя болей и не было, кровотечение не прекращалось. Каждое утро Нэнси просыпалась с надеждой, что сегодня все пройдет, но досадное кровотечение все продолжалось. Ее страхи после телефонных консультаций сначала с медсестрой доктора Мейджора, а потом и с ним самим исчезали на все более короткое время. И что самое главное, эта мучительная неприятность произошла, как это всегда бывает со всеми неприятностями, в самое неподходящее время. Ее приятель Ким Деверо из юридической школы Дьюка должен был на днях приехать в Бостон на весенние каникулы.

Они хотели провести вместе неделю, катаясь на лыжах в Киллингтоне. Все бы устроилось самым наилучшим образом, а кровотечение все портило. Эта мысль не покидала ее. Нэнси была хрупкой привлекательной девушкой с аристократическими чертами лица и чрезвычайно заботилась о своей внешности. Даже невымытые волосы лишали ее равновесия. И непрекращающееся кровотечение заставляло ее ощущать себя нечистой, непривлекательной, выводило из себя. В конце концов оно просто пугало ее.

Нэнси вспоминала себя лежащей на кушетке с ногами, закинутыми на спинку, и читающей редакционную страницу "Глоб". Ким в это время смешивал на кухне коктейли. Вдруг у нее появилось странное и необычное ощущение чего-то теплого и мягкого во

влагалище. Ни боли, ни дискомфорта не было совсем. Это ощущение поначалу смутило Нэнси, но затем она почувствовала, как намокает нижнее белье и что-то течет по ногам. Почему-то не особенно испугавшись, она подумала, что кровотечение усилилось, и кровь идет очень быстро. Не двигаясь, она повернула голову в сторону кухни и позвала:

– Ким, будь так добр, вызови мне скорую.

– Что-то случилось? – торопливо спросил Ким.

– У меня сильное кровотечение, – спокойно сказала Нэнси, – но беспокоиться не о чем. Я думаю, слишком сильные месячные, но правильнее было бы поехать в больницу. Вызови, пожалуйста, скорую.

Поездка на скорой была обычная, без сирены и какой-либо спешки. В приемной она ждала дольше, чем предполагала. Когда появился доктор Мейджор, Нэнси впервые почувствовала радость. Доктор Мейджор, его лицо, манеры и даже запах ассоциировались у Нэнси с ненавистной процедурой осмотра, но, увидев его в приемной, она обрадовалась до слез.

Гинекологический осмотр в приемном покое был самым ужасным воспоминанием. Только бумажная колышущаяся занавеска охраняла ее израненное чувство собственного достоинства от множества людей в приемной. Каждые несколько минут ей измеряли кровяное давление. Давление все падало. Нэнси переделась в короткую больничную рубашу. Иногда занавеска отходила, Нэнси оказывалась лицом к лицу с людьми в белых халатах, детьми с порезами и усталыми стариками. Тут же рядом лежало открытое всем любопытным взорам подкладное судно, наполненное темно-красными сгустками ее крови. И в это же время доктор Мейджор находился внизу между ее ног, прощупывая ее и одновременно беседуя с медсестрой о каком-то другом больном. Нэнси сжала веки и мысленно застонала.

Но весь этот ужас кончился быстро, как и обещал доктор Мейджор. Доктор детально объяснил Нэнси расположение ее матки, изменения, происходящие в матке во время нормального менструального цикла и при болезнях. В объяснении было что-то о кровеносных сосудах, о выходе яйцеклетки из яичников. Из этого всего доктор доказывал ей, что для лечения Нэнси необходимо сделать выскабливание полости матки. Нэнси согласилась, не задавая никаких вопросов, только просила не сообщать ничего родителям. Она хотела

поставить их потом перед свершившимся фактом. Она была уверена, что ее мать первым делом подумает об аборте.

И сейчас Нэнси упорно смотрела на большую лампу над операционным столом. Единственная мысль, которая делала ее чуть-чуть счастливей, была мысль о том, что этот проклятый кошмар закончится через час, и ее жизнь вернется в нормальное русло. Вся суэта в операционной была настолько чужда ей, что она старалась не смотреть ни на что, кроме этой лампы.

– Вам удобно? – Нэнси взглянула направо. Глубокие карие глаза между хирургической маской и шапочкой внимательно наблюдали за ней. Глория Д'Матео обернула правую руку Нэнси салфеткой и продолжила иммобилизировать ее.

"Да", – ответила Нэнси с некоторой отчужденностью. В этот момент она чувствовала себя адски неудобно. Операционный стол был жесткий, как дешевые кухонные столы фирмы Формика. Но фенерган и демерол, которые ей ввели перед операцией, уже начали свою работу в глубине ее мозга. Нэнси была в гораздо более ясном сознании, чем ей хотелось бы, но в то же время она начала ощущать свою отстраненность от окружающего. Атропин также начал оказывать свое действие, делая горло и рот сухими, а слюну вязкой.

Доктор Роберт Биллинг был целиком поглощен своим аппаратом для анестезии, который представлял собой клубок стальных трубок, вертикальных манометров и нескольких разноцветных цилиндров со сжатыми газами. Коричневый баллон с галотаном был водружен сверху аппарата. Этикетка на нем гласила "2-бromo-2-хлоро-1,1,1-трифторэтан" (C₂HBrClF₃). Это был почти превосходный анестетик. "Почти", так как время от времени появлялись сообщения, что он оказывает разрушающее воздействие на печень пациента. Но такое происходило редко, и положительные качества галотана затмевали его потенциальный вред. Доктор Биллинг был без ума от этого препарата. В его воображении рисовались картины, он видел себя разрабатывающим галотановый наркоз, представляющим его медицинской обществу в передовой статье в "Медицинском журнале Новой Англии", и, наконец, получающим Нобелевскую премию в том самом смокинге, в котором он женился.

Доктор Биллинг был чертовски хорошим ординатором-анестезиологом, и он знал об этом. Он даже думал, что почти все

признавали это. Он был убежден, что знает анестезиологию... И он был осторожен, очень осторожен. В его практике не встречалось серьезных осложнений, что действительно было редкостью.

Как у пилота Боинга 747, у него был контрольный лист анестезии, в котором он с фанатическим пылом регистрировал каждый этап процедуры наркоза. Он сделал тысячу ксерокопий этого контрольного листа, и приносил его к началу каждой операции вместе с остальным оборудованием. К 7.15 анестезиолог как раз находился на двенадцатом этапе, который включал в себя прикрепление жесткой резиновой трубки к аппарату. Один конец ее подключался к вентиляционному мешку емкостью четыре-пять литров, который позволял анестезиологу наполнять легкие пациента на всем протяжении операции. Другой конец трубки был подсоединен к емкости с натронной известью, которая предназначалась для поглощения выдыхаемой больным углекислоты. Этап номер тринадцать заключался в проверке вентиля на трубках, подводящих газовые смеси к больному, и установке их в крайнее правое положение. На четырнадцатом этапе аппарат для анестезии подключался к кранам, вмонтированным в стену операционной и подводящим сжатый воздух, закись азота и кислород. К аппарату прикреплялись и автономные баллоны с кислородом, предназначенные для чрезвычайных ситуаций. Доктор проверил давление в обоих баллонах, они были заполнены полностью, Доктор Биллинг чувствовал себя прекрасно.

– Я собираюсь прикрепить несколько электродов к вашей грудной клетке, чтобы мы могли наблюдать за вашим сердцем, – сказала Глория Д'Матео, спуская вниз простыню и поднимая госпитальную рубашку, подставляя живот Нэнси стерильному воздуху операционной. Рубашка едва прикрывала ее груди. – Сейчас вы на секундочку почувствуете холод, – добавила Глория, нанося бесцветный гель на три точки обнаженной груди Нэнси.

Нэнси хотела что-то ответить, но не смогла быстро разобраться с собственным двойственным отношением к тому, что она испытывала. С одной стороны, она была благодарна этим людям, так как они собирались ей помочь, с другой стороны, она злилась, чувствуя себя такой незащищенно обнаженной, в буквальном и фигуральном смысле.

– Сейчас я вас уколою, – сказал доктор Биллинг, помяв левую руку Нэнси, чтобы выступили вены. Он так туго наложил резиновый жгут

на ее запястье, что она ощутила сердечные толчки на кончиках пальцев. Все это происходило так быстро, что Нэнси с трудом воспринимала окружающее.

– Доброе утро, мисс Гринли, – с энтузиазмом сказал доктор Мейджор, быстро входя в дверь операционной. – Я надеюсь, вы хорошо спали ночью. Мы закончим с этим делом за несколько минут, и вы сможете вернуться в свою кровать и хорошо выспаться.

Нэнси еще не успела ответить, как вдруг нервы на ее левой руке ожили и послали сигнал в болевой центр мозга. После этого боль быстро возросла до максимума и также быстро исчезла. Тугой жгут на запястье тоже убрали, и кровь вновь потекла в руку Нэнси. Она почувствовала, как внутри у нее закипают слезы.

– Внутривенное, – сказал доктор Биллинг в пространство, проставляя галочку напротив шестнадцатого этапа в своем контрольном листе.

– Сейчас вы ненадолго заснете, – продолжал доктор Мейджор. – Не так ли, доктор Биллинг? Нэнси, вы везучая девочка, доктор Биллинг – наш лучший анестезиолог.

Доктор Мейджор звал всех своих пациенток девочками, независимо от их возраста. Эту снисходительную манеру он, несомненно, усвоил от своих старших коллег.

– Совершенно верно, – подтвердил доктор Биллинг, прилаживая резиновую маску к трубке. – Трубка номер восемь, Глория. Вам, доктор Мейджор, уже можно обрабатывать руки. Ровно к 7.30 мы будем готовы.

– О'кей, – ответил доктор Мейджор и направился к двери. Внезапно остановившись, он повернулся к Рут Дженкинс, которая устанавливала столик для инструментария. – Я хочу работать моими собственными расширителями и кюретками, Рут. Прошлый раз вы подготовили для меня это средневековый хлам, который принадлежит госпиталю. – И он вышел до того, как сестра успела ответить.

Где-то позади себя Нэнси слышала похожий на звук сонара сигнал кардиомонитора. Это разносился по операционной ритм работы ее собственного сердца.

– Все в порядке, Нэнси, – сказала Глория. – Сдвиньтесь немного вниз к краю стола и положите ноги на вот эти стояки. – Глория помогла Нэнси согнуть ноги в коленях и установить их на стальных

стояках. Простыня сползла между ног Нэнси, обнажая их до середины бедер. Ножная часть стола сложилась, и простыня скользнула на пол. Нэнси закрыла глаза, стараясь не представлять себя распятой на столе. Глория подняла простыню и незаметно положила ее на живот Нэнси таким образом, чтобы она свисала между ног, прикрывая кровоточащую выбритую промежность.

Нэнси старалась успокоиться, но все больше волновалась. Она старалась почувствовать благодарность, но в ее чувствах все больше преобладали неуправляемый гнев и злость.

– Я не уверена, что я хочу продолжать все это, – сказала Нэнси, глядя на доктора Биллинга.

– Все будет отлично, – ответил доктор Биллинг с искусственной заботливостью в голосе, отмечая восемнадцатый пункт в своем контрольном листе. – Вы сейчас мгновенно заснете, – добавил он, подняв шприц вверх и выдавливая из поршня воздух над лекарством. – Прямо сейчас я введу вам пентотал. А вы не чувствуете сонливости?

– Нет, – ответила Нэнси.

– Вы должны были сказать мне об этом, – сказал доктор Биллинг.

– Но я же не знаю, что я должна чувствовать, – ответила Нэнси.

– Но теперь все будет в порядке, – продолжил доктор Биллинг, подтягивая свой аппарат поближе к голове Нэнси. С хорошо отрепетированным профессионализмом он подсоединил шприц с пентоталом с трехходовому клапану капельницы. – Ну а теперь я хочу, чтобы вы мне посчитали до пятидесяти, Нэнси. – Он знал наверняка, что Нэнси не сможет досчитать до пятидесяти. Доктор Биллинг всегда испытывал удовлетворение, глядя, как засыпают его пациенты. Каждый раз это служило для него подтверждением надежности научных методов. Кроме того, он чувствовал себя могущественным, раз мог управлять мозгом пациента, Нэнси обладала сильной волей, и, хотя она и старалась уснуть, ее мозг продолжал сопротивляться действию наркотика. Она еще успела произнести "двадцать семь" до того, как два грамма пентотала наконец заставили ее погрузиться в сон. Нэнси Гринли уснула в 7.24 14 февраля 1976 года, чтобы никогда не проснуться.

Доктор Биллинг и помыслить не мог, что эта здоровая молодая женщина будет его первым осложнением. Он был уверен, что полностью владеет ситуацией. Его контрольный лист был почти

заполнен. Он отрегулировал дыхательную смесь, состоящую из галотана, закиси азота и кислорода, которая поступала Нэнси через маску. Затем он ввел через капельницу два кубика 0.2% раствора хлорида сукцинилхолина для того, чтобы вызвать паралич скелетных мышц. Это облегчало введение трубки в трахею больной. И позволяло доктору Мейджору выполнить бимануальное гинекологическое исследование пациентки, необходимое для выявления патологии яичников.

Эффект сукцинилхолина был почти мгновенным. Сначала возникли короткие подергивания мышц лица, а затем и живота. По мере того, как поток крови разносил лекарство по телу, нервные окончания в мышцах деполяризовались, и наступало общее расслабление скелетной мускулатуры.

Язык Нэнси тоже был парализован и запал в глотку, закрывая ей дыхательные пути. Но это не имело значения. Ведь межреберные мышцы и диафрагма были также парализованы, что делало невозможной любую попытку вздохнуть. Хотя сукцинилхолин отличался от яда кураре из джунглей Амазонки по химическому строению, но эффектом он обладал таким же, и Нэнси должна была бы умереть через пять минут. Но все это было предусмотрено. Доктор Биллинг полностью контролировал ситуацию. Эффект был ожидаемым и желательным. Внешне спокойный, но внутренне напряженный как струна, доктор Биллинг снял с Нэнси дыхательную маску и взял в руки ларингоскоп, приступая к двадцать второму этапу своего контрольного листа. Кончиком клинка ларингоскопа он продвинул язык вперед и ввел ларингоскоп за надгортанник, чтобы увидеть вход в трахею. Открылись голосовые связки, парализованные, как и остальные скелетные мышцы.

Доктор Биллинг быстро спрыснул вход в трахею местным анестетиком и ввел эндотрахеальную трубку. Ларингоскоп издал характерный металлический щелчок, когда доктор убрал клинок в рукоятку. С помощью маленького шприца он надул манжетку на эндотрахеальной трубке и зафиксировал ее. Когда он нажал на вентиляционный мешок, грудная клетка Нэнси симметрично поднялась, оба легких работали одинаково. Доктор прослушал Нэнси стетоскопом и остался доволен. Интубация прошла так гладко, как он и ожидал. Теперь он полностью контролировал дыхание пациентки.

Он подрегулировал измеритель потоков газов и установил желаемую пропорцию галотана, закиси и кислорода. Эндотрахеальная трубка была закреплена несколькими кусочками лейкопластыря. Сердце доктора Биллинга стало колотиться медленнее. Он всегда старался не показать того, что при процедуре интубации испытывал сильное напряжение. Ведь с парализованным пациентом можно действовать только очень быстро и очень правильно.

Кивком доктор Биллинг показал Глории Д'Матео, что она может начинать подготавливать операционное поле. А сам доктор переменил позу на более свободную и удобную. Сейчас его работа сводилась к наблюдению за основными жизненными параметрами больной: частотой и ритмом сердечных сокращений, давлением и температурой. И все время, пока больная будет оставаться парализованной, он должен будет ритмично сжимать вентиляционный мешок – "дышать" за нее. Действие сукцинилхолина начнет проходить через несколько минут, и тогда анестезиолог сможет отдохнуть. Давление у Нэнси стабилизировалось на уровне 105/70. Частый пульс, характерный для тревожного состояния пациентки до начала анестезии, уступил место ровному пульсу 72 удара в минуту. Доктор Биллинг был счастлив и уже предвкушал, как он минут через сорок выпьет кофе.

Все протекало гладко. Доктор Мейджор произвел бимануальное исследование и попросил еще немного снизить тонус мышц. Это означало, что часть сукцинилхолина уже распалась в крови у Нэнси во время интубации. Доктор Биллинг с готовностью добавил еще два кубика сукцинилхолина и старательно записал это в протоколе анестезии. Результат был мгновенным, доктор Мейджор поблагодарил доктора Биллинга и громко сообщил операционной бригаде, что яичники пациентки напоминают маленькие гладкие сливы. Он всегда так говорил, когда исследовал нормальные яичники. Матка Нэнси была расположена обычным образом, и расширение ее шейки прошло совершенно нормально. Несколько кровяных сгустков были удалены с помощью отсоса. Доктор Мейджор тщательно выскоблил внутреннюю поверхность полости матки кюреткой, отмечая при этом консистенцию соскобленной ткани. Когда доктор Мейджор работал второй кюреткой, доктор Биллинг заметил небольшие изменения ритма сердца, регистрируемого кардиомонитором. Он взглянул на экран осциллографа. Пульс упал до 60 ударов в минуту. Инстинктивно он

надул манжетку тонометра и стал внимательно прислушиваться к знакомым звукам крови, ударяющейся о стенку сжатой манжеткой артерии. Выпуская воздух из манжетки, он услышал, как исчезают шумы, что означало границу диастолического давления. Давление было 90/60. Это падение не было трагичным, но оно озадачило его аналитический ум. Может, это снижение объяснялось рефлексом с блуждающего нерва, вызванным манипуляциями на матке? Он сомневался в этом, но снял наушники стетоскопа.

– Доктор Мейджор, можно вас на минутку? Давление немного упало. Во сколько вы оцениваете потерю крови?

– Не должно быть более 500 миллилитров, – ответил доктор Мейджор, поднимая голову и глядя поверх ног Нэнси.

– Это чепуха, – заметил доктор Биллинг, снова прилаживая стетоскоп к ушам. Он вновь надул манжетку. Кровяное давление было 90/58. Он взглянул на монитор – пульс 60.

– Как давление? – спросил доктор Мейджор.

– Девяносто на шестьдесят, пульс шестьдесят, – ответил доктор Биллинг, снимая стетоскоп и перепроверя газтовые вентили на аппарате для анестезии.

– Ради Бога, что это за чертовщина? – раздраженно спросил доктор Мейджор, проявляя ранние признаки хирургического гнева.

– Ничего, – успокоительно сказал доктор Биллинг, – но это изменение. До этого ее состояние было очень стабильным.

– Ладно, ее цвет просто фантастический. Здесь внизу она красна просто как вишня, – доктор Мейджор засмеялся над собственной шуткой. Никто кроме него не улыбнулся.

Доктор Биллинг взглянул на часы. Было 7.48.

– О'кей, давайте дальше. Я скажу вам, если еще что-нибудь изменится, – сказал доктор Биллинг, сильно сжимая дыхательный мешок, чтобы максимально наполнить легкие Нэнси. Но что-то мешало доктору Биллингу, тревожа его шестое чувство и заставляя его собственное сердце биться быстрее. Он посмотрел на дыхательный мешок и продолжил его ритмично сжимать, мысленно оценивая степень сопротивления искусственному дыханию со стороны дыхательных путей и легких Нэнси. Они поддавалась очень легко. Он снова взглянул на мешок. Не было никакой реакции со стороны Нэнси,

хотя и вторая порция сукцинилхолина уже должна была разрушиться в крови Нэнси.

Давление немного поднялось, а затем снова упало до 80/58. Монотонный звук монитора снова сбился. Глаза доктора Биллинга метнулись к экрану осциллографа. Затем ритм восстановился.

– Я заканчиваю через несколько минут, – сообщил доктор Мейджор к радости доктора Биллинга. С чувством облегчения доктор Биллинг отключил галотан и закись азота из газовой смеси, оставляя только кислород. Он хотел сделать уровень анестезии Нэнси более поверхностным. Давление поднялось до 90/60, и доктор Биллинг почувствовал себя получше. Он даже позволил себе роскошь провести по лбу тыльной стороной руки, чтобы смахнуть капельки пота, выступившие как доказательство нарастающего напряжения. Он посмотрел на поглотитель углекислоты с натронной известью. С ним, по-видимому, было все в порядке. Было 7.56 утра. Левой рукой он поднял веки Нэнси. Они были как тряпичные, и зрачок был максимально расширен. Все страхи вновь обрушились на доктора Биллинга. Что-то произошло, что-то было совсем не по плану.

Понедельник, 23 февраля

7 часов 30 минут

Хотя Бостон и отличался непропорционально большим числом архитекторов, Бостонский Мемориальный Госпиталь не являлся шедевром архитектуры. Но его центральное здание обладало архитектурной привлекательностью. Оно было построено около ста лет назад из тщательно подогнанных друг к другу блоков коричневого камня. Само здание имело всего два этажа и было слишком маленьким, несообразным современным целям. Кроме этого, больничные палаты в нем были многоместными, большими и в настоящее время не использовались. Лишь дух самой истории медицины, казалось, насквозь пропитавший его стены и помещения, удерживал планировщиков и ремонтников от реконструкции.

Остальные многочисленные большие здания были иллюстрацией в стиле американской готики. Миллионы кирпичей, поддерживая друг друга, формировали ниши для пыльных окон и служили опорой для монотонно плоских крыш. Здания были снабжены покатыми подъездами, предназначенными для подвоза инвентаря и припасов. За исключением, может быть, нескольких исследовательских корпусов, построенных по удобным архитектурным проектам и с достаточными средствами, весь комплекс зданий был довольно уродлив.

Но немногие люди придавали значение внешнему виду корпусов. Общее впечатление от комплекса зданий было чем-то большим, чем суммой восприятия отдельных архитектурных уродств, и скрашивалось разнообразными эмоциями вызываемыми этим местом. Ведь здания не являлись просто зданиями. Они были известны как Бостонский Мемориальный госпиталь, заключающий в себе все тайны и чудеса современной медицины. Когда не сведущие в медицине люди приближались к Мемориалу, страх и возбуждение у них смешивались в двойственное чувство. Ну а для профессионалов Мемориал был Меккой современной академической медицины.

Окружение госпиталя также не прибавляло ему привлекательности. С одной стороны располагался клубок железнодорожных путей, ведущих к Северному вокзалу, и кружево

скоростных эстакад, образующих стальные скульптурные формы. С другой стороны располагались кварталы современных застроек. Их вид наводил на мысль о прославленной коррупции Бостонского муниципалитета. Эти здания из-за скудности своего внешнего оформления напоминали жилища для бедных. Но, тем не менее, квартплата там была высока, и только обеспеченные люди могли позволить себе жить здесь. Фасад госпиталя выходил на угол Бостонской гавани, вода в которой напоминала черный кофе, перемешанный с канализационными стоками. Обособленно от госпиталя находилась цементная спортивная площадка, усыпанная порванными газетами.

К 7.30 утра этого дня все операционные в Мемориале жужжали от переполнявшей их деятельности. В интервале не более пяти минут двадцать один скальпель коснулся незащитной человеческой кожи, и началась привычная рутина операций. Теперь судьба больных зависела от того, что будет или не будет сделано, что будет или не будет обнаружено в этих комнатах. Все это происходило с огромной скоростью, которая не должна была снижаться до двух-трех часов дня. К восьми-девяти вечера должны были функционировать только две операционные, и часто работа в них продолжалась до очередного марш-броска в 7.30 на следующее утро.

Роскошная тишина, царившая в комнате отдыха для хирургов, резко контрастировала с суматохой в оперблоке. В комнате отдыха находилось только два человека, так как обычно для хирургов перерыв на чашку кофе начинался только после девяти утра. Рядом с раковиной умывальника стоял мужчина болезненного вида, казавшийся значительно старше своих шестидесяти двух лет. Стараясь не притрагиваться к двадцати с лишним кофейным чашкам, оставленным своими владельцами на половину наполненными водой, он делал вид, что чистит раковину. Его звали Вальтерс, хотя не многие знали, имя это или фамилия. Его полное имя звучало как Честер П. Вальтерс, и уж вовсе никто, даже сам Вальтерс, не знал, что означает буква П. Он был служащим оперблока Мемориала с шестнадцати лет, и никто не отваживался уволить его, несмотря на то, что он почти ничего не делал. Он говорил, что у него плохое здоровье, и, действительно, выглядел он неважно. Его кожа отличалась пастозной бледностью, и каждые несколько минут он кашлял. При этом влажная мокрота

клокотала в его бронхах, но он никогда не мог прокашляться. Это выглядело так, как будто он боялся потревожить сигарету, которая постоянно торчала в правом углу его рта. Половину времени он занимался тем, что вздергивал голову налево, чтобы дым сигареты не раздражал ему глаза.

Другим обитателем комнаты отдыха был хирург-ординатор Марк Г. Беллоуз. "Г" означало Гальперн – девичью фамилию его матери. Марк Беллоуз был занят тем, что старательно писал что-то в желтом блокноте. Кашель и сигарета Вальтерса безумно мешали Беллоузу, и он каждый раз вскидывал глаза, когда Вальтерс заходил в очередном приступе кашля. Для Беллоуза было совершенно непостижимо, как человек может причинять своему здоровью столько вреда и продолжать вести такой образ жизни. Сам Беллоуз никогда не курил. Для него было также непонятно, как Вальтерс мог продолжать работать в оперблоке несмотря на свой вид, характер и на то, что он ни черта не делал. Хирургическое отделение в Мемориале было венцом современной хирургии, и удостоиться чести состоять в его штате было, по мнению Беллоуза, то же, что сподобиться нирваны. Самому Беллоузу пришлось долго и с трудом добиваться ординатуры в Мемориале. И вот, в самом центре всего этого великолепия, находился, как говорил Беллоуз своим коллегам-ординаторам, этот упырь. Это было ни с чем не сравнимой насмешкой.

При обычных обстоятельствах Марк Беллоуз должен был бы находиться в одной из двадцати одной операционных, руководя или ассистируя какому-нибудь акту происходящего там членовредительства. Но 23 февраля он вносил фамилии пяти студентов медицинской школы в свой план работы. В настоящее время Беллоуз был прикреплен к Беард-5, что означало пятый этаж крыла Беард. Это был, вероятно, самый лучший способ ротации обязанностей у хирургов. И в качестве прикрепленного к Беард-5 ординатора Беллоуз в настоящее время также отвечал за работу в отделении интенсивной терапии, относящемся к оперблоку.

Беллоуз, не глядя, протянул руку к соседнему столу и взял с него чашку с кофе. Он шумно отхлебнул кофе и вдруг внезапно поставил ее обратно. Марк подумал о своем коллеге ординаторе, который мог бы неплохо прочитать лекцию студентам, и быстро вписал его имя в блокнот. Перед ним на низком столике лежал список студентов. Он

поднес его к глазам и вновь изучил имена пяти студентов: Джордж Найлз, Харви Гольдберг, Сьюзен Уилер, Джоффри Файрвизер III и Пол Карпин. Только два имени вызывали у него какие-то ассоциации. Имя Файрвизера заставило его улыбнуться и вызвало в его воображении образ избалованного стройного юноши в очках, рубашке от "Братьев Брукс" и с одной из самых длинных в Новой Англии родословных. Другое имя, Сьюзен Уилер, остановило его взгляд, так как Беллоуза вообще привлекали женщины. И он имел основания полагать, что, в свою очередь, также является привлекательным для женщин. В конце концов, он обладал атлетической фигурой и профессией врача. Социальные воззрения Беллоуза вовсе не были утонченными, скорее, они были наивными, как у большинства его коллег врачей. Глядя на имя Сьюзен Уилер, Беллоуз представлял, что особь женского пола среди его студентов хоть немного скрасит его существование в ближайший месяц. Но он не пытался нарисовать себе образ Сьюзен Уилер, так как трезвый голос рассудка говорил ему, что этого не стоит делать.

Марк Беллоуз работал в Мемориале уже два с половиной года. Его дела шли прекрасно, и он был уверен, что программа его обучения скоро завершится. Действительно, все выглядело так, как если бы у него были реальные шансы стать лучшим среди ординаторов, если и дальше все пойдет гладко. Ему поручили вести группу студентов, а это было хотя и хлопотным, но благоприятным знаком. Этот неожиданный для Марка поворот дела был результатом того, что Хью Кейзи заболел гепатитом. Хью Кейзи был одним из старших ординаторов, и в его обязанности входило проведение занятий с двумя группами студентов медицинской школы на протяжении года. Заболел он три недели назад. Сразу после этого Беллоузу было велено прийти в приемную доктора Говарда Старка. Поначалу Беллоуз не связал этот вызов к шефу отделения хирургии с болезнью Кейзи и лихорадочно пытался припомнить все свои возможные грехи, чтобы подготовиться к предполагаемому выговору. Но Старк оказался очень любезен и хвалил Беллоуза за его работу в последнее время. После неожиданно приятных слов Старк спросил, не хотел бы Беллоуз взять себе группу студентов, предназначенную для Кейзи. Честно говоря, Беллоуз предпочел бы отказаться от этого, если бы приказ не исходил от самого Старка, хотя и был облечен в форму предложения. В такой ситуации

отказ стал бы для него профессиональным самоубийством, и Беллоуз осознавал это. Он понимал, что оскорбленный неподчинением Старк может отплатить ему, и поэтому согласился, выказав надлежащую степень энтузиазма.

И сейчас с помощью линейки Беллоуз заполнял первую страницу своего блокнота квадратиками со стороной примерно в два с половиной сантиметра. В дальнейшем он намеревался вписывать в них даты тех примерно тридцати дней, пока студенты останутся на его попечении. В каждом квадратике он выделял часть для первой половины дня и часть для второй. Он хотел утренние лекции читать сам, а лекции после полудня собирался предложить своему коллеге. Беллоуз хотел заранее составить план лекций, чтобы не было накладок и повторений.

Неделю назад Беллоузу исполнилось двадцать девять лет. Но по его внешнему виду было трудно догадаться о его возрасте. Его кожа была необычайно гладкой для мужчины, и он находился в превосходной физической форме. Практически каждый день он пробегал трусцой две-три мили. Единственным видимым подтверждением того, что ему уже почти тридцать, были чуть-чуть поредевшие волосы на макушке и уже немного отступившая линия волос на висках. Глаза у Беллоуза были голубые, а над ушами проступала еле различимая седина. У него было приятное лицо, и он был наделен завидным качеством располагать к себе людей. Большинству окружающих Марк Беллоуз нравился.

К Беард-5 были прикреплены еще два врача-интерна. В соответствии с новой терминологией их следовало называть ординаторами первого года, но Беллоуз и большинство остальных ординаторов продолжали называть их интернами. Это были Даниель Картрайт из университета Джона Гопкинса и Роберт Рейд из Йеля. Они стали интернами в прошлом июле и с тех пор прошли уже долгий путь. Но к этому февралю они оба начали испытывать знакомую всем интернам депрессию. С начала года прошло много времени, и чувство уникальности своей роли, как и ужас ответственности за свои действия у них уже изрядно притупились, а с другой стороны, до конца года, когда они заработают право сбросить груз еженочных вызовов, оставалось еще порядочно. Таким образом, они также требовали своей доли внимания со стороны Беллоуза. Картрайт в настоящее время

работал в блоке интенсивной терапии, а Рейд – в оперблоке. Беллоуз решил использовать обоих для занятий со студентами. Картрайт преуспевал немножко больше и мог оказаться в этом смысле полезнее. Рейд был чернокожим и последнее время стал больше изводиться по поводу цвета своей кожи, чем по поводу своих обязанностей интерна. Этот симптом был тоже характерен для февральского уныния, но Беллоуз решил, что и по этой причине Картрайт скорее сможет помочь ему со студентами.

– Жуткая погода, – сказал Вальтерс, обращаясь к Беллоузу в довольно развязанной манере.

Вальтерс всегда так говорил, потому что для него любая погода была жуткой. Единственными климатическими условиями, при которых он мог бы почувствовать себя комфортно, были двадцать пять градусов тепла и тридцатипроцентная влажность воздуха. Тепло и сухой воздух благотворно влияли на больные бронхи Вальтерса. Но климат в Бостоне редко втискивался в столь строгие границы, и погода для Вальтерса всегда была гнусной.

– Угу, – неопределенно пробурчал Беллоуз, с трудом перенося свое внимание на происходящее вокруг него.

Большинство людей согласились бы с Вальтерсом по поводу погоды. Небо было обложено несущимися серыми тучами. Но Беллоуз вообще не думал о погоде. Внезапно он понял, что даже с удовольствием ждет своих студентов. Он решил, что, может быть, они помогут ему в его стажировке. И в этом случае время будет проведено не так уж и бездарно. В конце концов, рассуждая по-макиавеллевски, он должен стать на позиции Мемориала. Ведь конкуренция нынче жестокая.

– На самом деле, Вальтерс, это моя любимая погода, – сказал Беллоуз, поднимаясь со стула и не слишком благородно передразнивая кашель Вальтерса.

Сигарета Вальтерса дернулась в углу его рта, и он посмотрел на Беллоуза. Но прежде, чем он смог ответить, Беллоуз уже был за дверью комнаты отдыха. Он направлялся к своим пяти студентам. Сейчас он был убежден, что сможет обратить эту доуку в свою пользу.

Понедельник, 23 февраля

9 часов 00 минут

Сьюзен Уилер приехала в госпиталь из студенческого общежития на "Ягуаре" Джеффри Файрвизера. Это бала старая модель X150, и только трое пассажиров могли сесть в нее. Пол Карпин был другом Файрвизера и поэтому оказался третьим счастливым, севшим в "Ягуар". Джорджу Найлзу и Харви Гольдбергу пришлось испытать на себе все прелести поездки в общественном транспорте в час пик, чтобы добраться до назначенной на девять утра встречи с Марком Беллоузом.

Но раз уж "Ягуар" тронулся с места, что само по себе было нелегким испытанием для английского мотора, то, разогнавшись, он покрыл четыре мили за приличное время. Уилер, Файрвизер и Карпин подошли к главному входу Мемориала в 8.45. Двое других, оставшихся на остановке поджидать чуда явления общественного транспорта, одолели это расстояние за тридцать минут и прибыли в 8.55. Встреча с Беллоузом должна была состояться в ординаторской в Беард-5. Никто из пяти студентов не знал, как добраться до этой чертовой ординаторской. Входя в здание, все они надеялись, что судьба доведет их до нужного места. У студентов медицинской школы после двух лет ежедневного высидивания на многочасовых лекциях в характере появилась изрядная пассивность. Кое-как они добрались до главного лифтового холла. Уилер, Файрвизер и Карпин решили подняться в Беард-5 на лифтах крыла Томпсона, расположенных прямо напротив главного входа. Беспорядочно расположенные корпуса делали Мемориал настоящим лабиринтом.

– Я не уверен, что это место мне когда-нибудь понравится, – довольно спокойно сказал Джордж Найлз Сьюзен Уилер, когда группа втискивалась в переполненный в утренний час пик лифт.

Сьюзен вполне поняла, что он подразумевал под этим. Если ты не очень-то и хочешь идти куда-то, да еще и не можешь найти это место, это не улучшает настроения. К тому же все пятеро студентов испытывали острую неуверенность в себе. Они все знали, что Мемориал является самым знаменитым госпиталем, где обучают

студентов, и по этой причине стремились попасть сюда. Но одновременно они чувствовали себя бесконечно далеко от сложившегося в их воображении образа врача, призванного принимать взвешенные решения. Хотя их белые халаты вроде бы и позволяли относить их к медицинскому сообществу, их способность участвовать даже в элементарных взаимоотношениях между врачом и больным была равна нулю. Стетоскопы, свисавшие у них из левого кармана, они опробовали только друг на друге или на специально подобранных пациентах. Их память, отягощенная биохимическими формулами типа процесса гликолиза, также не могла помочь им в решении практических проблем.

Но они все-таки были студентами одной из лучших медицинских школ в стране и уже поэтому представляли из себя хотя бы нечто. Эта иллюзия поддерживала их, пока лифт нес их через этажи к Беард-5. На втором этаже двери открылись, чтобы выпустить врача в хирургическом костюме в Беард-2. Пятеро студентов бросили беглый взгляд на кипевшую в оперблоке работу.

Выбравшись из лифта на пятом этаже, они начали поворачиваться в разные стороны, не зная, в каком направлении им следует идти. Сьюзен повела за собой группу, направившись по коридору к сестринскому посту. Как и оперблок внизу, пост напоминал жужжащий улей. Палатный регистратор, приклеившись правым ухом к телефонной трубке, записывал результаты утренних анализов крови. Старшая медсестра Терри Линквист проверяла предоперационные назначения, чтобы удостовериться, что больным, которых вызовут на операцию в течение ближайшего часа, сделана премедикация. А шесть медсестер и три помощницы сестер бегали, доставляя в оперблок подготовленных больных или ухаживая за больными, уже прибывшими из операционных. Сьюзен Уилер решительно отправилась в сторону этой суматохи, стараясь держаться уверенно и тщательно скрывая робость. Палатный регистратор показался ей самым подходящим для того, чтобы спросить дорогу.

– Извините, вы не могли бы сказать мне... – начала Сьюзен.

Регистратор поднял навстречу Сьюзен руку.

– Повторите, пожалуйста, показатель гематокрита еще раз. Здесь просто преисподняя, – воскликнул он в трубку, зажатую между плечом и подбородком. Он сделал запись в блокноте перед собой. – Еще этому

пациенту был назначен азот мочевины крови. – Он взглянул на Сьюзен, осуждающе покачивая головой, выслушивая своего собеседника. Затем его глаза опять уперлись в историю болезни. – Естественно, я уверен, что азот был назначен. – Он с несчастным видом просмотрел историю и нашел лист назначений. – Я лично заполнял направление в лабораторию. – Он еще раз проверил лист назначений. – Послушайте, доктор Нидем сделает из вас котлету, если здесь не будет азота... Что?.. Хорошо, если у вас не хватает сыворотки для анализа, оторвите свою задницу от стула, поднимитесь и возьмите еще. Этот больной назначен на одиннадцать часов. И еще насчет Бермана, у вас уже готов его анализ? Естественно, он мне нужен!

Регистратор поднял глаза на Сьюзен, продолжая держать трубку между плечом и ухом.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он быстро.

– Мы студенты медицинской школы, и я хотела бы узнать...

– Вам лучше спросить у мисс Линквивист, – внезапно сказал регистратор, склонился над своими бумагами и стал с сумасшедшей скоростью вписывать какие-то цифры. Затем он сделал небольшую паузу и указал Сьюзен карандашом на Терри Линквивист.

Сьюзен оглядела Терри и заметила, что та всего четырьмя-пятью годами старше ее. Она привлекала своим пышущим здоровьем обликом, но, на взгляд Сьюзен, была толстовата. На вид она была занята не меньше, чем регистратор, но Сьюзен не нашлась что возразить. Бросив быстрый взгляд на свою группу, она поняла, что та определенно не проявляет никакого желания перехватить инициативу, и подошла к мисс Линквивист.

– Простите, – вежливо сказала Сьюзен, – мы студенты, и нам назначено явиться...

– О, нет, – прервала ее Терри Линквивист, глядя на Сьюзен и быстро прикладывая тыльную часть ладони ко лбу, как будто ее поразил внезапный приступ мигрени. – Только этого мне не хватало, – сказала Терри, обращаясь к стенке и подчеркивая каждое слово. – В один из самых загруженных дней в году мне преподносят очередную пачку студентов. – Она повернулась к Сьюзен и посмотрела на нее с очевидным раздражением. – Пожалуйста, не мешайте мне сейчас.

– Я вовсе не хотела вам мешать, – защищаясь, ответила Сьюзен, – Я только надеялась, что вы скажете мне, где здесь в Беард-5

расположена ординаторская.

– Через эти двери напротив главного поста, – сообщила Терри, слегка смягчаясь.

Когда Сьюзен повернулась и пошла к своей группе, Терри Линквивист подозвала одну из медсестер и сказала ей:

– Вы не поверите, Нэнси, но сегодня тот еще денек. Догадайтесь, что нам досталось?.. Мы заполучили очередную группу этих "зеленых" студентов.

Чуткие уши Сьюзен уловили тяжкие вздохи, несущиеся со стороны персонала Беард-5.

Сьюзен обошла стойку регистратора. Он все еще висел на телефоне и что-то писал. Она направилась к двум простым белым дверям напротив поста. Остальные студенты потянулись за ней.

– Комитет по торжественной встрече, – прокомментировал Карпин.

– Да-а, настоящий прием с красной дорожкой, – протянул Файрвизер.

Несмотря на неуверенность, студенты все еще считали себя важными персонами.

– А... пара дней, и медсестры будут есть из наших рук, – самодовольно сказал Гольдберг.

Сьюзен повернулась и полоснула Гольдберга презрительным взглядом, но тот ничего не заметил. Гольдберг вообще упускал тонкие социальные нюансы межличностного общения. Впрочем, некоторые нюансы были не такие уж и тонкие.

Сьюзен толкнула вращающиеся створки дверей. Ординаторская хирургов была завалена старыми книгами, разными бумагами, невымытыми чашками из-под кофе, разнообразными иглами и другими приспособлениями для внутривенного вливания. Вдоль всей левой стены шла стойка высотой с письменный стол, посреди которой стояла большая электрическая кофеварка. В дальнем конце комнаты виднелось окно без занавесей, с грязными от бостонского смога стеклами. Скучный февральский свет просачивался через стекло, образуя тусклое пятно на старом линолеумном полу. Так что освещение комнаты целиком зависело от люминесцентных ламп дневного света на потолке. На правой стене была видна доска объявлений, заполненная записками, напоминаниями и извещениями.

Рядом висела черная школьная доска, покрытая тонкой меловой пылью. Посреди комнаты выстроились школьные кресла с небольшими пюпитрами для письма, смонтированными на правой ручке. Одно из них было выдвинуто вперед и стояло перед доской. Беллоуз сидел в этом кресле и, когда студенты гуськом втянулись в комнату, демонстративно посмотрел на наручные часы. Этот жест явно предназначался студентам, и они его мгновенно поняли, особенно Гольдберг, который всегда трепетно относился ко всем обстоятельствам, которые могли повлиять на его средний балл.

В течение нескольких мгновений никто не произнес ни слова. Беллоуз выдерживал эффектную паузу. Ему еще не приходилось общаться со студентами, но, исходя из собственных представлений, он полагал, что должен именно так; поддерживать свой авторитет. Студенты молчали, так как им было не по себе, и мысли их путались.

– Сейчас двадцать минут десятого, – сказал Беллоуз, по очереди оглядывая каждого студента. – Встреча была назначена на девять ровно, а не на девять двадцать. – Студенты пытались стоять абсолютно неподвижно, стараясь не привлечь к себе персонального внимания Беллоуза. – Я полагаю, что вам следовало бы встать сегодня с правой ноги, – веско продолжал Беллоуз. Он тяжело поднялся и взял в руку кусочек мела. – Существует одна вещь в хирургии, особенно в хирургии Мемориала, которую вам следовало бы знать. Все должно происходить вовремя. Вам нужно зазубрить это наизусть, иначе ваше пребывание здесь будет... – Беллоуз подыскивал подходящее слово, постукивая кусочком мела о доску. Он взглянул на Сьюзен Уилер и на мгновение замялся. Затем перевел взгляд на окно и закончил: – ...малоприятным, как погода зимой.

Беллоуз снова посмотрел на студентов и начал свою заранее подготовленную вступительную речь. Говоря, он ощупывал взглядом их лица. Он был уверен, что определил, кто из них Файрвизер. Его привели к этому заключению очки в узкой роговой оправе янтарного цвета. И, вероятно, он узнал Гольдберга. Лица двоих других юношей ничего ему не говорили. Он рискнул еще раз посмотреть на Сьюзен и вновь испытал мгновенное смущение. Беллоуз не был подготовлен к тому, что девушка окажется такой красивой. На ней были надеты темно-синие брюки, аккуратно облегавшие ее бедра, светло-синяя рубашка в оксфордском стиле, вокруг шеи был повязан сине-красный

шелковый шарф. Белый халат был расстегнут. Четко обрисованная грудь во всеуслышание заявляла об ее поле, и Беллоуз как-то не мог совместить сей факт с теми планами, которые он уже успел составить в отношении студентов. Поэтому в дальнейшем он старался избегать смотреть на Сьюзен.

– Вы будете прикреплены к Беард-5 в течение только одного месяца из трех вашего цикла по хирургии, – произнес Беллоуз, переходя на монотонный речитатив, ассоциировавшийся у него с преподаванием медицины. – В некотором смысле это преимущество, но, с другой стороны, это и не очень удобно, впрочем, как это бывает со многими вещами в жизни.

Карпин было дернулся при столь неуклюжей попытке пофилософствовать, но, заметив, что его никто не собирается поддержать, сдержался.

Беллоуз, остановив взгляд на Карпине, продолжил:

– Цикл в Беард-5 включает в себя практику в отделении интенсивной терапии. Там вы сможете быстро чему-то научиться. Это хорошая сторона. Отрицательная сторона состоит в том, что вы окажетесь в этом отделении слишком рано, не имея никакого клинического опыта. Насколько я понимаю, это ваш первый клинический цикл, не правда ли?

Карпин стрельнул глазами по сторонам, чтобы убедиться, что вопрос адресован именно ему.

– Мы... – его голос сорвался, и он откашлялся. – Совершенно верно, – наконец произнес он с некоторым усилием.

– Блок интенсивной терапии – БИТ, – продолжил Беллоуз, – это место, где вы все должны многому научиться, является самым напряженным участком процесса лечения больного. Все назначения, которые вы сделаете больным, должны быть одобрены мной или одним из двух врачей-интернов этого отделения, с которыми вы сегодня познакомитесь. Ваши назначения в БИТ должны контролироваться нами в момент их написания. Назначения пациентам в палатах могут быть одобрены по мере накопления в течение дня. Понятно?

Беллоуз оглядел каждого студента, в том числе и Сьюзен. Сьюзен возвратила ему взгляд, не меняя нейтрального выражения лица. Ее первое впечатление о Беллоузе не было особенно благоприятным. Его

манеры показались ей искусственными, а мини-лекция по пунктуальности, казалось, несколько предвосхищала события. Монотонный тон его замечаний, философские потуги укладывались в представления Сьюзен о личности хирурга, которые она получила из разговоров к прочитанного, как о лабильной, самовлюбленной, чувствительной к критике и, в довершение всего, туповатой личности. Сьюзен не думала о Марке Беллоузе как о мужчине. Такая мысль даже не промелькнула у нее.

– Сейчас, – произнес Беллоуз тем же искусственным речитативом, – я вручу вам ксерокопии набросанного в общих чертах плана, которого мы будем придерживаться во время вашей практики в Беард-5. Пациенты в БИТ и в палатах будут распределены между вами, и вы приступите к изучению историй болезни под руководством интерна, ведущего больных. Что касается поступающих в отделение больных, мне бы хотелось, чтобы вы составили ваши собственные планы и распределили их между собой справедливо. Кто-то из вас будет производить полный первичный осмотр поступивших больных. Что касается ночных вызовов, то я бы хотел, чтобы, по крайней мере, один из вас оставался здесь на ночное дежурство. Это значит, что каждый из вас будет дежурить одну ночь из пяти, и это не должно вас слишком обременить. В самом деле, это в порядке вещей. Остальные в это время могут задерживаться до вечера, это похвально, но, как минимум, один должен быть здесь ночью. Найдите сегодня время, соберитесь вместе и составьте мне план, кто когда будет дежурить. Обходы в БИТ начинаются в 6.30 утра. Я бы хотел, чтобы к этому времени вы бы уже посмотрели своих пациентов, собрали всю информацию, необходимую для обхода. Это понятно?

Файрвизер с испугом уставился на Карпина. Он наклонился и прошептал ему на ухо:

– Бог мой, мне придется вставать раньше, чем я ложусь спать!

– У вас возникли какие-нибудь вопросы, мистер Файрвизер? – спросил Беллоуз.

– Нет, – торопливо ответил Файрвизер. Он был напуган тем, что Беллоуз знал его имя.

– Что касается сегодняшнего утра, – продолжил Беллоуз, снова бросая взгляд на свои часы. – Сначала я отведу вас в палаты и представлю сестринскому персоналу, который, как я уверен, уже

трепещет при мысли о встрече с вами, – добавил Беллоуз с кривой усмешкой.

– Мы уже оценили их радость, – произнесла свои первые слова Сьюзен. Ее голос заставил Беллоуза посмотреть в ее сторону. – Мы, естественно, не ожидали духового оркестра в честь нашего прибытия, но и не думали, что встретим такой холодный прием.

Внешность Сьюзен уже слегка вывела Беллоуза из равновесия, а сейчас ее голос заставил его пульс биться чаще. Он напомнил ему времена в колледже, когда он наблюдал за девушками-болельщицами из групп поддержки игроков и желал, чтобы на них было поменьше одежды. Беллоуз подыскал слова для ответа:

– Мисс Уилер, вам необходимо понять, что медсестры здесь прежде всего заинтересованы в одной вещи.

Найлз подмигнул Гольдбергу, но тот не понял, на что он намекает.

– И эта вещь – лечение больных, чертовски хорошее лечение больных. А с приходом новых студентов или интернов эту цель становится труднее выполнять. Из своего собственного опыта они могли понять, что новый персонал в госпитале может быть смертельнее всех бактерий и вирусов, вместе взятых. Поэтому не ждите, что кто-нибудь будет здесь приветствовать вас как спасителей, особенно медсестры.

Беллоуз сделал паузу, но Сьюзен не отвечала. Она думала о словах Беллоуза. По крайней мере, он оказался реалистом, и это внушало ей некоторую надежду, несмотря на плохое впечатление, которое она произвела на него.

– После того, как вы посмотрите палаты, мы пойдем в оперблок. Там в 10.30 назначена операция на желчном пузыре, и у вас будет шанс примерить хирургический костюм и осмотреть оперблок изнутри.

– И там нам дадут подержаться за ранорасширитель, – добавил Файрвизер. В первый раз с начала встречи атмосфера разрядилась, и все рассмеялись.

* * *

Внизу, в оперблоке, доктор Дэвид Коули был страшно зол и не щадил никого. Операционная медсестра начала рыдать еще до того,

как закончилась операция и больного нужно было вывозить из операционной. Ординатору-анестезиологу пришлось выдержать массированную бомбардировку из грязных ругательств и оскорбительных эпитетов, так что он попытался спрятаться за анестезиологическим экраном. Хирург-ординатор, первый раз ассистировавший на операции, получил небольшой порез на правом указательном пальце от скальпеля доктора Коули.

Доктор Коули был одним из процветающих общих хирургов в Мемориале, у него был собственный просторный кабинет в Беард-10. В Мемориале он обучался, вырос как хирург и практиковал. Когда дела у него шли гладко, он был очаровательным малым, шутил и рассказывал неприличные анекдоты, охотно консультировал, заключал пари, смеялся. Но когда дела его развивались не так, как он хотел, становились явными самые порочные стороны его натуры, он легко вскипал и сыпал ругательствами. Короче говоря, это был подросток в облике взрослого человека.

Сегодняшняя операция прошла у него из рук вон плохо. Началось с того, что операционная сестра подала ему не те инструменты. Она подготовила на операционном столике инструменты для операций на желчном пузыре, которыми обычно пользовались ординаторы. Доктор Коули отреагировал на это тем, что взял в руки лоток с инструментами и швырнул его на пол. Затем по телу больного прошла дрожь, когда доктор делал первый разрез. И только величайшим усилием воли доктору Коули удалось обуздать горячее желание запустить скальпелем в анестезиолога. В довершение ко всему ему не удалось получить рентгеновские снимки в нужный момент операции. Злоба доктора Коули так выбила из колеи несчастного лаборанта переносного рентгеновского аппарата, что первая пара снимков получилась совершенно черной.

Но почему-то доктор Коули забыл настоящую причину неудачи сегодняшней операции. Коули сам случайно повредил артерию, питающую кровью желчный пузырь, рядом с местом, где она ответвлялась от печеночной артерии. Рана за несколько секунд наполнилась кровью. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы ушить сосуд и не повредить печеночную артерию. Но и даже тогда, когда кровотечение прекратилось, Коули не был полностью уверен, что ему удалось не нарушить кровоснабжение печени.

Входя в пустынную ординаторскую, Коули рвал и метал. Он продолжал гневно бормотать себе под нос, подходя к своему личному шкафчику. Содрав с себя маску и шапочку, с размаху бросил их на пол. Затем он с силой лягнул ногой свой шкафчик так, что тот задрезжал.

– Хреновые некомпетентные задницы. Это проклятое местечко может катиться ко всем чертям.

Пинок ногой, а вслед за ним и удар кулаком по дверце шкафчика вызвали несколько эффектов. Во-первых, с крышки шкафчика в воздух поднялась туча пыли, которую за пять лет никто не удосужился побеспокоить. Во-вторых, с ноги Коули слетел хирургический тапочек, едва не заехав ему по голове. В-третьих, от сотрясения распахнулась дверь соседнего личного шкафчика, и его содержимое вывалилось наружу.

Коули сначала занялся тапочком. Он запустил им изо всех сил в дальнюю стенку. Затем он пихнул ногой дверцу соседнего шкафчика, собираясь сгрести его содержимое обратно. Но беглый взгляд на внутренности шкафчика заставил Коули замереть.

Вглядевшись внимательнее, доктор Коули с изумлением увидел, что шкафчик содержит богатейшую коллекцию различных медикаментов. Среди упаковок встречались открытые полуиспользованные флаконы и контейнеры, но были также и неначатые. Это была куча ампул, бутылочек и пачек таблеток. Среди валяющихся на полу лекарств Коули увидел демерол, сукцинилхолин, инновар, барокка-С, кураре. А в самом шкафчике были еще и нераспечатанные упаковки с морфием, шприцы, пластиковые трубки и рулончики лейкопластыря.

Доктор Коули быстро подобрал с пола все медикаменты и сложил их в шкафчик. Затем он запер его и вписал в записную книжку цифру 338. Коули собирался выяснить, кому принадлежит этот шкафчик. Несмотря на свой гнев, он начал приходить в себя и осознал, что существование такого тайника может иметь серьезные последствия для госпиталя в целом. А о вещах, которые причиняли ему беспокойство, Коули помнил очень хорошо.

Понедельник, 23 февраля

10 часов 15 минут

Сьюзен Уилер не могла переодеться в хирургический костюм в ординаторской хирургов, так как она была синонимом мужской комнаты. Ей пришлось направиться в раздевалку при комнате отдыха для медсестер, которая была синонимом женской комнаты отдыха. Сьюзен зло подумала, что с подобной дискриминацией придется сталкиваться изо дня в день. Этот вопиющий пример мужского шовинизма заставил ее на мгновение ощутить горечь от такой несправедливости. Раздевалка медсестер была в этот момент пуста. Сьюзен с легкостью нашла пустой шкафчик и начала переодеться, повесив в шкафчик свой белый халат. Рядом со входом в душевую она нашла чистые хирургические костюмы. Они представляли собой хлопчатобумажные цельные комбинезоны бледно-голубого цвета. Это была рабочая одежда операционных сестер. Сьюзен приложила его к себе и, посмотрев на себя в зеркало, внезапно ощутила желание взбунтоваться, невзирая на пугающее окружение.

– Скомкай эту тряпку, – сказала Сьюзен отражению в зеркале.

И когда она снова вошла в холл, смятый хирургический костюм пузырился куполом в парусиновой корзине для грязной операционной одежды. Перед дверью комнаты хирургов она замялась, чувствуя, как теряет самообладание. Наконец Сьюзен решительно толкнула дверь.

Там она увидела Беллоуза, стоявшего очень близко от двери. Видимо, он направлялся к одному из шкафов с выдвигаемыми ящиками для хирургической одежды. На нем красовались кальсоны в джеймсбондовском стиле, как он сам их именовал, и черные носки. Выглядел он сногшибательно, как главный герой в начальных кадрах третьесортного порнофильма. Когда он натолкнулся взглядом на Сьюзен, на лице его отразился дикий ужас. С быстротой молнии он метнулся в безопасную глубину раздевалки. Как и в комнате отдыха медсестер, вход в раздевалку в ординаторской был расположен так, чтобы от двери невозможно было заглянуть туда. Сьюзен, одержимую мятежным духом противоречия, неожиданная встреча не сбила с пути, она твердо подошла к шкафу с одеждой, выбрала хирургическую

пижаму маленького размера, состоящую из рубахи и брюк, а затем удалилась так же быстро и решительно, как и вошла. Через дверь покинутой ординаторской ей вслед неслись неразборчивые звуки возбужденных голосов.

В раздевалке медсестер она быстро переделалась. И бледно-зеленая рубашка, и хирургические штаны были слишком велики. Так как брюки болтались на ее узкой талии, ей пришлось до отказа затянуть шнурок на поясе. Одновременно она мысленно готовилась к неизбежной обвинительной отповеди Беллоуза, подыскивая аргументы в свою защиту. Во время короткой вступительной речи Беллоуза при знакомстве с персоналом Сьюзен прекрасно поняла, что Беллоуз весьма благоволит медсестрам. Его снисходительное отношение носило несколько иронический оттенок, что проявилось в защитной речи в пользу медсестер, объясняющей отсутствие энтузиазма по отношению к новым студентам. Для Сьюзен было вполне ясно, что Беллоуз, помимо всего прочего, был типичным шовинистом. Она подумала про себя, что ей еще придется сталкиваться с Беллоузом, оспаривая подобный подход. Возможно, это немного разнообразит этот хирургический цикл в Мемориале. Конечно, она не предполагала увидеть Беллоуза в неглиже, но комический образ, запечатлевшийся в памяти Сьюзен, и его символическое значение заставили Сьюзен громко рассмеяться перед тем, как она вошла в оперблок.

– Мисс Уилер, я полагаю... – начал Беллоуз при появлении Сьюзен.

Он стоял, прислонясь к стенке слева от двери, и, очевидно, поджидал появления Сьюзен. Правым локтем он упирался в стену, а ладонью поддерживал голову. Сьюзен прямо подпрыгнула от неожиданности, услышав его голос, так как совсем не ожидала, что он может ее подкараулить.

– ...Я должен сознаться, – продолжал Беллоуз, – вы действительно захватили меня врасплох, буквально без штанов. – Широкая улыбка вдруг осветила лицо Беллоуза, делая его простым и человечным. – Я давно не попадал в такие смешные ситуации.

Сьюзен неопределенно улыбнулась ему в ответ. Она ждала, что сейчас-то и начнется обвинительная тирада.

– После того, как я натолкнулся на вас перед дверью, – продолжал Беллоуз, – я подумал, что с моей стороны было глупо так удирать от

вас. Если бы я так не растерялся, то сообразил, что мне следовало бы отступить с большим достоинством, невзирая на мой костюм... или его отсутствие. В любом случае, все это заставило меня подумать, что сегодня утром я слишком много значения придавал тому, как нужно выглядеть. Я всего лишь ординатор второго года. Вы и ваши друзья – моя первая группа студентов. Что я действительно хочу, так это чтобы ваше пребывание здесь оказалось максимально полезным и для вас и для меня. Чтобы, по меньшей мере, мы все остались довольны.

Улыбнувшись и слегка кивнув головой напоследок, Беллоуз удалился от онемевшей Сьюзен и пошел узнавать, в какой операционной идет операция на желчном пузыре. Сьюзен смотрела ему вслед. Теперь наступила ее очередь смутиться. Владевшие ею злость и возмущение улетучились после внезапного приступа самокритики у Беллоуза. Ее бунтарская выходка показалась ей глупой и неуместной. И то, что вся эта вызванная случайной ситуацией самоаналитическая речь произносилась так искренне, вынудило ее пересмотреть свои первоначальные суждения о Беллоузе. Она провожала Беллоуза взглядом, пока тот шел к главной доске объявлений операционного блока. В этом чуждом ей окружении он явно чувствовал себя как дома. Впервые Сьюзен немного впечатлилась и подумала, что Беллоуз не такой уж плохой, как показался вначале.

Остальные студенты были уже готовы отправиться в операционные. Джордж Найлз показал Сьюзен, как надеть поверх обуви бахилы и подвернуть завязки. Затем она надела колпак и, наконец, маску. Закончив облачаться, студенты миновали стенд с расписанием и через дверь с вращающимися створками прошли в "чистую" зону оперблока.

Сьюзен ни разу до этого не бывала в операционной. Она видела несколько операций через стекла галереи в операционных залах, но те впечатления напоминали телевизионную передачу. Стеклянная перегородка полностью изолировала наблюдателей от происходящей на операционном столе драмы. Никто из них не ощущал себя ее участником. Когда студенты шли по длинному коридору, Сьюзен охватило возбуждение, перемешанное со страхом перед такой очевидной в этом месте человеческой смертностью. Студенты миновали операционные одну за другой, и Сьюзен могла видеть компактные группы людей, склонившихся над тем, что, как она знала,

было спящим пациентом с разъятой операционной раной и выставленными легкоранимыми внутренностями. Идущая навстречу им медсестра тянула операционную каталку, а с другого конца ее толкал анестезиолог. Когда группа приблизилась, Сьюзен увидела, что анестезиолог прозаично придерживает подбородок пациента, которого натужно рвало.

– Я слышал, что в Ватервильской долине навалило метровый слой снега, – говорил анестезиолог операционной сестре.

– Я хочу отправиться туда в пятницу сразу после работы, – откликнулась медсестра, и пара с каталкой прошествовала дальше в послеоперационную.

Образ искаженного лица только что прооперированного больного отпечатался в обострившемся сознании Сьюзен, и она невольно вздрогнула.

Группа остановилась перед операционной номер восемнадцать.

– Постарайтесь свести болтовню к минимуму, – сказал Беллоуз, глядя через окошко в двери операционной. – Пациент уже под наркозом, плохо. Я хотел, чтобы вы увидели, как это делается. Но ничего. Сейчас здесь будет много суеты во время ограничения операционного поля и тому подобного, поэтому стойте около правой стены. Когда они начнут оперировать, встаньте вокруг стола так, чтобы что-нибудь увидеть. И если у вас возникнут вопросы, задайте их позже, о'кей? – Беллоуз посмотрел на каждого студента. Он снова улыбнулся, встретившись взглядом с Сьюзен, и толкнул дверь операционной.

– А, профессор Беллоуз, добро пожаловать! – прогудела крупная фигура, облаченная в стерильный халат, перчатки и стоящая возле рентгеновского аппарата. – Профессор Беллоуз привел свой выводок посмотреть на самые быстрые руки на восточном побережье, – продолжил хирург, смеясь. Он поднял свои руки, пародируя голливудские фильмы, и ненатурально широко развел их в стороны. – Я надеюсь, ты предупредил этих впечатлительных детишек, что спектакль, который они увидят, это редкостное удовольствие.

– Этот медведь, – направляясь к смешливой личности у рентгеновского аппарата, сказал Беллоуз студентам довольно громко, чтобы слышали все в операционной, – есть результат слишком длительного обучения. Это Стюарт Джонсон, один из трех старших

ординаторов. Нам придется мириться с его присутствием четыре ближайших месяца. Он пообещал мне вести себя как цивилизованный человек, но что-то я в этом не очень уверен.

– Ты сам ведешь себя не по-спортивному, Беллоуз, потому что я умыкнул у тебя эту операцию, – продолжая смеяться, сказал Джонсон. – Эй, ребята, пошевеливайтесь, давайте закрывайте больного. Вы что, собираетесь возиться с этим всю свою жизнь?

Ограничение операционного поля быстро закончилось. Маленькая задрапированная металлическая арка нависла над головой пациента и подобно экрану отделила анестезиолога от хирургов. Остался виден лишь небольшой участок верхней части живота пациента справа. Джонсон переместился к правому боку пациента, а один из ассистентов стал слева. Операционная сестра придвинула прикрытый стерильной простыней операционный столик с полным набором инструментов. Стройные ряды сосудистых зажимов выстроились на лотке. Скальпель имел новое, острое как бритва лезвие, защелкнутое в рукоятке.

– Скальпель, – скомандовал Джонсон.

Нож скользнул в его обтянутую перчаткой правую руку. Лево́й рукой он оттянул кожу живота пациента от себя, чтобы погасить усилие разреза. Студенты молча двинулись к столу, с любопытством вытягивая шеи. Все это напоминало приготовление к казни. Они мысленно пытались подготовиться к тем образам, которые угрожали хлынуть в их мозг.

Джонсон, держа скальпель сантиметрах в пяти от бледной кожи, посмотрел вверх шторы-экрана на анестезиолога. Анестезиолог медленно выпускал воздух из манжетки тонометра, глядя на шкалу. 120/80. Он поднял взгляд на Джонсона и едва уловимо кивнул головой, отпуская занесенный нож гильотины. Скальпель глубоко погрузился в ткани и затем беззвучно повернул, скользя в их толще, под углом примерно в сорок пять градусов. Рана раскрылась, и пульсирующие струйки артериальной крови забрызгали операционное поле, но затем иссякли и вовсе исчезли.

Тем временем в мозге Джорджа Найлза наблюдался любопытный феномен. Картина скальпеля, вспарывающего кожу пациента, немедленно передалась в зрительный анализатор в затылочной коре мозга. По ассоциативным нервным волокнам сигнал затем передался в

теменную долю, где произошло его осмысление. Возбуждение из теменной коры начало распространяться так быстро и широко, что затронуло и область гипоталамуса, что, в свою очередь, вызвало расширение кровеносных сосудов в мышцах. Кровь буквально отхлынула от мозга Джорджа, заполняя расширенные сосуды, что и привело к потере Джорджем Найлзом сознания. Он свалился в обмороке, упав на спину. И его голова с резонирующим звуком стукнулась о виниловый пол.

Джонсон обернулся на раздавшийся звук. Его удивление немедленно переросло в типичную для хирургов быстро возникающую и проходящую злость:

– Ради Христа, Беллоуз, уведи этих детишек отсюда, пока они не научатся выносить вид нескольких эритроцитов.

Качая головой, он снова стал орудовать кровоостанавливающими зажимами.

Медсестра, развозящая больных, сунула под нос Джорджу ампулу с резким запахом нашатырного спирта, мгновенно вернувшем ему сознание. Беллоуз склонился над ним, подложив руку под его шею и затылок. Как только Джордж полностью пришел в себя, он сел на полу, удивившись, как он здесь очутился. Осознав происшедшее, он совершенно смутился.

Джонсон тем временем не давал злости остыть:

– Какого черта, Беллоуз, ты не сказал мне, что эти студенты совсем еще зеленые? Я имею в виду, что бы произошло, если бы мальчик упал мне прямо в операционную рану?

Беллоуз ничего не ответил. Он помог Джорджу потихоньку встать на ноги, пока не убедился, что с ним все в порядке. Затем он жестом показал группе на выход из восемнадцатой операционной.

Перед тем как за ними закрылась дверь операционной, они услышали, как Джонсон гневно орет на одного из младших ординаторов:

– Вы здесь, чтобы помогать или чтобы мешать?..

Понедельник, 23 февраля

11 часов 15 минут

Гордость Джорджа Найлза никогда еще не была так уязвлена. Хотя кожу он не рассек, но на затылке у него выросла здоровенная шишка. Сотрясения мозга он также не получил, так что с памятью у него было все в порядке. И она услужливо напомнила ему все, что произошло перед обмороком. Это происшествие испортило настроение всей группе. Беллоуз нервничал, потому что этот обморок ставил под сомнение правильность его решения вести группу на операцию в первый же день. Джордж Найлз беспокоился, так как боялся, как бы такие истории не стали происходить всякий раз, когда ему придется присутствовать при операциях. Остальные тоже приуныли, так как в студенческой группе поступки любого отражались на настроении и поступках остальных. На Сьюзен же не сам обморок произвел наибольшее впечатление – Сьюзен была больше огорчена внезапной и неожиданной реакцией и резким изменением поведения Джонсона и, хотя и в меньшей степени, Беллоуза. Только что они были веселы и дружелюбны, и через миг стали злы, почти мстительны, всего лишь из-за незапланированного хода событий.

В сознании Сьюзен вновь воскресли предубеждения против хирургов. Может быть, в таких обобщениях и есть доля истины.

В раздевалке они переоделись в свою одежду, а потом в ординаторской выпили по чашке кофе. "А кофе, как ни странно, совсем неплох", – подумала Сьюзен, пытаясь что-то разглядеть сквозь густой дым от выкуренных сигарет, который завис на высоте полутора метров над полом и поднимался до потолка, как смог над Лос-Анджелесом. Сьюзен не думала о присутствующих в ординаторской, пока ее глаза не наткнулись на пристальный взгляд мужчины с пастозно-бледной кожей, плавающий в дыму в углу комнаты над раковиной. Это был Вальтерс. Сьюзен отвела глаза, но затем снова посмотрела в его сторону, полагая, что, в действительности, этот человек и не думает наблюдать за ней. Не тут-то было. Его глазки-бусинки прожигали насквозь табачный дым. Неизменная сигарета висела, прилипнув к самому краю рта. От столбика пепла на кончике сигареты вилась вверх

струйка дыма. По какой-то неведомой ассоциации он напомнил Сьюзен Квазимодо из "Собора Парижской Богоматери", только без горба: нелепая омерзительная фигура, как ни странно, чувствовала себя как дома в хирургическом корпусе Мемориала. Сьюзен старалась смотреть в сторону, но ее глаза, как магнитом, притягивались неприятным пристальным взглядом Вальтерса. Сьюзен обрадовалась, когда Беллоуз кивнул в направлении выхода, и все они отставили свои чашки из-под кофе. Дверь находилась рядом с умывальником, и, когда группа покидала комнату, Сьюзен почти физически ощутила, как ее путь пересекается с взглядом Вальтерса. Вальтерс кашлянул и флегматично прохрипел: "Жуткий денек, мисс, не правда ли?", – когда Сьюзен проходила мимо.

Сьюзен не ответила. Она с облегчением избавилась от сверлящих глаз. Вот еще один аргумент в пользу ее нарождающегося отвращения к хирургическому миру Мемориала.

Группа дружно шагала к БИТу. Его большие двери закрылись за студентами, и внешний мир поблек и исчез. Незнакомая сюрреалистическая обстановка начала выплывать из мрака, когда глаза студентов стали адаптироваться к слабому освещению. Обычные звуки, типа голосов и шагов, поглощались звукоизолирующим слоем на потолке. Преобладали механические и электрические шумы: ритмическое попискивание кардиомониторов и шипящий звук ритмичного циклического движения респираторов. Пациенты помещались в отдельных боксах и лежали на высоких кроватях с невысокими бортиками по краям. Вокруг них стояли неизменные внутривенные капельницы, к которым тянулись трубки, с помощью игл связывающие их с кровеносными сосудами. Некоторых пациентов совсем не было видно за слоями повязок, делавших их похожими на мумий. Несколько больных находились в сознании, и их глаза выдавали страх, балансирующий на грани острого психоза.

Сьюзен оглядела комнату. Ее глаза поймали флуоресцирующий след от сигнала, проносящегося через экран осциллографа. Сьюзен понимала, как мало полезной информации она может получить от приборов в силу своего теперешнего невежества. И названия растворов электролитов на флаконах в капельницах, напечатанные на этикетках, не говорили ей ничего. И Сьюзен, и остальные студенты мгновенно ощутили глубоко ранящее чувство собственной

некомпетентности. Оно как бы зачеркивало никчемные два года, бездарно проведенные в медицинской школе.

Чувствуя хотя бы тень спасения в единстве, пятеро студентов, тесно сгрудившись, одновременно подошли к центральному посту. Они тянулись за Беллоузом, как выводок щенков.

– Марк, – позвала одна из сестер БИТа, Джун Шергуд.

У нее были густые белокурые волосы, умные глаза смотрели через довольно толстые стекла очков. Она, несомненно, была довольно привлекательна, и острые глаза Сьюзен тут же заметили изменение в манерах Беллоуза.

– У Уилсона отмечалось несколько ранних желудочковых экстрасистол, и я сказала Дэниэлу, что нам стоит прокапать ему лидокаин, – Шергуд подошла к стойке поста. – Но старина Дэниэл все никак не может составить себе определенное мнение насчет этого, – она протянула ленту электрокардиограммы Беллоузу. – Вот, посмотрите на эти желудочковые экстрасистолы.

Беллоуз посмотрел на пленку.

– Да нет же, не здесь, – продолжила мисс Шергуд, – здесь идут его обычные предсердные экстрасистолы. Вот здесь, справа, – указала она Беллоузу и выжидающе взглянула на него.

– Выглядит так, что ему действительно не помешала бы капельница с лидокаином, – улыбнувшись, сказал Беллоуз.

– Ну я же говорила, – ответила мисс Шергуд. – Я смешала такое количество лидокаина с пятьюстами миллилитрами 5%-го раствора декстрозы, чтобы он получал примерно два миллиграмма в минуту. Капельница уже готова, и я сейчас бегу ее ставить. И вот еще: когда вы будете заполнять лист назначений, запишите туда, что я дала ему еще пятьдесят миллиграмм в таблетке, как только первый раз увидела экстрасистолы. Кстати, вы бы поговорили с Картрайтом. Я имею в виду, что он уже в четвертый раз не может сделать простого назначения. Я не хочу, чтобы мы это замалчивали, а то потом могут быть проблемы.

И мисс Шергуд убежала к больному раньше, чем Беллоуз мог как-то отреагировать на ее речь. Ловко и уверенно она распутала клубок трубок на капельнице, тянущихся к разным флаконам. Приладив капельницу, она начала капельное введение лидокаина, регулируя скорость подачи раствора колесиком под флаконом. Быстрый диалог

между Беллоузом и сестрой не вдохнул жизни в угасающую уверенность студентов в себе. Очевидный профессионализм сестры заставил их почувствовать себя еще более беспомощными. Их также удивили начальственный тон и видимая напористость медсестры, которые были далеки от тех представлений о традиционных профессиональных отношениях между врачами и средним медперсоналом, с которыми им до сих пор приходилось сталкиваться.

Беллоуз вытащил из лотка пухлую больничную историю болезни и положил ее на стол. Затем он сел. Сьюзен увидела имя больного, кому принадлежала история. Нэнси Гринли. Студенты сгрудились вокруг Беллоуза.

– Один из наиболее важных аспектов хирургического лечения, особенно для некоторых пациентов – это регулирование баланса жидкости в организме, – сказал Беллоуз, открывая историю. – И вот эта больная – пример, доказывающий это утверждение.

Дверь БИТа открылась, пропуская в комнату немного света и обычные госпитальные шумы. Вместе с ними в комнату вошел Дэниэл Картрайт, один из врачей-интернов Беард-5. Это был мужчина невысокого, примерно в метр семьдесят, роста. Его белый халат был помят и забрызган кровью. Картрайт носил усы и бороду, но борода не была особенно густой, так что каждый ее волосок хорошо просматривался от корня до кончика. Было видно, что волосы на его макушке редеют, и что он довольно скоро облысеет. Картрайт, очевидно, находился в дружелюбном настроении и направился прямо к группе.

– Привет, Марк, – сказал Картрайт, делая приветственный жест левой рукой. – Мы рано закончили гастрэктомию, поэтому я похожу с вами, сколько смогу.

Беллоуз представил Картрайта студентам и затем попросил его дать сжатое заключение по истории болезни Нэнси Гринли.

– Нэнси Гринли, – механически начал Картрайт. – Белая, 23 лет, поступила в Мемориал примерно неделю назад для проведения операции выскабливания полости матки. Анамнез жизни без особенностей. При стандартном предоперационном обследовании не выявлено никаких отклонений от нормы, тест на беременность отрицателен. Во время операции возникли осложнения при анестезии, у больной развилось коматозное состояние, сохраняющееся по

настоящее время. На электроэнцефалограмме, снятой два дня назад, регистрировалась изолиния. Настоящее состояние стабильно, вес поддерживается, отделение мочи в порядке, давление, пульс, электролиты и остальное – в пределах нормы. Вчера днем наблюдался кратковременный подъем температуры, но дыхание в легких без особенностей. В целом, она, кажется, держится.

– Скорее, мы ее держим, – поправил Беллоуз.

– Двадцать три года? – неожиданно спросила Сьюзен, оглядывая боксы. На ее лице отразилась тень беспокойства, но полумрак БИТа скрыл это от других.

– Двадцать три или двадцать четыре, какая разница, – сказал Беллоуз, прикидывая, как получше подойти к объяснению баланса жидкостей в организме.

Но для Сьюзен разница была.

– Где ее кровать? – спросила Сьюзен, не испытывая полной уверенности в том, что хочет получить ответ.

– В углу слева, – ответил Беллоуз, не отрывая взгляда от страницы из истории болезни, в которой отмечалось количество введенной и выделившейся жидкости. – Необходимо всегда знать точное соотношение количества выделившейся мочи и введенной жидкости. Конечно, однократно зарегистрированные данные малоинформативны, а нас больше интересует динамика показателей. Вот посмотрите сюда, она выделила 1650 миллилитров мочи...

С этого момента Сьюзен не слушала. Ее глаза пытались разглядеть неподвижную фигуру на кровати в углу. С места, где она стояла, можно было увидеть только темное пятно волос, бледное лицо и выходящую изо рта трубку. Трубка соединялась с большим кубическим прибором, который со свистом двигался туда-сюда, дыша за пациентку. Тело больной было укрыто белой простыней, руки были раскинуты поверх простыни под углом примерно в сорок пять градусов от тела. От ее левой руки тянулась трубка капельницы, другая трубка тянулась от шеи с правой стороны. Мрачный эффект усиливался контрастом света от маленькой лампы на потолке, падающего только на голову и верхнюю часть туловища больной, и глубокой тени, в которую было погружено все остальное. И ни малейшего движения, никаких признаков жизни, кроме ритмичного свиста аппарата искусственного дыхания. Еще одна пластиковая

трубка вилась из-под простыни и оканчивалась в мерном сосуде для мочи.

– Также ежедневно мы должны измерять точный вес, – продолжал Беллоуз.

Но его голос входил и выходил из мозга Сьюзен, не затрагивая ее сознание. "Двадцатитрехлетняя женщина..." – крутилось в голове у Сьюзен. Сьюзен, не привыкшую мыслить о больном клинически, отстраненно, затопил поток чисто человеческого сострадания. Возраст и пол Нэнси, сходные с ее собственными, заставили Сьюзен отнестись к больной как к человеческой личности. Раньше, по своей наивности, она связывала такие серьезные осложнения только со старыми людьми, которые уже отжили свое.

– А как давно она арективна? – спросила Сьюзен рассеянно, не отрывая взгляда от больной в углу и даже не моргая.

Беллоуз, прерванный этим внезапным вопросом, повернув голову, взглянул на Сьюзен. Он совершенно не почувствовал ее умонастроения.

– Восемь дней, – ответил Беллоуз, мгновенно раздражаясь из-за того, что перебили его доклад о балансе жидкостей. – Но это не имеет отношения к уровню натрия, который мы сейчас обсуждаем, мисс Уилер. Будьте добры, соберитесь с мыслями. – Беллоуз перенес свое внимание на остальных. – Я думаю, что вы, ребята, уже к концу недели будете сами писать обычные назначения для коррекции водного баланса. Черт, на каком месте я остановился? – Беллоуз вернулся к своим подсчетам ввода-вывода.

Казалось, что Сьюзен тоже наклонится, чтобы следить за столбиками цифр, но она продолжала рассматривать неподвижную фигуру в углу. Сьюзен мысленно перебирала список своих подруг, которым делали выскабливание, и удивлялась, в чем же была особенная участь Нэнси Гринли, трагически отделившая ее от сверстниц. По привычке, она в глубокой задумчивости прикусила нижнюю губу. Так прошло несколько минут.

– Как это случилось? – опять неожиданно спросила Сьюзен.

Голова Беллоуза дернулась вверх во второй раз, но более быстро, как если бы он ждал какую-либо неминуемую катастрофу.

– Как что случилось? – отреагировал он, оглядывая комнату на предмет каких-нибудь неблагоприятных событий.

– Как у больной развилась кома?

Беллоуз выпрямился, закрыл глаза и положил карандаш. Словно считая до десяти, он выдержал паузу.

– Мисс Уилер, мы должны сотрудничать, – сказал Беллоуз медленно и снисходительно. – Вам следовало бы присоединиться к нам. Что касается больной, то это один из случайных поворотов судьбы. Понятно? Прекрасное здоровье... рутинная операция... индукция в наркоз без осложнений. Только она не проснулась. Один из видов гипоксии мозга. Мозг не получил кислород, в котором нуждался. Понятно? Теперь давайте вернемся к работе. Мы будем здесь до полудня учиться записывать назначения, а в полдень будем участвовать в главном обходе.

– Этот тип осложнений бывает часто? – настаивала Сьюзен.

– Нет, – сказал Беллоуз. – Чертовски редко, возможно, один раз на сто тысяч.

– Ей и одной тысячной процента хватило, – добавила Сьюзен с ударением на последнем слове. Беллоуз посмотрел на Сьюзен, не имея ни малейшего представления о том, что движет ею. Человеческое сострадание в случае с Нэнси Гринли перестало быть частью его забот. Беллоуз намеревался поддерживать должный уровень электролитов, следить за выведением мочи и не допускать появления бактерий. Он не желал смерти Нэнси Гринли, во всяком случае, в свое дежурство. Если бы так случилось, то это отразилось бы на качестве его работы и привело к соответствующему комментарию со стороны Старка. Беллоуз слишком хорошо помнил, что Старк сказал Джонсону, когда тот дежурил, после аналогичного случая, закончившегося смертью больного.

Было бы неправильно сказать, что Беллоуз сознательно не относился к Нэнси как к человеческому существу, он просто не имел для этого времени. Кроме того, он уже так много насмотрелся в БИТе, что у него выработалась бесчувственность к тому, что повторялось много раз. Поэтому Беллоуз не усмотрел никакой связи между возрастом Нэнси Гринли и Сьюзен и не вспомнил, что студенты, приобретающие свой первый опыт в клинической среде, особенно эмоционально чувствительны.

– Сотый раз говорю: давайте вернемся к работе, – ближе пододвигая стул к столу и нервно проводя рукой по волосам, сказал

Беллоуз. Он взглянул на часы перед тем, как вернуться к вычислениям. – О'кей, если мы используем четверть-нормальный раствор хлорида натрия, давайте посмотрим, сколько миллиграмм-эквивалентов натрия мы введем с 2500 миллилитрами раствора.

Сьюзен полностью отключилась от общей беседы. Подчиняясь некоей внутренней любознательности, она обошла вокруг стола и подошла к Нэнси Гринли. Она двигалась тихо и осторожно, как если бы подходила к чему-нибудь опасному, впитывая все детали обстановки по мере того, как они становились различимы. Глаза Нэнси были полуоткрыты, и нижний край их голубой радужки был виден. Ее мраморно-белое лицо резко контрастировало с глубоким темным цветом ее волос. Ее губы высохли и потрескались, рот был все время открыт из-за пластикового загубника, который предохранял эндотрахеальную трубку от прокусывания. Небольшое коричневое пятнышко присохло к ее передним зубам: это была давнишняя кровь.

Чувствуя легкое головокружение, Сьюзен на мгновение отвела взгляд. Печальное зрелище когда-то нормальной молодой женщины заставило ее задрожать от необъяснимых эмоций. Это не была собственно грусть. Это был другой вид внутренней боли, чувство смертности, чувство незначительности и хрупкости жизни, которая так легко может быть разрушена, чувство беспомощности и безнадежности. Все эти мысли проносились в голове Сьюзен, вызывая непривычную влажность ладоней.

Словно касаясь хрупкого фарфора, Сьюзен подняла одну из рук Нэнси. Рука была неожиданно холодной и совершенно вялой. Была ли Нэнси жива? А может, она мертва? Эта мысль мелькнула в сознании Сьюзен. Но электронный луч кардиомонитора, стоящего над кроватью больной, рисовал свой обычный узор работающего сердца.

– Я полагаю, вы спец в балансе жидкостей, мисс Уилер, – сказал Беллоуз в сторону Сьюзен.

Его голос вывел ее из состояния полузабытья, в которое она была погружена, и Сьюзен осторожно положила руку больной на место. К удивлению девушки, вся группа обернулась в сторону кровати.

– Этот ЦВД-катетер предназначен для измерения центрального венозного давления, – сказал Беллоуз, дотрагиваясь до пластиковой трубки, кончик которой был введен в шею Нэнси Гринли. – Посмотрите, сейчас он открыт. Капельница стоит с другой стороны, и

больная получает 1/4 нормальный раствор с 25 миллиэквивалентами натрия со скоростью 125 мл в час. Теперь... – продолжал Беллоуз после мгновенной паузы, очевидно задумавшись и рассеянно глядя на Нэнси. – Картрайт, проверьте, чтобы ей сделали анализ электролитов в моче сегодня и ежедневный анализ электролитов в сыворотке. Да, и включите еще уровень магния, хорошо?

Картрайт педантично записал это назначение в карточку назначений Нэнси Гринли, которая была у него. Тем временем Беллоуз взял свой молоточек и попытался проверить глубокие сухожильные рефлексы на ногах Нэнси, но безуспешно.

– А почему вы не сделали трахеостомию? – спросил Файрвизер.

Беллоуз посмотрел на Файрвизера и помолчал.

– Это очень хороший вопрос, мистер Файрвизер. – Беллоуз развернулся в сторону Картрайта. – Почему мы не сделали трахеостомию, Дэниэл?

Картрайт перевел взгляд с больной на Беллоуза, затем снова посмотрел на больную. Он заметно взволновался и принялся изучать карточку с назначениями, несмотря на то, что там не было никакой информации по данному поводу.

Беллоуз снова посмотрел на Файрвизера:

– Это очень хороший вопрос, мистер Файрвизер. И если я правильно помню, я говорил доктору Картрайту, чтобы он вызвал сюда отоларингологов сделать трахеостомию. Это так, доктор Картрайт?

– Да, так, – ответил Картрайт. – Я написал заявку, но они же никогда не приходят сразу.

– И ты за ними не ходил, – добавил Беллоуз с нескрываемым раздражением.

– Нет, я был занят... – начал было Картрайт.

– Перестаньте болтать чепуху, доктор Картрайт, – прервал его Беллоуз. – Сейчас же приведите сюда ЛОРов. По-видимому, ее состояние в ближайшее время не изменится, а при длительном искусственном дыхании трахеостома просто необходима. Видите ли, мистер Файрвизер, подвижная эндотрахеальная трубка может вызвать некроз стенок трахеи. Вы это хорошо заметили.

Харви Гольдберг засуетился, делая вид, что и он хотел задать вопрос Файрвизера.

Словесный поединок между Беллоузом и Картрайтом вывел Сьюзен из глубин ее мыслей.

– А у кого-нибудь есть какие-либо соображения, почему эта ужасная вещь произошла с больной? – спросила Сьюзен.

– Какая ужасная вещь? – нервно переспросил Беллоуз, мысленно проверяя капельницу, дыхательный аппарат и монитор. – О, вы имеете в виду то, что она никогда не проснется? Хорошо... – Беллоуз остановился. – А, вспомнил! Картрайт, когда будете звать консультантов, попросите невропатолога дать свое заключение и сделайте заново ЭЭГ. Если она снова будет плоской, возможно, мы возьмем почки.

– Почки? – переспросила Сьюзен с ужасом, стараясь не думать, что это может значить для Нэнси Гринли.

– Смотрите, – сказал Беллоуз, кладя протянутые руки на бортики кровати. – Если ее мозги полетели, я имею в виду смерть мозга, мы можем забрать почки для кого-нибудь другого. Естественно, мы сделаем это только с согласия родственников.

– Но она может очнуться, – запротестовала Сьюзен с пылающими щеками и блеском в глазах.

– Некоторые из них просыпаются, – возразил Беллоуз, – но не те, у кого плоская электроэнцефалограмма. Давайте взглянем фактам в лицо – это значит, что мозг мертв, умер, и нет способа вернуть его к жизни. Вы не можете сделать пересадку мозга, хотя в некоторых случаях это было бы полезно, – Беллоуз выразительно посмотрел на Картрайта, который понял намек и рассмеялся.

– А кто-нибудь знает, почему во время операции ее мозг не получил необходимого количества кислорода? – спросила Сьюзен, возвращаясь к своему первоначальному вопросу в безуспешной попытке не допустить даже мысли о взятии почек у Нэнси Гринли.

– Нет, – отчетливо сказал Беллоуз и в упор посмотрел на Сьюзен. – Случай казался простым. Анестезиологическая процедура была выполнена скрупулезно. Это произошло на операции у одного из наших наиболее обязательных ординаторов. Он досконально изучил этот случай. Я полагаю, он был беспощаден к себе. Но тому, что произошло, нет внятного объяснения. Мне кажется, что был инсульт. Я предполагаю, что у нее были какие-то предрасположения к развитию инсульта... Не знаю... В любом случае, кислород довольно длительное

время не поступал в мозг, так что погибло слишком много нервных клеток. Так происходит потому, что клетки мозга очень чувствительны к низкому уровню кислорода, они погибают первыми, когда концентрация кислорода падает ниже критического уровня. В результате мы имеем здесь то, что имеем, – Беллоуз сделал рукой жест над телом Нэнси, – Растение. Сердце бьется, так как оно независимо от мозга. Но для такого пациента должно делаться все как обычно. Мы дышим за нее с помощью этого аппарата, – Беллоуз указал на свистящую машину справа от головы Нэнси. – Мы должны поддерживать баланс жидкости и электролитов так, как мы разбирали несколько минут назад. Мы должны кормить ее, регулировать температуру... – Беллоуз прервался после слова "температура". Мысль всплыла в его памяти. – Картрайт, назначьте ей сегодня рентгенографию грудной клетки. Я почти забыл об этом подъеме температуры, о котором вы упоминали недавно. – Беллоуз посмотрел на Сьюзен. – Вот так большинство больных без мозга уходят из жизни, пневмония... их единственный друг. Иногда я думаю, каким дерьмом я занимаюсь, когда лечу у них пневмонию. Но, занимаясь медициной, мы не должны задавать подобных вопросов. Мы лечим пневмонию, потому что у нас есть антибиотики.

В этот момент больничная система радиооповещения вернулась к жизни. Прозвучало объявление:

– Доктор Уилер, доктор Сьюзен Уилер, пожалуйста, номер 938.

Пол Карпин толкнул Сьюзен и обратил ее внимание на объявление. Сьюзен в изумлении посмотрела на Беллоуза.

– Это для меня? – спросила Сьюзен недоверчиво. – Они сказали "Доктор Уилер".

– Я дал сестрам на этаже список с вашими именами для того, чтобы внести их в истории болезни и разделить между вами пациентов. Вас будут вызывать для проведения всех манипуляций, связанных с кровью, и для других захватывающих вещей.

– Довольно странно слышать в свой адрес обращение "доктор", – сказала Сьюзен, оглядываясь вокруг в поисках ближайшего телефона.

– Вам лучше зваться докторами, тем более вы так записаны в историях. Это не значит, что мы вам льстим. Это нужно, чтобы было легче общаться с больными. Вы не должны скрывать, что вы студенты, но не нужно объявлять всем об этом. Некоторые пациенты не дадут

дотронуться до себя, если будут знать, что вы – студенты. Они тут же начинают кричать и визжать, что их используют, как морских свинок. В любом случае, пойдите ответьте, доктор Уилер, и возвращайтесь к нам. После того, как мы здесь закончим, к десяти мы будем в конференц-зале.

Сьюзен подошла к центральному посту и набрала шифр 938. Беллоуз наблюдал за ней, пока она пересекала комнату. Он не мог ей помочь, но заметил, что под белым халатом скрывается отличная фигурка. И почувствовал, что она начинает привлекать его.

Понедельник, 23 февраля

11 часов 40 минут

Чувство нереальности происходящего охватило Сьюзен, когда она услышала вызов "доктор Уилер". Она ощутила себя прозрачной для всех взглядов, как актриса, играющая на сцене в мелодраме и наряженная в белый халат. Внутри у нее теплилась мысль, что она мучительно не соответствует своей роли, и ее вот-вот разоблачат как шарлатанку.

На другом конце телефонного провода голос медсестры был сух и прозаичен:

– Необходимо поставить капельницу в порядке предоперационной подготовки. Начало операции отложено, так как анестезиолог считает, что пациенту необходимо перелить еще жидкости.

– Когда вы хотите, чтоб я это сделала? – спросила Сьюзен, теребя телефонный провод.

– Сейчас! – отрезала медсестра и бросила трубку.

Однорूपники Сьюзен уже перешли к другому больному и опять столпились вокруг поста, стараясь рассмотреть историю болезни, которую Беллоуз вытянул из лотка и положил перед собой. Никто и не посмотрел, как Сьюзен пересекает полумрак БИТа и идет к двери. Ее рука уже легла на стальную дверную ручку, она медленно повернула голову направо и бросила взгляд на безмолвную неподвижную фигуру Нэнси Гринли. Ее снова кольнула мысль о несправедливом отношении к себе. Сьюзен заставила себя выйти из БИТа и, как ни странно, даже почувствовала при этом некоторое облегчение.

Но это чувство быстро улетучилось. Спеша вдоль коридора, заполненного снующими людьми, Сьюзен начала мысленно готовиться к преодолению очередного барьера. Ей никогда не приходилось ставить капельницу. Конечно, на лабораторных занятиях ей случалось брать кровь из вены у своего партнера по лабораторной работе и у нескольких больных, но с капельницами она дела не имела, правда, теоретически знала, как это делается. В конце концов, всего-то и надо было, что проколоть вену острой иглой и попасть в ее просвет, не пропорвав сосуд насквозь. Проблема заключалась лишь в том, что часто

вена была толщиной лишь с тонкую макаронину, и, соответственно, ее просвет был малюсенький. К тому же, у некоторых людей вен не было видно вообще и приходилось действовать наощупь.

Кроме этих чисто технических проблем, Сьюзен боялась, что сделает настолько очевидной свою неопытность, что больной возмутится и потребует настоящего врача. И ей совершенно не хотелось подвергаться насмешкам со стороны этих стервозных медсестер.

Когда Сьюзен вернулась в Беард-5, обстановка там не изменилась, и лихорадочная активность продолжалась. Терри Линквист вскользь взглянула на Сьюзен и скрылась в процедурной. Другая медсестра, с ярко-оранжевой полосой на колпаке, на нагрудной карточке которой значилось "Сара Стернз", отреагировала на прибытие Сьюзен тем, что вручила ей поднос с принадлежностями для внутривенного переливания и флакон с раствором декстрозы на растворе глюкозы.

– Больной Берман, из пятисот третьей, – сказала Сара Стернз. – Но не беспокойтесь о скорости подачи раствора. Я подойду через пару минут и сама подрегулирую.

Сьюзен кивнула и отправилась в 503-ю палату. По дороге она рассмотрела лоток с набором. В него входили все виды игл: подкожные иглы, постоянные катетеры, катетеры для подключичной вены, обычные съемные иглы. Были также пакетики со спиртовыми губками, несколько жгутов разной длины из плоских резиновых трубок. Глядя на мигающий свет, Сьюзен вспоминала, что за прошедшую ночь она не раз представляла себя, идущей, как на плаху, ставить внутривенную капельницу.

Сьюзен прошла 507-ю, затем 505-ю палату. Увидев дверь 503-й, она порылась в наборе и нашла подкожную иглу двадцать первого номера в ярко-желтой упаковке. Именно с этой иглой ставили те капельницы, которые она видела. Она потрогала внушительные постоянные катетеры, но решила на первый раз свести экспериментирование к минимуму.

"Палата 503" – было выведено по трафарету на слегка приоткрытой двери. Сьюзен не знала, следует ли ей стучаться или нужно сразу входить. Невольно оглядевшись по сторонам и убедившись, что ее никто не видит, она постучалась.

– Войдите, – произнес голос изнутри.

Сьюзен ногой отворила дверь, так как в левой руке она сжимала лоток, а в правой держала флакон с раствором декстрозы. Представляя себе дряхлого больного старика, она вошла в палату. Палата была типичной для Мемориала – маленькая, старая, с полом, выложенным листами линолеума. Занавесок на окнах не было. Двадцать раз перекрашенная батарея виднелась в углу.

Но, вопреки ожиданиям, пациент оказался не старым и не беспомощным. На больничной койке устроился вполне молодой и здоровый на вид человек. Сьюзен мельком подумала, что ему не больше тридцати. На нем была обычная больничная пижама, стянутая на талии поясом. Темные густые волосы были зачесаны с висков и слегка прикрывали уши. Узкое тонкое лицо было загорелым, несмотря на зимнее время года. Ноздри узкого носа были напряженно расширены, как будто при дыхании он только вдыхал воздух, забывая делать выдох. Он выглядел спортсменом в хорошей физической форме. Больной сидел на кровати, обхватив мускулистыми руками подтянутые к груди колени. Его руки нервно сжимались. Сьюзен, сквозь тонкий слой наигранного спокойствия, сразу почувствовала тревожное состояние больного.

– Не робейте, входите. А то я чувствую себя, как в тюрьме, – коротко улыбнулся Берман, словно приглашая посетителя сломать напряжение предоперационного ожидания.

Сьюзен вошла и закрыла дверь, позволив себе лишь один взгляд на больного вместе с ответной улыбкой. Она положила лоток в ногах кровати и повесила флакон на стояк для капельницы, расположенный у изголовья. Старательно избегая глаз Бермана, она подумала: "Господи, ну почему он такой молодой, здоровый и в полном сознании! Уж лучше бы мне попался полоумный столетний старец!"

– Опять уколы! – воскликнул Берман с преувеличенным ужасом.

– Боюсь, что да, – ответила Сьюзен, сдирая упаковку с трубок и подсоединяя их к флакону, давая раствору заполнить емкость до вентиля. Сделав это, она взглянула на Бермана и обнаружила, что он внимательно разглядывает ее.

– Вы врач? – спросил Берман с сомнением в голосе.

Сьюзен помолчала, продолжая смотреть прямо в глубокие карие глаза Бермана и мысленно перебирая варианты ответа. Она не была врачом, это очевидно. Что же сказать? Как бы ей хотелось ответить

утвердительно, но она была реалистом и сейчас сомневалась, что вообще наступит когда-нибудь момент, когда она с ответственностью скажет, что она доктор.

– Нет, – наконец сказала Сьюзен, переводя взгляд на подкожную иглу двадцать первого номера. Ситуация не прибавляла ей уверенности, и она подумала, что это чувство передастся Берману и усилит его беспокойство. – Я всего лишь студентка, – добавила она.

Руки Бермана перестали нервно сжиматься.

– Вам совсем не нужно оправдываться, – искренне сказал он. – Просто вы не похожи на врача, даже на будущего врача.

Простодушный комментарий Бермана отпустил туго натянутую струну в душе Сьюзен.

– Как вас зовут? – продолжал Берман, совершенно не замечая эффекта своих слов. Он прищурился, прикрывая глаза от блеска люминесцентной лампы, и наклонился влево, чтобы увидеть карточку с именем на отвороте халата Сьюзен. – Сьюзен Уилер... Доктор Сьюзен Уилер. Звучит очень естественно.

Сьюзен уже поняла, что Берман не хотел ее обидеть как врача, но ничего не ответила. Что-то в поведении Бермана было такое близкое и знакомое ей, но что, она не могла определить, что-то неуловимое, возможно связанное с обаятельной манерой Бермана.

Отчасти для того, чтобы сосредоточиться, отчасти, чтобы перехватить инициативу, Сьюзен занялась капельницей. С деловым видом она обернула резиновый жгут повыше запястья Бермана и туго затянула его. Затем сняла упаковку с иглы и губки, пропитанной спиртом. Глаза Бермана с интересом следили за этими приготовлениями.

– Бог свидетель, я не схожу с ума при виде иглы, – сказал Берман, стараясь поддержать присутствие духа. Он отвернулся и протянул руку Сьюзен.

Сьюзен чувствовала усиливающееся беспокойство Бермана и подумала, что бы тот сказал, если бы узнал, что это ее первая в жизни капельница. Она была уверена, что его сердце ушло бы в пятки, во всяком случае, если бы они поменялись местами, она бы испытала именно это.

Берман поработал кулаком, и вены на его запястье вздулись как садовые шланги. Сьюзен набрала полную грудь воздуха и затаила

дыхание. Берман поступил также. Протерев кожу на тыльной стороне руки Бермана, Сьюзен попыталась вонзить иглу, но не смогла проколоть кожу.

– А-а-а! – заорал Берман, сжимая простыню свободной правой рукой. Прозвучало это преувеличенно, на всякий случай. Тем не менее, Сьюзен испугалась и прекратила попытку воткнуть иглу.

– Если это вас утешит, то вы сейчас выглядите точно как доктор, – сказал Берман, глядя на свою левую руку, которая уже побелела, так как жгут все еще перетягивал ее.

– Мистер Берман, вам нужно постараться хоть немного помочь мне, – произнесла Сьюзен, собираясь с силами для новой попытки и желая хоть немного поделиться ответственностью за возможную неудачу.

– Она говорит "помочь", – повторил Берман, возводя глаза к потолку. – Да я послушен, как агнец на заклании.

Сьюзен положила левую руку Бермана плашмя на кровать и оттянула кожу на запястье, решительно ткнув иглой, которая, наконец, проколола натянутую кожу.

– Благодарю вас, мне достаточно, – сказал Берман с оттенком иронии.

Сьюзен сконцентрировала внимание на кончике иглы. Сначала она попробовала с ходу проткнуть вену – не вышло, затем натянула кожу – опять не вышло. Наконец, она снова оттянула кожу и с усилием проколола вену, почувствовав, как игла преодолевает стенку сосуда. Кровь сразу потекла из иглы, заполняя трубку капельницы. Сьюзен быстро наладила капельницу, открыла вентиль и сняла жгут. Раствор плавно потек в вену.

Обе стороны испытали облегчение. Оказав свою первую настоящую медицинскую услугу больному, Сьюзен ощутила эйфорию. Конечно, дело-то было невеликое, но все-таки нечто конкретное, оправдывающее ее белый халат, она сделала. Вместе с эйфорией к ней пришло чувство благоволения к окружающему, смешанное со снисходительностью по отношению к Берману.

– Вот вы сказали, что я не похожа на врача, – сказала Сьюзен, закрепляя иглу на руке Бермана лейкопластырем. – А что это такое, быть похожим на врача? – в ее вопросе прозвучал оттенок провокации,

как если бы ее больше интересовало, чтобы Берман заговорил, а не то, что он, собственно, скажет.

– Может быть, это прозвучит глупо, – начал Берман, наблюдая за действиями Сьюзен, приклеивающей пластырь, – но я знаю нескольких девушек из моего выпускного класса в колледже, которые решили получить медицинское образование. Некоторые из них были вполне привлекательны, все они были неглупые и веселые, но их всех трудно было назвать женственными.

– Скорее наоборот, вы их считали неженственными именно потому, что они стали врачами, – ответила Сьюзен, снижая скорость подачи раствора со струйной до капельной.

– Да... Может быть, – задумчиво протянул Берман. Он прикинул, что такая интерпретация представляет собой новую точку зрения. – Но я так не считаю. Так вышло, что двух из них я хорошо знаю, довольно тесно общался с ними на протяжении всего обучения в колледже. Они выбрали медицинскую карьеру только на последнем курсе. Но и до этого, и после этого их нельзя было назвать женственными. Ну а вы, дорогой будущий доктор Уилер, просто излучаете ауру женственности.

Сьюзен только было открыла рот, чтобы возразить Берману, приведя в пример своих подружек, как насторожилась, услышав его последние слова о своей женственности. С одной стороны, ей так и хотелось сказать: "Да что вы говорите!", с другой – она подумала, что Берман может быть вполне искренним в желании сделать ей комплимент. Берман тоже ждал, как Сьюзен отреагирует.

– Если бы я мог выбирать за вас, то решил бы, что вам больше подойдет профессия балерины, – продолжил он.

Сказанное было так созвучно собственным фантазиям Сьюзен, так близко ее "второму я", что теперь она однозначно восприняла его слова как комплимент.

– Спасибо, мистер Берман, – искренне сказала Сьюзен.

– Пожалуйста, зовите меня Шон.

– Спасибо, Шон, – повторила Сьюзен. Она сложила разобранные принадлежности для внутривенного переливания на лоток и перевела взгляд на закопченное окно. Она не видела ни жирной грязи, ни мрачной кирпичной кладки, ни низких туч и безжизненных деревьев за окном. Затем снова взглянула на Бермана.

– Вы знаете, мне даже трудно выразить словами, как мне приятен ваш комплимент. Может, это прозвучит странно, но за последний год я совсем не чувствовала себя женщиной. И ваши слова прозвучали так успокаивающе. Нельзя сказать, чтобы я заикливалась на этой мысли, но я начала думать о себе как о... – Сьюзен запнулась, подыскивая нужное слово, – ... как о бесполом, вернее, среднеполом существе. Это произошло постепенно, незаметно, и мне кажется, что я могла понять это, только когда встречалась со своими бывшими одноклассницами, особенно, с моей бывшей соседкой по комнате.

Сьюзен внезапно замолчала, не закончив мысли, и выпрямилась. Она была смущена собственной необычной откровенностью.

– Господи, что я болтаю? Иногда я сама не понимаю себя, – она усмехнулась над собой. – Я не умею работать как врач, я даже не выгляжу как врач, думаю, что последняя вещь, о которой вам хотелось бы послушать, так это мои проблемы с профессиональным несоответствием.

Берман глядел на Сьюзен, широко улыбаясь. Ему явно пришлось по вкусу вступление. Сьюзен продолжила:

– Считается, что рассказывать должен пациент, а не врач. Почему бы вам не рассказать, чем вы занимаетесь, а я помолчу.

– Я архитектор, – ответил Берман. – Один из миллиона таких же, подвизающихся на подмостках Кембриджа. Но это совсем другая история. А мне хотелось бы вернуться к вашей. Вы и представить себе не можете, как меня утешает простая человеческая беседа в этом местечке. – Его глаза обежали палату. – Я и не думал, что мне придется оперироваться, пусть даже несерьезно, но это ожидание заставляет меня буквально лезть на стену. К тому же здесь все просто бесчувственные чертовы куклы. – Он снова взглянул на Сьюзен. – Ну продолжайте, вы начали говорить о своей соседке, что дальше?

– Вы настаиваете? – спросила Сьюзен, прищурив глаза.

– Конечно.

– Но это не так уж и важно. Она была очень элегантная. Она поступила в юридическую школу, там смогла следить за собой и оставаться настоящей женщиной, одновременно развиваясь интеллектуально, как она и хотела.

– Я, конечно, не знаю, как там у вас с интеллектуальным развитием, но, несомненно, вы настоящая женщина. Трудно и

выдумать большую противоположность существу неопределенного пола, чем вы.

Сначала Сьюзен чуть не поддалась искушению атаковать доводы Бермана с той точки зрения, что выглядеть женственно и быть настоящей женщиной – совсем не одно и то же. Но она спохватилась, что сейчас, перед операцией, дебаты не были полезны Берману, и не стала возражать.

– Я не могу изменить то, что ощущаю, – продолжила она, – и определение "среднеполюй" точнее всего описывает мои чувства. Сначала я думала, что медицина хороша, как профессия, по многим причинам, в том числе и потому, что обеспечивает определенное социальное положение, безопасность, которую иначе пришлось бы достичь, например, замужеством. Ну да, – сделала утвердительный жест Сьюзен, – она дает социальную обеспеченность. Хотя я начинаю чувствовать себя лишенной обычной общественной жизни.

– И я должен быть благодарен за это случаю. Если вы, конечно, считаете архитекторов хорошим обществом. Хотя это отнюдь не всегда так, уверяю вас. В любом случае... – Берман почесал в затылке, – я чувствую, что не способен поддерживать приличную беседу в этой унижительной распашонке, в обезличивающей обстановке, но мне бы очень хотелось продолжить этот разговор. Я уверен, что к вам часто пристают, и мне не хотелось бы умножать число ваших проблем, но, может быть, мы смогли бы как-нибудь встретиться и выпить по чашечке кофе, потом, когда мне вылечат это дурацкое колено, – он приподнял свое правое колено. – Я повредил его много лет назад, когда играл в футбол. Это с тех пор моя, так сказать, ахиллесова пята.

– И вы оперируетесь сегодня по этому поводу? – спросила Сьюзен, думая, как бы ответить на предложение Бермана. Она знала, что с профессиональной точки зрения так не делается. Но, с другой стороны, Берман был ей симпатичен.

– Ну да, что-то вроде менискэктомии, – ответил Берман.

В дверь постучали, и в палату так быстро влетела Сара Стернз, что Сьюзен, не успев ничего сказать в ответ, подпрыгнула от неожиданности и стала лихорадочно подкручивать колесико капельницы, запоздало осознав, каким детским выглядит ее поведение. Она снова разозлилась на систему больничных отношений, которая сумела так повлиять на нее.

– Опять укол! – уныло возгласил Берман.

– Да, опять укол. Это ваша предоперационная подготовка. Ну-ка, повернитесь.

Сара Стернз отгеснила Сьюзен и поставила свой лоток на прикроватную тумбочку.

Берман машинально посмотрел на Сьюзен и повернулся на правый бок. Мисс Стернз оголила левую ягодицу Бермана и рукой захватила кожный валик. Игла мгновенно вонзилась в мышцу. Все кончилось быстрее, чем успело начаться.

– Не беспокойтесь о скорости вливания, – сказала мисс Стернз, стремглав направляясь к двери. – Я сейчас все улажу. – И она вышла.

– Ну, мне пора, – быстро произнесла Сьюзен.

– Это согласие? – сказал Берман, стараясь не налегать на левую ягодицу.

– Шон, я не знаю. Я не уверена, что это хорошо с профессиональной стороны, и вообще.

– С профессиональной стороны? – Берман был искренне поражен. – Ну и промыли же вам мозги.

– Да, наверно, – Сьюзен посмотрела на часы, на дверь и снова на Бермана. – Ну ладно, – наконец сказала она. – Давайте встретимся. Но сейчас вам нужно выздороветь. Пусть я буду непрофессионалом, но я хочу пользоваться преимуществом перед инвалидом. Я здесь еще буду, когда вы выпишетесь. Вы примерно знаете, сколько времени здесь пробудете?

– Мой доктор сказал – три дня.

– Тогда я еще зайду к вам до вашей выписки, – и Сьюзен пошла к выходу.

В дверях она столкнулась с каталкой, на которой Бермана должны были отвезти в операционную номер восемь для операции менискэктомии. Перед тем, как выйти в коридор, Сьюзен обернулась и показала Берману большой палец. Он тоже показал ей палец и улыбнулся. Сьюзен направилась к центральному посту, по дороге пытаясь разобраться в своих противоречивых эмоциях. Ей было тепло на душе от встречи с человеком, вызвавшим мгновенную и несомненную симпатию, но, в то же время, ее терзало чувство собственной профессиональной непригодности. Она ничего не могла

поделать, но чувствовала, что ей во всех отношениях будет очень трудно стать врачом.

Понедельник, 23 февраля

12 часов 10 минут

Подобно слаломисту, Сьюзен направилась вниз по коридору, огибая тележки с завтраком, заполненные бесцветной пищей. Ароматы, поднимавшиеся с равномерно наполненных тарелок, напомнили Сьюзен, что она сегодня практически не завтракала, перехватив на бегу пару тостов.

Прибытие тележек с завтраком добавилось к обстановке полного хаоса, царившего в сестринском помещении Беард-5. Сьюзен не могла понять, каким чудом здесь каждый пациент получает свое лекарство, процедуры или еду. Сара Стернз, перед тем как вернуться к лоткам с внутривенными вливаниями, быстро поблагодарила Сьюзен и улыбнулась, приятно удивив этим Сьюзен. Больше никто не обращал на Сьюзен внимания, и она ушла. Ей потребовалось три секунды, чтобы решить: воспользоваться ли ей лестницей или подождать переполненный лифт. Кроме того, БИТ находился тремя этажами ниже.

Лестница была металлическая, с рифлеными ступеньками, похожими на измятое серебро. Они были когда-то оранжевыми, но теперь стали пыльно-серыми, особенно в центре каждой ступеньки, что было результатом множества прошедших по ним ног. Стены лестничной клетки были из шлакоблоков, выкрашенных в темно-серый цвет, но краска была старая и облупившаяся. Происходившие канализационные аварии оставили следы в виде продольных грязных полос, тянущихся вниз по стене. Полосы появлялись вновь всякий раз, когда Сьюзен поворачивалась на площадке, начиная спускаться по очередному пролету. Лестница освещалась голыми электрическими лампочками, ввинченными на каждой площадке. На четвертом этаже лампочка перегорела, и Сьюзен была вынуждена спускаться в темноте, аккуратно нащупывая ступеньки ногами. Высота этажей ей показалась довольно большой.

Перегнувшись через металлические перила, Сьюзен могла видеть подвал и поднимавшиеся из него спиральные пролеты лестницы, теряющиеся в разрушительной перспективе. Сьюзен почувствовала

дурноту. Гнилостная чернота стен словно надвигалась на нее, пробуждая некий атавистический страх. Возможно, лестница напомнила ей повторяющийся детский кошмар. Хотя этот сон ей давно не снился, она его хорошо помнила. Во сне она двигалась через извилистый тоннель, который чем дальше, тем больше мешал ее прогрессу. Она никогда не достигала конца тоннеля, хотя цель казалась ей очень важной.

В духе мрачной беспокойной атмосферы на лестнице Сьюзен спускалась медленно, шаг за шагом. Ее осторожные шаги отдавались гулким металлическим эхом. Она была одна. Людей не было, и ничто не мешало течению ее мыслей. Больница быстро покинула ее сознание.

Встреча с Берманом еще больше запутала ее мысли. Отсутствие профессионализма не пугало ее, потому что Берман, в сущности, не был ее пациентом. Она была вызвана только для оказания периферического обслуживания. То, что Берман был пациентом, просто облегчило эту встречу. Но Сьюзен не была уверена, было ли это правильно. Поворачивая на площадке третьего этажа, Сьюзен остановилась на короткое время.

Она среагировала на Бермана как женщина. В созвездии неопределенных причин, Берман привлекал ее основным, естественным, даже химическим путем. Для Сьюзен было несомненно, что она после двух лет медицинской школы начала думать о себе как о бесполом существе. В разговоре с Берманом она использовала слова среднего рода, но только потому, что не могла сразу найти определение своему состоянию. Естественно, она была женщиной; она чувствовала себя женщиной, и ее месячный менструальный цикл не давал забыть об этом. Но была ли она женщиной?

Сьюзен начала спускаться на следующий этаж. Впервые она заставила себя осмыслить тенденцию, которая развивалась несколько лет. Она удивилась бы, если бы Карпин был вызван вместо нее, а Берман оказался бы равным образом привлекательной женщиной, а Карпин отреагировал бы как мужчина. Сьюзен остановилась вновь, обдумывая эту ситуацию.

Из ее опыта, она решила, что было бы любопытно посмотреть на Карпина в сходной ситуации.

Сьюзен очень медленно возобновила свой спуск. Но если в действительности мужчина отреагировал бы также, то почему это так отличалось от нее? Почему она так акцентирует внимание на этом?

Это было больше, чем спорный вопрос медицинской этики. Берман заставил Сьюзен почувствовать себя женщиной. Колоссальная разница между ней и Карпином состояла в том, что у Сьюзен были еще дополнительные препятствия. Она знала, что они оба хотят стать врачами: действовать как врач, думать как врач, быть принятым как врач. Но для Сьюзен существовали еще дополнительные шаги. Сьюзен так же хотела стать женщиной; чувствовать как женщина, быть воспринимаемой и уважаемой как женщина. Когда она выбрала в качестве карьеры медицину, она знала, что в этой профессии доминируют мужчины. Это было своеобразным вызовом. Сьюзен никогда не предполагала, что медицина могла бы осложнить осуществление ее общественной карьеры. Теоретически она могла все, она была уверена в этом. Разве что в будущем она должна бы была стать жестче. А Карпин? Да, для него социальная часть была проще. Он был мужчиной в признанной мужской роли. Занятие медициной только подчеркивало его имидж как мужчины. Карпин должен был беспокоиться только о том, чтобы убедить себя стать врачом; Сьюзен должна была убеждать себя стать врачом и остаться женщиной.

Достигнув второго этажа, Сьюзен была встретила табло, где четкими буквами было написано: "Оперблок. Посторонним вход воспрещен!" Но необходимости в таком табло не было. К изумлению Сьюзен дверь на второй этаж была заперта. Ее чрезмерно деятельная фантазия тут же представила все выходы с лестницы, закрытыми, и Сьюзен вообразила себя заключенной в вертикальной тюрьме. "Ну, Уилер, это уже слишком", – громко сказала она для собственного ободрения и успокоения. Бегом она спустилась на первый этаж. Дверь легко открылась, и Сьюзен обрадовалась хирургической толпе на этаже.

На лифте она вернулась ко входу в БИТ. Чтобы открыть дверь, требовалось определенное усилие, так как дверь была массивной и очень тяжелой.

Внутри БИТа Сьюзен не нашла никаких изменений. Одна из сестер подняла на нее глаза и тут же снова вернулась к ленте ЭКГ. Когда Сьюзен осмотрела комнату, она была снова подавлена

исключительно механистическим видом помещения, отсутствием человеческих голосов, даже отсутствием движения флюоресцентных лучей. И еще в комнате была Нэнси Гринли, неподвижная как статуя, ошибка медицины, жертва технологии. Сьюзен заинтересовала ее жизнь, ее любовь. Все, что произошло, произошло из-за простой нерегулярности месячных, из-за рутинного выскабливания.

Сьюзен заставила себя отвести глаза от Нэнси Гринли и увидела, что ее группа уже покинула БИТ, вероятно, для большого обхода. В это же мгновение Сьюзен почувствовала острый дискомфорт от пребывания в БИТе. Психологическая и техническая обстановка комнаты заставила исчезнуть некоторую эйфорию, оставшуюся после встречи с Берманом. Ее воображение тут же нарисовало ей картину, как с кем-либо из пациентов происходит что-то ужасное, пока она здесь стоит. Что, если от ее решения вдруг зависит чья-то жизнь или смерть, от ее белого халата, от беспомощного стетоскопа в ее кармане.

Контролируя свое желание впасть в панику, Сьюзен вышла в коридор. Направляясь к лифту, Сьюзен думала о разнице между фактом и фантазией, между действительностью и мифом, между настоящей шкурой студента-медика и тем, как люди себе это представляют.

Вспомнив слова Беллоуза о том, что большой обход будет на десятом этаже, Сьюзен нажала кнопку десятого этажа и прислонилась к стене лифта. Это была жуткая поездка. Лифт был полон несчастных людей и, в довершение к этому, останавливался на каждом этаже. Воздух в лифте был тяжелым и горячим, частично из-за того, что какой-то невоспитанный пассажир курил, несмотря на запрещающее объявление. Люди не видели друг друга, смотря только на мелькающую лампочку, обозначающую этажи. Единственным желанием Сьюзен было то, чтобы двери открывались и закрывались быстрее.

На девятом этаже она стремительно направилась к выходу, а на десятом с облегчением покинула переполненный пятак.

Атмосфера немедленно изменилась. Пол на этом этаже был застелен ковром, а стены освещались люстрами с полированными плафонами. Ряд портретов отцов-основателей Мемориала в золоченых рамах встречал входящих в строгой академической последовательности. Столы в стиле 18 века с различными лампами в

центре чередовались с удобными стульями вдоль всего коридора. На столах по порядку лежали свежие номера "New Yorker Magazine".

Большое табло напротив лифта направило Сьюзен в нужную сторону. Пока шла по коридору, она могла заглянуть внутрь некоторых офисов. На этом этаже располагались частные приемные наиболее авторитетных врачей Мемориала. По коридору бродили или сидели, читая, несколько человек в ожидании приема. Они проводили взглядом проходящую Сьюзен. Их лица были одинаково невыразительны.

В конце коридора Сьюзен прошла мимо офиса заведующего хирургическим отделением доктора Г.Старка. Дверь была приоткрыта, и Сьюзен мельком увидела двух секретарш, печатающих с бешеной скоростью. Сразу за кабинетом Старка на другой стороне коридора была вторая лестница, а в самом конце над двумя дверьми красного дерева надпись: "Конференция в Прогрессе".

Сьюзен вошла в конференц-зал. Так как в комнате не было света, потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к темноте. Единственным пятном света в другом конце комнаты была проекция рентгеновского снимка легких. На его фоне Сьюзен могла увидеть только общий контур человека с указкой, описывающего детали снимка. В темноте комнаты Сьюзен начала различать ряды кресел и тех, кто в них сидел. Конференц-зал представлял собой комнату длиной около 50 футов и шириной около 30. Его пол был немного наклонен в сторону кафедры, которая возвышалась на несколько ступенек. Проекционный аппарат был профессионально спрятан от глаз. Однако в его световых лучах были видны кольца и струйки сигаретного дыма. Даже находясь в темноте, Сьюзен могла бы сказать, что конференц-зал был новым, хорошо оборудованным и приятно смотрелся. Следующий цветной слайд был микроскопическим снимком, и это требовало относительно большего освещения комнаты. Сьюзен смогла различить затылок Найлза по выступающей шишке. Он сидел в кресле у прохода. Сьюзен подошла и тронула его за плечо. Она увидела, что Найлз занял для нее место; чтобы сесть, Сьюзен была вынуждена протиснуться мимо Найлза и Файрвизера. Следом сидел Беллоуз.

– Вы выполняли лапаротомию или всего лишь сделали внутривенное вливание? – саркастически прошептал Беллоуз, поворачиваясь в сторону Сьюзен. – Вы отсутствовали более получаса.

– Это был интересный пациент, – ответила Сьюзен, тут же вспомнив лекцию Беллоуза о пунктуальности.

– Я думаю, вы могли бы придумать что-нибудь получше.

– По правде, я переодевалась для обрезания Роберта Редфорда.

Сьюзен притворилась, что на несколько минут поглощена снимком на экране. Затем она взглянула поверх Беллоуза, который трясая головой хихикал.

– Это уже слишком. Я...

Беллоуз был прерван появившимся на кафедре человеком, который о чем-то его спрашивал. Все, что он услышал, было: "...Вы можете просветить нас по этому вопросу, не так ли доктор Беллоуз?"

– Простите, доктор Старк, но я не слышал вопроса, – сказал Беллоуз, заметно волнуясь.

– У нее есть какие-либо признаки пневмонии? – повторил Старк.

Большой рентгеновский снимок был заслонен с правой стороны тонким силуэтом Старка на подиуме, так что его особенности не были видны.

Ординатор, сидящий сзади Беллоуза, наклонился к нему и прошептал: "Он говорит о Нэнси Гринли."

– Да, – сказал Беллоуз, поднимаясь. – У нее был небольшой подъем температуры вчера. Но аускультативно легкие чистые. Снимки легких два дня назад были нормальными, а на сегодня мы заказали их повторить. Из мочи высеяно небольшое количество бактерий, и мы полагаем, что подъем температуры вызван вероятнее циститом, чем пневмонией.

– Какое местоимение вы имеете в виду, доктор Беллоуз? – требовательно спросил Старк, облачиваясь руками на стол.

Сьюзен старалась рассмотреть мужчину; это был известный и знаменитый заведующий хирургией.

– Местоимение, сэр? – негромко переспросил Беллоуз, конфузясь.

– Местоимение. Да, местоимение. Вы знаете, что такое местоимение, не так ли доктор Беллоуз? – раздался саркастический смех.

– Да, я думаю, что знаю.

– Это лучше, – сказал Старк.

– Что лучше? – переспросил Беллоуз.

Как только он сказал это, он понял, что переспрашивать не стоило, так как смех стал громче.

– Ваш выбор местоимения лучше, доктор Беллоуз. Я уже устал слышать местоимение "мы" или неопределенно-личные фразы. Часть вашей деятельности, как хирурга, заключается в способности владеть информацией, перерабатывать ее и принимать определенные решения. Когда я задаю вопрос, я хочу слышать ВАШЕ мнение, ВАШЕ личное, не общее. Это не значит, что другие люди не могут вносить свой вклад, но только ВЫ должны принимать решение. Я хочу слышать "я", а не "мы".

Старк сделал несколько шагов по кафедре и вновь повернулся к снимку.

– Теперь вернемся к пациенту в коматозном состоянии, Я хочу снова подчеркнуть, что вы, джентльмены, должны быть особенно бдительны с такими пациентами.

Понедельник, 23 февраля

12 часов 16 минут

Шон Берман был очень напуган своим пребыванием в больнице и неотвратимо надвигающейся операцией. Он совсем не разобрался в медицине, и хотя, конечно, хотел бы больше узнать о своей болезни и ее лечении, деликатно не стал надоедать своими вопросами врачу. Он вообще боялся всего, связанного с медициной и болезнями. В его воображении они сливались воедино, а вовсе не противостояли друг другу. Предстоящая операция угнетала его, он никак не мог приспособиться к мысли о ноже, которым кто-то рассекает его кожу. Его желудок при этом куда-то проваливался, и холодный пот выступал на лбу. Он старался не думать обо всем этом. На языке психиатров это называется вытеснением болезни. Он был совершенно счастлив до того дня, пока накануне своей запланированной операции не пришел лечь в больницу.

– Мое имя Берман. Шон Берман, – он вспомнил свое поступление в больницу. То, что в сущности должно было быть чепухой, оказалось безнадежным блужданием по бюрократическому лабиринту.

– Берман? Вы уверены, что госпитализация вам назначена на сегодня? – многозначительно спросила чересчур накрашенная девушка-регистратор с ногтями, покрытыми черным лаком.

– Да, я уверен, – ответил Берман, изумленно поглядывая на ее черный маникюр.

Этот цвет навел его на мысль о том, что больница является в своем роде монополистом, так как при свободной конкуренции у руководителей фирмы хватило бы ума запретить своим служащим красить ногти в черный цвет.

– Сожалею, но я не нахожу вашей фамилии в списке. Вам придется посидеть и подождать, пока я не закончу с остальными больными. Затем я позвоню в приемное отделение, и мы быстро выясним этот вопрос.

Так начались его мытарства при поступлении. Он сел и стал ждать. Большая стрелка часов отмахала полный круг, прежде чем его все-таки приняли.

– Давайте ваше направление на рентген, – попросил его молодой и ужасно худой лаборант в рентгеновском отделении, где Берман прождал сорок минут.

– У меня нет направления на рентген, – ответил Берман, перебирая бумажки, которые вручила ему регистраторша.

– Но у вас должно быть. У всех поступающих больных есть.

– А у меня нет.

– Должно быть.

– А я говорю – нет.

Несмотря на возникающее естественное раздражение, издевательская процедура госпитализации имела один несомненно положительный эффект. Она полностью заняла мозги Бермана, так что он и думать забыл об операции. Но в палате, через полуоткрытую дверь которой временами доносились чьи-то стоны, ему вновь пришлось поискать в себе запас душевных сил, чтоб противостоять мысли о неумолимо надвигающейся операции. Еще труднее было не впечатлиться видом забинтованных людей с трубками, таинственным образом выходящими из тела в местах, не имеющих естественных отверстий. Здесь, в атмосфере больницы, вытеснение болезни уже не было эффективной тактикой психологической защиты.

И Берман избрал другую тактику, переключившись на то, что психиатры называют формированием реакции или сублимацией. Это заставило его думать о своей операции, манипулируя знакомыми понятиями.

– Я диетолог и хотела бы обсудить с вами ваше меню, – толстая женщина вошла в палату после короткого стука. – Вам будут делать операцию, если я не ошибаюсь?

– Операцию? – Берман улыбнулся. – А-а, мне их делают каждый год. Это мое хобби.

И диетологу, и лаборанту, всем, кто говорил с ним в этот день, пришлось выслушивать свежепридуманную байку об его операции.

Этот метод психологической адаптации срабатывал весьма успешно до утра операционного дня. Берман проснулся в 6.30 от звука тележки, прогрохотавшей по коридору. Он попытался снова уснуть, но не смог, читать тоже оказалось невозможно. Время невыносимо тянулось, приближаясь к одиннадцати утра, на этот час была назначена операция. В пустом животе бурчало.

– Мистер Берман, операция ненадолго откладывается.

– Откладывается? На сколько? – Берман старался не сорваться. Эта медленная пытка ожиданием сводила его с ума.

– Трудно сказать. Тридцать минут, час, – медсестра пожалала плечами.

– Но почему? Я умираю от голода.

На самом деле есть ему не хотелось, просто нервы были натянуты до предела.

– Распоряжение хирурга. Я вернусь попозже, чтоб сделать вам предоперационную подготовку. Пока отдыхайте, – и медсестра вышла.

Берман остался сидеть с открытым ртом, полным незадаанных вопросов. Отдыхать! Дурацкая мысль. Вплоть до появления Сьюзен в это утро, Берман пребывал в страшном напряжении; покрытый холодным потом, провожая тоскливым взглядом каждую минуту на часах, отделяющую его от операции, и одновременно желая, чтоб все это быстрее кончилось. Несколько раз он чувствовал, что просто изнемогает, и подумал о том, насколько его страхи соответствуют тяжести предстоящей операции. В глубине души он не верил, что операция будет серьезной. Он боялся, что будет испытывать боль, что его нога не будет работать лучше, как с гарантией в девяносто восемь процентов пообещал ему лечащий врач, беспокоился, что ему придется несколько недель ходить с гипсом. Процедура обезболивания его не пугала, наоборот, скорее он опасался, что им не удастся его усыпить. Он сам не захотел делать операцию под местной анестезией, он не хотел еще и заморозки.

Мысли о возможных осложнениях и даже смерти его не посещали. Он был слишком молод и здоров для этого. Если бы не так, он бы дважды подумал, стоит ли оперироваться. Это был один из недостатков Бермана – не видеть леса за деревьями. Однажды он спроектировал здание. Получился потрясающий проект, который был, однако, отвергнут местным муниципалитетом из-за того, что здание совершенно не вписывалось в окружение. К счастью, Берман не знал о Нэнси Гринли, неподвижно лежащей в БИТе.

Сьюзен Уилер явилась Берману, как путеводная звезда в ночи. При его крайней нервозности ее приход помог ему скоротать время и занять его ум. Более того, впервые в это утро Берман оказался способен подумать о чем-нибудь кроме колени и ножа. Все его

внимание было поглощено беседой со Сьюзен и ее исповедью. То ли красота девушки, то ли ее ум, то ли определенная уязвимость положения Бермана заставила его с восхищением думать о ней, что сделало его путешествие на лифте вниз в оперблок гораздо приятнее. Наверно, и укол мисс Стернз сделал свое дело, так как голова Бермана стала легкой и пустой, а мысли стали рваться.

– Думаю, что вы возили целые толпы народа на операции, – сказал санитару Берман, лежа на спине с руками, закинутыми за голову, когда лифт подъезжал ко второму этажу.

– Угу, – безразлично пробубнил санитар, разглядывая свои ногти.

– А вам когда-нибудь делали здесь операцию? – продолжил Берман, наслаждаясь спокойствием и отрешенностью, разливающейся по телу.

– Не-а, никогда, – ответил санитар, вскидывая глаза на индикатор этажей, так как лифт мягко остановился.

– А почему?

– Слишком много видел, наверно, – ответил санитар и вытолкнул каталку с Берманом в холл.

К тому времени, как каталку поставили в зоне оперблока, предназначенной для ожидающих операции больных, Берман был уже в состоянии счастливого опьянения. Инъекция, которую ему назначил анестезиолог доктор Норман Гудмен, содержала кубик инновара – относительно новой комбинации сильнодействующих препаратов. Берман попытался заговорить с женщиной на соседней каталке, но язык ему не повиновался, и он засмеялся над своей беспомощностью. Затем он хотел схватить за халат проходящую мимо медсестру, но промахнулся и снова засмеялся. Время больше не заботило его, и мозг уже не фиксировал происходящее.

А в операционной в это время дела шли своим чередом. Пенни О'Рили уже переделалась, обработала руки и принесла дымящийся лоток с инструментами на операционный столик. Мери Абруцци уже внесла и прикрепила дыхательный шланг в операционной.

– Сейчас еще один, доктор Гудмен, – сказала Мери, с помощью ножной педали подгоняя высоту операционного стола под высоту каталки.

– Вы совершенно правы, – жизнерадостно ответил доктор Гудмен.

Он дал раствору из капельницы стечь на пол, чтобы выдавить пузырьки воздуха:

– Я думаю, мы управимся быстро. Доктор Спаллек – один из самых опытных хирургов, которых я знаю, а пациент – молодой, здоровый мужчина. Держу пари, мы выйдем отсюда уже к часу.

Доктор Норман Гудмен работал в Мемориале уже восемь лет и одновременно преподавал в медицинской школе. У него была лаборатория на пятом этаже корпуса Хилтен, где он держал множество обезьян. В область его научных интересов входило развитие новой концепции анестезии путем воздействия на отдельные участки головного мозга. Он чувствовал, что наркотики должны обладать таким избирательным действием, чтобы действовать на ретикулярную формацию, выполняющую в мозге роль фильтра всех сигналов, идущих к его коре. Этим способом можно снизить, наверно, количество наркотика и его негативные эффекты.

Всего несколько недель назад он и его лабораторный ассистент доктор Кларк Нельсон натолкнулись на одно производное бутирофенона, которое избирательно снизило электрическую активность ретикулярной формации у одной обезьяны. Только величайшая самодисциплина позволила ему не воспарить на небеса, учитывая, что Результаты получены только на одном животном. Когда они стали повторять эксперименты, то нашли, что у восьми обезьян наблюдалось то же самое.

Как доктор Норман Гудмен хотел бы забросить всю остальную работу и посвящать все двадцать четыре часа в сутки своему открытию! Он планировал все более сложные эксперименты со своим препаратом, в том числе и на людях. Нельсон пылал еще большим энтузиазмом, и доктор Гудмен с величайшим трудом отговорил его от немедленной попытки введения небольшого количества препарата самому себе.

Доктор Гудмен знал, что настоящая наука покоится на фундаменте строгой методологии. Все должно исследоваться тщательно и объективно. Слишком ранние эксперименты на людях могут приводить к жалобам и неприятным открытиям, что печально и для врача, и для больного, и для препарата. Итак, доктор Гудмен держал себя в узде и придерживался строгой последовательности опытов, по крайней мере пока ему не захочется обнародовать свое открытие. И

вот в это понедельничное утро он "давал газ", как они называли это на своем жаргоне, то есть отдавал дань клинической анестезиологии.

– Черт, – сказал доктор Гудмен, выпрямляясь, – Мери, я забыл эндотрахеальную трубку. Сбегай в наркозную и принеси восьмой номер.

– Иду, – ответила Мери Абрुцци, исчезая за дверью операционной.

Доктор Гудмен рассортировал соединительные трубки для разных газовых смесей и подключил две из них – для закиси азота и для кислорода – к вентилю в стене операционной.

Шон Берман был четвертым и последним пациентом для Гудмена в этот день 1976 года. До этого ему пришлось работать с женщиной весом в сто тридцать три килограмма с желчнокаменной болезнью. Доктор Гудмен опасался, что огромная масса жира впитает в себя наркотик, а к концу операции начнет его выделять в кровь, затрудняя выход пациента из наркоза. Но его опасения не оправдались, и, хотя операция затянулась, больная проснулась очень быстро, как только удалили эндотрахеальную трубку и затянули последний шов.

Остальные два случая в этот день были банальными: венэктомия и геморроидэктомия. Берману же предстояла менискэктомия на правом колене, и доктор Гудмен предвкушал, что уже в час пятнадцать будет в своей лаборатории. Каждый понедельник Гудмен благословлял свою счастливую звезду, что у него хватило настойчивости продолжать свои научные изыскания. Клиническую анестезиологию он находил слишком скучной, слишком легкой, слишком банальной и надоедливой.

Единственно, что примиряло его с кликой по понедельникам, как он сам говорил окружающим, была возможность комбинировать препараты. Он любил, если не было противопоказаний, составлять индивидуальную схему анестезии, сочетая несколько наркотиков, вместо того, чтобы давать большие дозы одного. Нейролептоанальгезию он не любил, так как считал ее примитивной предшественницей грядущих типов анестезии.

Мери Абрюцци вернулась с эндотрахеальной трубкой.

– Мери, ты прелесть, – заметил Гудмен, проверяя все ли готово. – Ну, я думаю, можно начинать. Подавайте больного.

– С удовольствием. А то я не доберусь до своего обеда, пока мы не кончим. – И Мери снова исчезла.

Так как Берман не имел никаких противопоказаний, Гудмен решил избрать нейрорептоанальгезию. Он знал, что Спаллеку все равно, как и большинству хирургов-ортопедов. "Только усыпите его поглубже, чтобы я смог наложить этот проклятый жгут. Это все, что мне нужно" – был обычный ответ на вопрос, какой анестетик они предпочитают.

При нейрорептоанальгезии больному вводится мощный транквилизатор-нейрорептик и сильный анальгетик. Оба они обладают и быстро проходящим снотворным эффектом. Доктор Гудмен обычно пользовался дроперидолом и фентанилом, затем больному вводили пентотал, а наркоз поддерживали закисью азота и добавочными дозами равных объемов фентанила и дроперидола. Кроме того, для полного паралича скелетных мышц использовался яд кураре. При этом за больным было необходимо все время наблюдать, но доктор Гудмен с удовольствием выполнял все это, так как время для него при этом шло быстрее.

Санитар открыл двери для каталки, которую толкала Мери Абриуцци.

– Ваш ребеночек спеленут, доктор Гудмен. Он крепко спит, – прокомментировала Мери. Она опустила перильца каталки.

– Ну же, мистер Берман. Пора перебираться на стол, – Мери слегка потрясла Бермана за плечо. Он чуть приоткрыл глаза. – Помогите нам, мистер Берман.

С некоторым трудом Мери и санитар переложили Бермана на стол. Он почмокал губами, перевернулся на бок и натянул простыню до шеи; похоже было, что ему кажется, что он дома в собственной постели.

– Отлично, Рип Ван Винкль, теперь на спинку, – Мери перевернула Бермана на спину и вытянула его правую руку вдоль тела.

Берман спал, полностью отключившись от суеты вокруг себя. На его правое бедро надели манжету пневматического жгута. Правую его пятку закрепили на металлическом стояке в изножье стола так, чтобы вся нога оказалась приподнятой. Тед Колберт, ассистент, начал готовить операционное поле, обрабатывая колено Бермана спиртом.

Доктор Гудмен занялся своим делом. Время было 12.20. Давление у пациента было 110/75, пульс – 72 удара в минуту, ровный. Хотя с широким катетером манипулировать было неудобно, капельницу доктор поставил меньше чем за шестьдесят секунд.

Мери Абруцци установила электроды кардиомонитора, и вся комната наполнилась негромким монотонным попискиванием.

Вооружась полностью готовым аппаратом для анестезии, доктор Гудмен прикрепил шприц к капельнице.

– Ну, мистер Берман, я хочу, чтобы вы расслабились, – сострил Гудмен, улыбаясь Мери Абруцци.

– Если он еще больше расслабится, то просто растечется по столу, – засмеялась Мери.

Гудмен ввел в капельницу шесть кубиков инновара, того же сочетания фентанила и дроперидола, которое было использовано для премедикации. Затем он проверил роговичный рефлекс и отметил, что Берман уже находится в глубоком сне. Поэтому доктор Гудмен решил, что пентотал не понадобится. Вместо этого он начал подавать смесь закиси азота и кислорода, наложив на лицо Бермана черную резиновую маску. Давление было 105/75, пульс 62, ровный. Доктор Гудмен ввел в капельницу еще 0,4 миллилитра альфа-тубокурарина, препарата, которым современная цивилизация обязана диким племенам из амазонских джунглей. По телу Бермана прошла волна мышечных подергиваний, затем мускулатура полностью расслабилась, а самостоятельное дыхание прекратилось. Доктор Гудмен тут же выполнил интубацию и наполнил легкие Бермана газовой смесью из вентиляционного мешка, прослушав при этом дыхание в обоих легких. Они вентилировались полностью и симметрично.

Пока налаживали пневматический жгут, в операционную влетел доктор Спаллек, и операция началась. Доктор Спаллек одним разрезом вошел в полость сустава.

– Вуаля! – воскликнул он, держа скальпель на весу и наклоняя голову, чтобы рассмотреть результат своей деятельности. – А теперь легкое касание резца Микеланджело.

Глаза Пенни О'Рили скосились в ответ на театральную реплику доктора Спаллека. Пряча улыбку, она подала ему скальпель для менисков.

– Боже, благослови мой клинок, – произнес доктор Спаллек, отводя скальпель от струи раствора, которым ассистент промывал из груши операционное поле.

Скальпель погрузился в сустав, и несколько мгновений доктор Спаллек копался в ране вслепую, полагаясь только на осязание и поднося лицо к потолку. Послышался слабый скрежещущий звук, а затем щелчок.

– О'кей, – сказал доктор Спаллек сквозь стиснутые зубы, – а вот и обвиняемый. – Он вытащил поврежденный хрящик. – Смотрите все. Вот этот дефект, маленькая прореха на внутреннем крае, и была причиной всех неприятностей бедного парня.

Доктор Колберт перевел взгляд с хряща на Пенни О'Рили. Они согласно покивали друг другу, подумав, что этот разрез мог оставить и менисковый скальпель.

Доктор Спаллек отступил на несколько шагов от стола, чрезвычайно довольный собой, стянув перчатки.

– Доктор Колберт, что же вы не начинаете шить. 4-0 – хромированная нить, 5-0 – простая, 6-0 – шелк для кожи. Я буду в ординаторской, – и он быстро вышел.

Доктор Колберт несколько мгновений бесцельно копался в операционной ране.

– Как долго вы будете шить? – спросил Гудмен из-за своего экрана.

Доктор Колберт посмотрел на него:

– Минут пятнадцать-двадцать.

Он взял в руку иглодержатель, поданный Пенни. Только он начал шить, как Берман пошевелился. Одновременно Гудмен почувствовал некоторое сопротивление при очередном нажатии на вентиляционный мешок – Берман пытался дышать сам. Давление сразу поднялось до 110/80.

– Он приходит в сознание, – сказал доктор Колберт, стараясь разобраться со слоями тканей в ране.

– Я ему сейчас добавлю наркоза, – ответил Гудмен. Он ввел еще кубик инновара из подсоединенного к капельнице шприца. Позднее он признавал, что это было ошибкой. Нужно было ограничиться только фентанилом. Кровяное давление снизилось до 90/60, и наркоз опять стал глубоким. Пульс сначала подпрыгнул до 80, а затем упал до 72.

– Вот сейчас нормально, – прокомментировал доктор Гудмен.

– Отлично. Пенни, хромированный шовный материал, – сказал Колберт.

Ординатор успешно ушил суставную сумку и принялся за подкожные слои. Все молчали. Мери Абрुцци присела в уголке и включила маленький транзистор. Из него полилась слабая музыка.

Доктор Гудмен делал последние записи в листе анестезии.

– Кожные швы, – произнес доктор Колберт, выпрямляясь из полусогнутого положения.

Новый иглодержатель с тихим шлепаньем оказался в ожидающей его раскрытой ладони. Мери Абрюцци выплюнула старую и сунула в рот свежую жевательную резинку, приподняв нижний край маски.

Началось все с желудочковой экстрасистолы. Глаза Гудмена уперлись в кардиомонитор. Хирург-ординатор попросил еще шить. Доктор Гудмен увеличил подачу кислорода, чтобы вымыть из легких закись азота. За этим последовали еще две экстрасистолы, и частота сердечных сокращений возросла до 90 ударов в минуту. Изменение в разносящемся по операционной сердечном ритме заметила операционная сестра и вопросительно глянула на доктора Гудмена. Увидев, что он в курсе, она снова занялась своей работой, подавая хирургу иглодержатель с заправленной иглой всякий раз, когда он протягивал руку.

Доктор Гудмен прекратил подачу кислорода, полагая, что сердечная мышца могла оказаться чувствительной к его высокой концентрации, несомненно создавшейся в крови. Позже он тоже признал, что это могло быть ошибкой. Он продолжил продувать легкие Бермана сжатым воздухом. Берман все еще не начинал дышать сам.

Сразу же после этого на экране монитора проскочили несколько ранних желудочковых экстрасистол, и сердце самого доктора Гудмена ушло от испуга в пятки. Он прекрасно знал, что серии таких ранних экстрасистол часто бывают предшественниками остановки сердца. И его руки заметно дрожали, когда он нагнетал воздух в манжету тонометра. Давление стало 80/55, оно упало без видимых причин. Частота появления экстрасистол возросла. Звуковые сигналы кардиомонитора звучали все чаще и чаще, крича об опасности. Глаза доктора Гудмена лихорадочно обегали аппарат для анестезии и резервуар для поглощения углекислоты. Его мозг судорожно работал в

поисках объяснения происходящего. Пароксизмы тахикардии полностью вытеснили с экрана монитора нормальные сердечные сокращения, и зеленая точка со светящимся следом чертила почти беспорядочную линию.

– Что это за чертовщина?! – сердито воскликнул доктор Колберт, отрываясь от своих швов.

Доктор Гудмен не ответил. Его трясущиеся руки нащупали шприц.

– Лидокаин, – закричал он развозящей сестре.

Он сдирал пластиковый футляр с иглы, тот не поддавался.

– Боже мой! – воскликнул он и бросил шприц в стенку в полной беспомощности.

Он стащил пластиковую упаковку с другого шприца и снял пластмассовый наконечник с иглы. Мери Абруцци протянула ему флакон с лидокаином, но из-за сильной дрожи в руках он не с первого раза смог схватить его и проколоть иглой резиновую пробку флакона.

– Твою маму, парень собирается отдать концы, – не веря самому себе, произнес доктор Колберт.

Он уставился на монитор, продолжая сжимать в правой руке иглодержатель, а в левой – зажим.

Доктор Гудмен наполнил шприц лидокаином, флакон упал на пол и разбился. Сдерживая дрожь в руках, он попытался воткнуть шприц в трубку капельницы, но преуспел лишь в том, что уколол до крови свой собственный указательный палец. Завершая картину, из транзистора неслось унылое завывание Глена Кемпбелла.

Доктор Гудмен еще не успел ввести лидокаин в капельницу, как вдруг монитор внезапно вернулся к своему спокойному предкризисному ритму. Доктор Гудмен, не веря своим глазам, глядел на привычный нормальный след электронного сигнала. Затем он схватился за вентиляционный мешок и наполнил легкие Бермана. Кровяное давление поднялось до 110/60, а пульс замедлился до 70. Капли пота выступили на лбу доктора Гудмена, одна из них сползла на переносицу и упала на лист назначений. Его собственное сердце билось с частотой более 100 ударов в минуту. Он подумал, что клиническая анестезиология не всегда бывает однообразно скучной.

– Бога ради, что это было? – спросил доктор Колберт.

– Не имею ни малейшего представления, – сказал доктор Гудмен.

– Давайте заканчивать. Я хочу разбудить этого парня.

– Может, кардиомонитор сломался, – с надеждой сказала Мери Абруцци.

Ординатор наложил последние швы. Несколько минут доктор Гудмен ждал, пока они снимут жгут. Когда же его убрали, пульс слегка ускорился, но быстро вернулся к норме.

Ординатор стал накладывать гипс на ногу Бермана. Доктор Гудмен пока продолжал вентилировать легкие Бермана, одним глазом следя за кардиомонитором. Все было нормально, и Гудмен стал заполнять лист анестезии в промежутках между нажатиями на мешок. Когда гипс наложили, Гудмен выждал несколько мгновений, надеясь, что Берман начнет дышать сам, но этого не происходило. Доктор посмотрел на часы – 12.45. Ему захотелось дать Берману препарат – антагонист фентанила, чтобы нейтрализовать эффект угнетения дыхания, но в это же время он хотел уменьшить до минимума количество получаемых больным лекарств. Его собственная влажная от волнения и липкая кожа живо напомнила ему, что случай Бермана из ряда вон выходящий.

Гудмен подумал, придет ли Берман вообще в себя, если до сих пор не делает попыток дышать. Он проверил роговичный рефлекс – ничего. Приподняв веко Бермана, Гудмен увидел нечто очень странное. Обычно при действии фентанила и других сильных наркотиков зрачок сильно сужался. А зрачок Бермана был таким огромным, что занимал практически всю радужку. Гудмен достал карандаш-фонарик и осветил Берману в глаза, но зрачок не реагировал. Не в силах поверить в случившееся доктор Гудмен снова и снова светил фонариком, пока не убедился, что глаза его не обманывают. И тогда он прошептал: "Боже милосердный!"

Понедельник, 23 февраля

12 часов 34 минуты

Для Сьюзен Уилер и четырех ее товарищей стремительный бросок к лифтовому холлу прекрасно соответствовал их представлениям о клинической медицине, как о чем-то, требующем напряжения всех сил. В их безудержном натиске было что-то драматическое. Изумленные больные, в ожидании своих врачей сидевшие в коридоре и перелистывающие старые номера "Нью-Йорк Мэгэзин", завидя несущуюся группу, поджимали ноги. Они провожали удивленным взглядом бегущих людей, придерживающих на ходу выпрыгивающие из карманов ручки, фонарики-карандаши, стетоскопы и другие атрибуты врачебной профессии.

Головы больных, как по команде, поворачивались вслед удаляющейся по коридору группе. В голове у каждого возникла мысль – вот врачи спешат на срочный вызов, и каждый удовлетворенно отмечал, как ревностно они бегут выполнять свой долг. Воистину, Мемориал был великой больницей.

Возле лифта возникло моментальное замешательство. Беллоуз давил на кнопку "Вниз" так, как будто этот кусочек пластика мог ускорить движение лифта. Указатели этажей над всеми лифтовыми дверьми показывали, что лифты неспешно поднимаются, останавливаясь на каждом этаже, чтоб неторопливо выгрузить и принять пассажиров. Для случаев крайней срочности рядом с лифтами был предусмотрен телефон. Беллоуз схватил трубку и вызвал дежурного. Тот не ответил. Бывало, дежурные в Мемориале отвлекались минут на пять, чтоб звякнуть домой.

– Чертовы лифты, – прошипел Беллоуз, в десятый раз тыкая в кнопку вызова лифта. Его глаза прыгнули с дверей, ведущих на лестничные пролеты, на лифтовой указатель. "Лестница", – наконец решительно сказал он.

Через секунду группа влетела на лестницу и начала свой длинный спиралевидный марш-бросок с десятого этажа на второй. Лестница казалась бесконечной. Прыгая через две-три ступеньки, они совершали бессчетные левые повороты. Миновали шестой этаж. На четвертом

притормозили до шага, так как из-за отсутствия лампочки в пролете царила темнота. Затем снова побежали.

Файрвизер стал замедлять ход, и Сьюзен обошла его на повороте.

– Я не понимаю, какого черта мы так несемся, – пропыхтел он, когда Сьюзен сравнялась с ним. "Пока парадом команду Беллоуз и ему подобные, я не могу что-либо предположить. Что будет дальше – не знаю, но и не хочу высовываться".

Файрвизер перешел на медленный шаг и быстро отстал. Сьюзен подбегала к площадке третьего этажа, когда услышала, как Беллоуз колотится в запертую дверь на втором. Он изо всех сил завопил, чтоб ему открыли, и его голос разнесся по лестничной клетке, отражаясь и замирая. Когда Сьюзен достигла второго этажа, дверь уже открыли. Найлз придержал для нее створку, и она вошла в коридор. От непрерывных поворотов налево у нее кружилась голова, но она не остановилась, а пошла вместе со всеми прямо к БИТу.

Теперь, по контрасту с полумраком лестницы, палата была залита светом люминесцентных ламп так, что казалось, каждый предмет светится отраженным светом. Белый виниловый пол усиливал этот эффект. В углу три сестры блока делали закрытый массаж сердца Нэнси Гринли. Беллоуз, Картрайт, Рейд и другие рванулись к кровати.

– Не загораживай экран, – сказал Беллоуз, глядя на кардиомонитор. Медсестра, стоявшая на коленях справа у края кровати Нэнси, отстранилась и выпрямилась. Сигнал на экране выписывал хаотичные зубчатые ломаные линии.

– Фибрилляция у нее уже четыре минуты. А массаж мы начали секунд десять назад, – сообщила Шергуд, следя за монитором.

Беллоуз быстро встал справа от Нэнси и нанес сильный удар кулаком по груди, глядя на экран. Сьюзен вздрогнула от тупого звука удара. Кривая на кардиомониторе не изменилась.

– Картрайт, пощупай пульс на бедренной артерии, – приказал Беллоуз, не отрывая глаз от сигнала. – И зарядите дефибриллятор на 400 Джоулей, – это распоряжение прозвучало для всех. Одна из сестер принесла дефибриллятор.

Сьюзен и другие студенты прижались к стене, осознавая себя простыми наблюдателями, и, как бы им не хотелось, они не могли ничем поучаствовать в бешеной активности, разворачивающейся вокруг.

– Пульс определяется, хорошего наполнения, – сообщил Картрайт, прижимая руку к внутренней поверхности бедра Нэнси.

– С чего это все началось? Были какие-нибудь признаки? – на выдохе произнес Беллоуз, нажимая на грудину Нэнси. И он кивнул головой на монитор.

– Очень мало, – ответила Шергуд. – Можно было предположить усиление электрической нестабильности сердца по нескольким желудочковым экстрасистолам, затем наступила атриовентрикулярная блокада. Этот эпизод мы успели записать на ЭКГ. – Шергуд подала Беллоузу ленту. – Дальше пошли серии экстрасистол, и затем – фибрилляция.

– А до этого что было? – спросил Беллоуз.

– Ничего.

– Ладно, – сказал Беллоуз, – откройте ампулу бикарбоната и сделайте десять кубиков эpineфрина в разведении один на тысячу в шприц для внутрисердечных инъекций.

Сестры стали выполнять его распоряжения.

– Кто-нибудь, возьмите у нее кровь и быстро пошлите анализ на кальций и электролиты, – сказал Беллоуз, когда Рейд сменил его. Он пощупал бедренный пульс Нэнси и остался доволен.

– Вероятно, с ней то же, о чем Биллинг рассказывал на конференции по ее случаю, то же самое, что с ней случилось первый раз на операции, – он принял от сестры шприц с эpineфрином, выдавил из него остатки воздуха, подняв его вверх.

– Не совсем, – отреагировал Рейд. – Во время операции у нее не было фибрилляций.

– Да, она не фибриллировала, но у нее были групповые экстрасистолы. Очевидно, что сердце тогда, как и сейчас, обладало повышенной возбудимостью. Ну, ладно, за дело. – Беллоуз встал с левой стороны Нэнси с поднятым шприцем. Рейд прекратил на время массаж сердца, чтобы Беллоуз мог определить положение сердца по ориентиру, называемому углом Луиса. Затем он нащупал четвертый реберный промежуток.

Игла для внутрисердечных инъекций была около десяти сантиметров длиной, на ее стальном боку играл отблеск света. Беллоуз решительно воткнул ее в грудь девушки по самое основание. Слегка

оттянул поршень шприца. В шприце показалась темно-красная жидкость, смешивающаяся с прозрачным раствором эпинефрина.

– Нормально, – прокомментировал Беллоуз и быстро выдавил раствор прямо в сердце Нэнси.

По коже Сьюзен пробежали мурашки, когда она живо представила себе, как игла, вонзаясь в грудь Нэнси, раздвигает беспорядочно сокращающуюся мышцу сердца. Настолько живо, что почувствовала холод стали иглы в своем собственном сердце.

– Давай дальше, – сказал Беллоуз Рейду, отступившему от кровати.

Тот снова принялся за массаж. Картрайт затряс головой, сигнализируя, что бедренный пульс усилился.

– Старк будет писать кипятком, когда узнает о сегодняшнем, особенно после своей лекции о повышении бдительности в отношении подобных случаев. Черт, зачем мне эта головная боль! Если она гикнется, он меня просто пришьет.

Сьюзен с трудом переварила тираду Беллоуза. Снова она оказалась лицом к лицу с тем, что Беллоуз, да и весь персонал, не думали о Нэнси Гринли как о личности, индивидуальности. Больной рассматривался как часть некой сложной игры, как что-то вроде футбольного мяча, который команды гоняют по полю. Команды же волновало только то, какое место и преимущество они получают при выигрыше. Нэнси Гринли была лишь технической задачей, которую нужно решить. В конце концов становился важен не результат, а сам процесс ежедневной игры, ее ходы и пасы.

Сьюзен ощутила острое чувство раздвоенности в отношении клинической медицины. Ее женская чувствительность оказалась крупным недостатком в этой атмосфере механистичности и сиюминутной выгоды. Она молча вздохнула по старой доброй лекционной аудитории с ее абстракциями. Реальность же оказалась такой отрезвляющей, жесткой и холодной.

С другой стороны, она испытывала академическое удовлетворение, глядя, как ейгодились базовые научные знания, приобретенные в аудитории. Из физиологических экспериментов с сердцами животных она знала, что беспорядочные сокращения – фибрилляции сердца Нэнси Гринли – можно прекратить, только деполяризовав всю массу сердечной мышцы, сведя всю электрическую

активность к нулевой точке, после чего мог восстановиться нормальный автоматический ритм сердца.

Сьюзен вытянула шею, чтобы рассмотреть, как Беллоуз накладывает электроды дефибрилятора на обнаженную грудь Нэнси. Один он приложил к груди, а остальные расположил на левой части грудной клетки, деформировав бледную левую грудь Нэнси.

– Все прочь от кровати! – приказал Беллоуз.

Он нажал большим пальцем на контакт, и мощный электрический заряд прошил грудную клетку девушки. Тело Нэнси подпрыгнуло, руки подскочили и хлопнули по груди, упав ладонями вниз. Электронный сигнал пропал с экрана, затем снова появился, оставляя за собой вполне нормальный след.

– Пульс хороший, – сказал Картрайт.

Рейд продолжил наружный массаж. Сердечный ритм оставался стабильным несколько минут. Затем проскочила экстрасистола. Через несколько минут нормального ритма прошли три экстрасистолы подряд.

– Желудочковая тахикардия, – доверительно поведала Шергуд, – сердце все еще очень возбудимо. Видимо, причина в нарушении какого-то глобального показателя.

– Если вы знаете его, Бога ради, не скрывайте от нас, – отозвался Беллоуз. – А теперь сделайте мне пятьдесят кубиков лидокаина.

Одна из сестер набрала лидокаин в шприц и подала Беллоузу, который ввел его в капельницу. Сьюзен придвинулась поближе, чтобы лучше видеть экран кардиомонитора.

Несмотря на лидокаин, ритм быстро ухудшался, фибрилляции возобновились. Беллоуз выругался, Рейд снова принялся за массаж, сестра зарядила дефибрилятор.

– Какая чертовщина здесь происходит? – спросил Беллоуз кивая, чтоб ему подали еще одну ампулу бикарбоната. Вопрос, впрочем, был чисто риторическим, ответа на него он не ждал.

Новую дозу эпинефрина ввели в капельницу, затем снова сделали дефибрилляцию. Ритм снова вернулся в видимое состояние нормы, но потом экстрасистолы появились снова, несмотря на добавочную дозу лидокаина.

– Те же проблемы, которые были у них в операционной, – отметил Беллоуз, наблюдая, как экстрасистолы учащаются, сливаясь в

пароксизмы фибрилляции. – Твоя очередь, Рейд, давай, мальчик. Давайте дальше, ребята.

К 13.15 Нэнси Гринли дефибриллировали уже в двадцать первый раз. После каждого электрического разряда ритм восстанавливался только на короткое время, затем фибрилляция возобновлялась. В 13.16 зазвонил телефон. Ответил палатный регистратор, записывающий всю информацию. Звонили из лаборатории насчет анализа электролитного баланса. Все было в норме, кроме уровня калия, он был очень низкий – 2,8 миллиэквивалента на литр.

Регистратор передал результаты одной из сестер, которая показала их Беллоузу.

– Мой Бог! Два и восемь! Из-за чего же это случилось? Ну что ж, вот и ответ. Так, введем ей калий. Ввести во флакон капельницы восемьдесят миллиэквивалентов и увеличить скорость капельницы до двухсот миллилитров в час.

Нэнси Гринли отреагировала на этот приказ, немедленно свалившись в двадцать второй пароксизм фибрилляции. Сестры добавили калий в капельницу.

Сьюзен была полностью поглощена развернувшимся перед ней полным процессом реанимации. Она настолько сосредоточилась на нем, что пропустила свое имя, которое прохрипел динамик внутрибольничной системы оповещения возле главного поста. Оповещение трудилось все время, пока они были заняты Нэнси Гринли, выкликая имена врачей после номера шифра вызова. Но звуки смешивались и поглощались общим шумовым фоном, и Сьюзен забыла об этом обстоятельстве, пока звучание ее фамилии, произносимое с номером 381, не прорвалось в бокс.

Сьюзен с неохотой покинула свое место у стены и подошла к местному телефону на главном посту.

381-й номер был шифром послеоперационной палаты, и Сьюзен очень удивилась, что ее вызывают оттуда. Она назвалась просто как Сьюзен Уилер, а не как доктор, и спросила, зачем ее вызывают. Оператор попросил ее не вешать трубку и через секунду вернулся:

– Нужно сделать забор артериальной крови у больного оттуда для анализа газов крови.

– Газов крови?

– Да. Кислород, углекислота, кислотность. Это нужно быстро.

– А откуда у вас мое имя? – спросила Сьюзен, крутя телефонный провод. Она надеялась, что это какая-то ошибка, что вызвали именно ее.

– Я делаю только то, что мне приказывают. Ваше имя в истории болезни. Запомните, это срочно, – и трубку повесили, прежде чем Сьюзен успела ответить.

Да ей и нечего было добавить. Она положила трубку и пошла обратно в бокс Нэнси Гринли. Там Беллоуз снова устанавливал электроды. Разряд снова прошел тело больной, а руки ее бессильно хлопнули. Этот хлопок одновременно был выразительным и внушал жалость. Монитор снова показал нормальный ритм.

– Пульс хороший, – отозвался Картрайт со своей позиции у бедренного пульса.

– Мне кажется, она уже лучше держит синусовый ритм сейчас, когда часть калия уже пошла в кровь, – сказал Беллоуз, глядя, прищуриваясь на экран монитора.

– Доктор Беллоуз, – произнесла Сьюзен во время этого затишья, – я получила вызов взять артериальную кровь на анализ газового состава в послеоперационной.

– Поздравляю, – безучастно ответил Беллоуз и повернулся к Шергуд, – где же, во имя Неба, эти ординаторы? Бог мой, когда они нужны, они будто проваливаются. Но только попробуйте взять кого-нибудь на операцию, как они налетают словно стервятники, и ваша операция уплывает из-под носа.

Картрайт и Рейд натянуто засмеялись.

– Вы не поняли, доктор Беллоуз, – повторила Сьюзен, – я никогда не делала артериального укола. Я даже не видела, как это делается.

Беллоуз перевел взгляд с монитора на Сьюзен.

– Иисусе, у меня нет времени сочувствовать! Это то же самое, что и венозный укол, только делается в артерию. Какого черта вы торчали два года в медицинской школе?

Сьюзен почувствовала, что ей хочется начать оправдываться, и ее лицо покраснело.

– Ничего не говорите, – быстро сказал Беллоуз. – Картрайт, пойдите со Сьюзен и...

– Через пять минут у меня тироксидэкемия, на которую вы меня записали с доктором Джакобсом, – прервал его Картрайт, глядя на

часы.

– Черт, – сказал Беллоуз. – Ладно, доктор Уилер, я пойду с вами и покажу, как делать артериальный укол, но не раньше, чем здесь все утрясется. Сейчас дела пошли на поправку, поэтому я и смогу это сделать. – Беллоуз повернулся к Рейду. – Пошлите еще кровь на анализ, пусть повторят калий. Посмотрим, как у нас дела. Может, мы уже выкарабкались.

Стоя в ожидании, Сьюзен думала о последних словах Беллоуза. Он снова использовал местоимение "мы" вместо того, чтобы сказать, что выкарабкалась Нэнси Гринли. Она подумала, что это все вполне соответствует обезличиванию, царящему в больнице. И это напомнило ей Старка. Не похоже, чтобы он перестал обращать внимание на местоимения в речи Беллоуза.

Понедельник, 23 февраля

13 часов 35 минут

– Еще несколько таких деньков, – сказал Беллоуз, придерживая дверь для Сьюзен, когда они выходили из БИТа, – и обед можно рассматривать как роскошь. Съешь и любое... – Беллоуз запнулся. Они шли по коридору, опустив глаза в пол. Он искал слово, а затем бросил неоконченную фразу и начал новую: – Временами трудно выкроить время, чтобы расслабиться.

– Вы хотели сказать "любое дерьмо"? Да?

Беллоуз искоса посмотрел на нее. Она вернула ему взгляд со слабой улыбкой.

– Прошу вас, не пытайтесь в моем присутствии вести себя иначе, чем обычно.

Беллоуз внимательно взглянул на Сьюзен, но ее лицо оставалось бесстрастным. Они в молчании миновали зону для больных, ожидающих операции.

– Как я уже сказал вам, артериальный укол практически не отличается от венозного, – начал Беллоуз, меняя тему разговора. Он чувствовал, что Сьюзен выводит его из равновесия, и попытался перехватить инициативу. – Вы фиксируете артерию, неважно какую, плечевую, лучевую, бедренную – вот так... – он пошевелил пальцами левой руки, нащупывая в воздухе воображаемую артерию, – между указательным и средним пальцами. Зажав ее, вы почувствуете пульс. И дальше направляете иглу, руководствуясь пульсацией. Лучше всего позволить крови под давлением самой наполнить шприц. Это позволяет избегать пузырьков воздуха, которые влияют на результаты анализа.

Беллоуз направился в послеоперационную, продолжая жестикулировать в воздухе.

– Две важные особенности: нужно использовать гепаринизированный шприц, чтоб кровь не свернулась, и нужно минут на пять приложить давление к месту укола. Если вы этого не сделаете, у больного в этом месте будет здоровый синяк.

Послеоперационная показалась Сьюзен ужасно знакомой и похожей на БИТ, только была посветлее, пошумнее, полуднее. Рассчитана была она на пятнадцать – двадцать каталок с послеоперационными больными. Каждое место для каталки было снабжено комплектом встроеного в стену оборудования, включающего кардиомонитор, вентили для подводки газовых смесей, отсос. Большинство мест было занято высокими каталками с поднятыми перильцами. Во всех них лежали больные с перевязанными бинтами частями тела. В стояках капельниц громоздились флаконы, напоминая уродливые плоды деревьев без листьев.

Какие-то новые каталки привозились, другие увозились, создавая мини-пробки. Персонал при этом непрерывно обсуждал какие-то свои проблемы, чувствуя себя как дома. Иногда кто-то даже смеялся. Но слышались и стоны, какой-то ребенок рядом с сестринским постом жалобно поскуливал, но на него никто не обращал внимания. Некоторые каталки были окружены толпой из врачей и сестер, деятельно подкручивающих, подсоединяющих сотни трубочек, бутылочек, вентилях. Некоторые врачи были одеты в мятые хирургические костюмы, забрызганные всякой всячиной, но чаще кровью. На других были длинные белые халаты, стоящие колом от крахмала. Да, это было жаркое местечко, больничный перекресток, переполненный больными, историями болезни, движением и разговорами.

Беллоуз, почувствовав неопределенное беспокойство, направился к главному посту, стратегически расположенному в центре зала. В ответ на его требование ему вручили лоток с гепаринизированным шприцем и указали на каталку слева, напротив двери, через которую они вошли.

– Сейчас я сделаю все сам, а вы – в следующий раз, – сказал Беллоуз.

Сьюзен кивнула. Они подошли к каталке. Пациент не был виден, так как дорогу им загораживали спины столпившихся вокруг людей. Слева стояли несколько сестер, двое врачей в хирургических пижамах – в ногах каталки, а высокий чернокожий врач в длинном белом халате находился справа от больного. Когда Беллоуз и Сьюзен подошли поближе, он регулировал давление в аппарате искусственного дыхания, и было заметно, что он только что закончил говорить.

Атмосфера вокруг каталки была накаленной. Оба врача в пижамах выглядели очень озабоченными. Было видно, что тот, кто ниже ростом – доктор Гудмен, – буквально трясется от напряжения. Второй, доктор Спаллек, гневно сжал зубы, шумно выдыхая воздух через расширенные ноздри, словно собираясь напасть на любого, кто встанет ему поперек дороги.

– Но этому должно быть какое-то объяснение, – продолжал разъяренный Спаллек. Он рванул хирургическую маску, висящую у него на шее, и, оборвав завязки, бросил на пол. – Мне кажется, я не слишком о многом спросил! – прошипел он, но внезапно развернулся и пошел прочь, на ходу налетев на Беллоуза. Тот чудом удержал лоток, не просыпав содержимое на пол. Извинений от доктора Спаллека не последовало. Он пересек зал и, пинком ноги растворив дверь, вышел.

Беллоуз направился к каталке и встал слева от больного, поставив лоток. Сьюзен осторожно последовала за ним, наблюдая за выражением лиц оставшихся. Чернокожий врач выпрямился, его темные глаза проводили спину удаляющегося в гневе доктора Спаллека. Сьюзен заметила, что вид у этого врача был очень импозантный. На нагрудной карточке значилось: доктор Роберт Гаррис. Он был высок, под метр девяносто. Его гладкая коричневая кожа блестела, а на лице удивительным образом сочетались выражение культурности и сдерживаемая ярость. Все его движения были как-то неестественно спокойны. Проводив взглядом доктора Спаллека, его глаза скользнули по лицу Сьюзен и снова вернулись к респиратору возле кровати. Если он и заметил Сьюзен, то никак этого не выдал.

– Что вы использовали для премедикации, Норман? – спросил Гаррис. В его речи прозвучал окультуренный техасский акцент, если такое сочетание возможно.

– Инновар, – ответил Гудмен высоким ломающимся голосом.

Сьюзен придвинулась к кровати поближе и стала на место Спаллека. Она внимательно изучала стоявшего рядом с ней страдальческий сморщенного доктора Гудмена. Он был бледен, а его волосы матово блестели от испарины, выступившей на лбу. У него был выступающий нос, который Сьюзен видела точно в профиль. Глубоко посаженные немигающие глаза были прикованы к больному.

Глаза Сьюзен пробежали по лежащему больному и остановились на запястье, которое Беллоуз протирал, чтобы сделать укол. Затем с

преувеличенной силой внезапного узнавания метнулись к лицу больного. Это был Берман!

Теперь, по контрасту с тем здоровым загаром, который Сьюзен отметила у него в 503-й палате еще полтора часа назад, его лицо приобрело темно-серый оттенок. Кожа туго обтягивала скулы. Эндотрахеальная трубка торчала у него изо рта, нижняя губа была покрыта коркой. Глаза были неплотно прикрыты, левая нога закована в большой гипсовый лубок.

– С ним все в порядке? – выпалила Сьюзен, попеременно глядя на Гарриса и Гудмена. – Что случилось? – она произнесла это не думая, под влиянием эмоционального импульса, почувствовав неладное. Беллоуз, изумленный ее внезапными вопросами, оторвался от своей работы, продолжая держать шприц в правой руке. Гаррис медленно выпрямился и повернулся к Сьюзен. Гудмен же продолжал смотреть на больного.

– Все в абсолютном порядке, – ответил Гаррис. На этот раз в его голосе прозвучал оксфордский акцент, напомнивший о проведенных там годах учения. – Давление, пульс, температура совершенно нормальные. По-видимому, ему так понравился наркотический сон, что он просто решил не просыпаться.

– Только не еще один! – воскликнул Беллоуз, переключаясь на Гарриса и мгновенно сообразив, что ему в руки плывет еще одна проблема вроде Нэнси Гринли. – Что на электроэнцефалограмме?

– Вы узнаете об этом первым, – ответил Гаррис с оттенком сарказма, – ее сейчас будут делать.

Сначала осознание ситуации для Сьюзен было затруднено охватившими ее эмоциями, надежда на мгновение взяла верх над доводами разума. Понимание же реальности подействовало на нее как ушат холодной воды.

– ЭЭГ?! – с ужасом спросила Сьюзен. – Вы думаете, с ним то же, что и с больной там, в БИТе? – ее взгляд переходил с Бермана на Гарриса и Беллоуза.

– О какой больной идет речь? – спросил Гаррис, беря в руки лист анестезии.

– Осложнение после диагностического выскабливания, – ответил Беллоуз. – Вы помните, восемь дней назад, девушка двадцати трех лет.

– А-а, я надеюсь, нет, – сказал Гаррис, – но начало очень напоминает тот случай.

– А какая была анестезия? – задал вопрос Беллоуз, приподнимая правое веко Бермана и заглядывая в огромный зрачок.

– Нейролептоанальгезия с закисью, – ответил Гаррис. – А девушка была на галотане. Если клинически эти случаи будут идентичны, то наркотик не при чем, – Гаррис посмотрел в лист анестезии и обратился к Гудмену. – А зачем вы дали ему дополнительно кубик инновара к концу операции, Норман?

Доктор Гудмен не отреагировал, и Гаррис повторил вопрос.

– Больной начал приходить в сознание, – ответил Гудмен, выходя из состояния ступора.

– Но почему инновар так поздно? Не благоразумней ли было обойтись фентанилом?

– Наверно. Да, я должен был использовать один фентанил. Но инновар был под рукой, и я использовал только один миллилитр.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила Сьюзен с отчаянием в голосе. В ее памяти мелькали обрывки воспоминаний о Нэнси Гринли и Бермане во время их беседы в 503-й палате. Она отчетливо вспомнила переполнявшую его жизнь и никак не могла совместить это с восковой безжизненной фигурой на каталке.

– Все, что было возможно, уже сделано, – категорично сказал Гаррис, возвращая лист анестезии Гудмену. – Все, что можно сделать теперь, это ждать, восстановятся ли хоть какие-нибудь функции головного мозга. Но его зрачки сильно расширены, это плохой прогностический признак, позволяющий предположить смерть мозга.

Сьюзен почувствовала, как земля уходит из-под ее ног. Она вздрогнула, ощущение пропало, но в голове осталась звенящая пустота. Ею овладело отчаяние.

– Ну это слишком! – внезапно разразилась она эмоциями. Ее голос дрожал. – Здоровый молодой мужчина после пустяковой операции на ноге стал как... как растение, овощ. Боже мой, так не может продолжаться. Двое таких молодых людей, и меньше, чем за две недели? Риск анестезии слишком велик. Почему главный анестезиолог не закроет отделение? Здесь что-то не так! Как это разрешают?!

Глаза Роберта Гарриса суживались, пока Сьюзен говорила. Наконец, он резко оборвал ее. Рот Беллоуза открылся от испуга.

– Случайно именно я являюсь главным анестезиологом, молодая леди. А кто, с позволения сказать, вы?

Сьюзен открыла было рот, но Беллоуз нервно перебил ее:

– Это Сьюзен Уилер, доктор Гаррис, студентка третьего курса, у нее сейчас цикл по хирургии, и... мы только хотели взять кровь на анализ газов и уйти, – Беллоуз возобновил свои труды над кистью Бермана, быстро водя по ней губкой, пропитанной спиртом.

– Мисс Уилер, – продолжил Гаррис снисходительно, – ваши эмоции здесь неуместны и только мешают работать. Все, в чем мы действительно нуждаемся в таких случаях, это в установлении причины случившегося. Я уже сказал доктору Беллоузу, что наркотические агенты были различны при этих двух операциях. Анестезия была практически безупречной, кроме небольшого огреха. Короче говоря, оба этих случая являются практически неотвратимыми заранее, идиопатическими реакциями на сочетание анестезии и оперативного вмешательства. И необходимо научиться определять возможность такой реакции у конкретных больных заблаговременно, чтобы предупредить развитие подобного рода трагических исходов. Осуждать технику анестезии со стороны и, таким образом, лишать нуждающихся в хирургическом вмешательстве больных возможности лечиться было бы гораздо хуже, чем смириться с определенным минимальным риском анестезии. Что...

– Два случая за восемь дней едва ли можно назвать минимальным риском, – запальчиво прервала его Сьюзен.

Беллоуз пытался сделать Сьюзен страшные глаза, но она не смотрела на него, а, уставясь на Гарриса, изливалась в страстном протесте.

– Сколько подобных случаев было за последний год? – спросила она.

Глаза Гарриса несколько секунд буравили лицо Сьюзен, прежде чем он начал говорить:

– Я вдруг подумал, что эта беседа очень напоминает перекрестный допрос; в этом случае она не может продолжаться, как бесплодная и нестерпимая.

Не ожидая ответа, Гаррис прошел мимо Сьюзен и направился к выходу.

Сьюзен повернулась вслед за ним. Беллоуз ухватил ее за правую руку и попытался заставить замолчать. Сьюзен отмахнулась от него и закричала в спину Гарриса:

– Я не хочу показаться дерзкой, но мне кажется, что все равно здесь нужно, чтоб хоть кто-то начал задавать вопросы и что-то делать!

Гаррис внезапно остановился, отойдя метра на три от Сьюзен, и очень медленно повернулся к ней. Беллоуз крепко зажмурился, как будто ждал, что его сейчас стукнут по голове.

– Я предполагаю, что самая подходящая кандидатура – студентка медицинской школы. К вашему сведению, на случай, если вы собираетесь нас погонять с кнутом, скажу, что было шесть подобных случаев за последние несколько лет. А сейчас, с вашего разрешения, меня ждет работа.

Он снова повернулся и пошел дальше.

– Интересно, а ваши эмоции помогают вам работать? – снова воскликнула Сьюзен.

Беллоуз, чтобы устоять на ногах, оперся о каталку. Гаррис остановился, но не повернулся к ней и ничего не ответил, затем быстро пошел к двери, пинком открыл ее и исчез.

Беллоуз схватился руками за голову.

– Тысяча чертей, Сьюзен, что ты хочешь добиться, это же профессиональное самоубийство! – Беллоуз подошел к ней и повернул ее к себе. – Это же был Роберт Гаррис, главный анестезиолог! Боже мой!

Он в третий раз принялся за свои приготовления, действуя быстрыми нервными движениями.

– Знай, что уже просто мое присутствие при том, что ты выделяла, поставило меня в очень неприятное положение. Ну какого черта ты стала сыпать обвинениями? – Беллоуз нащупал лучевую артерию и воткнул иглу в кожу чуть пониже большого пальца на запястье Бермана. – Мне придется сочинить Старку какую-нибудь благовидную историю прежде, чем до него дойдут сплетни. Сьюзен, зачем тебе понадобилось доводить его до исступления? Ты же не имеешь ни малейшего представления о порядках здесь, в больнице.

Сьюзен наблюдала, как Беллоуз делает артериальный укол. При этом она тщательно старалась не смотреть на изможденное лицо

Бермана. Шприц начал заполняться кровью очень яркого красного цвета.

– Он сам дошел до иступления, потому, что сам хотел. Я думаю, что я не сказала ничего особенного, если не считать последнего вопроса, но он заслужил его.

Беллоуз ничего не ответил.

– Во всяком случае, я не хотела его разозлить... Ну, может быть, это получилось само собой, – она подумала немного, – ты знаешь, я разговаривала с этим больным только час назад. Это к нему меня вызвали из БИТа. В это просто нельзя поверить, он же был совершенно нормальный, здоровый. И... я... мы поговорили, я почувствовала, как будто давно его знаю. Я ощутила к нему расположение. Вот что доводит меня до иступления, вгоняет в дикую тоску. А отношение Гарриса к этому еще ухудшило настроение.

Беллоуз отозвался не сразу. Он поискал на лотке колпачок для шприца.

– Ничего не говори мне больше, – наконец, сказал он. – Я ничего не хочу больше слышать. На, поддержи шприц, – он отдал Сьюзен шприц и приготовил ванночку со льдом. – Сьюзен, я боюсь, ты станешь для меня здесь истинным несчастьем. Ты еще не знаешь, как кто-нибудь вроде Гарриса может размазать тебя по столу. Давай, придави место укола.

– Марк? – позвала Сьюзен, надавливая на запястье Бермана, но глядя в глаза Беллоуза. – Ты не возражаешь, если я буду звать тебя Марк?

Беллоуз взял шприц и устроил его в ванночке со льдом.

– Я не знаю, если говорить честно.

– Марк, а что, если, допустим, эти шесть случаев – а с Берманом, если подтвердится, все семь – являются только частью случаев смерти мозга?

– Но ведь здесь делается так много операций, Сьюзен. Часто бывает больше сотни в день, то есть тысяч двадцать пять в год. И эти шесть случаев – меньше двух сотых процента. Это укладывается в величину риска анестезии.

– Может и так, но ведь и эти шесть случаев относятся только к одному типу осложнений, а не ко всем факторам риска. Слушай, ведь сегодня утром в БИТе ты сам сказал, что осложнение Нэнси Гринли

встречается один раз на сто тысяч. А сейчас доказываешь мне, что шесть на двадцать пять тысяч – это мало. Ерунда. Это слишком много, как бы ты, или Гаррис, или кто бы то ни был еще в больнице, к этому не относились. Интересно, ты сам завтра пошел бы оперироваться с таким риском, если бы не крайняя необходимость? Знаешь, чем больше я думаю об этом, тем больше беспокоюсь.

– Ну ладно, тогда не думай об этом. Давай двигать отсюда.

– Минуту. Ты знаешь, что я сделаю?

– Не имею представления и не уверен, что захочу поиметь.

– Я собираюсь исследовать эту проблему. Шесть случаев – этого хватит, чтобы сделать определенные выводы. Мне многим надо заняться на третьем курсе, и я должна сделать это во имя Шона.

– О-о, Христа ради, Сьюзен, давай без мелодрамы!

– Я без мелодрамы. Я должна ответить на вызов. Шон сказал мне, что я не похожа на врача. Наверно, это так. Я не смогла с профессиональным хладнокровием смотреть на все. Ты можешь сказать, что я веду себя как маленькая. Сейчас передо мной снова стала проблема, очень серьезная проблема. Может быть, на этот раз я окажусь на большей высоте. Может, эти случаи – это новый симптомокомплекс или заболевание. Или новый вид осложнений при анестезии из-за какой-то особенной чувствительности этих людей, например, из-за, инсультов, которые они перенесли в прошлом.

– Флаг тебе в руки, – ответил Беллоуз, собирая все принадлежности в лоток. – Честно говоря, все это выглядит как адски трудная проблема твоей собственной эмоциональной или психологической адаптации. Кроме того, я думаю, ты только зря потеряешь время. Я разговаривал с доктором Биллингом, анестезиологом на операции Гринли, так он прочесал все частым гребнем. И уж поверь мне, он не дурак. Он сказал, что нет абсолютно никакого объяснения тому, что произошло.

– Что ж, ценю твою поддержку, – прокомментировала Сьюзен. – Так я начну с той больной в БИТе?

– Подожди, Сьюзен, дорогая. Я хочу, чтоб для тебя кристально ясным было одно. – Беллоуз поднял раздвинутые в виде буквы V – Никсоновском жесте победы – указательный и средний пальцы. – С Гаррисом я шутить не хочу и никаким боком не буду в этом

участвовать. Если ты достаточно сумасшедшая, чтобы этим заниматься, это твои личные трудности – от А до Я.

– Марк, ты просто пресмыкаешься перед ним.

– Я всего лишь отдаю себе отчет в больничных реалиях и хочу остаться хирургом.

– То, что вы все сидите в своей скорлупе, может быть, и есть самая трагическая ошибка.

Понедельник, 23 февраля

13 часов 53 минуты

Столовая в Мемориале была такой же, как в тысячах других больниц: стены унылого желто-горчичного цвета, потолок выложен низкосортными звукоизолирующими плитками, линия раздачи L-образной формы с грудой коричневых заляпанных подносов.

Превосходное качество лечебных услуг Мемориала явно не распространялось на здешнюю пищу. Первое, что бросалось в глаза несчастному посетителю, был салат из латука, свежестью напоминавший использованный бумажный носовой платок. Для закрепления драматического эффекта, тарелки были сложены горкой.

Секция горячих блюд на раздаче ставила перед посетителем неразрешимую загадку. Блюд было огромное количество, но вкус их по какой-то причине был совершенно одинаков. Только морковь и кукуруза были исключением из этого правила: первая – из-за своего выдающегося мерзкого вкуса, а вторая – из-за отсутствия вкуса вообще.

В это время – без четверти два – столовая была уже почти пуста. За столиками сидело лишь несколько человек, в основном работники столовой, отдыхающие после обеденного наплыва посетителей. Несмотря на плохое качество пищи, все ходили именно в эту столовую, которая была в своем роде монополистом, так как почти никто из работающих в больнице не мог позволить себе потратить больше получаса на обед и ходить обедать куда-нибудь еще.

Сьюзен взяла было вялый салат-латук, но, рассмотрев его, тут же поставила на место. Беллоуз направился напрямиком к бутербродам и взял себе порцию.

– Очень трудно испортить сэндвич с тунцом, – объяснил он Сьюзен.

Сьюзен осмотрела горячие блюда и двинулась дальше. Последовав примеру Беллоуза, она взяла себе бутерброды с тунцом.

Кассирши-регистратора нигде не было видно.

– Есть тут кто живой, – позвал Беллоуз, – У нас мало времени.

Чувствуя некоторый дискомфорт из-за того, что не нужно платить, Сьюзен вслед за Беллоузом направилась к столу и села. Вкус у бутерброда был отталкивающий: водянистый тунец и непропеченный безвкусный белый хлеб. Но это была еда, а Сьюзен очень проголодалась.

– В два у нас лекция, – невнятно сказал Беллоуз, откусывая огромный кусок бутерброда, – поэтому ешь быстрее.

– Марк?

– У-у, – отозвался Беллоуз, одним махом проглатывая полстакана молока. Было ясно, что он так поднаторел в скоростном поглощении пищи, что мог бы в этом соревноваться на олимпийской спринтерской дистанции.

– Марк, ты не обидишься, если я пропущу твою первую лекцию по хирургии, ладно? – глаза Сьюзен мерцали.

Беллоуз остановился, не донеся оставшуюся половину бутерброда до рта, и уставился на Сьюзен. Сначала он подумал, что она кокетничает с ним, но затем отверг эту идею.

– Обижусь? Нет, почему ты спрашиваешь? – Беллоуз вдруг почувствовал, что им вертят как хотят, а он ничего не может сделать.

– Ну, я не уверена, что смогу сейчас высидеть на лекции, – ответила Сьюзен, открывая свой пакет с молоком. – Это происшествие с Берманом вогнало меня в оцепенение... Происшествие – не совсем правильное слово. Во всяком случае, я сейчас не смогу писать лекцию, мне будет легче, если я займусь каким-нибудь делом. Лучше я пойду в библиотеку и поищу что-нибудь по осложнениям анестезии. Я начну свое маленькое расследование и заодно отвлекусь.

– Ты хочешь выговориться? – спросил Беллоуз.

– Нет, все в порядке, правда, – Сьюзен была удивлена и тронута его внезапным участием.

– Ну, лекция не очень важная. Она вводная, и читать будет один из наших профессоров в отставке. А потом я хотел провести вас в палаты и показать ваших больных.

– Марк?

– Что?

– Спасибо.

Сьюзен встала, улыбнулась Беллоузу и ушла.

Беллоуз сунул оставшуюся половину бутерброда в рот и задумчиво пожевал его. Он не понял, за что она его поблагодарила. Он наблюдал, как она пересекает столовую и кладет свой поднос на стойку. Сьюзен засунула в сумку свой недоеденный бутерброд и недопитое молоко. У дверей она обернулась и махнула рукой. Беллоуз махнул в ответ, но, когда он поднимал руку, Сьюзен уже не было видно.

Беллоуз незаметно огляделся, чтоб проверить, не видит ли его кто, и осторожно опустил руку на стол. Он думал о Сьюзен. Беллоуз понимал, что чувствует к ней влечение, совсем как в былые дни на заре своей молодости и карьеры – напряженное и нетерпеливое. В его воображении представилась картина романтического ухаживания со Сьюзен в роли объекта. Но он сразу одернул себя, посчитав свои мысли мальчишескими.

Беллоуз гигантским глотком расправился с остатками молока и отнес грязный поднос на конвейер для использованной посуды. По дороге он раздумывал, осмелился бы он просить Сьюзен о встрече. В связи с этим возникли бы сразу две проблемы. Одной из них была его ординатура и Старк. Беллоуз не представлял себе, как шеф отнесся бы к тому, что один из ординаторов встречается с прикрепленной к нему студенткой. Беллоуз не мог предположить, обосновано ли его беспокойство, так как не знал, благоволит ли Старк женатым ординаторам. Точка зрения, что женатые ординаторы находились в более уязвимом и зависимом положении, была, по разумению Беллоуза, чистой ерундой. А на сохранение своих отношений со студенткой в тайне было мало надежды. Второй проблемой была сама Сьюзен. Она была умна, в этом сомнений не было. Но способна ли она на эмоциональную близость? Беллоуз не знал. Она могла оказаться слишком деловой, слишком заумной ж амбициозной. А тратить свое весьма ограниченное время на холодную женщину с уничижительными замашками было последней вещью, которую Беллоуз себе бы пожелал.

Ну а что до него самого? Сможет ли он поддерживать отношения с умной девушкой, работающей в одной с ним профессиональной области, даже если она окажется нежной и способной к ответной любви? Он в свое время имел связь с несколькими медсестрами, но это было не совсем то, что с врачами. У Беллоуза никогда не было близких

отношений с женщиной-врачом или будущим врачом. И эта ситуация выглядела очень хлопотной.

* * *

Покинув столовую, Сьюзен ощутила, что, наконец, впервые за весь день перед ней появилась настоящая цель. Хотя она не представляла себе, как конкретно она сможет исследовать проблему длительных постанестезиологических коматозных состояний, она чувствовала, что для этого ей понадобится весь багаж ее медицинских познаний и способность размышлять и анализировать. И первый раз за день она поняла, что пригодятся два года, проведенные в медицинской школе. А поработать предстояло над двумя основными источниками информации – медицинской литературой из библиотеки и историями болезни пациентов, в первую очередь Нэнси Гринли и Бермана.

Рядом со столовой располагался больничный магазинчик с сувенирами и разными мелочами. Это было приятное местечко, магазинчик обслуживали грациозные пожилые дамы в очаровательных розовых рабочих халатиках. Витрины магазинчика выходили в главный вестибюль больницы, и весь магазинчик имел вид яркого веселого разноцветного мазка на сером рабочем фоне госпиталя. Сьюзен зашла в магазинчик и быстро нашла, что ей требовалось: маленький черный отрывной блокнот. Она засунула покупку в карман своего белого халата и отправилась в БИТ. Отправной точкой ее исследований должен был стать случай Нэнси Гринли.

В БИТе снова царила первозданная тишина. Освещение снова было приглушено до полумрака. Когда за Сьюзен закрылись тяжелые двери БИТа, она опять ощутила тревогу и неуверенность в своей компетентности. Ей захотелось убежать прежде, чем кто-нибудь задаст ей самый простейший вопрос, на который она вынуждена будет ответить: "Я не знаю". Но она взяла себя в руки. Теперь перед ней стояла конкретная цель, которая придавала ей толику уверенности в себе. Она хотела взять историю Нэнси Гринли.

Посмотрев налево, Сьюзен заметила, что возле кровати Нэнси Гринли никого не было. По-видимому, уровень калия был откорректирован, поскольку сердце снова билось нормально. Кризис

завершился, Нэнси Гринли была забыта и предоставлена самой себе в своем бесконечном сне. И только аппараты несли свое бессменное дежурство, надзираая над ее растительным существованием.

Поддавшись неудержимому любопытству, Сьюзен подошла к ней. Она не могла сдержать своих эмоций. Она смотрела на Нэнси Гринли, и в ее сознании не умещалось то, что эта безмозглая оболочка уже не была человеческим существом. Ей захотелось протянуть руку и осторожно потрепать плечо Нэнси, чтобы та проснулась, и они могли поговорить.

Вместо этого, Сьюзен протянула руку и пощупала запястье Нэнси. Свисающая рука была бледной и безжизненной. Нэнси была полностью парализована. Сьюзен подумала, что этот паралич связан с разрушением мозга. Периферические рефлекторные цепи могли, однако, сохраниться, по крайней мере, до некоторой степени.

Сьюзен взяла руку Нэнси, потрясла ее и медленно согнула и разогнула в запястье. Сопротивления не было. Сьюзен согнула запястье до предела возможного, пальцы почти коснулись предплечья. При этом она почувствовала очень слабое сопротивление. Она проделала то же самое с другим запястьем, результат был тем же. Таким образом, Нэнси Гринли все-таки сохраняла некоторый тонус. Сьюзен ощутила некоторое академическое удовольствие – иррациональную радость от положительного результата.

Сьюзен нашла неврологический молоточек для проверки сухожильных рефлексов. Он был сделан из красной резины, а рукоятка – из нержавеющей стали. Однажды ей пришлось пользоваться таким молоточком, проверяя рефлексы у своего однокурсника на лабораторных занятиях по клинической диагностике, но на пациенте – никогда. Сьюзен неуклюже принялась постукивать Нэнси по правому запястью, чтобы проверить ее рефлексы. Никакого результата. Но Сьюзен не знала точно, по какому месту надо стучать. Тогда она откинула простыню с правой стороны тела Нэнси и постучала под коленной чашечкой. Опять никакого результата. Сьюзен левой рукой согнула колено Нэнси и снова постучала. Ничего. Из занятий по анатомии и физиологии нервной системы Сьюзен вынесла, что рефлекс, которого она добивалась, запускается резким растяжением сухожилия. Тогда она согнула колено еще сильнее и стукнула молоточком. Мускулы сократились еле ощутимо. Сьюзен проделала то

же с левой ногой, результат был такой же. Таким образом, рефлексы Нэнси Гринли были очень слабыми, но вполне определяемыми и симметричными.

Сьюзен постаралась припомнить остальную часть неврологического обследования, например, исследование общего состояния сознания. В случае Нэнси Гринли можно было проверить только реакции на болевые стимулы. Сьюзен ущипнула ахиллесово сухожилие Нэнси, но ответа не было, независимо от силы, которую она применяла. Затем Сьюзен, не преследуя конкретной цели, а скорее интуитивно предполагая, что чем ближе место раздражения к мозгу, тем сильнее будет ответ, ущипнула ее за внутреннюю поверхность бедра и в испуге отскочила. На мгновение ей показалось, что Нэнси Гринли собирается встать, так как все ее тело мучительно напряглось, а руки как струны вытянулись вдоль тела. Челюсть ее задвигалась из стороны в сторону, как будто Нэнси просыпалась. Но все это быстро прошло, и Нэнси Гринли вновь погрузилась в неподвижность. С расширенными глазами, Сьюзен отшатнулась и прижалась к стене. Она не поняла, что сделала и что делать дальше. Но, тем не менее, она осознала, что забавляется в области вне ее сегодняшних знаний и возможностей. Какого бы сорта припадок не случился с Нэнси Гринли, Сьюзен была безумно рада, что он прошел так быстро.

Сьюзен виновато огляделась, чтобы проверить, не видел ли кто ее действия, и с облегчением убедилась, что вокруг никого нет. Кардиомонитор, расположенный над кроватью Нэнси, продолжал регистрировать спокойный нормальный ритм. Экстрасистол не было.

У Сьюзен возникло неприятное чувство, что она делает что-то не так, чем-то злоупотребляет, за что в один прекрасный момент может оказаться наказанной, – например, если у Нэнси Гринли опять случится припадок. Сьюзен быстро решила, что она воздержится от дальнейших экспериментов с больной, по крайней мере до тех пор, пока не прочитает соответствующую литературу.

Стараясь придать себе безразличный вид, Сьюзен направилась к центральному посту. Истории болезни хранились в круглом стальном стояке, водруженном на постовом столе.левой рукой Сьюзен начала поворачивать стояк с историями, он заскрипел. Сьюзен стала вращать его медленнее, но скрип продолжался.

– Могу я вам помочь? – спросила Джун Шергуд из-за спины Сьюзен, заставив ее отдернуть руки, как ребенка от банки с вареньем.

– Я только хотела найти одну историю болезни, – сказала Сьюзен, ожидая услышать от медсестры несколько неприятных слов.

– Какую историю? – голос Шергуд звучал вежливо.

– Нэнси Гринли. Я хотела бы проверить одну идею относительно ее лечения.

Джун Шергуд порылась в историях болезни и вернулась с историей Нэнси Гринли.

– Вам, вероятно, вот здесь было бы удобнее работать, – сказала Шергуд, с улыбкой указывая на дверь.

Сьюзен поблагодарила ее, радуясь возможности ретироваться. Дверь, на которую указала Шергуд, вела в крошечную комнатку, вдоль одной стены которой выстроились застекленные медицинские шкафы, закрытые на ключ. Вдоль остальных трех стен шла неширокая стойка. Слева находилась раковина умывальника, а в левом углу стояла неременная кофеварка.

Сьюзен присела. Хотя Нэнси Гринли находилась в госпитале всего две недели, ее история была очень пухлой. Это было обычным фактом для всех пациентов БИТа. Постоянный трудоемкий процесс лечения генерировал груды бумаг.

Сьюзен вытащила остатки своего бутерброда с тунцом, молоко и налила себе чашку кофе. Затем она вынула свой блокнот, вырвала из него несколько чистых листов и приступила к работе. Она никогда раньше не сталкивалась с историями болезней и поэтому потратила несколько минут, разбираясь в ее содержании. Сначала шел лист назначений, затем страницы с графиками жизненных показателей больной. Потом – анамнез жизни и данные медицинского обследования на день поступления. Оставшаяся часть содержала текущие записи, протокол операции и анестезии, записи медсестер, бесчисленные данные лабораторных, рентгеновских и всяких других исследований и процедур.

Так как Сьюзен точно не знала, что ищет, она решила копировать все подряд. На этом начальном этапе расследования еще не было способа определить, какая информация окажется наиболее важной. Сьюзен начала с имени, пола, возраста и расы Нэнси Гринли. Затем она скопировала данные на момент поступления, которые были весьма

скудны, так Нэнси Гринли была вполне здоровой девушкой. Это были отрывки семейного анамнеза, включающего упоминания о том, что у бабушки Нэнси был инсульт. Единственная болезнь, которой Нэнси переболела в восемнадцать лет – мононуклеоз, – завершилась без последствий. При объективном осмотре по системам органов было обнаружено, что сердечно-сосудистая и дыхательная системы были совершенно нормальными. Сьюзен скопировала и результат теста на беременность – отрицательный, анализы свертываемости крови, группу крови, результаты тканевого типирования, рентгена и ЭКГ. Там были также биохимические анализы, включающие целую батарею тестов. Все показатели Нэнси Гринли укладывались в норму.

Сьюзен проглотила остаток своего бутерброда и смыла его в желудок глотком молока. Перевернув страницу с описанием операции, она нашла лист анестезии и списала состав премедикации: демерол и фенерган были введены Нэнси Гринли в 6.45 одной из медсестер в Беард-5. Была использована эндотрахеальная трубка номер восемь. Два грамма пентотала были введены внутривенно в 7.24. Ингаляция галотана, закиси азота и кислорода началась в 7.25. Концентрация галотана в газовой смеси, подававшейся через термокомпенсированный испаритель Флюотек, была сначала двухпроцентной. Через несколько минут ее снизили до одного процента. Закись азота и кислород подавались со скоростью 3 и 2 литра в минуту соответственно. Первая инъекция сукцинилхолина для миорелаксации в дозе 2 кубика 0.2% раствора была введена в 7.26, вторая – в 7.40.

Сьюзен заметила, что давление, стабильно державшееся на плато 105/75, в 7.48 упало. В этот момент концентрация галотана была уменьшена до 0,5%, подачу закиси азота снизили до двух литров в минуту, а кислорода увеличили до трех. Кровяное давление поднялось до 100/60. Сьюзен срисовала график давления из листа анестезии.

С этого момента записи в листе анестезии стало трудно разбирать. Как Сьюзен удалось понять, давление оставалось 100/60, пульс – 70 ударов в минуту. Хотя ритм сердца был более-менее стабильным, наблюдались некоторые его нарушения, но доктор Биллинг подробно их не описал.

Из записи Сьюзен узнала, что Нэнси Гринли вывезли в послеоперационную в 8.51. Там с помощью нейростимулятора

проверили функционирование периферических нервов Нэнси, так как с самого начала подозревали, что дополнительная доза сукцинилхолина не смогла метаболизироваться в крови Нэнси. Была проверена функция обоих локтевых нервов, и обнаружено, что причина должна корениться центральнее, в мозге.

На протяжении ближайшего часа Нэнси Гринли ввели 4 миллиграмма наркана, чтобы исключить идиозинкразическую гиперчувствительность к наркотикам, использованным для премедикации. Никакого результата. В 9.15 Нэнси ввели 2,5 миллиграмма неостигмина, на случай, если паралич ее мышц был связан с курареподобным конкурентным блоком нервов, хотя результаты нейростимулирующего теста и не указывали на это. Нэнси Гринли также перелили два объема свежей замороженной плазмы с подтвержденной холинэстеразной активностью, чтобы разрушить оставшийся в крови сукцинилхолин. Оба этих мероприятия привели к слабому подергиванию некоторых мышц, и больше никакого результата не было.

Протокол анестезии заканчивался сжатым резюме, записанным рукой доктора Биллинга: "Отсроченный приход в сознание после анестезии; причины неизвестны".

Следом Сьюзен обратилась к протоколу операции, надиктованному доктором Мейджором.

"Дата: 14 февраля 1976.

Предоперационный диагноз: дисфункциональное маточное кровотечение.

Постоперационный диагноз: тот же.

Хирург: доктор Мейджор.

Анестезия: общая эндотрахеальная с галотаном.

Потеря крови: около 500 миллилитров.

Осложнения: отсроченный приход в сознание после окончания анестезии.

Протокол: После соответствующей премедикации (демерол и фенерган) пациентка была доставлена в операционную и подключена к кардиомонитору. Она была без осложнений введена в наркоз с использованием эндотрахеальной трубки. Промежность обработана и подготовлена обычным способом. Бимануальным исследованием выявлены нормальные яичники, придатки и антерофлексная матка. Во

влагалище введено и зафиксировано зеркало N 4 Педерсона. Стустки крови удалены отсосом. Шейка матки без особенностей. По ультразвуку, размеры матки пять сантиметров. Дилатация шейки матки без особенностей, травматизация минимальная. Используются дилататоры с N 1 по N 4. Выскабливание эндометрия произведено кюреткой №3 Сайма. Образцы посланы на гистологию. Кровотечение к концу операции минимальное. Зеркало удалено. К этому моменту стало ясно, что больная не приходит в себя после анестезии".

Сьюзен опустила уставшую правую руку и потрясла ею. У нее была привычка писать, так крепко сжимая карандаш, что нарушался ток крови в пальцах, и теперь кончики пальцев пощипывало. Прежде чем снова приняться за работу, она сделала несколько глоточков кофе.

В результатах гистологического исследования было записано, что соскоб эндометрия носил пролиферативный характер. Диагноз формулировался так: ановуляторное маточное кровотечение с пролиферацией эндометрия. Это тоже не объясняло происшедшее.

Наконец Сьюзен начала читать самое интересное: консультацию невропатолога – доктора Кэрла Харви. Не понимая порою того, что она списывает, Сьюзен тщательно все скопировала. Почерк был ужасный.

"Анамнез: больная 23 лет, белая, женщина, поступила в больницу по поводу (неразборчиво). Анамнез жизни и семейный анамнез без особенностей. Премедикация больной (неразборчиво). Была показана немедленная операция в связи с основной жалобой. Но во время операции наблюдались некоторые необъяснимые колебания давления, и после операции приход в сознание был отсрочен, наблюдался общий паралич мускулатуры. Передозирование сукцинилхолина и/или галотана исключено. (Целая фраза неразборчива).

Осмотр невропатолога: Больная в глубокой коме, не отвечает на произнесенные слова, свет, прикосновение и болевые стимулы. Больная парализована, хотя глубокие сухожильные рефлексы симметрично выявляются с обеих бицепсов и квадрицепсов. Тонус мышц снижен, но не отсутствует полностью. Слабость мышц нарастает. Тремора нет.

Черепномозговые нервы (неразборчиво)... зрачки расширены, не реагируют на свет. Корнеальные рефлексы отсутствуют.

Нейростимуляция: постоянная из-за снижающейся функции периферических нервов.

Цереброспинальная жидкость: атравматическая пункция, жидкость прозрачна, давление 125 миллиметров водяного столба.

Электроэнцефалограмма: изолиния по всем отведениям.

Заключение: (неразборчиво)... никаких очаговых симптомов ... (неразборчиво) ... первичный диагноз – кома вследствие диффузного отека мозга. Вероятность острой недостаточности мозгового кровообращения нельзя исключить без церебральной ангиографии. Идиосинкразическую реакцию на наркотики, использованные для анестезии, также нельзя исключать, хотя я предполагаю... (неразборчиво). Можно сделать также пневмо-энцефалографию и/или компьютерную аксиальную томографию, но я полагаю, что результаты представляют лишь академический интерес и не дадут никакой новой информации для установления причины. По данным ЭЭГ можно предположить обширное повреждение или смерть мозга. Аналогичных случаев в литературе описано три. Во всяком случае, больная перенесла острое нарушение мозгового кровообращения. Дегенеративные заболевания полностью исключаются.

Благодарю за предоставленную возможность ознакомиться с этим интересным случаем.

Доктор Кэрл Харви, ординатор, невропатолог".

Сьюзен прокляла ужасный почерк, из-за которого ей пришлось оставить много пустых мест в своем блокноте. Она глотнула еще кофе и перевернула страницу. Там была еще одна запись доктора Харви.

"15 февраля 1976 года. Повторный осмотр невропатолога.

Состояние больной без изменений. На повторной ЭЭГ – отсутствие электрической активности. Результаты анализа ликвора в пределах нормы.

Заключение: я обсуждал этот случай с моими коллегами, которые согласились с диагнозом острого нарушения мозгового кровообращения, приведшего к смерти мозга. Все также согласились, что отек мозга вследствие острой гипоксии был непосредственной причиной этого. Гипоксия могла наступить из-за транзиторной закупорки сосудов мозга сгустком крови, тромбоцитов или фибрина или эмболом другого происхождения, связанным с выскабливанием энотетрия. Свою роль могли также сыграть и острый идиопатический

полиневрит или васкулит. В связи с этим представляют интерес две ссылки:

Острый идиопатический полиневрит; наблюдение трех случаев, Австралийский Журнал Неврологии, том 13, сентябрь 1973 г., страницы 98 – 101.

Пролонгированная кома и смерть мозга после приема снотворных у восемнадцатилетней женщины, Новоанглийский Журнал Неврологии, том 73, июль 1974 г., страницы 301 – 302.

Церебральную ангиографию, пневмоэнцефалографию и компьютерную томографию можно сделать, но общее мнение таково, что результаты этих исследований будут нормальными.

С благодарностью Доктор Кэрл Харви".

Сьюзен позволила своей руке отдохнуть после длинных неврологических записей. Она двинулась дальше, листая историю болезни и пропуская записи медсестер, пока не дошла до лабораторных анализов. Среди бесчисленных результатов рентгеновских обследований были и серии рентгенограмм черепа – нормальных. Затем шли данные биохимических и гематологических анализов, которые Сьюзен скрупулезно скопировала в свой блокнот. Так как все показатели были в норме, Сьюзен сосредоточилась на разнице между предоперационными и послеоперационными значениями. Единственный результат подпадал под эту категорию: после операции у Нэнси Гринли поднялся уровень сахара в крови, как если бы у нее начал развиваться диабет. Серии ЭКГ также не показывали ничего сногшибательного, хотя можно было заметить некоторые неспецифические изменения зубца 8 и интервала 8Т после выскабливания. Но не было ЭКГ до операции для сравнения.

Наконец Сьюзен закрыла историю болезни и откинулась на спинку стула, подняв вытянутые руки вверх и потянувшись. На высоте потягивания она с шумом выдохнула воздух. Затем вновь наклонилась к стойке и просмотрела восемь страниц, исписанных беглым почерком текста. Она почувствовала, что не сильно продвинулась в своем расследовании, но, впрочем, она этого и не ожидала. Ведь многое из того, что она списала, было ей совсем не понятно.

Сьюзен глубоко верила в научный метод, и в мощь книг, и в заключенные в них знания. Хотя она многого не знала о клинической медицине, она чувствовала, что методический подход в сочетании с

информацией поможет ей быстро разрешить проблему: по какой причине у Нэнси Гринли развилось коматозное состояние. Сначала ей нужно собрать как можно больше объективных данных, для чего и требовалась история болезни. Затем ей нужно осмыслить эти данные, и для этого ей придется обратиться к литературе. От анализа – к синтезу, в этом волшебство картезианской логики. Сьюзен еще была оптимистом. Ее не особенно беспокоило собственное непонимание материалов из истории Нэнси Гринли. Она была уверена, что среди путаницы данных должны быть некие важные вехи, которые приведут ее к решению. И для этого Сьюзен нуждалась всего лишь в дополнительной информации, и ни в чем больше.

Больничная медицинская библиотека располагалась на третьем этаже корпуса Нардинг. Поплутав немного, Сьюзен взяла правильное направление и, пройдя отдел кадров, дошла до библиотеки.

Библиотека называлась Мемориальной библиотекой Нэнси Дарлинг; при входе висел маленький дагерротип с изображенной на нем матроной, затянутой в черное. На медной дощечке, привинченной к рамке, было выгравировано: "В благодарную память Нэнси Дарлинг". Сьюзен мимоходом подумала, что фамилия Дарлинг – "дорогая" – с ее любовными ассоциациями, совсем не подходит чопорной хмурой фигуре. Но таких в старой доброй Новой Англии было в дюжине тринадцать.

В библиотеке среди своих друзей – книг Сьюзен почувствовала себя как дома, что было резким контрастом чувству неуверенности, которое овладевало ею в БИТе и в больнице вообще. Она положила свой блокнот и сумку на стол. Посреди зала стояли большие дубовые столы и черные стулья в строгом колониальном стиле. В конце зала огромное окно достигало в высоту потолка и выходило на маленький внутренний больничный дворик, ковриками-пятнами анемичной травы, где стояло одинокое голое дерево и был расположен теннисный корт. Никому не нужная зимой теннисная сетка печально провисла.

Книжные шкафы стояли перпендикулярно стенам с двух сторон. Железная винтовая лестница вела на антресоли. С правой стороны в шкафах стояли книги, а с левой – переплетенные в тома журналы. У стены напротив окна находился каталожный шкаф красного дерева.

Сверившись по каталогу, Сьюзен выбрала несколько книг по анестезиологии и нашла их одну за другой на полках. Она не знала

почти ничего об анестезиологии и нуждалась в каком-нибудь обзорном материале. Особенно ей были интересны книги по осложнениям анестезии. Наконец она собрала пять книг, название наиболее многообещающей из которых звучало как "Осложнения анестезии: диагностика и лечение".

Сьюзен принесла все книги на стол, где уже лежал ее блокнот. В этот момент ее имя приглушенно прозвучало по больничной системе оповещения вместе с номером 482.

Книги выскользнули из рук Сьюзен. Она развернулась и посмотрела на телефон. Затем снова повернулась к столу и окинула взглядом книги и блокнот. Она находилась в нерешительности, ее руки расслабленно лежали на спинке стула. Она разрывалась между необходимостью идти на вызов и задачей, которая стояла перед ней – пролонгированной комой после анестезии. Выбор был непрост. В прошлом она всегда послушно ходила натоптанными путями. Это поведение было особенно важно для Сьюзен, так как она была женщиной. Все женщины в медицине тяготели к консерватизму, находясь в уязвимом положении в силу своего пола и чувствуя себя как на бесконечном экзамене.

Но Сьюзен подумала о Нэнси Гринли в БИТе и Шоне Бермане в послеоперационной. Подумала не как о больных, а как о людях. Подумала об их личной трагедии. И тогда она поняла, что должна делать. Занятие медициной уже не раз вынуждало ее идти на компромисс. А сейчас она намеревалась сделать то, что считала нужным, по крайней мере в ближайшие дни.

"Винтик номер 482", – сказала она вполголоса. Затем осторожно присела и распахнула книгу по осложнениям. И чем больше она думала о Нэнси Гринли и Бермане, тем больше она убеждалась, что поступает правильно.

Понедельник, 23 февраля

14 часов 45 минут

Беллоуз нетерпеливо постукивал по трубке телефона, имеющего шифр оповещения 482, ожидая звонка каждую секунду. Он был готов схватить телефонную трубку, едва прозвонит первый звонок. По лекционному залу разносилось монотонное бормотание профессора в отставке, доктора Аллена Дрюери. Профессор превозносил добродетели Халстеда. Фигуры четверых студентов терялись в пустоте хирургического конференц-зала. Беллоуз сначала думал, что атмосфера конференц-зала будет способствовать лучшему восприятию лекции, которую он запланировал для студентов. Но сейчас он уже не был в этом уверен. Зал был слишком большой и холодный для четверых, и лектор, стоящий на кафедре и обращающийся к рядам пустых кресел, выглядел немного смешным.

С места, где сидел Беллоуз, были видны только спины студентов. Гольдберг был всецело поглощен лекцией, которую он записывал с бешеной скоростью, стараясь ухватить каждое слово. Лекция доктора Дрюери на самом деле не была такой уж интересной, и уж точно ее не стоило записывать. Но Беллоуз хорошо знал этот синдром. Он видел его тысячи раз, и сам страдал им до некоторой степени. Как только приглушали свет для показа слайдов, и лектор начинал говорить, множество студентов-медиков, как павловские собачки, начинали строчить, стараясь зафиксировать каждое слово на бумаге, совершенно не думая, что они пишут. Студенты иногда записывали лекцию так бездумно, что не могли переварить даже самой простейшей информации.

Беллоуз очень сожалел, что он тогда не сказал Сьюзен, что он будет очень обижен, если она пропустит лекцию. В такой маленькой группе отсутствие одного студента, тем более такой яркой девушки, будет очень заметно. Беллоуз нервничал, так как Старк, обходя свои владения, мог зайти и на лекцию. Естественно, он бы поинтересовался, где пятый студент. И что бы Беллоуз ответил? Он подумал, что мог бы сказать, что Сьюзен моется перед операцией. Но цикл только начался, и это было неправдоподобно.

И это беспокойство в конце концов заставило Беллоуза вызвать Сьюзен по системе оповещения, чтобы отменить свое первоначальное согласие на пропуск лекции. Этот был бы плохой прецедент. Беллоуз хотел сообщить ей, чтобы она бегом поднялась на десятый этаж.

Беллоуз про себя решил просить Сьюзен о встрече. Конечно, в связи с этим возникало несколько вопросов, на которые не было ответа, и это действие могло иметь последствия, но риск стоил того. Сьюзен была очень привлекательна, и Беллоуз уже был убежден, что она настоящий динамит. Во всяком случае, она была очень женственной и эмоциональной, в том смысле, как Беллоуз понимал эти качества. У него были довольно устаревшие представления о женственности. Для него занятия хирургией и ординатура стояли на первом месте, таким образом для Беллоуза важнейшим качеством женщины была уступчивость. Он желал бы, чтобы его подруга уважала его работу, так же как и он сам, и приспособилась к его жизненному распорядку. В ситуации со Сьюзен самым вдохновляющим для Беллоуза было то, что в ближайший месяц графики их работы и обучения совпадали. К тому же Беллоуз считал Сьюзен чертовски сексуально привлекательной.

Но телефон продолжал молчать под ожидающей рукой Беллоуза. Он вновь нетерпеливо позвонил оператору и велел повторить вызов доктора Сьюзен Уилер с шифром 482. Положив трубку, он принялся ждать. Минуты шли, и Беллоуз начал думать, что со Сьюзен все может получиться не так уж гладко. Может быть, она не захочет с ним встречаться. Может, у нее уже кто-то есть. Шепотом он проклял всех женщин и сказал сам себе, что может прекрасно обойтись без нее. В то же время он понимал, что Сьюзен возбуждала в нем острое чувство соревнования. Он представил себе мягкие изгибы ее бедер и решил позвонить еще раз.

Джералд Келли был настоящим ирландцем, каких еще можно встретить в Бостоне, но не в Дублине. Его ярко-рыжие волосы были густыми и вились, несмотря на то, что ему было уже пятьдесят четыре года. На лице его играл яркий румянец, похожий на театральный грим, нанесенный мазками на скулы. У Келли была весьма представительная фигура, самой выдающейся частью которой было огромное брюхо. Три бутылки горячительного каждую ночь вносили свой вклад в его

внушительные размеры. Уже несколько лет пряжка ремня на брюках Келли скрывалась под его нависающим животом.

Джералд Келли работал в Мемориале с пятнадцати лет. Начинал он в хозяйственном отделении, а именно, в бойлерной, начальником которой он являлся в настоящее время. Долгий опыт и склонность к механике привели к тому, что он досконально знал больничное хозяйство. Фактически, он знал все механические устройства в корпусах наизусть. Поэтому-то он и был начальником хозблока и получал 13700 долларов в год. Больничная администрация знала, что он незаменим, и была готова платить ему еще больше, если бы он захотел. Так что обе стороны были довольны.

Джералд Келли сидел за своим столом в котельной и просматривал списки заявок. Его дневная смена состояла из восьми рабочих, и он распределял работу в соответствии со степенью необходимости. А всю работу в самой бойлерной Келли делал сам. Все заявки перед ним были обычной трудовой рутинной, включавшей в том числе и вызов на сестринский пост на четырнадцатом этаже. Этот вызов повторялся, по крайней мере, раз в неделю. Расположив заявки в порядке срочности, Келли начал распределять по ним своих людей.

Хотя в котельной было довольно шумно, особенно для не привыкшего человека, натренированное ухо Келли тонко различало необычные звуки в этой смеси. Поэтому, услышав лязг металла о металл со стороны главного электрического щита, он повернул голову. Большинство людей в этом грохоте не различило бы ничего. Но звук не повторился, и Келли быстро вернулся к своей административной работе. Он не любил писанину, связанную со своей должностью, с большим удовольствием он бы сам пошел чинить раковину на четырнадцатом этаже. Но он понимал, что только четкая организация может поддержать нормальную работу хозяйственной службы. А заниматься каждым ремонтом собственноручно было невозможно.

Лязг повторился еще громче. Келли снова повернулся и обозрел электрическую панель позади котла. Он было вернулся к своим бумажкам, но поймал себя на том, что смотрит прямо перед собой, пытаясь понять, что могло вызвать такой звук. Это был острый, короткий металлический лязг, совершенно чуждый обычным шумам котельной. Наконец любопытство победило, и он отправился к главному котлу. Чтобы подойти к основному электрическому щиту, ему

пришлось обойти трубы, идущие вверх, в здание, и обогнуть котел. Он по привычке повернул направо, по дороге взглянув на манометры котла. Вообще-то, это было бессмысленное действие, так как отопительная система была полностью автоматизирована и снабжена предохранительными клапанами и автоматическими выключателями. Но для Келли это было инстинктивным стремлением, берущим начало в тех днях, когда котел требовал поминутного осмотра. Обходя котел, он посмотрел на систему контроля, снова порадовавшись ее компактности по сравнению с теми временами, когда он начинал работать в Мемориале. Но, посмотрев прямо перед собой на электрический щит, он споткнулся, и его правая рука непроизвольно поднялась в защитном движении.

– Господи, вы меня напугали до смерти, – сказал Келли, переводя дыхание и опуская руку.

– Я могу сказать то же самое, – произнес худой мужчина, одетый в униформу цвета хаки.

Белый ворот его рубашки был расстегнут, и общий вид этого мужчины напомнил Келли его командиров в те времена, когда он служил в военно-морском флоте. Из левого нагрудного кармана незнакомца торчали ручка, маленькая отвертка и линейка. На кармане была вышита надпись: "Жидкий кислород, Инкорпорейтед".

– Я и не думал, что здесь кто-нибудь есть, – сказал Келли.

– Я тоже, – сказал человек в хаки.

Оба мужчины посмотрели друг на друга. Человек в хаки держал в руках маленький зеленый цилиндр со сжатым газом, к которому был прикреплен манометр, а сбоку по трафарету выведено: "Кислород".

– Меня зовут Дарелл, – сказал человек в хаки. – Джон Дарелл. Извините, что я вас напугал. Я тут проверяю кислородные линии от центрального резервуара. Все в порядке. Собственно, я уже ухожу. Не могли бы вы мне подсказать самую короткую дорогу отсюда?

– Конечно. Вот через эти вращающиеся двери, потом вверх по лестнице в центральный холл. А там – куда хотите. Нешью-стрит – направо, Казуей-стрит – налево.

– Премного благодарен, – сказал Дарелл, направляясь к двери.

Келли смотрел, как он уходит, а потом в сомнении огляделся. Он не мог уразуметь, как Дарелл сумел пробраться сюда так, что его никто

не заметил. Келли и не думал, что проклятая писанина так его захватила.

Келли вернулся к своему столу и снова принялся работать. Через несколько минут он снова подумал о том, что продолжало точить его изнутри. Ведь в бойлерной не было никаких кислородных линий. Келли сделал себе в уме зарубку: спросить Питера Баркера, помощника администратора, о проверке кислородных линий. Но проблема заключалась в том, что у Келли была очень плохая память на все, что не касалось механизмов.

Понедельник, 23 февраля

15 часов 36 минут

В этот день Бостону пришлось удовольствоваться лишь слабым дневным светом, проникавшим сквозь облачную завесу, а в половине четвертого начали сгущаться сумерки. И для того чтобы поверить, что над тучами сверху светит та же самая раскаленная до шести тысяч градусов звезда, которая в летний полдень освещает каждый камушек на расплавленных от жары улицах, надо было обладать немалым воображением. Температура тут же отреагировала на наступление темноты, упав до семи градусов мороза. Новые шквалы мельчайших снежинок понеслись над городом. Через полчаса в коридорах больницы стало совсем темно.

Из освещенной библиотеки темнота за окнами казалась угольно-черной. Из-за похолодания на улице двухэтажное окно в конце зала библиотеки начало запотевать. Все более холодный воздух полз по полу комнаты от окна к шипящей батарее в ее противоположном конце. Этот холодный поток вернул Сьюзен к действительности, заставив оторваться от сосредоточенной работы. Подобно многим личностям, воспитанным в академических традициях, Сьюзен начала понимать, что чем больше она читает о коме, тем меньше она о ней знает. К ее удивлению, кома оказалась тем предметом, где перекрывались очень многие медицинские дисциплины. И, возможно, самым разочаровывающим открытием для Сьюзен было отсутствие четкого определения "сознания". Быть в сознании означало лишь не быть в бессознательном состоянии. Определение одного заключалось в противоположности другому. Такой замкнутый круг казался Сьюзен пародией на логику, пока она не поняла, что медицинская наука просто недалеко продвинулась в точном определении сознания. В действительности полное сознание и полное его отсутствие представляли собой противоположные концы неразрывного спектра состояний, включавшего в себя в числе прочих спутанность сознания и ступор. Таким образом, неточные ненаучные термины были признанием своего неведения, а не просто плохими формулировками.

Несмотря на неопределенность семантики, Сьюзен хорошо осознала отчетливую разницу между нормальным сознанием и комой. Всего в течение одного дня она видела оба состояния у одного и того же пациента – Бермана. В отличие от недостатка точности в определении комы, всей остальной информации по коме было обилие. Нарисовав заголовок "Острая кома", Сьюзен начала заполнять страницу за страницей в блокноте своим характерным мелким почерком.

Особенно Сьюзен интересовалась причинами. Так как наука еще не определилась, какая именно функция мозга страдает при коме, Сьюзен пришлось удовольствоваться факторами, способными приводить к развитию комы. Даже после того, как Сьюзен решила сузить поле своих изысканий случаями острой и внезапной комы, список таких факторов становился все внушительнее и длиннее. Сьюзен просмотрела его:

"Травма = сотрясение мозга, контузия или другой вид ударов.

Гипоксия = низкое содержание кислорода.

Причины:

1) механическое сдавливание, прекращение доступа воздуха, недостаточная вентиляция,

2) нарушение функции легких, блок на альвеолярном уровне,

3) сосудистые нарушения – кислород не поступает в мозг,

4) нарушение потребления кислорода на клеточном уровне, высокий уровень двуокиси углерода.

Гипер-(гипо-)гликемия = высокий (низкий) уровень содержания сахара в крови.

Ацидоз = закисление крови.

Уремия = почечная недостаточность и связанный с ней высокий уровень мочевины в крови.

Гипер-(гипо-)калемия = высокий (низкий) уровень калия.

Гипер-(гипо-)натремия = высокий (низкий) уровень натрия.

Печеночная недостаточность = увеличение содержания токсинов и шлаков,

которые должны разрушаться печенью.

Болезнь Аддисона = тяжелое нарушение функции надпочечников.

Химические вещества или лекарства..."

Для химикалий и лекарств, способных вызывать острую кому, Сьюзен завела несколько дополнительных страниц, расположив перечень в алфавитном порядке, записав каждый фактор на отдельной строчке, чтобы было возможно добавлять какую-либо информацию:

Алкоголь

Амфетамины

Анестетики

Антиконвульсанты

Антигистаминные препараты

Ароматические углеводороды

Арсениды

Барбитураты

Бромиды

Витамин D

Гербициды

Глютетимид

Дисульфид углерода

Инсулин

Йод

Марихуана

Метальдегиды

Метилбромид

Метилхлорид

Моноокись углерода

Нафазолин

Нафталин

Пентахлорфенол

Производные опиия

Ртутные диуретики

Салицилаты

Снотворные препараты

Сульфаниламиды

Сульфиды

Тетрагидрозолин

Углеводороды

Фенол

Хлоралгидрат

Четыреххлористый углерод"

Сьюзен знала, что этот перечень неполный, но, тем не менее, он дает ей направление дальнейших поисков и в любой момент может быть дополнен.

Обратившись к общим учебникам по внутренним болезням, Сьюзен открыла громоздкий талмуд "Основ терапии внутренних болезней" и прочла соответствующую главу, посвященную коме. Статьи у Сесиля и Лоэба были о том же. Обе книги давали очень хороший обзор, хотя не содержали новых концепций. Сьюзен переписала оттуда несколько ссылок в список статей, которые она предназначила для обязательного прочтения.

Почувствовав, что хорошо было бы встать и потянуться, Сьюзен глубоко зевнула. Она пошевелила пальцами на ноге, чтобы заставить кровь течь интенсивнее. Холод, распространяющийся по полу, заставил ее двигаться активнее, но она занялась Индексом Медикусом – реферативным журналом, содержащим заголовки всех статей, публикуемых во всех медицинских журналах.

Начиная с последних номеров и просматривая Индекс в обратном порядке, Сьюзен выискивала и записывала каждую статью, связанную с острой комой или стоящую под заголовком "Осложнения анестезии: отсроченный приход в сознание". Поработав с Индексом Медикусом до 1972 года, Сьюзен набрала список, включавший в себя тридцать семь ссылок, выглядевших перспективно.

Одна статья особенно привлекла внимание Сьюзен – "Острая кома в городской больнице Бостона: ретроспективное статистическое исследование причин", Журнал Американской Ассоциации Врачей Неотложной Помощи, том 21, август 1974, страницы 401 – 403.

Беллоуз окликнул ее по имени, прежде чем Сьюзен успела поднять голову. Он пришел в библиотеку, где она занималась, нашел ее и сел напротив. Но Сьюзен, поглощенная чтением, ничего не замечала вокруг. Сначала он покашлял, чтоб привлечь ее внимание, но безуспешно. Сьюзен была словно в трансе.

– Доктор Сьюзен Уилер, я догадываюсь? – сказал Беллоуз, наклоняясь над столом; его тень упала на журнал перед Сьюзен.

Сьюзен наконец очнулась и посмотрела на него:

– Доктор Беллоуз, я полагаю? – Сьюзен улыбнулась.

– Вы правы, я доктор Беллоуз. Слава Богу, какое облегчение. На минуту я подумал, что и ты обретаешься в коме, – Беллоуз покивал головой, словно соглашаясь сам с собой.

Несколько мгновений они оба молчали. Беллоуз приготовил короткую речь, чтобы изменить впечатление Сьюзен, что он разрешил ей пропускать лекции. С другой стороны, он собрался сказать ей, не мудрствуя лукаво, что хочет ее. Но если он собирался ее ругать, то это никак бы не способствовало его второй цели, поэтому мысли его разбежались, уподобившись неуправляемой лодке во время штиля. Сьюзен же хранила молчание, так как интуиция подсказывала ей, что Беллоуз собирался что-то сказать. Наконец, молчание стало ужасно неловким.

Сьюзен нарушила его:

– Марк, я прочла здесь много интересного. Посмотри на эти цифры.

Она встала и наклонилась над столом, держа журнал так, чтобы Беллоуз мог видеть страницу. При этом блузка немного распахнулась на ее груди. Беллоуз, взглянув в вырез, увидел великолепную грудь, прикрытую прозрачным тонким бюстгалтером, и кожу, мягкость которой можно было бы сравнить с вельветом. Он усиленно пытался сконцентрироваться на странице, которую Сьюзен показывала ему, но его периферическое зрение не отрывалось от навязчивого образа прелестного торса Сьюзен. Беллоуз оглядел библиотеку, убеждаясь, что никто в комнате не заметил его занятия.

Самой Сьюзен неразбериха, произведенная ею в мозгах Беллоуза, не была ясна, как и ее причина.

– На этой схеме показаны случаи острой комы, происшедшие в отделении скорой помощи в городской бостонской больнице, – сказала Сьюзен, водя пальцем по странице. – Одним из наиболее поразительных факторов является то, что только пятьдесят процентов случаев комы диагностировались при поступлении. Я считаю, что это поразительно. Ты разве не согласен? Это же значит, что в остальных пятидесяти процентах случаев диагноз никогда не был поставлен. Больные только успели поступить в неотложное отделение и умереть. Вот так.

– Да, это удивительно, – согласился Беллоуз, кладя левую руку на висок и пытаясь не смотреть на то, на что он смотрел.

– А посмотри сюда, Марк, на причины комы, которые они диагностировали: шестьдесят процентов – из-за алкогольной интоксикации, тринадцать процентов – из-за травмы, десять процентов – инсульт, три – отравления лекарствами или ядами, и остаток распределяется между эпилепсией, диабетом, менингитом и пневмонией. Сейчас очевидно... – сказала Сьюзен, садясь и снимая напряжение с гипоталамуса Беллоуза.

Беллоуз еще раз оглядел комнату, чтобы быть уверенным в том, что никто не заметил этого эпизода.

– ...мы можем исключить алкоголь и травму, как причины, вызвавшие острую кому, развившуюся в операционной. Так... у нас остается инсульт, затем отравление лекарствами или ядами, и остальные менее возможные виновники.

– Сьюзен, подожди секунду, – сказал Беллоуз, беря себя в руки. Он оперся локтями о стол, держа предплечья задранными вверх, потом его руки опустились. Его голова тоже сначала опустилась, потом поднялась, он посмотрел на Сьюзен. – Все это очень интересно. Не совсем относится к делу, но интересно.

– Не совсем относится?

– Угу. Ты не можешь экстраполировать данные неотложки на оперблок. Но теперь о другом я пришел сюда не для того, чтобы спорить об этом. Я пришел сюда, так как ты не отвечала на вызов. Я знаю это потому, что сам вызывал тебя. У меня могут быть неприятности, если ты не будешь показываться на конференциях. Ты сама создаешь себе сложности, но проблема состоит в том, что пока я за тебя отвечаю, твои неприятности – мои неприятности. Я могу ведь только за тебя извиняться. Я подразумеваю то, что я не могу так часто говорить, что ты берешь кровь или моешься перед операцией. Ты ведь знаешь, Старк будет спрашивать о тебе. Он знает все, что происходит вокруг. Кроме того, ты заработаешь репутацию прогульщицы на своем собственном курсе. Сьюзен, я полагаю, тебе нужно заниматься своей исследовательской деятельностью только после занятий.

– Ты закончил? – спросила Сьюзен, готовясь к защите.

– Закончил.

– Ладно, ответь мне только на один вопрос: Берман или Гринли что, уже проснулись?

– Конечно, нет...

– Тогда откровенно. Я думаю, что моя теперешняя активность важнее нескольких скучных хирургических конференций.

– О, моя бедная спина! Сьюзен, будь благоразумна. Ты же не собираешься спасти весь мир уже во время первой недели цикла по хирургии?! Если же это так, то вокруг твоей головы должно быть сияние.

– Я понимаю это, Марк. Действительно, я понимаю. Но давай посмотрим. За несколько часов в библиотеке я уже набрала кучу интересной информации. Осложнений в виде пролонгированной комы после анестезии здесь, в Мемориале, примерно в сто раз больше, чем на остальной территории страны за последний год. Марк, я думаю, здесь что-то есть. У меня все началось с эмоций, я думала, что мне хватит пары дней в библиотеке, чтобы закончить с этим делом. Но в сто раз!.. Господи, может быть, это что-нибудь другое, вроде нового заболевания или летальной комбинации обычно безопасных лекарств. А что, если это вариант вирусного энцефалита или результат предыдущей инфекции, которые делают мозг более чувствительным к определенным лекарствам или небольшому недостатку кислорода?

Сьюзен являлась частью мира медицины только два года, но уже представляла потенциальный успех, который сопутствует тому, кто откроет новое заболевание или синдром. Она думала, что его могли бы назвать "Синдром Уилер", и успех Сьюзен в медицинском мире был бы гарантирован. Первооткрыватели новых заболеваний значительно чаще становились известны, чем те, кто предложил новое лечение этих же заболеваний. В медицине ведь очень много названий по фамилиям авторов, открывших феномен, таких, как тетрада Фалло, болезнь Когана, синдром Толпина или дегенерация Деппермана. В то же время, такие сочетания, как "вакцина Сэлка" звучат непривычно, а пенициллин называется пенициллином, а не препаратом Флеминга.

– Мы могли бы назвать это синдромом Уилер, – сказала Сьюзен, высмеивая собственный энтузиазм.

– Боже, – сказал Беллоуз, покачивая головой, зажатой в руках, – ну и воображение! Ну хорошо. Наивность имеет определенную скидку. Но, Сьюзен, ты стоишь на земле и имеешь определенные обязанности. Ты ведь только студентка, маленький человек, фигурка внизу темного столба. Тебе бы лучше попридержаться свои амбиции, вспомнить свои обязанности на хирургическом цикле, или, поверь мне, ты усядешься в

огромную лужу. Я дам тебе еще один день на твои исследования, с условием, что ты появишься на утреннем обходе. А дальше – работай над этим в свое свободное время. А сейчас, если ты понадобишься мне, я буду вызывать доктора Уиллз вместо Уилер. Тогда отвечай, понятно?

– Понятно, – ответила Сьюзен, искоса глядя на Беллоуза. – Я сделаю так, если ты сделаешь кое-что для меня.

– Что такое?

– Возьми эти статьи и отскерокопируй их для меня. Я потом тебе заплачу, – она бросила ему лист со ссылками, выпрыгнула из-за стола и выскочила из библиотеки, прежде чем Беллоуз смог что-нибудь ответить.

Он посмотрел на перечень из тридцати семи журнальных статей. Так как он знал библиотеку, как свои пять пальцев, он легко нашел соответствующие тома, отметив каждую статью бумажной закладкой. Он взял первую стопку и велел девушке-библиотекарше отскерокопировать отмеченные статьи за его счет. Беллоуз снова чувствовал, что им вертят как хотят, а он и не возражает. Но, в конце концов, это заняло всего десять минут. Он взыщет должок.

А он оказался прав: Сьюзен была настоящим динамитом.

Понедельник, 23 февраля

17 часов 05 минут

Когда она говорила Беллоузу, что случаев комы после анестезии в Мемориале в сто раз больше, чем по стране, Сьюзен осознавала, что ее вычисления основаны на тех шести из них, о которых Гаррис упомянул во время их стычки. Сьюзен должна была проверить эту цифру. Если она в действительности была выше, это могло оказаться дополнительным оружием в ее руках и оправдать ее участие в исследовании. Кроме того, ей нужны были имена коматозных больных, чтобы заполучить их истории. Но больше всего ей нужна была конкретная цифра.

Сьюзен понимала, что для этого ей необходим доступ к главному компьютеру. Гаррис бы не пожелал сказать ей имена больных, Сьюзен была уверена в этом. Беллоуз мог бы узнать для нее эти имена, если его очень сильно попросить. Но это было большое "если". Сьюзен почувствовала, что наилучшим способом было попытаться достать информацию самой. Она была очень рада, что им читали вводный курс по языку программирования PL1 в колледже. Хотя и удивительным способом, это ее знание могло пригодиться для быстрого получения информации.

Вычислительный центр больницы располагался в крыле корпуса Гарди и занимал весь верхний этаж. Поскольку это крыло было самым высоким зданием во всей больнице, сотрудники острили, что фраза "с небольшой помощью свыше" приобрела новое значение.

Двери лифта мягко открылись в фойе восемнадцатого этажа, и Сьюзен подумала, что ей придется что-нибудь с ходу придумать, если она хочет, чтобы все получилось. Через фойе Сьюзен сквозь стеклянные перегородки видела приемную вычислительного центра. Она напоминала банк. Единственным различием было то, что здесь предметом обмена была информация, а не деньги.

Сьюзен вошла в приемную и направилась прямо к стойке, протянувшейся вдоль правой стены. В комнате было человек восемь, большинство их удобно расположилось в обитых голубым вельветом креслах. Некоторые склонились над компьютерными запросными

формами. Все они проводили Сьюзен глазами, когда она пересекала комнату, но быстро вернулись к своим делам. Не позволяя себе малейшей нерешительности, Сьюзен взяла один из компьютерных запросов. Делая вид, что полностью поглощена бланком, она незаметно изучала комнату. В глубине, метрах в четырех от Сьюзен находилась большая перегородка из белого пластика. Над окошечком висела надпись: "Информация". Это так соответствовало обстановке, что Сьюзен улыбнулась. Мужчина за окошком сидел неподвижно со слабой довольной улыбкой на лице. Ему было лет шестьдесят, он был маленький, кругленький и чистенький. Позади него через стеклянную перегородку были видны светящиеся терминалы компьютера. Когда Сьюзен решила заняться бланком требования, человек в окошке принял несколько заполненных форм. Он брал каждое требование, программировал его, записывая на нижней части бланка. Он также проверял разрешение на запрос, обзванивая соответствующие отделения, если запрос не был персональным. Потом он складывал формы, скрепленные по несколько штук, в ящик "Ввод". Если же запрос был индивидуальным, просителям сообщалось, в зависимости от важности запрашиваемой информации, когда им ждать ответа.

Уяснив себе процедуру, Сьюзен занялась лежащим перед ней бланком. Это было довольно просто. Она заполнила место в рамочке для текущей даты и пропустила места для запрашивающего отделения и имени организации или лица, которому требовалась информация. Она также пропустила место, где должен быть указан способ оплаты машинного времени. Затем она сосредоточилась на том, какая, собственно, информация ей нужна. По нескольким причинам Сьюзен не знала точно, как ей сформулировать запрос. Одной из таких причин была та, что больница могла препятствовать утечке информации о случаях комы после анестезии. Программа в компьютере могла быть составлена так, что требования подобной информации либо автоматически отбрасывались, или компьютер регистрировал запросы подобного рода. Другая причина была та, что болезнь сама по себе могла классифицироваться на несколько степеней тяжести. Пролонгированная кома после анестезии могла быть только одной из них. А Сьюзен хотела получить максимальный объем информации, чтобы потом выбрать то, что посчитает важным.

Но распечатка всех случаев комы за несколько последних лет оказалась бы слишком громоздкой. Так как кома сама по себе была только синдромом, а не заболеванием, Сьюзен решила ограничиться всеми случаями смерти от инфарктов, инсультов и рака за последний год и отбрасывать случаи комы у пациентов, страдавших заведомо известными хроническими заболеваниями. Но потом она подумала, что это предположение может быть ошибочно. Если она ищет новую болезнь, то нет причин, почему эта болезнь не может влиять на хронических больных. Действительно, если это была инфекция, то хронические заболевания могли усугублять ее проявления.

Сьюзен изменила формулировку своего требования, запросив распечатку всех случаев комы у стационарных больных, которые бы не были напрямую связаны с заболеванием, по поводу которого такие пациенты поступили на лечение. Затем Сьюзен запросила число больных из этой группы, которым перед развитием комы делали операцию, и промежуток времени между операцией и комой. С некоторым усилием Сьюзен запрограммировала эти запросы, так как последний раз ей пришлось писать программы почти год назад, и чтобы все было правильно, ей понадобилось несколько минут. Она записала программу на бланке под красной чертой и предупреждением "Заполняется программистом".

Затем Сьюзен принялась ждать, когда человеку за окошечком принесут очередную порцию запросов. К счастью, это произошло скоро. Минут через пять на этаже остановился лифт. Сквозь стекло Сьюзен увидела, что какой-то человек, лет сорока, с льяными волосами, линия которых была глубоко вырезана на висках, протиснулся через еще не полностью открывшиеся двери лифта и вприпрыжку побежал к окошечку. При этом человек нервно размахивал бланками требований.

– Джордж, – позвал человек, притормаживая перед окошечком. – Ты просто обязан помочь мне.

– А-а, старина Генри Шварц, – отозвался мужчина за окошечком. – Мы всегда готовы помочь статистическому отделу. Несмотря на то, что оттуда все наши неприятности. Что я могу для вас сделать?

Сьюзен старательно вписала "Генри Шварц" в свой запрос в графе для запрашивающего лица. А в графе для отделения – "Отдел статистики".

– Мне нужна пара вещей, но больше всего – список больных, имеющих страховку в "Голубом кресте" или "Голубом щите", которых прооперировали в прошлом году, – как пулемет выпалил Шварц. – Если вы спросите, зачем, то я вам ничего не отвечу. Но это очень срочно. Еще до окончания рабочего дня.

– Мы прогоним эти запросы через часок. Будет готово к семи, – ответил Джордж, скрепляя требования Шварца и бросая их в ящик.

– Джордж, вы спасаете мне жизнь, – сказал Шварц, нервно заглаживая назад волосы. Он направился к лифту. – Я вернусь ровно в семь.

Сьюзен увидела, как он нажал кнопку "Вниз", и вышла за ним в фойе. Он что-то бормотал себе под нос. Затем еще несколько раз нажал на кнопку вызова лифта. После того, как Шварц сел в лифт, Сьюзен стала следить за световым указателем этажей, чтобы узнать, где располагается отдел статистики. Лифт остановился сначала на шестом, затем – на третьем, и, наконец, на первом этаже.

Сьюзен взяла чистый бланк, приложила его к своему, чтобы полностью закрыть написанное, и подошла к окошечку.

– Простите, – произнесла она, адресуя программисту самую очаровательную из своих улыбок. Джордж поднял голову и посмотрел на нее поверх черной оправы очков, съехавших на середину носа. – Я студентка, – продолжала Сьюзен самым сладким голосом. – И я очень интересуюсь применением компьютеров в больнице. – Она подняла два сложенных вместе бланка.

– Неужели? – ответил Джордж, откинувшись на стуле с широкой улыбкой на лице.

– Да, – утвердительно закивала Сьюзен. – Я убеждена, что компьютеры имеют огромный потенциал для применения в медицине, и, хотя это и не входит в нашу программу обучения, я подумала, что обязательно должна прийти сюда и ознакомиться с вычислительным центром.

Джордж посмотрел на Сьюзен, а затем через плечо сквозь стеклянные перегородки на светящиеся терминалы. Потом повернулся к Сьюзен, из глаз его лучилась гордость.

– Это такая чудесная машина, мисс...

– Сьюзен Уилер.

– Это просто фантастическое оборудование, мисс Уилер, – сказал Джордж, наклоняясь к окошечку, и тихим голосом выделяя каждое слово, как будто доверял Сьюзен величайший секрет. – Больница без него просто не смогла бы существовать.

– Чтобы понять, как это все работает, я взяла посмотреть бланк требования. – Сьюзен держала бланк так, чтоб Джордж видел только верхний бланк, но он снова принялся смотреть в компьютерный зал.

– Мне было бы так интересно посмотреть на заполненный бланк, – продолжала Сьюзен, протягивая руку и беря верхнюю стопку запросов из ящика "Ввод". – Так любопытно, как их скармливают в компьютер. Ничего, что я посмотрю их? – она положила запросы Шварца сверху своего бланка.

– Конечно, – сказал Джордж, снова поворачиваясь к Сьюзен. Он встал и, опершись рукой о стол, наклонился к ней. Другой рукой он стал водить по бланку, где требование было написано по-английски.

– Вот здесь запрашивающий указывает, что он хочет. Затем вот здесь ниже... – палец Джорджа двинулся вниз к красной линии, – ...мы пишем соответствующую программу на языке компьютера.

Сьюзен подсунула свой бланк под стопку бланков Шварца, так как убедилась, что ее запрос вполне похож на настоящий.

– А если кому-нибудь понадобится информация по разным вопросам, нужно заполнять разные требования? – спросила она.

– Конечно, и если...

Сьюзен потянула первый запрос Шварца из стопки и скрепка слетела с пачки.

– О-о, извините, пожалуйста, – воскликнула Сьюзен, возвращая запрос в стопку. – Посмотрите, что я натворила. Давайте я ее скреплю заново.

– Ничего страшного, – сказал Джордж, неловко орудуя скрепкосшивателем. – Одной скрепки вполне достаточно. – Джордж нажал на скрепкосшиватель, пока Сьюзен придерживала стопку, в которой уже лежал ее собственный бланк.

– Давайте я лучше положу их обратно, раз уж я не умею с ними обращаться, – покаянно произнесла Сьюзен и положила стопку в ящик "Ввод".

– Пустяки, – уверил ее Джордж.

– А потом что происходит с требованиями? – спросила Сьюзен, глядя на компьютерный зал и отвлекая внимание Джорджа от ящика.

– Ну, я отдаю их оператору на перфорацию, он набивает перфокарты для ввода. Потом...

Сьюзен уже не слушала. Она обдумывала, как бы лучше ретироваться отсюда. И через пять минут она уже спускалась в лифте, по дороге проверив, где находится отдел Генри Шварца.

Чтобы провести с толком ближайшие полтора часа, Сьюзен ушла из Мемориала и направилась в свое общежитие. Ее желудок громко протестовал против забвения, в котором она оставила его насущные потребности. Бутерброд, как бы ни был плох, уже давно завершил свое путешествие в ее организме, и Сьюзен с удовольствием предвкушала обед.

Понедельник, 23 февраля

18 часов 55 минут

Было без нескольких минут семь, когда Сьюзен вышла из станции метро "Норт Стейшен". Она перешла улицу по пешеходному мосту, и на нее обрушился шквал ветра с каплями воды, сорванной с полузамерзшей поверхности гавани. Она, согнувшись, пошла навстречу ветру, левой рукой придерживая на голове лыжную шапочку из овечьей шерсти, а правой – сжимая на шее отвороты своей куртки. Спасаясь от холода, она сжалась и поглубже спрятала в воротник подбородок.

Когда она обогнула угол здания, ветер еще больше усилился. Позади, кувыряясь, вылетела на улицу пустая консервная банка из-под пива. Характерное для "часа пик" море хвостовых сигнальных огней автомашин и облаков выхлопных газов простиралось, насколько достигал взор. Окна машин были приморожены, стекла с серебряным блеском отражали окружающие предметы, напоминая белые невидящие зрачки слепого.

Сьюзен перешла на небыстрый бег, сильно раскачиваясь из стороны в сторону, так как ее руки оставались прижатыми к телу. Наконец главный вход в больницу зазиял перед ней, и она с облегчением толкнула входную дверь.

Войдя, Сьюзен сунула шапочку в рукав куртки и повесила ее в гардеробе позади главного информационного табло. Затем она нашла в справочнике местный телефон компьютерного центра и позвонила.

– Здравствуйте, это из отдела статистики, – произнесла Сьюзен, слегка задыхаясь и стараясь, чтоб голос звучал нормально. – Мистер Шварц уже забрал свои материалы?

Ответ был утвердительный. Он ушел минут пять назад. Сьюзен посчитала, что по времени все получается тютелька в тютельку, и отправилась к лифту корпуса Гарди и отделу статистики на третьем этаже.

Вечерняя смена в отделе статистики была просто объединенным скелетом по сравнению с дневной. Когда Сьюзен вошла в комнату, в

дальнем ее конце виднелось всего три человека. Двое мужчин и женщина в унисон подняли головы на звук шагов Сьюзен.

– Извините, – начала Сьюзен, приближаясь к ним. – Вы бы не могли сказать мне, где я могу найти мистера Шварца?

– Шварца? Конечно. Он в своем кабинете в углу, – ответил один из мужчин, указывая на противоположный конец комнаты.

Глаза Сьюзен проследили за его пальцем.

– Спасибо, – сказала она, отправляясь в указанном направлении.

Генри Шварц просматривал середину своей распечатки. Его стеклянный кабинет был маленьким, но сверхъестественно чистеньким. Книги на полках были расставлены по ранжиру, от высоких к низким. Корешки находились строго на расстоянии трех сантиметров от края полок, ни больше, ни меньше.

– Мистер Шварц? – позвала Сьюзен, улыбаясь и подходя к столу.

– Да? – ответил Шварц, не отрывая указательный палец от нужного места в распечатке.

– Кажется, моя распечатка перемешалась с вашими, по крайней мере так думают наверху. Можно спросить, не заметили ли вы еще какого-нибудь чужого материала в своей распечатке?

– Нет, но я еще не все просмотрел. А что у вас пропало?

– Некоторая информация по коме, которая нам нужна к конференции в отделении. Вы не возражаете, если я посмотрю, есть ли она среди вашего материала?

– Нисколько, – ответил Шварц, листая сложенные страницы распечатки, чтобы найти промежутки между программами.

– Если она здесь, то должна быть в конце ваших запросов, – предположила Сьюзен. – Они сказали, что прогоняли мой запрос сразу после ваших.

Шварц приподнял всю стопку бумаги со стола. На нем осталась лежать распечатка Сьюзен с прикрепленным к ней бланком запроса.

– Вот она, – сказала Сьюзен.

– Но тут указано, что это я запрашивал информацию? – спросил Шварц, быстро взглянув на требование.

– Поэтому неудивительно, что они перепутали мою распечатку с вашей, – ответила Сьюзен, хватая листы. – Уверяю вас, вам этот хлам совершенно неинтересен. И во всяком случае, это не ваша ошибка.

– Я лучше поговорю с Джорджем... – начал было Шварц, снова укладывая свои распечатки перед собой.

– Не нужно, – сказала Сьюзен, выходя из кабинета. – Мы уже давно все обсудили. Огромное спасибо.

– Пожалуйста, – ответил Шварц, но Сьюзен уже ушла.

* * *

– Ну, Сьюзен, это уж слишком, действительно, чересчур, – сказал Беллоуз между двумя ложками гоголя-моголя, который он забрал с подноса больного, страдавшего слишком сильной тошнотой, чтобы есть. – Ты пропускаешь лекцию, обеденный обход и теперь ошиваешься здесь до восьми вечера. Ты делаешь все наоборот с завидным постоянством. – Ложка Беллоуза царапнула дно стакана.

Сьюзен и Беллоуз сидели в ординаторской в Беард-5 там же, где этот день начался для Сьюзен. Она занимала то же самое кресло, что и утром. В руках она держала длинный рулон только что полученной распечатки, хвост которого валялся перед ней на полу. Она быстро просматривала список имен, отмечая подходящие оранжевым фломастером.

Беллоуз отпил кофе из своей чашки.

– Вот, это доказательство, – сказала Сьюзен, надевая на фломастер колпачок.

– Доказательство чего? – спросил Беллоуз.

– Доказательство того, что здесь за последний год не было шести случаев комы с неустановленной причиной, помимо Бермана.

– Ура! – возликовал Беллоуз, салютуя чашкой с кофе. – Теперь я могу не беспокоиться насчет анестезии и прооперировать свой геморрой!

– Я бы советовала тебе не отказываться от своих ректальных суппозиторий, – сказала Сьюзен, подсчитывая отмеченные имена. – Не было шести случаев, было... одиннадцать. И если состояние Бермана не изменится, то все двенадцать.

– Ты уверена? – тон Беллоуза внезапно изменился, и он впервые выказал интерес к распечатке.

– Вот все имена из распечатки, – ответила Сьюзен. – И я бы не удивилась, если б их было больше, если запросить информацию прямо сию секунду.

– Ты действительно думаешь так? Господи, одиннадцать случаев! – Беллоуз наклонился к Сьюзен, облизывая ложку с гоголь-моголем. – Как тебе удалось получить эту распечатку?

– Генри Шварц был настолько мил, что помог мне, – безразлично ответила Сьюзен.

– Что за чертов Генри Шварц? – спросил Беллоуз.

– Черт меня побери, если я знаю.

– Пожалей меня, – жалобно сказал Беллоуз, прикрывая глаза рукой. – Я слишком устал для таких интеллектуальных игр.

– Это у тебя хроническое состояние или острый приступ?

– Кончай нести чепуху. Как ты получила эти данные? Ведь подобную информацию можно заказывать только через отделение.

– Я пошла наверх сегодня после обеда, заполнила форму M804, отдала одному очень любезному человеку в окошечке, затем пришла туда снова вечером и забрала распечатку.

– Извини, что спросил, – сказал Беллоуз, поднимая и взмахивая ложкой, как будто предоставлял делам идти самим собой. – Но одиннадцать случаев. У них у всех кома развилась после операции?

– Нет, – Сьюзен вновь обратилась к распечатке. – Гаррис не так уж ошибался, когда говорил о шести случаях. У остальных пяти больных кома наступила, когда они уже были в палате. Диагноз был – идиосинкразическая реакция. Тебе не кажется это очень странным?

– Нет.

– Ну-ну, – нетерпеливо произнесла Сьюзен. – Слово "идиосинкразическая" звучит внушительно, но в действительности означает только то, что они понятия не имели о настоящем диагнозе.

– Но это может быть правдой. Ведь, Сьюзен дорогая, все это происходит в огромном госпитале, а не в спортивном клубе. Эта больница является базовой для всего региона Новой Англии. Знаешь ли ты, сколько больных умирает здесь в среднем за один-единственный день?

– Но их смерти имеют конкретные причины... а эти случаи комы – нет... по крайней мере еще нет.

– Смерти не всегда происходят по очевидной причине. Для этого и делают аутопсию.

– Вот здесь ты попал в точку, – сказала Сьюзен. – Когда кто-нибудь умирает, делают аутопсию – вскрытие, чтобы выяснить причину смерти, которая всегда прибавляет что-нибудь к твоим базовым знаниям. А в случаях с комой ты не можешь это сделать, так как пациенты болтаются где-то между жизнью и смертью. А сделать какую-нибудь "псию" в этих случаях еще важнее. Аутопсия дает ответы на все вопросы, только распотроши пациента. Но диагноз гораздо важнее, чем окончательный диагноз после вскрытия. Ведь если мы выясним, что случилось с этими людьми, может быть, мы сможем вывести их из комы. А еще лучше, впредь избегать развития комы у больных.

– Даже аутопсия, – сказал Беллоуз, – не всегда дает ответы на все вопросы. Есть огромное количество случаев, когда причина смерти никогда не будет установлена, неважно, делали вскрытие или нет. Я тут случайно узнал, что сегодня отдали богу душу двое больных, и я очень сомневаюсь, что диагноз им когда-нибудь будет поставлен.

– Почему ты думаешь, что диагноз не будет поставлен? – спросила Сьюзен.

– Оба больных умерли из-за остановки дыхания. По-видимому, они просто преспокойно перестали дышать. Их обнаружили уже мертвыми. А при остановке дыхания не всегда удается найти причину, на которую можно повесить вину.

Беллоуз сумел захватить внимание Сьюзен. Она уставилась на него, не двигаясь и не мигая.

– С тобой все в порядке? – Беллоуз помахал рукой перед лицом Сьюзен. Но Сьюзен не двигалась, пока внезапно не схватила снова распечатку.

– Что за чертовщина с тобой, психомоторная эпилепсия или еще что? – спросил Беллоуз.

Сьюзен посмотрела на него.

– Эпилепсия? Нет, Господи. Ты сказал, эти больные сегодня умерли от остановки дыхания?

– По-видимому. Я хотел сказать, что они перестали дышать. Просто не захотели.

– А с чем они лежали в больнице?

– Я точно не знаю. Я думаю у одного были какие-то проблемы с ногой. Может быть, у него был флебит, и на вскрытии найдут эмболию легочной артерии. А у другого был фациальный паралич Белла.

– Они оба были с капельницами?

– Я не помню, но совершенно не удивился бы, если бы так. Почему ты спрашиваешь?

Сьюзен прикусила нижнюю губу, размышляя над последними словами Беллоуза.

– Марк, ты знаешь? Эти смерти могут быть связаны со случаями комы. – Сьюзен похлопала по распечатке раскрытой ладонью. – Может, в этом что-то есть. Как были их имена? Ты помнишь?

– Бога ради, Сьюзен, не бери ты это себе в голову. Ты слишком много работаешь, у тебя появляются бредовые мысли. – Беллоуз перешел на подчеркнуто заботливый тон. – Но не беспокойся, такое происходит и с лучшими из нас, если приходится пробыть в больнице две-три ночи подряд.

– Марк, я серьезно.

– Я знаю, что ты серьезно. Это меня и беспокоит. Почему ты не устроишь себе перерывчик и не забудешь об этом на денек? Потом, на свежую голову, ты сможешь взглянуть на все более объективно. Вот что я тебе скажу. Я завтра ночью не дежурю, и если мне чуть-чуть повезет, смогу выбраться отсюда к семи. Как насчет пообедать вместе? Ты здесь всего один день, но нуждаешься в отдыхе от больницы не меньше меня.

Беллоуз не планировал назначать Сьюзен свидание так быстро и в такой манере. Но ему понравилось, что это произошло спонтанно с виду, и вероятный отказ при этом было бы перенести гораздо легче. Прозвучало это не как приглашение на свидание, а просто как просьба встретиться.

– Обед – это хорошо, не могу отказаться от приглашения на обед даже с пресмыкающимся. Но, Марк, серьезно, как имена этих сегодняшних больных?

– Кроуфорд и Феррер. Они лежали в Беард-6.

Сьюзен сжала губы и записала имена в свой блокнот.

– Мне придется заглянуть в них утром. А может... – Сьюзен посмотрела на часы, – ...и сегодня. Если им будут делать вскрытие, когда начнут?

– Скорее всего, сегодня вечером или сразу же завтра утром, – пожал плечами Беллоуз.

– Тогда я лучше дойду проверю сегодня.

Сьюзен сложила свою распечатку.

– Спасибо, Марк. Ты мне снова помог.

– Снова?

– Ну да. Спасибо за те статьи, которые ты отксерил для меня. В один прекрасный день из тебя получится отличный секретарь.

– К вашим услугам.

– Ладно, ладно. Увидимся завтра вечером. Как насчет "Рида"? Я не бывала там уже несколько недель, – сказала Сьюзен, направляясь к двери.

– Не так быстро, Сьюзен. Я увижу тебя завтра утром на обходе в шесть тридцать. Помни о нашем договоре. Я прикрою тебя в другой раз, если ты придешь на обход.

– Марк, ты очень хороший, правда. Не начинай портиться так быстро. – Сьюзен улыбнулась и кокетливо опустила прядь волос через лицо. – Мне нужно будет очень много времени, чтобы прочитать статьи, которые ты откопировал для меня. Мне нужен, по крайней мере, целый день. Мы обсудим это завтра вечером.

И она вышла. Беллоуз воодушевился насчет Сьюзен и допил свой кофе. Затем он встал. Нужно было переделать кучу работы.

Понедельник, 23 февраля

20 часов 32 минуты.

Патологоанатомическая лаборатория находилась в подвале главного корпуса. Сьюзен спустилась по ступенькам и вышла на середину подвального коридора. Справа коридор терялся в темноте, а слева – исчезал из виду за поворотом. Голые колбы лампочек ярко горели, свешиваясь с потолка каждые шесть-девять метров. Свет от каждой предыдущей лампы, смешиваясь со светом последующей, вызывал странную игру теней в путанице труб, проходящих по потолку. Серый подземный мир был лишен красок, и ломанные полосы, нарисованные оранжевой краской на стенах, не в силах были придать ему цвет.

Прямо напротив места, где стояла Сьюзен, наполовину уже не видна, была нарисована по трафарету стрелка, указывающая налево, со словом "Патологоанатомическое отделение" сверху. Сьюзен свернула налево, ее шаги по бетонному полу глухо отдавались в коридоре, смешиваясь с шипением пара по трубам. Атмосфера в подвале угнетала. И расположение анатомички среди больничных "кишок" было зловеще уместным. Сьюзен вовсе не улыбалось идти в патоанатомию. Она считала существование такого отделения теневой стороной медицины, специальностью, произрастающей из медицинских неудач и ошибок, смертей. Доводы, что патологоанатомы рассматривают образцы тканей, полученные при биопсиях, и что вскрытия мертвых приносят очевидную пользу живым, не действовали на Сьюзен. Она присутствовала на аутопсии всего один раз на занятии по патологии, и этого для нее оказалось слишком много. Жизнь никогда не казалась Сьюзен такой хрупкой, а смерть – такой неизбежной, когда она смотрела, как два дюжих патологоанатома разделяют тело недавно умершего пациента.

Воспоминание об этом замедлило шаги Сьюзен, но она не остановилась. Настроена она была решительно. Сьюзен прошла по коридору уже метров сто, как коридор повернул сначала в одну сторону, затем – в другую. Она бросила через плечо нервный взгляд, проверяя, не пропустила ли дверь в патанатомическую лабораторию. И

с усиливающимся недобрым предчувствием продолжала идти дальше. В некоторых местах лампы не горели, и тень Сьюзен начинала вытягиваться перед ней. Но, достигая светового круга следующей лампы, тень уменьшалась и переходила за спину Сьюзен.

Наконец она дошла до двери с двумя вращающимися створками. В верхней части каждой их них было покрашенное оконце.

"Посторонним вход воспрещен", – было толсто написано на треснутом матовом стекле дверных створок. На правой створке под оконцем висела табличка, выведенная шелушащимися золотыми буквами – "Патологоанатомическая лаборатория". Сьюзен поколебалась и, чтобы подкрепить свой дух, попыталась представить, что ее ждет за дверью. Приоткрыв щелочку, она быстро заглянула внутрь. Вдоль центра комнаты тянулся длинный стол со столешницей из черного мрамора. Он был загроможден стеклами и коробками для срезов, банками с химикалиями, книгами и разным другим оборудованием. Сьюзен пихнула дверь сильнее и сделала шагок внутрь комнаты.

В комнате висел едкий запах формалина. Вся стена справа была уставлена полками с пола до потолка. И все полки были заставлены бутылками и банками так, что невозможно было найти свободного квадратного сантиметра. Присмотревшись, Сьюзен поняла, что аморфная бесцветная масса в ближайшей к ней большой банке – это половина человеческой головы, разрезанной от затылка к носу. Прямо под половиной языка в просвете глотки была видна гранулярная масса. Табличка, приклеенная к стеклу, гласила: "Карцинома гортани, номер 304-А6, 1932". Сьюзен содрогнулась и постаралась больше не смотреть в сторону этих отвратительных экспонатов.

В дальнем конце была такая же дверь с вращающимися створками, что и на входе. Через комнату Сьюзен слышала шум голосов и металлический лязг. Она на цыпочках пошла к дверям, чувствуя себя незваной гостьей в чужом и враждебном окружении.

Сьюзен постаралась подсмотреть что-нибудь через щель между створками двери. Хотя поле зрения было сильно ограничено, она поняла, что видит секционный зал. Она начала медленно открывать дверь.

В это время раздался громкий звон, эхом разнесшийся по комнате и заставивший Сьюзен завертеться волчком. Дверь в секционный зал с

тихим звуком закрылась позади нее. Сначала она подумала, что сработала сигнализация, и почувствовала настоящую необходимость удрать в коридор. Но как только она двинулась, из других дверей появился ординатор-патологоанатом.

– Привет, – сказал он Сьюзен, подойдя к раковине, взял в руку трубку, идущую от дистиллятора.

Он улыбнулся Сьюзен и стал поливать струей воды лоток с батареей срезов, которые он красил. Цвет вытекающей из лотка воды посветлел от темно-фиолетового до прозрачного.

– Добро пожаловать в патанатомию. Вы студентка?

– Да, – Сьюзен выдавила из себя улыбку.

– У нас не бывает много студентов-медиков в такое время дня... или ночи. Что-нибудь случилось, и мы можем помочь вам?

– Ничего особенного. Я просто осматриваюсь. Я здесь новенькая, – ответила Сьюзен, кладя руки в карманы. Ее пульс частил.

– Чувствуйте себя как дома. Там в ординаторской есть кофе, если вам интересно.

– Нет, спасибо, – сказала Сьюзен, бесцельно подходя к столу и трогая коробки со срезами.

Ординатор налил в лоток со срезами янтарной краски и завел будильник.

– Хотя, может быть, вы сможете помочь мне, – сказала Сьюзен, указывая на срезы, лежащие на столе. – Сегодня умерло несколько больных из Беард-6. Интересно, они... их уже... – Сьюзен попыталась подобрать подходящее слово.

– А как их имена? – спросил ординатор, вытирая руки. – Здесь есть несколько случаев, которых вскрывают прямо сейчас.

– Феррер и Кроуфорд.

Ординатор подошел к маленькой досочке с прищепкой, висящей на гвозде.

– Хм... Кроуфорд. Это звучит знакомо. Я думаю, это случай для судмедэксперта. Вот Феррер – это точно случай для судмедэксперта. Да, я прав, Кроуфорд тоже. Оба они – случаи для судебной экспертизы, их еще не кончили вскрывать.

Ординатор быстро подошел к двери в секционный зал и толкнул левую створку ладонью. Правой рукой он продолжал держаться за

край другой створки, просунувшись в щель. Его голова скрылась из глаз Сьюзен.

– Эй, Гамбургер, как зовут покойника, которого ты делаешь?

Последовала пауза, и раздался голос, но Сьюзен не разобрала слов.

– Кроуфорд! Я думаю, этот случай – для судмедэксперта.

Опять пауза.

Ординатор вернулся в комнату, будильник зазвенел. Звон заставил Сьюзен подпрыгнуть еще раз. Ординатор принялся промывать дистиллированной водой срезы.

– Судмедэксперт переадресовал оба случая в отделение, как обычно. Ленивый сукин сын. Во всяком случае, сейчас они вскрывают Кроуфорда.

– Спасибо, – сказала Сьюзен. – Можно я зайду и посмотрю?

– Сколько угодно, – ответил ординатор, пожимая плечами.

Сьюзен на мгновение задержалась перед дверью, но она знала, что ординатор смотрит на нее, поэтому толкнула створку двери и вошла в секционный зал.

Зал был метров двенадцать на двенадцать, старый и обшарпанный. Стены были выложены древним белым кафелем, который местами потрескался, а местами и вовсе выпал. Пол был мозаичный, серого цвета. В центре зала стояли три мраморных стола с приподнятыми головными частями. Струя воды непрерывно текла от изголовья каждого стола к стоку в ногах, с шумом всасываясь в слив. Над каждым столом были подвешены лампа, весы и микрофон. Сьюзен обнаружила, что стоит на полу, приподнятом на три-четыре ступеньки по сравнению с обычным уровнем. Рядом с ней справа находились деревянные скамьи, расположенные несколькими восходящими ярусами. Эти скамьи были пережитком тех времен, когда группы студентов собирали смотреть на аутопсии.

Одна из ламп над ближайшим к Сьюзен столом была включена. Она отбрасывала довольно узкий пучок света на обнаженное тело, лежащее на столе. С обеих сторон стола стояло по ординатору в клеенчатом фартуке и резиновых перчатках. Направленный пучок света погружал в постепенно густеющую до темно-коричневого цвета тень остальную часть комнаты, как на картинах Рембрандта. Центральный стол также находился в тени, но Сьюзен разобрала

лежащее на нем обнаженное тело, к большому пальцу ноги которого была привязана бирка на веревочке. Большой Y-образный шов пересекал грудь и живот. Третий стол был едва виден, и, кажется, пустовал.

Когда Сьюзен вошла, все движение в зале замерло. Оба ординатора уставились на нее, наклонив головы, чтоб не попадать в ослепительный пучок света. Один из них, с большими усами и бачками, в это время занимался зашиванием Y-образного шва на мужском теле, простертом перед ним. Другой ординатор, выше первого как минимум сантиметров на тридцать, стоял перед тазом, содержащим внутренние органы покойного.

Оценив Сьюзен, высокий ординатор вернулся к своей работе. Он запустил левую руку в клубок органов и ухватил печень. В правой руке он держал острый, как бритва, мясницкий нож. Несколькими взмахами он отделил печень от остальных органов, и с чавканьем шлепнул ее на чашку весов. Затем ординатор нажал на ножную педаль на полу и начал говорить в микрофон.

– Печень красно-коричневого цвета, со слегка пятнистой поверхностью, точка. Общий вес... два целых четыре десятых килограмма, точка. – Затем он протянул руку к чашке весов, вынул печень и бросил ее обратно в таз.

Сьюзен приблизилась на несколько шагов. Запах был весьма сомнительный, а воздух – жирный и тяжелый, как в переполненном автобусном зале ожидания на вокзале.

– Консистенция печени несколько тверже, чем обычно, но все-таки достаточно мягкая, точка. – Нож блеснул в воздухе и разрезал печень. – На поверхности разреза виден усиленный рисунок долей, точка. – Нож нарезал четыре-пять ломтей печени, пока не добрался до центра органа. – Ткань имеет обычный рыхлый характер, точка.

Сьюзен подошла к изножью стола. Слив теперь находился прямо перед ней. Высокий ординатор слева снова закопался в тазу, примериваясь к другому органу, но остановился, так как усатый ординатор начал говорить:

– Привет...

– Здравствуйте, – начала Сьюзен, – извините, что помешала.

– Ничего страшного. Присоединяйтесь к нам, мы уже заканчиваем.

– Спасибо, мне хватает одного вида. Это Кроуфорд или Феррер?
– Это Феррер, – сказал ординатор. Затем он указал на другое тело. – Вот Кроуфорд.

– Я интересуюсь, определили ли вы причину смерти.

– Нет, – ответил высокий ординатор. – Но здесь мы еще не вскрывали грудную клетку. Кроуфорда мы вычистили полностью. Может быть, после микроскопных срезов что-нибудь прояснится.

– А что вы ожидаете увидеть в легких? – спросила Сьюзен.

– Ну, в анамнезе – остановка дыхания, можно ждать тромбоэмболии легочной артерии. Хотя я не думаю, что мы что-нибудь найдем. Может, что-то будет при секции мозга.

– А почему вы думаете, что ничего не найдете?

– Ну, я уже встречался с подобными случаями и никогда ничего не находил. Анамнез был точно такой же. Они поступают в больницу, относительно молодые, и просто перестают дышать. Попытки реанимации безуспешны. Затем они или сразу попадают к нам, или судебный эксперт возвращает их нам.

– А сколько таких случаев вы видели?

– За какой промежуток времени?

– Примерно... год, два.

– Может, шесть-семь случаев. Я думаю.

– И у вас нет никакой догадки о причине смерти?

– Никакой.

– Никакой? – с удивлением спросила Сьюзен.

– Ну, я думаю, что причина может быть в мозге. Что-то выключает дыхательный центр. Может быть, инсульт, но я делал секцию мозга и в случаях, похожих на эти два.

– И что?

– Ничего. Ровным счетом.

Сьюзен начало мутить. Атмосфера, запах, вид, шум объединились, голова у нее закружилась, она ощутила приступ тошноты и сглотнула.

– А больничные истории болезни Кроуфорда и Феррера здесь?

– Конечно, они в комнате, где мы пьем кофе, через лабораторию.

– Мне бы хотелось просмотреть их. Если вы найдете что-нибудь важное, крикните мне, ладно? Мне бы хотелось посмотреть.

Высокий ординатор взял сердце и положил на весы.

– Это ваши больные?

– Не совсем, – ответила Сьюзен, отходя к выходу. – Но могли бы быть.

Высокий ординатор насмешливо смотрел на другого, пока Сьюзен шла к двери. Тот пожирал ее взглядом, очевидно прикидывая, как бы осторожно разузнать ее имя и откуда она.

Ординаторская была такой же, как все в больнице. Кофеварку представлял престарелый агрегат, краска с одной стороны подгорела, а провод, протертый у корпуса, являл собой настоящую опасность. На стойке вдоль двух стен грудой лежали истории болезни, бумаги, книги, кофейные чашки, шариковые ручки.

– Это было быстро, – сказал ординатор, который красил срезы.

Он сидел за столом, имея перед собой полупустую чашку кофе и полусъеденный пирожок. Он был занят, подписывая большую стопку патологоанатомических заключений.

Вскрытия всегда были большим испытанием для меня, – начала Сьюзен.

– Вы привыкнете, все привыкают, – ответил ординатор, засовывая пирожок в рот.

– Наверно. Где я могу посмотреть истории болезни людей, которых они вскрывают?

Ординатор запил пирожок кофе, с усилием проглотив большой кусок.

– На полке под названием "Поступление". Когда вы закончите с ними, переложите их на полку с надписью "В архив", потому что мы уже с ними закончили.

Отвернувшись к задней стене, Сьюзен увидела ряд квадратных ячеек. На одной из них была табличка "Поступление". Там она обнаружила карты Феррера и Кроуфорда. Расчистив себе местечко на столе, Сьюзен села и достала свой блокнот. Вверху одной пустой страницы она написала "Кроуфорд", а другой – "Феррер". Затем методически принялась делать выписки из истории, как делала это с историей Нэнси Гринли.

Вторник, 24 февраля

8 часов 05 минут

На следующее утро, когда по радио прозвучал сигнал подъема, Сьюзен показалось просто невозможно трудным покинуть теплое убежище постели. Только музыкальная композиция Линды Ронштадт удержала ее от выключения радио. Сьюзен вытянулась в кровати и позволила звукам и ритму пронизывать насквозь свое тело. Когда песня закончилась, Сьюзен уже полностью проснулась, и ее ум начал перебирать события минувшего дня. Прошедшей ночью до трех утра она, глубоко сосредоточившись, просидела над кипой журнальных статей, над книгами по анестезиологии, над своими собственными учебниками по терапии и клинической неврологии. Она исписала огромное количество бумаги, и ее библиографический список увеличился до сотни названий статей, которые она затем собиралась притащить из библиотеки. Проблема представлялась Сьюзен все более сложной и трудоемкой, но в то же время все более захватывающей и увлекательной. В результате ее решимость окрепла, и она намеревалась завершить свое исследование в этот день.

Сьюзен приняла душ, оделась и позавтракала с похвальной скоростью. Во время завтрака она перечитала некоторые свои записи и прикинула, что нужно бы освежить в памяти последние статьи, которые она изучала ночью.

По дороге к станции метро на Хантингтон-авеню Сьюзен убедилась, что погода не изменилась, и ругнулась на географическое расположение Бостона, лежащего так северно. Ей повезло: в стареньком вагоне нашлось свободное место, и Сьюзен, сидя, смогла развернуть свою компьютерную распечатку. Ей захотелось проверить число коматозных больных.

– Привет, Сьюзен. Скажи мне, ты собираешься идти сегодня на лекцию?

Сьюзен подняла глаза к улыбающемуся лицу Джорджа Найлза, который держался рукой за перекладину над ее головой.

– Я никогда не пропускаю лекций, Джордж, ты же знаешь.

– Как никогда не пропускаешь обходов. Уже десятый час.

– Могу сказать то же самое и про тебя, – это прозвучало полудружески, полувоинственно.

– Мне порекомендовали явиться в студенческую поликлинику, чтобы исключить оскольчатый перелом основания черепа после вчерашнего шоу в оперблоке.

– Слушай, с тобой все в порядке? – обеспокоенно спросила Сьюзен с неподдельной искренностью.

– Да ну, прекрасно. Самое трудное – подлатать свое израненное "Эго". Это единственное, что я сломал при падении. Но док из клиники сказал, что "Эго" заживет само.

Сьюзен позволила себе рассмеяться. Найлз присоединился к ней. Поезд затормозил у платформы Северо-восточного университета.

– Пропускать половину своего первого дня на цикле по хирургии и обход на следующий день – это класс, – продолжил Джордж серьезным тоном. – Такими темпами, мисс Уилер, вы скоро заслужите звание Прогульщика Года. Если вы сможете удержаться на том же уровне, то побьете рекорд Фила Грира по патологии на втором курсе.

Сьюзен не ответила и снова занялась своей распечаткой.

– А что это ты делаешь? – спросил Найлз, изворачиваясь направо, чтоб взглянуть на ее распечатку.

Сьюзен взглянула на Найлза:

– Готовлю свою Нобелевскую речь. Я бы обсудила ее с тобой, но боюсь, что ты пропустишь лекцию.

Поезд круто нырнул в тоннель и начал свой путь под городом. Беседа прервалась. Сьюзен продолжила штудировать лист распечатки. Она хотела быть чертовски уверенной в цифрах.

* * *

Личные кабинеты врачей в Беард-8 напоминали кабинеты в Беард-10. Сьюзен прошла по коридору, остановившись у комнаты номер 810. Четкие буквы пересекали полированную поверхность престарелой, но благородной двери красного дерева: "Терапевтическое отделение, профессор Джей Пи Нельсон, доктор медицины, доктор философии".

Нельсон был заведующим, двойником Старка, занимающим такое же положение, но больше был связан с терапией и специальностями терапевтического профиля. Нельсон был весьма могущественной фигурой в Мемориале, но не такой влиятельной, как Старк, не такой динамичной, и не умел так же ловко привлекать в фонд больницы финансовые средства. Тем не менее, Сьюзен понадобилось напрячь силу воли, чтобы привести свои нервы в порядок при приближении к этому олимпийскому небожителю. Слегка поколебавшись, она толкнула дверь из красного дерева и увидела секретаршу в очках с тонкой металлической оправой, приятно улыбающуюся ей.

– Мое имя – Сьюзен Уилер. Я звонила несколько минут назад, чтобы записаться на прием к доктору Нельсону.

– Конечно. Вы – одна из наших студенток?

– Да, – ответила Сьюзен, не совсем понимая, что означает слово "наших" в данном контексте.

– Вам повезло, мисс Уилер. Вы застали доктора Нельсона. К тому же, я уверена, он помнит вас со времен занятий в медицинской школе. Во всяком случае, скоро он освободится.

Сьюзен поблагодарила и, отойдя, села на жесткий черный стул, в приемной. Она вытащила блокнот, чтоб пробежать свои заметки, но обнаружила, что вместо этого рассматривает комнату, секретаршу и атмосферу этого места, характеризующую карьеру доктора Нельсона. С точки зрения иерархии ценностей, которая культивировалась в медицинской школе, положение доктора Нельсона знаменовало собой триумфальное завершение многих лет напряженных усилий и определенного везения. Сьюзен чувствовала, что если бы ее исследование завершилось успешно, это было бы везением подобного сорта. Все, что нужно искателю карьеры в медицине, – схватить счастливый шанс, и все двери были бы открыты.

Эти мечты внезапно были прерваны открывшейся дверью, ведущей во внутренний кабинет. Из нее вышли двое врачей в длинных белых халатах, продолжая разговор в дверях. Сьюзен слышала отдельные слова, по-видимому, речь шла о каких-то огромных количествах лекарств, запертых в личном шкафчике в раздевалке ординаторской хирургов. Более молодой из собеседников был очень возбужден и говорил громким шепотом, который звучал почти так же громко, как обычная речь. Другой был осанистым джентльменом с

внешностью представительного опытного врача, переполненного мягкостью. У него были всепонимающие глаза, придающие импозантность седеющие волосы и утешительная улыбка. Сьюзен знала, что это доктор Нельсон. Видимо, словами сочувствия и легким похлопыванием по плечу он старался успокоить коллегу. Как только тот откланялся, доктор Нельсон повернулся к Сьюзен и поманил ее за собой.

Кабинет Нельсона был завален репринтами журнальных статей, рассыпанными книгами и стопками писем. Все это выглядело так, как если б несколько лет назад по комнате пронесся торнадо, после которого не проводилось никаких восстановительных работ. Мебель состояла из большого стола и старого потрескавшегося кожаного кресла, которое жалобно закрипело, когда доктор Нельсон поместил в него вес своего тела. Два других небольших кожаных кресла были обращены к столу. Доктор Нельсон указал Сьюзен на одно из них, взял в руки вересковую трубку и открыл стоящую на столе табакерку. Перед тем как наполнить трубку табаком, он несколько раз постучал ее чашечкой о ладонь левой руки. Небольшое количество пепла было затем небрежно сдуто на пол.

– Так-с, мисс Уилер, – начал доктор Нельсон, заглядывая в карточку с расписанием на своем столе. – Я очень хорошо помню вас с занятий по пропедевтике. Вы заканчивали Веллесли.

– Радклифф.

– Конечно, Радклифф, – доктор Нельсон исправил в своей карточке. – Что я могу сделать для вас?

– Мне трудно начать. Я очень заинтересовалась проблемой пролонгированной комы и начала изучать по ней материалы.

Доктор Нельсон откинулся в своем кресле, которое обреченно скрипнуло. Он соединил перед собой кончики пальцев.

– Это чудесно, но кома представляет собой весьма обширную область и, что еще важнее, не является заболеванием, а только синдромом. Гораздо важнее причина комы. И какой из причин комы вы заинтересовались?

– Я не знаю. Коротко говоря, именно это меня интересует. Меня заинтересовали случаи комы, которые не имеют очевидной причины.

– Это связано с больными, поступающими по "скорой помощи", или с пациентами, лежащими в стационаре? – спросил доктор

Нельсон, чей голос слегка изменился.

– В стационаре.

– Вы основываетесь на тех немногих случаях, которые произошли во время операций?

– Если семь это немного.

– Семь, – протянул доктор Нельсон, делая несколько долгих затяжек. – Я считаю, это очень завышенная оценка.

– Это не оценка. Шесть случаев произошло после операций. В настоящее время здесь есть еще один пациент, которого прооперировали вчера, и он подходит под эту категорию. К тому же в отделениях наблюдалось еще пять схожих случаев с больными, которые поступили в связи с различными жалобами.

– Как вы получили эту информацию, мисс Уилер? – совершенно другим тоном спросил доктор Нельсон.

Вся первоначальная теплота бесследно улетучилась. Немигающие глаза сверлили Сьюзен. Та абсолютно не понимала причины резкой смены настроения у доктора Нельсона.

– Я получила эту информацию с этой компьютерной распечатки, – Сьюзен наклонилась вперед и положила ее на стол перед Нельсоном. – Случаи, на которые я ссылаюсь, отмечены оранжевыми чернилами. Вы посмотрите и увидите, что нет никакой ошибки. Кроме того, здесь представлены только случаи комы за последний год. Я не знаю, какой была частота комы до этого, и я думаю, что очень существенно получить распечатку по годам. Так мы можем их сравнить и узнать, постоянная это величина или увеличивающаяся. И что еще более важно, или так же важно, как я думаю, что ряд случаев внезапной смерти здесь, в Мемориале, может быть приписан к совершенно новой неизвестной категории. Я уверена, что здесь также поможет компьютер. Во всяком случае, по этим причинам я и хотела поговорить с вами. Я хотела узнать, поддержите ли вы мои исследования. Мне нужна полная свобода в доступе к компьютеру и возможность получить истории болезни этих больных. Я пришла к вам, потому что интуитивно чувствую, что этот вопрос представляет собой новую неисследованную медицинскую проблему.

Изложив свою речь, Сьюзен позволила себе откинуться на спинку кресла. Она чувствовала, что рассказала все беспристрастно и

полностью. Если доктор Нельсон заинтересуется, то ему вполне хватит информации, чтобы составить себе мнение.

Доктор Нельсон ответил не сразу. Вместо этого он продолжал сверлить Сьюзен глазами. Затем он принялся изучать распечатку, делая короткие частые затяжки из своей трубки.

– Это очень интересная информация, молодая леди. Естественно, я в курсе этой проблемы. Однако, при подсчете статистических данных всегда происходят ошибки, и я уверяю вас, что эта, на первый взгляд, высокая частота происходит из-за... ну, вообще говоря... последние пять – шесть лет были для нас удачными, и таких осложнений не было. Статистика всегда действует завораживающе, и... я уверен, что это произошло в вашем случае. Что же до вашей просьбы, я сожалею, но не смогу помочь вам. Вы, без сомнения, понимаете, что при организации работы нашего вычислительного центра одной из наибольших сложностей было создание правил, обеспечивающих конфиденциальность хранящихся в информационном банке данных. Для меня невозможно предоставить вам карт-бланш для пользования компьютером. Фактически, такого рода исследования в действительности... должен вам сказать... хм-м... гораздо выше того уровня, на котором находятся студенты медицинской школы. Я думаю, будет в интересах всех, включая и вас, если вы ограничите свои исследования более фундаментальными областями. Я уверен, что я мог бы предоставить вам место в нашей лаборатории патофизиологии печени, если это вас заинтересует.

Сьюзен так привыкла к академическому поощрению инициативы, что отрицательный ответ доктора Нельсона застал ее совершенно врасплох. Он не только не воодушевился, но и совершенно очевидно старался отговорить Сьюзен от ее проекта.

Сьюзен поколебалась, затем встала:

– Благодарю вас за предложение. Но я уже так увлеклась этим исследованием, что, думаю, буду продолжать его еще некоторое время.

– Делайте, что вам нравится, мисс Уилер. Но, сожалею, я ничем не могу вам помочь.

– Благодарю вас за потраченное время, – сказала Сьюзен, протягивая руку к распечатке.

– Боюсь, эта информация больше не может находиться в вашем распоряжении, – доктор Нельсон положил руку поверх распечатки

Сьюзен.

Протянутая рука Сьюзен замерла на мгновение. Еще раз доктор Нельсон застал ее врасплох неожиданной реакцией. Это казалось абсурдом, но он имел наглость конфисковать материалы, которые она добыла.

Сьюзен не сказала ни слова и даже старалась не смотреть на доктора Нельсона. Она сложила свои вещи и вышла. Доктор Нельсон сразу же схватил телефонную трубку и стал набирать номер.

Вторник, 24 февраля

10 часов 48 минут

В кабинете доктора Гарриса был встроенный книжный шкаф, заполненный новейшими книгами по анестезиологии, часть из которых была еще в виде типографских гранок, присланных для редактирования. Сьюзен это было очень интересно, и ее глаза пробежали по названиям книг. Она выбрала одну и переписала название и автора. Затем она просмотрела несколько общих руководств, которых не было в библиотеке. Ее глаза наткнулись на еще одну интересную книгу: "Кома. Патофизиологические основы клинического состояния". Она вытащила этот том и перелистала его, запоминая названия глав. Ей очень хотелось бы прочесть эту книгу.

Дверь в комнату отворилась, и Сьюзен столкнулась лицом к лицу с доктором Гаррисом. Она тут же почувствовала презрение во взгляде Гарриса, обращенном на нее без малейшего признака узнавания или дружелюбности. Собственно, ждать Гарриса в его кабинете не было идеей Сьюзен, это было прямым указанием его секретаря, которая назначила Сьюзен время для встречи. Сейчас Сьюзен ощущала себя неловко, словно она бесцеремонно влезла в личное святилище доктора Гарриса. Тот факт, что у нее в руках была одна из книг Гарриса, только усугублял это чувство.

– Извольте поставить книгу туда, откуда ее взяли, – сказал доктор Гаррис, повернувшись, чтобы закрыть дверь.

Его речь была медленной и преувеличенно отчетливой, как если бы он говорил с ребенком. Он снял свой белый халат и повесил его на вешалку за дверь. Не говоря ни слова, он направился к своему столу, сел, открыл объемистый гротеск и что-то записал. Он вел себя так, словно Сьюзен не было в комнате.

Сьюзен закрыла книгу и поставила ее на полку. Затем она вернулась к стулу, где она начинала ждать Гарриса тридцать минут назад.

Единственное окно в кабинете располагалось прямо за спиной Гарриса, и дневной свет, смешиваясь с льющемся с потолка светом от

люминесцентной лампы, придавал его облику странное мерцающее качество. Сьюзен пришлось прищуриться, так как свет резал ей глаза.

Мягкий красно-бурый цвет рук Гарриса оттенялся золотыми часами на его левом запястье. Его кисти были массивны, а пальцы – неожиданно тонкие. Невзирая на время года и температуру, доктор Гаррис был одет в голубую рубашку с короткими рукавами. Через несколько минут он закончил с гроссбухом, закрыл его и вызвал секретаря, чтобы тот забрал журнал. Только после этого он повернулся и соизволил заметить существование Сьюзен.

– Мисс Уилер, я очень удивлен, увидев вас в моем кабинете, – доктор Гаррис медленно откинулся на спинку кресла.

Казалось, что ему трудно смотреть прямо на Сьюзен. Из-за освещения Сьюзен не могла хорошо видеть выражение его лица. Его тон был холоден. Затем последовало молчание.

– Я бы хотела извиниться, – начала Сьюзен, – за мою очевидную дерзость вчера в послеоперационной. Как вы, возможно, знаете, это мой первый клинический цикл, и я не привыкла к больничной обстановке и к послеоперационной. К тому же вчера со мной произошло странное совпадение. Примерно за два часа до нашей встречи я разговаривала некоторое время именно с этим пациентом, ради которого вы пришли в послеоперационную. Я ставила ему капельницу перед операцией.

Сьюзен остановилась, надеясь уловить хоть какие-то признаки сочувствия со стороны безликой фигуры напротив. Но их не было, Гаррис не пошевелился. Сьюзен продолжила:

– На самом деле мой разговор с пациентом не ограничился чисто профессиональными вопросами, в действительности, мы договорились встретиться позже, после того, как его выпишут из больницы.

Сьюзен снова сделала паузу, но доктор Гаррис хранил молчание.

– Я говорю вам это, чтобы извиниться и объяснить мое поведение в послеоперационной. Необходимо сказать, что, столкнувшись с тем, что случилось с этим больным, я была совершенно потрясена.

– Чего еще можно ждать от женщины, – снисходительно заметил Гаррис.

– Извините? – Сьюзен услышала его комментарий, но не была уверена, что расслышала правильно.

– Я сказал, что вы вели себя по-женски.

Сьюзен почувствовала, что краснеет.

– Я не уверена, как понимать ваши слова.

– Понимайте, как есть.

Снова повисла неловкая пауза. Затем Сьюзен беспокойно задвигалась, потом заговорила:

– Если вы считаете, что я так вела себя только потому, что я женщина, то я должна возразить. Эмоциональная реакция при таких обстоятельствах естественна со стороны любого человеческого существа. Я признаю тот факт, что не была сверхпрофессионалом при первой своей встрече с пациентом но я думаю, что если бы роли поменялись, то есть, если бы я была пациенткой, а пациент был бы врачом, то произошло бы то же самое. Я не уверена, что чувствительность к уязвимости человека – это слабость, свойственная только студенткам-медикам, особенно если она провоцируется коллегами-мужчинами и медсестрами. Но я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать это. Я пришла, чтобы извиниться за мою дерзость по отношению к вам, и все. Я не собираюсь извиняться за то, что я женщина.

Сьюзен вновь остановилась, ожидая какой-либо реакции. Но ничего не произошло. Она почувствовала, как раздражение охватило ее.

– Если вас так беспокоит, что я женщина, то это ваши проблемы, – сказала она выразительно.

Сьюзен встала. Глядя вниз, она посмотрела на лицо Гарриса, его прищуренные глаза, полные щеки и широкий подбородок. Свет, играющий в его волосах, делал их похожими на серебряную филигрань.

– Я вижу, все это напрасно. Извините, что пришла. До свидания, доктор Гаррис.

Сьюзен повернулась и открыла дверь в коридор.

– Зачем вы приходили? – спросил Гаррис ей вслед.

Открыв дверь и смотря в коридор, Сьюзен обдумывала вопрос Гарриса. Раздумывая, уйти или вернуться, она в итоге развернулась и снова оказалась лицом к лицу с заведующим анестезиологией.

– Я думаю, что я попросила прощения, и давайте не будем поминать старое. У меня была надежда, что вы могли бы оказать мне некоторую помощь.

– В какой области? – сказал Гаррис, его голос только усиливал его отчужденность.

Сьюзен снова поколебалась, но затем закрыла дверь. Она подошла к стулу, на котором раньше сидела, но не села. Она посмотрела в глаза Гаррису и решила, что ничего не потеряет, если скажет ему, зачем приходила на самом деле, несмотря на его холодность.

– Так как вы сказали, что за последний год было шесть случаев пролонгированной комы после анестезии, я решила заняться этой проблемой как потенциальной темой для моей курсовой работы на третьем курсе. Я обнаружила, что вы были совершенно правы. Действительно, за последний год было шесть случаев комы после анестезии. Но кроме этого было также пять случаев необъяснимой комы у пациентов терапевтических отделений в течение этого же года. Вчера были две смерти, по-видимому, из-за остановки дыхания. В анамнезе пациентов ничего не указывало на то, что такое могло произойти. Они поступили в больницу с заболеваниями, не связанными с центральной нервной системой: у одного была небольшая операция на ноге по поводу тромбоза, у другого был паралич Белла. В остальном оба они были в принципе здоровыми людьми, правда, у одного из них была глаукома. Никакой причины остановки дыхания обнаружено не было, и я чувствую, что эти случаи, возможно, связаны с другими случаями комы. Другими словами, я думаю, что эти двенадцать случаев представляют собой проявления одной и той же проблемы. И если Бермана придется отнести к этой группе, тогда получится, что тринадцать человек пострадали от явления, которому нет объяснения. Но, возможно, хуже всего то, что есть тенденция к увеличению встречаемости комы, особенно после анестезии. Интервалы между такими случаями становятся все меньше и меньше. Короче, я решила попытаться разобраться в этой проблеме. Для того, чтобы продолжить свои исследования, мне необходима помощь от такого человека, как вы. Мне нужно разрешение, чтобы получить доступ к банку данных и посмотреть, сколько таких случаев сможет найти компьютер, если его запрос сформулировать прямо.

Гаррис наклонился вперед и медленно положил руки на стол.

– Так в терапевтических отделениях тоже есть такая проблема? – тихо проговорил он. – Джерри Нельсон об этом не упоминал. – Взглянув на Сьюзен, он заговорил громче. – Мисс Уилер, вы пытаетесь

плавать в бурных водах. Очень неожиданно слышать, что кто-то, имеющий знания только по базовым дисциплинам, только что приобретенным в медицинской школе, питает такой интерес к клиническим исследованиям. Но это неподходящий предмет для вас. Для этого есть много причин. Прежде всего, проблема комы значительно сложнее, чем, может быть, представляется вам. Под это понятие подогнаны, как в мусорную корзину свалены, простые описания. И считать, что все случаи комы связаны между собой только потому, что неизвестна их причина, по меньшей мере, абсурд. Мисс Уилер, я советую вам выбрать для своей курсовой работы более специфический и менее спекулятивный предмет. А что касается помощи вам, я должен сказать, что у меня нет для этого времени. И позвольте мне посоветовать вам заняться чем-нибудь более доступным. Я не скрываю, что не являюсь сторонником женщин в медицине. – Гаррис наставил палец на Сьюзен, словно пушку. – Они относятся к этому, как к игре, они только выпендриваются друг перед другом. Для них это причуда. И к тому же они на все неизбежно реагируют невозможно эмоциональным образом...

– Доктор Гаррис, хватит нести чепуху, – вдруг прервала его Сьюзен, приподняв стул за спинку на несколько сантиметров и выпустив его. Она была в ярости. – Я пришла сюда не для того, чтобы выслушивать подобную бессмыслицу. В действительности, люди, подобные вам, неспособны отреагировать на новые веяния в медицине.

Гаррис так стукнул рукой по крышке стола, что бумаги и карандаши подпрыгнули. Он одним прыжком выскочил из-за стола, так что Сьюзен отшатнулась. Его лицо замерло в нескольких сантиметрах от лица Сьюзен. Она замерла перед неожиданной злобой, которую сама же вызвала.

– Мисс Уилер, вы не понимаете, где находитесь, – прошипел Гаррис, с величайшим усилием держа себя в руках. – Вы не мессия, который чудесным образом избавит нас от проблем, которыми и так занимаются лучшие умы нашей больницы. Я рассматриваю вас, как чрезвычайно деструктивный элемент, и я вам обещаю следующее – вы вылетите из больницы через двадцать четыре часа. А теперь покиньте мой кабинет.

Сьюзен попятилась, боясь повернуться незащищенной спиной к человеку, который, как казалось, взорвался от ненависти. Она открыла дверь и выскочила в коридор, чувствуя, как слезы страха и злости наворачиваются на глаза.

Гаррис захлопнул пинком дверь за ней и схватил телефонную трубку. Он вызвал секретаря, чтобы тот соединил его без задержки с главным администратором больницы.

Вторник, 24 февраля

11 часов 00 минут

Сьюзен медленно шла по коридору, старательно избегая вопросительных взглядов идущих навстречу людей. Она боялась, что на ее лице, как в открытой книге, можно прочесть переполнявшие ее эмоции. Обычно, когда она плакала или была готова расплакаться, ее щеки и веки становились ярко-красными. Хотя сейчас она еще не разрыдалась, любой нейтральный вопрос мог нарушить это неустойчивое равновесие. Если бы кто-нибудь остановил ее и спросил: "Что случилось, Сьюзен?", – она бы разревелась. Поэтому Сьюзен хотела некоторое время побыть в одиночестве. Если бы подобная нежелательная встреча состоялась, Сьюзен разозлилась и расстроилась бы больше, чем теперь, когда злость, вызванная столкновением с Гаррисом, уже испарилась. Ее раздражение казалось ей таким неуместным, что она удивилась, как такое могло произойти. На самом деле, она была поражена, как на протяжении этого скандала Гаррис сумел держать себя в руках, и дело не дошло до физического столкновения. Что, если бы он ее ударил, выскочив из-за стола? Ее идея была нелепой, и она сама с трудом верила, что ситуация могла оборваться таким образом. Она знала, что никто не поверит ей, если она расскажет, что с ней произошло. Все это напомнило Сьюзен случай с капитаном Квигом из "Мятежа Каина".

Лестница была единственным тихим прибежищем, которое она могла придумать, и Сьюзен толкнулась в металлическую дверь, ведущую туда. Дверь за ней мгновенно закрылась, отгораживая ее от голосов и яркого люминесцентного света. Лестница освещалась только теплым светом от лампочки над головой Сьюзен, и там было тихо.

Сьюзен все еще крепко сжимала блокнот и ручку. Заскрипев зубами и ругаясь так громко, что раздавалось гулкое эхо, она швырнула блокнот и ручку в лестничный проем. Блокнот проехался по ступенькам обложкой вниз и достиг лестничной площадки на пролет ниже. Он проехался по полу и, стукнувшись об стенку, остановился и раскрылся. Ручка рикошетом отскочила от ступеньки, упала в лестничный колодец и с клацаньем исчезла в лестничной кишке.

Сьюзен села на ступеньку, поставив ноги ступенькой ниже и согнув их под острым углом, уперлась в колени локтями. Потом плотно сжала веки. Ее представления о взаимоотношениях, царящих в клинической медицине, подтвердились так печально за такое короткое время. Отношение к ней преподавателей, от инструкторов до профессоров, варьировало от теплой доброжелательности до крайней враждебности. Обычно враждебность проявлялась в более пассивной форме, чем у Гарриса, – реакция Нельсона была более типичной. Нельсон, который сначала казался дружелюбным, потом перешел к прямой враждебности. Сьюзен вновь охватило чувство страшного одиночества, хорошо знакомое ей еще с тех пор, когда она только выбрала медицинскую карьеру. Хотя она постоянно общалась с окружающими людьми, ощущение отчужденности не покидало ее. И эти полтора дня в Мемориале не казались многообещающим началом тех лет, которые ей предстояло провести в клинике. Даже сильнее, чем в первые дни в медицинской школе, она почувствовала, что вторглась в специфически мужской клуб, где была аутсайдером, вынужденным постоянно приспосабливаться и быть готовым к компромиссу.

Сьюзен открыла глаза и увидела внизу свой блокнот, валяющийся на нижнем пролете. Выместив на блокноте свое раздражение, она почувствовала некоторое облегчение. К ней вернулся самоконтроль. В то же время этот детский жест удивил ее. Для нее такие поступки были нехарактерны. В конечном счете, Нельсон и Гаррис, возможно, были правы. Возможно, являясь всего лишь студенткой с ограниченными медицинскими познаниями, она была неподходящим человеком для исследования столь серьезной проблемы. И ее эмоциональность тоже была только препятствием. Интересно, реагировал бы мужчина таким же образом на Гарриса? Сьюзен подумала о Беллоузе, о его невозмутимой холодной манере, о том, как он мог спокойно думать о концентрации калия, когда сталкивался лицом к лицу с трагедией. Сьюзен вчера поставила ему это поведение в вину, но теперь, сидя погруженная в свои мысли на лестничной клетке, она уже не была в этом уверена. Возможно, такое отчуждение от личного отношения к больным оправданно. Открывшаяся где-то наверху дверь вернула Сьюзен к действительности. Затем раздался звук торопливых шагов, звук захлопывающейся двери, и вновь воцарилась тишина. Некрашенные цементные стены лестницы с ржавыми потеками только

усилили чувство внутренней изоляции Сьюзен. Она медленно стала спускаться вниз, туда, где валялся ее блокнот. По странной случайности, он был открыт на странице, куда она перекопировала историю болезни Нэнси Гринли. Подняв блокнот, Сьюзен прочла написанное собственной рукой: "Возраст 23 года, белая, предыдущий анамнез без особенностей, за исключением инфекционного мононуклеоза, перенесенного в 18 лет". Мысли Сьюзен мгновенно перенеслись к бледной как привидение Нэнси Гринли, лежащей в БИТе. "Возраст двадцать три года", – вслух произнесла Сьюзен. Внезапно она вновь ощутила овладевшие ею тогда чувства. Нет, она должна продолжать свои исследования комы, несмотря на свои весьма ограниченные возможности, несмотря на Гарриса, несмотря на Нельсона. У нее возникла сильная потребность найти Беллоуза, и она не стала задавать себе вопроса "почему?". В течение одного дня ее отношение к Беллоузу изменилось на сто восемьдесят градусов.

* * *

– Сьюзен, ради Бога, тебе еще не достаточно? – опершись локтями на стол, Беллоуз массировал пальцами закрытые глаза. Потом он передвинул руки на виски.

Поддерживая голову руками, он посмотрел на Сьюзен, сидевшую напротив него в больничном кафетерии. Заведение было относительно чистым и обставлено вполне современно. Оно предназначалось для посетителей больницы, хотя временами сюда забегал и персонал. Цены были выше, чем в кафе для сотрудников, но и качество обслуживания было соответственно выше. В половине двенадцатого там было полно народу, но Сьюзен нашла в углу свободный стол и через оператора больничной системы оповещения – Беллоуза. Она была приятно удивлена, когда он согласился увидеться с ней немедленно.

– Сьюзен, – продолжил Беллоуз, – тебе нужно отказаться от этого самоубийственного крестового похода. Это настоящее самоубийство. В медицине, Сьюзен, существует одно правило: или ты плывешь по течению, или идешь ко дну. Я выучил это наизусть. Боже, что дернуло тебя идти к Гаррису, особенно, после вчерашнего эпизода?

Сьюзен в молчании потягивала свой кофе, устремив взгляд на Беллоуза. Она хотела ему все рассказать, потому что он мог ее понять. К тому же она хотела, по возможности, перетянуть его на свою сторону. Беллоуз покачал головой, прихлебывая кофе.

– Гаррис очень влиятелен, но не всемогущ здесь, – добавил Беллоуз, – Старк может отменить все, что сделает Гаррис, если найдет причины так поступить. Старк добывает деньги для всего строительства здесь, миллионы. Поэтому люди слушают, что он говорит. Почему бы тебе несколько дней не побыть нормальной студенткой? Господи, мне это тоже не мешает. Догадайся, кто пожаловал сегодня на студенческий обход? Старк. И первый вопрос, который он задал, это почему из пяти студентов присутствуют только трое. Ладно, я ему ответил, правда довольно глупо, что вчера водил вас всех на операцию и один студент упал обморок и разбил себе голову. Ты можешь догадаться, что последовало за этим. Про тебя я не смог выдумать что-нибудь подходящее, поэтому я сказал, что ты собираешь литературу по осложнениям анестезии, я решил, что, если уж не могу удачно соврать, лучше сказать правду. Но он немедленно решил, что это моя идея занять тебя этим делом. Я не могу тебе повторить, как он это сформулировал. Я могу только сказать тебе, что ты должна вести себя как нормальная студентка. Я прикрывал тебя, но с меня хватит.

Сьюзен вдруг ощутила потребность дотронуться до Беллоуза, успокаивающе обнять его. Однако вместо этого, она, наклонив голову, лишь поболтала ложечкой в чашке с кофе. Затем она посмотрела на Беллоуза.

– Мне очень жаль, что я причинила тебе неприятности, Марк, правда. Нужно сказать, это получилось ненамеренно. Все дело уже так вышло из-под контроля, что жуть берет. Я затеяла все это из-за переизбытка эмоций. Ведь Нэнси Гринли такого же возраста, как и я, и у меня тоже бывали нарушения цикла, как у нее. Я не могу ей помочь, но чувствую некоторое... некоторое родство с ней. И затем Берман... что за проклятое совпадение... Кстати, Берману сделали ЭЭГ?

– Она совершенно плоская. Его мозги полетели.

Сьюзен уставилась на лицо Беллоуза, пытаясь уловить хоть какой-то проблеск сожаления или сочувствия. Беллоуз поднес чашку кофе к губам и сделал глоток.

– Мозги полетели?

– Ну да.

Сьюзен прикусила губу и склонилась над своей чашкой. Почему-то она ждала такой новости, но она все равно стукнула ее как обухом по голове, и ей пришлось напрячься, чтобы подавить свои эмоции.

– Ты в порядке? – спросил Беллоуз, наклоняясь к ней и мягким движением поднимая ее подбородок.

– Помолчи секунду, – сказала Сьюзен, не смея взглянуть на него.

Меньше всего сейчас она хотела бы разрыдаться, а если бы Беллоуз продолжил настаивать, так бы и произошло. Он все понял и вернулся к своему кофе, не отрывая глаз от ее лица.

Через несколько минут Сьюзен подняла лицо, ее веки заметно покраснели.

– Во всяком случае, – продолжила Сьюзен, избегая смотреть на Беллоуза, – началось все с эмоций, но потом я начала ощущать своего рода интеллектуальный вызов. Я на самом деле думаю, что на что-то наткнулась... на новое заболевание, на новое осложнение после анестезии или на новый синдром... на что-то. Я не знаю, что это. Но потом все изменилось еще раз. Проблема оказалась сложнее, чем я предполагала сначала. Здесь в терапевтических отделениях были еще случаи комы, так же, как и в хирургии. И в довершение всего, были еще те смерти, о которых ты мне говорил. Я знаю, ты сочтешь, что это безумие, но я думаю, что они все связаны, и патологоанатомы упоминали, что было несколько таких случаев. Моя интуиция подсказывает мне, что во всем этом есть что-то еще, что-то... я не знаю, как это объяснить... назвать это сверхъестественным или зловещим...

– А вот и паранойя, – с притворным сочувствием сказал Беллоуз, покачивая головой.

– Я ничего не могу поделать, Марк. В реакции Нельсона и Гарриса было что-то очень странное. Ты должен признать, что реакция Гарриса была совершенно неадекватной.

Беллоуз постучал ладонями по лбу:

– Сьюзен, это же не старый фильм ужасов. Согласись с этим, Сьюзен... согласись, или я буду думать, что у тебя не в порядке с головой. Это же абсурд. Что, ты думаешь, это зловещее вмешательство дьявольских сил, или, по-твоему, тут действует сумасшедший убийца, который ненавидит только слегка приболевших людей? Сьюзен, если

ты мыслишь так экстравагантно и с такой изобретательностью, тогда предложи что-то в качестве мотива. Я считаю, маньяк-убийца хорош для Голливуда и Джорджа К. Скотта в его "Больнице", чтобы придумать надуманную загадку... Но для реальной жизни все это слишком притянута за уши. Я соглашусь, что поведение Гарриса немного странно, в этом нет никаких сомнений. Но в то же время, я думаю, что могу предложить некоторое разумное объяснение его необъяснимого поведения.

– Попробуй.

– Хорошо. Гаррис всегда ужасно обозлен этими осложнениями после анестезии. За них вся ответственность ложится на его отделение. А тут является молодая девица, чтобы еще повернуть нож в ране. Мне кажется, в этих условиях чрезмерная реакция вполне объяснима. – Гаррис вел себя хуже, чем чрезмерно. Этот чудачок выскочил из-за стола как будто хотел ударить меня.

– Возможно, это ты заставила его так реагировать.

– Что?

– Кроме всего прочего, он, может быть, среагировал на тебя в сексуальном плане.

– Не говори ерунды, Марк.

– Я серьезно.

– Марк, этот парень – врач, профессор, заведующий анестезиологическим отделением.

– Это не исключает сексуальности.

– Теперь ты несешь абсурд.

– Так много врачей тратят слишком много времени на свои профессиональные обязанности, что не могут разрешить какие-нибудь вполне банальные житейские проблемы. Говоря в социальном смысле, врачи не совсем адаптированы к общественной жизни, если не сказать больше.

– Ты говоришь и о себе?

– Возможно. Сьюзен, ты ведь должна понимать, что ты весьма соблазнительная девушка.

– Пошел на хрен.

Беллоуз ошеломленно посмотрел на Сьюзен. Затем он оглянулся вокруг, чтобы проверить, не слышал ли кто-нибудь их диалог. Все это

время он не забывал, что они находятся в кафетерии. Он снова глотнул кофе и долгим взглядом посмотрел на Сьюзен. Она не отвела глаза.

– Зачем ты так говоришь? – тихо сказал Беллоуз.

– Потому что ты это заслужил. Мне уже осточертели такого сорта стереотипы. Когда ты говоришь, что я соблазнительная, то ты подразумеваешь, что я активно пытаюсь кого-то соблазнить. Поверь мне, это не так. Если медицина что-то и дала мне, то она начисто отшибла у меня ощущение, что я женщина.

– Хорошо, может быть, "соблазнительная" – это неудачное слово. Я тебя ни в чем не обвиняю. Ты привлекательная девушка...

– Ладно, это ведь гигантская разница, сказать кому-нибудь "соблазнительная", или сказать – "привлекательная".

– Хорошо, я подразумевал привлекательная. Сексуально привлекательная. Но есть люди, которым эти понятия трудно различить. Ладно, Сьюзен, я не собираюсь спорить. Кроме того, мне уже пора идти. У меня через пятнадцать минут операция. Если ты хочешь, мы можем поговорить об этом вечером за обедом. Если, конечно, ты еще хочешь со мной обедать, – Беллоуз, поднимаясь со стула, взялся за свой поднос.

– Конечно, обед – это здорово.

– Между прочим, почему бы тебе не попробовать вести себя нормально?

– Хорошо, но мне нужно проверить еще одно дело.

– Это что еще?

– Старк. Если он мне не поможет, я все брошу. Без поддержки я обречена на неудачу, если, конечно, ты не достанешь для меня информацию с компьютера.

Беллоуз вновь поставил свой поднос на стол.

– Сьюзен, не проси меня ни о чем таком, потому что я не могу этого сделать. А что касается Старка, Сьюзен, ты сумасшедшая. Он тебя живьем сожрет. Гаррис просто ангел по сравнению с ним.

– Но я рискну. Это, возможно, безопаснее, чем какая-нибудь малая операция в Мемориале.

– Это нечестно!

– Нечестно? Что это за слово? Почему ты не спрашиваешь Бермана, честно ли это?

– Это невозможно.

– Невозможно? – Сьюзен остановилась, ожидая, чтобы Беллоуз объяснился.

Она не хотела думать о худшем, но это получалось у нее автоматически. Беллоуз вновь взялся за поднос без всяких объяснений.

– Он ведь еще жив, не так ли? – спросила Сьюзен с дрожью отчаяния в голосе. Она поднялась и пошла вслед за Беллоузом.

– Если считать, что человек жив, если бьется его сердце, то он жив.

– Он в послеоперационной?

– Нет.

– В БИТе?

– Нет.

– Ладно, я сдаюсь, где же он?

Беллоуз и Сьюзен поставили свои подносы на транспортер для грязной посуды и вышли из кафетерия. Они тут же попали в поток людей в холле и ускорили свои шаги.

– Его перевели в Институт Джефферсона в южном Бостоне.

– Что это за чертов Институт Джефферсона?

– Это учреждение, предназначенное для хронического интенсивного ухода, построенное как часть проекта Организации Здравоохранения. Предполагается, что его построили, чтобы снизить стоимость интенсивной терапии. Вообще-то, он частный, но правительство финансировало строительство. Его концепция и планы опубликованы в гарвардском бюллетене.

– Я никогда о нем не слышала. Ты там был?

– Нет, но хотел бы. Я только снаружи его видел. Он страшно современный... массивный и прямоугольный. Я обратил внимание, что там на первом этаже нет окон. Бог знает, почему я это заметил, – Беллоуз покачал головой.

Сьюзен улыбнулась.

– В этом Институте, – продолжил Беллоуз, – для медиков организованы экскурсии, они проходят каждый второй вторник месяца. У тех, кто там был, осталось сильное впечатление. Очевидно, эта программа имеет большой успех. Туда поступают все хронические больные из БИТов в коматозном состоянии или с чем-нибудь такого же типа. Идея заключается в том, чтобы освободить койки для острых больных в больничных БИТах. Я думаю, что это хорошая идея.

– Но Берман в коме совсем недолго. Почему его так быстро туда перевели?

– Фактор времени менее важен, чем стабильность состояния. Я думаю, дело с ним будет тянуться очень долго, и, по-моему, его состояние очень стабильно, не так, как у твоей подруги Гринли. Боже, она просто заноза у меня в заднице. Все осложнения, какие известны, у нее есть.

Сьюзен вновь подумала об эмоциональном отчуждении врача от больных. Ей было трудно понять, как Беллоуз мог так безразлично говорить о трагедии Нэнси Гринли.

– Если бы ее состояние было стабильно, – продолжил Беллоуз, – или была бы хотя бы тенденция к этому, я бы моментально перевел ее в Институт Джефферсона. Ее случай требует огромных затрат времени, и никакой награды. В действительности, мне от нее не будет ничего хорошего. Если она у меня останется живой, пока меня не переведут в другое отделение, то я хотя бы профессионально не пострадаю. Это похоже на то, как все наши президенты относились к Вьетнаму. Они не могли выиграть эту войну, но и проигрывать Вьетнам тоже не хотели. Выгоды не было никакой, а убытков – масса.

Они подошли к главному лифту, и Беллоуз нажал кнопку лифта "Вверх".

– О чем я говорил? – Беллоуз озабоченно почесал голову.

– Ты говорил о Бермане и БИТе.

– О да. Хорошо, я полагаю, он в стабильном состоянии, – Беллоуз посмотрел на часы на руке, затем, выругавшись, на закрытые двери лифта. – Чертовы лифты. Сьюзен, я не из тех, кто любит давать советы, но сам ничем другим помочь не могу. Если ты считаешь, что должна, то сходи к Старку, но помни, ты поставишь меня в очень неудобное положение, поэтому действуй по обстановке. А после встречи со Старком лучше брось свой крестовый поход. Это будет концом твоей карьеры еще до того, как она начнется.

– Ты беспокоишься о моей карьере или о своей?

– И о той, и о той, – сказал Беллоуз, пропуская выходящих из лифта пассажиров.

– Ты по крайней мере честен.

Беллоуз зашел в лифт и махнул Сьюзен рукой, говоря ей что-то про половину восьмого. Сьюзен предположила, что он говорил про их

запланированный обед. Ее часы в это время показывали одиннадцать сорок пять.

Вторник, 24 февраля

11 часов 45 минут

Беллоуз смотрел вверх на лифтовой указатель этажей. Для этого ему пришлось сильно закинуть голову, так как указатель располагался прямо над ним. Он прекрасно понимал, что нужно торопиться, чтобы успеть на операцию. Беллоуз должен был оперировать шестидесятидвухлетнего мужчину по поводу геморроя. Это была для него не самая захватывающая операция, но он любил оперировать. Оперируя, он ощущал особое чувство ответственности, которое доставлял ему скальпель в руке, и, в самом деле, ему было все равно, где работать – на руке, на желудке, ротовой полости или анальном отверстии.

Беллоуз помнил о том, что вечером у него встреча со Сьюзен, и ощущал приятное предвкушение. Все произойдет естественно и непосредственно. Они ведь могут разговаривать на тысячи разных тем. Ну а в физическом смысле? Тут Беллоуз не знал, чего ему ждать. Он не представлял, как ему удастся обойти те товарищеские отношения, которые между ними установились. Сам Беллоуз чувствовал сильное физическое влечение к Сьюзен, и это начинало беспокоить его. По многим причинам секс для Беллоуз означал агрессию, а он совершенно не хотел проявлять никакой агрессии по отношению к Сьюзен.

Беллоуз представил себе, как он целует Сьюзен, и улыбка непроизвольно расплзлась по его лицу. Это заставило его вспомнить те жуткие времена подросткового возраста, когда он болтал со своей прыщавой подружкой, провожая ее до крыльца дома. Тогда он вдруг поцеловал ее, старательно и сентиментально. Затем отступил на шаг назад, чтобы посмотреть, что получилось – надеясь на взаимность и отчаянно боясь насмешки. И он не переставал поражаться, что его поцелуй был принят благосклонно, так как не представлял себе, почему это сделал.

Перспектива увидеть Сьюзен в неофициальной обстановке напомнила Беллоузу и те времена его юности, когда он только начинал встречаться с девушками, так как ощущал внутреннюю тягу к физическим контактам. Сьюзен была очень привлекательной, но она

собиралась стать врачом. Так же как и он сам. Поэтому его главный козырь – профессия – не производил на нее впечатления. А большинство девушек очень впечатлялись, узнав, что он врач, хирург! И не важно, что Беллоуз прекрасно знал, что быть врачом – вовсе не означало обладать определенными специфическими преимуществами вопреки мифам, бытующим в общественном сознании. Действительно, в самом Мемориале Беллоуз знал множество примеров, когда профессия хирурга была только помехой личным отношениям. И еще одно беспокоило Беллоуза – он знал, что вид его мужских достоинств не очарует Сьюзен, ведь на занятиях ей наверняка приходилось анатомировать сей орган.

Беллоуз не сводил свои сексуальные фантазии к чисто физиологическим аспектам, а как насчет Сьюзен? С виду она выглядела вполне обнадеживающе со своей улыбкой, нежной кожей, грудью, обрисовывающейся при дыхании. Но в медицинской школе они изучали парасимпатические рефлексy, гормональные изменения, происходящие при занятиях сексом. Может быть, она знала слишком много, и это знание могло помешать. И вдруг он, даже если подвернется благоприятный случай, из-за этого окажется несостоятельным? Эти сомнения терзали Беллоуза, когда он думал о свидании со Сьюзен. К тому же, когда Беллоуз хотел забыть о больнице и работе, немудреный секс был самым отличным средством для этого. А со Сьюзен, если вообще это произойдет, секс уж точно не будет немудреным. Если произойдет. И, наконец, оставался очень неприятный вопрос о целесообразности встреч со студенткой, состоящей у него на попечении во время цикла по хирургии. Без сомнения, ему когда-нибудь придется оценивать учебные успехи Сьюзен. И встречаться с ней – значило вызывать забавное столкновение интересов.

Дверь лифта открылась на операционном этаже, и Беллоуз быстро направился к главному посту оперблока. Регистратор за столом занимался подготовкой расписания операций на завтра.

– В какой операционной я оперирую? Больной Баррон, геморрой.

Регистратор поднял глаза на спрашивающего, а потом углубился в расписание операций.

– Вы доктор Беллоуз?

– Именно.

- Хорошо, ваше участие в операции отменено.
- Отменено? Кем? – Беллоуз был поставлен в тупик.
- Доктором Чендлером. И он оставил вам сообщение, чтобы вы зашли в его кабинет, когда появитесь.

Было очень странно, что у него забрали его собственного больного. Конечно, это была прерогатива Джорджа Чендлера, раз уж он был старшим ординатором. Но так случалось чрезвычайно редко. Бывало, что Беллоуза снимали с ассистирования на одной операции, чтобы отправить на другую, или по другим организационным причинам. Но быть снятым с операции его собственного больного, который затем направлялся в Беард-5, – такое было в первый раз.

Беллоуз поблагодарил операционного регистратора, не пытаясь скрыть свое изумление и гнев. Затем повернулся и направился к Джорджу Чендлеру.

Кабинет старшего ординатора представлял собой маленький отгороженный закуток без окон в Беард-2. Именно отсюда исходили все тактические распоряжения, которые регулировали жизнь отделения хирургии день ото дня. Чендлер отвечал за составление всех расписаний работы для всех ординаторов, ночных и недельных дежурств. Он также руководил ежедневным составлением расписания операций, распределяя операционные и персонал с учетом пожеланий хирургов.

Беллоуз постучал в закрытую дверь и вошел после слабого "Войдите!". Джордж Чендлер сидел за своим столом, который почти не оставлял свободного места в крошечном кабинете. Стол был обращен к двери, и Джорджу приходилось протискиваться мимо него, чтобы попасть на свое место. Позади него стоял шкаф с папками. А перед столом стоял единственный деревянный стул. Комнатка была голой, единственным украшением стен была доска для информации. Пустая и аккуратная, комната напоминала самого Чендлера.

Старший ординатор был фигурой, успешно карабкающейся по иерархической пирамиде и уже поднявшейся над нижним миром студентов и ординаторов. И являлся как бы офицером связи между верхним миром – миром зрелых оперенных хирургов, получивших сертификаты советов по специальности, и нижним миром. И в качестве такового не принадлежал ни к одному из миров. Это для старшего ординатора было одновременно источником силы и

причиной слабости и изоляции. Годы конкуренции оставили на нем свою неизгладимую печать, хотя Чендлер был еще молод по большинству стандартов, ему было тридцать три года. Он не был высок – примерно метр семьдесят два. Его волосы были небрежно расчесаны в современном стиле а-ля Цезарь. Круглое пухлое лицо давало совершенно неверное представление о его легко возбудимом характере. Во многом Чендлер напоминал маленького мальчика, которого слишком много задирали в детстве.

Беллоуз сел на деревянный стул напротив Чендлера. Разговор начался не сразу. Чендлер разглядывал карандаш в своих руках. Его локти покоились на подлокотниках кресла. Так он откинулся, когда, услышав стук Беллоуза, прервал свою работу.

– Извини, что снял тебя с операции, Марк, – начал Чендлер, не поднимая глаз.

– Я смогу выжить без этого геморроя, – ответил Беллоуз, придерживаясь нейтрального тона.

Опять возникла пауза. Чендлер придвинул свое кресло и посмотрел прямо на Беллоуза. Беллоуз подумал, что Чендлер вполне сгодился бы на роль Наполеона в какой-нибудь пьеске.

– Марк, я предполагаю, ты очень серьезно относишься к хирургии здесь, в Мемориале.

– Я думаю, это справедливое предположение.

– Отзывы о тебе благоприятные. Я уже несколько раз слышал твое имя в связи с возможным назначением старшим ординатором. Поэтому я и хотел поговорить с тобой. Мне недавно позвонил Гаррис, он был совершенно вне себя. Он еле мог говорить. По-видимому, один из твоих студентов поднимает шум вокруг этих случаев комы, и это заставляет Гарриса лезть на стенку. Сейчас я не знаю, что и подумать, но он предполагает, что ты можешь стоять за спиной этого студента и помогать ему.

– Ей.

– Хм, ей. Я не вижу разницы.

– Ну, разница может быть. Так получилось, что она умеет очень хорошо сопоставлять факты. Что же до моей роли во всем этом, то это большой жирный ноль! Во всяком случае, я все время старался отговорить ее заниматься этим делом.

– Я не собираюсь препираться с тобой, Марк. Все, что мне бы хотелось, это предупредить тебя о последствиях ситуации. Мне бы не хотелось, чтобы ты подвергал риску свои шансы на старшинство из-за возни какого-то студента.

Марк посмотрел на Чендлера и поинтересовался про себя, что бы тот сказал, если бы узнал, что Беллоуз собирается встретиться со Сьюзен сегодня вечером.

– Я не знаю, сказал ли Гаррис что-нибудь Старку об этом, Марк, и я могу уверить тебя, что ничего не скажу, если это все не выльется в ситуацию, когда мне придется защищать уже самого себя. Я хочу повторить, что Гаррис очень зол, и тебе лучше повлиять на своего студента и сказать ему...

– Ей!

– Ладно, ей, чтобы она поискала себе что-нибудь интересное в другом месте. В конце концов, здесь уже есть десять человек, которые занимаются этой проблемой. В действительности, большинство народа в отделении Гарриса ничем другим и не занимается, кроме этой анестезиологической катастрофы.

– Я попробую сказать ей еще раз, но это не так просто, как может показаться. Это довольно умная девушка, с очень продуктивным воображением, – Беллоуз подумал, почему он принялся расписывать воображение Сьюзен. – Она занялась этим делом, потому что первые два пациента, с которыми ей довелось столкнуться, оказались жертвами комы.

– Ладно, я тебя предупредил. Все, что она сделает, отразится на тебе, особенно если обнаружится, что ты ей хоть как-нибудь помогаешь. Но это только один повод, по которому я хотел поговорить с тобой. Есть и другая проблема, может, еще серьезнее. Скажи мне, Марк, какой у тебя номер личного шкафчика в ординаторской?

– Восьмой.

– А триста тридцать восьмой?

– Это было временно. Я использовал его примерно одну неделю, пока мой восьмой не освободился.

– А почему ты не остался в триста тридцать восьмом?

– Я думаю, он принадлежит кому-нибудь другому, и я использовал его, пока у меня не появился свой собственный.

– Ты знаешь шифр у триста тридцать восьмого шкафчика?

– Может, если напрягусь, то вспомню. Почему ты спрашиваешь?

– Доктор Коули обнаружил нечто очень странное. Он заявил, что триста тридцать восьмой шкафчик волшебным образом открылся, когда он переодевался, и там обнаружилась чертова прорва лекарств. Мы проверили это, оказалось – правда. Там все лекарства, которые ты можешь представить, и даже наркотики. А в списке владельцев шкафчиков я нашел твою фамилию против триста тридцать восьмого, а не восьмого.

– А кто против восьмого?

– Доктор Истман.

– Он же не оперирует годами.

– Это правда. Скажи, Марк, кто дал тебе номер восемь? Вальтерс?

– Ну да. Вальтерс сначала сказал, чтобы я использовал триста тридцать восьмой, а потом дал мне номер восемь.

– О'кей, никому не говори об этом, особенно Вальтерсу. Обнаружение такого тайника с препаратами – очень серьезная штука, особенно если учесть, какой учет надо пройти, чтобы получить наркотики. Из-за того, что ты стоишь в этом списке с триста тридцать восьмым номером, тебе, вероятно, придется проконтактировать с больничной администрацией. Они, естественно, заинтересованы в том, чтобы не выпустить эту информацию за пределы больницы, особенно потому, что грядет подтверждение сертификата больницы. Так что держи это под своей шляпой. И, Бога ради, заставь своего студента заниматься чем-нибудь, кроме осложнений анестезии.

Беллоуз вышел из кабинета Чендлера со странным чувством. Он совершенно не удивился, услышав, что его связывают с деятельностью Сьюзен. Он этого боялся заранее. Но новость о тайнике с лекарствами, найденном в шкафчике, которым он пользовался, была совсем другим коленкором. Он вызвал в воображении образ Вальтерса, слоняющегося вокруг оперблока. И спросил себя, зачем кому-то понадобилось прятать лекарства. По ассоциации он вспомнил слова, которые употребила Сьюзен – сверхъестественный и зловещий. Беллоуз подумал: "Интересно, а какие лекарства были спрятаны в шкафчике?" И еще он подумал, скажет ли он Сьюзен об этом открытии.

Вторник, 24 февраля

14 часов 30 минут

Сьюзен оглядела кабинет заведующего отделением хирургии. Он был просторный и изысканно декорированный. Огромные окна, занимающие почти всю поверхность двух стен, открывали прекрасный вид на Чарльзтаун в одном направлении и уголок Бостона и Норт Энд – в другом. Мост через Мистик Ривер был частично скрыт серыми снеговыми тучами. Ветер теперь дул с моря и приносил с северо-запада холодный арктический воздух.

Стол Старка был сделан из тикового дерева со столешницей белого мрамора и расположен в северо-западном углу кабинета. Стена за столом справа была отделана зеркалами от пола до потолка. В четвертую стену, где была дверь в приемную, были вмонтированы, тщательно отделанные книжные полки. В другой полочной секции, расположенной чуть дальше, сквозь приоткрытую дверцу были видны блестящие стаканы, бутылки и маленький холодильник.

В юго-восточном углу кабинета, где огромная оконная поверхность стыковалась с книжными полками, стоял низкий столик со стеклянной доской, окруженный литыми креслами из фиброгласа с кожаными подушками ярких цветов, испещренными оранжевым и зеленым.

Сам Старк сидел за массивным столом. Его отражение повторялось сотни раз в зеркале справа из-за того, что напротив зеркала слева от Старка находилось окно с тонированным стеклом. Заведующий хирургией сидел, пристроив ноги на углу стола так, чтобы дневной свет через плечо падал на бумагу, которую он читал.

Он был одет в безупречный бежевый костюм, подогнанный к его худощавой фигуре, в левом нагрудном кармане был виден краешек оранжевого платка. Довольно длинные седеющие волосы были зачесаны со лба и слегка прикрывали уши. У него было аристократическое лицо с острыми чертами и тонким носом. На носу были водружены полуочки для чтения в благородной черепаховой оправе. Зеленые глаза быстро пробежали строчку за строчкой на листе, который он держал в руках.

Сьюзен была бы очень напугана и впечатляющей атмосферой кабинета и внушающей благоговением репутацией Старка как хирургического гения, если бы он не встретил ее улыбкой и не сидел теперь в такой небрежной позе. То, что его ноги были задраны на стол, внушало Сьюзен чувство душевного комфорта, как будто сам Старк не воспринимал свое положение в больнице как нечто серьезное. Сьюзен правильно предположила, что его мастерство как хирурга и его способности администратора-бизнесмена позволяли ему игнорировать условности поведения. Старк закончил читать и посмотрел на Сьюзен, сидящую перед ним.

– Это, молодая леди, очень интересно. Естественно, я в курсе происходящего на операциях, но я не представлял, что сходная проблема существует и в терапевтических отделениях. Связаны эти случаи или нет, еще неизвестно, но я хвалю вас за одно предположение, что они могут быть связаны. И эти две недавние смерти из-за остановки дыхания, связать их с... блестящая идея. Это дает пищу для размышлений. Вы провели аналогию между ними, так как угнетение дыхания было общим симптомом всех случаев. Моя первая мысль – только первое впечатление – это не объясняет развитие комы после анестезии, так как в последнем случае производилось искусственное дыхание. Вы предположили, что перенесенный ранее энцефалит или другая инфекция центральной нервной системы могли сделать этих людей более чувствительными к анестезии... разрешите посмотреть.

Старк снял ноги со стола и повернулся к окну. Машинально он снял очки со своего носа и принялся покусывать заушники. Его глаза прищурились.

– Сейчас есть теория, связывающая паркинсонизм с перенесенной латентной вирусной инфекцией, так что ваше предположение имеет право на существование. Но как его доказать?

Старк развернулся, чтобы взглянуть на Сьюзен.

– Будьте уверены, мы изучали эти случаи осложнений после анестезии до тошноты. Все, буквально все, было прочесано мелким гребнем большим количеством людей: анестезиологами, эпидемиологами, терапевтами, хирургами... всеми, кто только есть. Кроме, разумеется, студентов медицинской школы.

Старк тепло улыбнулся Сьюзен, и она почувствовала, как поддается знаменитому обаянию этого человека.

– Я полагаю, – начала Сьюзен, овладевая собой, – исследование нужно начать с банка данных центрального компьютера. Информация, которая у меня была, касалась только данных последнего года и была получена из косвенного вопроса. И я не знаю, каков будет результат, если сделать прямой запрос, скажем, за последние пять лет, по всем случаям супрессии дыхания, комы и внезапной смерти. – Затем, имея полный список потенциально сходных случаев, мы можем кропотливо изучить истории болезни, чтобы выявить общие знаменатели. Семьи таких больных должны быть тщательно опрошены, чтобы выявить возможность предшествующей вирусной инфекции или набора вирусных инфекций. Еще одной задачей может стать получение сыворотки во всех возможных случаях для проведения скрининга антител к вирусным антигенам.

Сьюзен взглянула в лицо Старку, решительно приготавливаясь к отказу, как это произошло с Нельсоном и еще более драматически – с Гаррисом. Но Старк, не меняя выражения лица, по-видимому, глубоко задумался над ее словами. Было ясно, что ум у него ясный, открытый всем новым веяниям. Наконец он заговорил:

– Серийный фракционированный скрининг антител – не очень результативный метод, это слишком долго и слишком дорого.

– Это можно ускорить с помощью встречного иммуноэлектрофореза, – поддержала его Сьюзен, ободренная ответом Старка.

– Возможно, но все равно это поглотит много финансовых средств с очень низкой вероятностью положительного результата. Мне нужны будут доказательства поосновательней, прежде чем я смогу оправдать такое использование ресурсов больницы. Но, может быть, вы предложите это доктору Нельсону, там внизу, в терапевтическом отделении? Иммунология – это его область.

– Я не думаю, что доктор Нельсон заинтересован в этом, – сказала Сьюзен.

– Почему?

– Едва ли могу предположить. Честно говоря, я уже разговаривала с доктором Нельсоном. Поэтому я знаю, что он не заинтересован. И он не одинок. Я излагала свою идею другому заведующему отделением, и

меня отшлепали, как непослушного ребенка, заслуживающего наказания. И, пытаясь выстроить стройную картину происходящего, я начинаю думать, что здесь замешаны еще какие-то мотивы.

– Что же это? – спросил Старк, глядя на Сьюзен поверх выкладок, которые она ему принесла.

– Ну, я не знаю, какое слово употребить... грязная игра... или что-нибудь злое.

Сьюзен оборвала свои слова, ожидая взрыв смеха или гнева. Но Старк снова просто повернулся в своем кресле, созерцая городской пейзаж.

– Грязная игра. У вас, действительно, развитое воображение, мисс Уилер, без сомнения.

Старк повернулся лицом к комнате, встал и начал обходить стол.

– Грязная игра, – повторил он. – Должен признать, я никогда и не думал об этом. – Старка только сегодня утром проинформировали об открытии доктора Коули в шкафчике номер 338, и это событие беспокоило его. Он присел на свой стол и посмотрел на Сьюзен. – Если предположить наличие грязной игры, выяснение ее мотивов становится делом первейшей важности. Но каким мотивом можно объяснить целую серию трагических эпизодов? Они слишком непохожи. А кома? Это настолько иррационально, что может объясняться только действиями какого-нибудь очень умного психопата. И самый веский аргумент против – это то, что такая грязная игра просто невозможна в операционном блоке. Там слишком много людей, и пациенты находятся под постоянным наблюдением. – Безусловно, расследование нужно проводить, отбросившись от предвзятых идей, но я не думаю, что при таких обстоятельствах возможны какие-нибудь неблагоприятные действия. Но, должен признать, я не думал об этом.

– Знаете, – начала Сьюзен, – я и не собиралась говорить вам о грязной игре, но сейчас я рада, что сказала об этом, а то я могла забыть об этом. Но это обратная сторона проблемы. Если скрининг антител – слишком дорогая процедура, то просмотр историй болезни и интервью с родственниками больных относительно дешевы. Я сама могу заняться этим, от вас мне нужна только небольшая помощь.

– Какая помощь?

– Прежде всего, мне нужно разрешение на использование компьютера. Это во-первых. Во-вторых, мне нужно разрешение на получение историй болезни. В-третьих, у меня возникли проблемы внизу.

– Какие проблемы?

– Доктор Гаррис. От него просто веет недоброжелательностью. Мне кажется, он хочет отчислить меня с хирургического цикла здесь, в Мемориале. Кажется, он вообще не в восторге от женщин, занимающихся медициной, и я послужила подтверждением этого предубеждения.

– С доктором Гаррисом трудно иметь дело. Он очень эмоциональный тип. Но он, вероятно, лучший в стране анестезиолог. Не проклиняйте его, пока не узнаете его с другой стороны. Я думаю, у него есть личные причины так относиться к женщинам в медицине. Я посмотрю, что можно для вас сделать. Но одновременно я должен сказать вам, что вы задели очень обидчивого человека. Вам, без сомнения, нужно помнить о дурных последствиях этого дела, потенциальном вреде для репутации госпиталя и даже для всего медицинского сообщества Бостона. Действуйте очень тактично, молодая леди, если вы вообще хотите действовать. Если вы пуститесь в это предприятие, у вас может совсем не остаться друзей, и я считаю, что вам нужно все это бросить. Если же вы решите продолжать, я постараюсь помочь вам, хотя и не могу ничего гарантировать. Если вам удастся получить какую-нибудь дополнительную информацию, буду счастлив предложить вам свое мнение. Чем больше информации у вас будет, тем легче мне будет удовлетворить ваши требования.

Старк направился к двери кабинета и открыл ее.

– Позвоните мне после обеда, и я дам вам знать, смогу ли я ответить на ваши просьбы.

– Спасибо за потраченное время, доктор Старк, – Сьюзен поколебалась, стоя в дверях. – Очень приятно было узнать, что вы не соответствуете своей репутации людоеда, или, лучше сказать, женщиноеда.

– Может быть, вы и согласились бы с остальными, если бы нашли время посетить учебные обходы, – со смехом сказал Старк.

Сьюзен попрощалась и вышла. Старк вернулся к своему столу и заговорил в селектор, вызывая секретаря.

– Позвоните доктору Чендлеру и спросите, виделся ли он уже с доктором Беллоузом. Скажите ему, что я хочу знать причину появления этих лекарств в личном шкафчике как можно быстрее.

Старк повернулся к окну и оглядел больничный комплекс. Его жизнь была так тесно сплетена с Мемориалом, что в некотором смысле она слилась воедино с жизнью госпиталя. Как Беллоуз рассказывал Сьюзен, Старк лично привлек в больничные фонды огромные средства, которые позволили поддерживать жизнь госпиталя и построить семь новых корпусов. Он смог это сделать благодаря своим деловым способностям, которые обеспечили ему пост заведующего хирургией Мемориала.

Чем больше он думал о запертых в шкафчике номер 338 лекарствах, тем больше гневался. Это был кричащий пример того, как нельзя доверять людям, не умеющим предвидеть отдаленные результаты своих поступков.

– Боже, – сказал он громко, не отрывая взгляда от клубящихся серых туч.

Дураки могли свести на нет все его многолетние усилия в обеспечении Мемориалу положения госпиталя номер один в стране. Годы работы могли полететь коту под хвост. И он лишний раз решил, что, если хочешь, чтоб дела шли нормально, нужно самому заниматься всем.

Вторник, 24 февраля

19 часов 20 минут

На Бостон уже давно спустилась темнота, когда Сьюзен вышла из поезда Гарвардской линии метро на наземной станции "Чарльз-стрит". Ветер, все еще дувший из Арктики, завывал и нес со стороны реки поперек платформы маленькие крутящиеся вихри. Сьюзен пришлось согнуться против ветра, направляясь к лестнице наружу. Поезд дернулся и скользнул мимо платформы, проплывая справа от Сьюзен, его колеса при въезде в туннель заскрежетали.

По пешеходному мостику Сьюзен пересекла перекресток Чарльз-стрит и Кембридж-стрит. Под ним сплошной транспортный поток уже расплескался на отдельные машины, но ядовитый запах выхлопных газов еще загрязнял ночной воздух. Сьюзен пошла вниз по Чарльз-стрит. Перед открытой всю ночь аптекой сшивался обычный сброд, пьяные или наркоманы. Некоторые из них пытались подходить к Сьюзен, спрашивая, свободна ли она. Она отвечала, прибавляя шаг. Затем она столкнулась с обносившимся бородатым парнем, бесцеремонно заступившим ей дорогу.

– "Риел Пейпер" или "Феникс", красотка? – спросил бородач с себорейными веками. В правой руке он держал несколько газет.

Сьюзен отшатнулась и поспешила прочь, игнорируя мрачные шутки и смех ночного сброда. Она шла вдоль Чарльз-стрит, и постепенно окружающий пейзаж менялся. Несколько антикварных магазинов поманили яркими витринами, но холодный ночной ветер подгонял ее вперед. На Маунт Вернон-стрит Сьюзен повернула налево и стала подниматься на Бикон-Хилл. По номерам домов она знала, что идет в нужном направлении. Затем она миновала Луисбург-сквер. Лучи оранжевого света от иллюминированных витрин освещали холодную ночь. Дома с их солидными кирпичными фасадами давали ощущение мира и безопасности.

Квартира Беллоуза находилась в доме налево, метрах в ста от Луисбург-сквер. Перед зданиями в этом районе были разбиты маленькие газоны, и росли высокие вязы. Сьюзен толкнула скрипнувшие металлические ворота и по каменным ступеням

поднялась к тяжелой двери. В коридорчике она принялась дуть на свои замерзшие пальцы и переминалась с ноги на ногу, чтобы восстановить кровообращение в замерзших ногах. С ноября по март у нее всегда мерзли ноги и руки. Дыша на пальцы и подпрыгивая, она просмотрела список жильцов, вывешенный возле звонка. Беллоуз был пятым номером. Сьюзен с силой нажала на кнопку и была вознаграждена хриплым звоном.

Слегка оглушенная, Сьюзен подошла к дверной ручке. Открывая дверь, она поцарапала костяшки пальцев об металлическую защелку на дверной раме. Выступили капельки крови, и она сунула пальцы в рот. Лестничный марш перед ней уходил наверх и влево. Холл был освещен блестящим медным канделябром, свисающим с потолка, и украшен зеркалом в позолоченной раме, которое как бы увеличивало размеры помещения. Машинально посмотрев в зеркало, Сьюзен пригладила пряди волос на висках. Поднимаясь по лестнице, она заметила, что на каждой лестничной площадке на стенах висят репродукции Брегеля в красивых рамках.

Запахавшись от быстрого подъема, Сьюзен остановилась посреди последнего пролета ступенек и схватилась за перила. Пятью этажами ниже в лестничном колодце был виден мозаичный пол холла. Беллоуз открыл дверь, Сьюзен даже не успела постучать.

– Вот подушка с кислородом, если тебе нужно, бабуля, – сказал он, улыбаясь.

– Боже, здесь такой разреженный воздух. Может быть, мне лучше посидеть здесь на ступеньках и прийти в себя.

– стакан бордо мигом приведет тебя в чувство. Давай руку.

Сьюзен позволила Марку проводить себя в квартиру. Снимая пальто, она с любопытством оглядывала комнату. Марк исчез на кухне и вернулся с двумя стаканами рубиново-красного вина.

Сьюзен бросила пальто на стул с прямой спинкой, стоявший рядом с дверью, и сняла сапоги. Затем рассеянно взяла стакан и отхлебнула из него.

– Обставлено с изрядным для хирурга вкусом, – заметила она, выходя на середину комнаты.

Комната была примерно шесть на двенадцать метров. На обоих противоположных ее концах располагались старомодные каминные, в которых жизнерадостно пылал огонь. Потолок был сводчатый, как в

соборе, очень высокий, метров шести в самой высокой точке, и косо спускался к обоим каминам. У дальней стены стояли огромные стеллажи с книгами, безделушками, стереосистемой, телевизором и магнитофоном. Ближайшая стена была кирпичной, на ней висели картины, литографии и средневековые нотные списки в изящных рамках. На камине справа тихо тикали старинные говардовские часы, а на каминной доске слева стояла модель парусника. В окнах, расположенных возле каминов, можно было видеть изогнутые дымовые трубы, вырисовывающиеся на фоне ночного неба.

Мебели было немного, зато Беллоуз располагал целой коллекцией толстых пушистых ковров. Бухарский ковер в синих и кремовых тонах был разложен в центре комнаты. На нем стоял низенький кофейный столик из оникса, вокруг которого были разбросаны почтенного размера подушки в вельветовых чехлах.

– Очень красиво, – сказала Сьюзен, поворачиваясь кругом в центре комнаты и затем бросаясь на охапку подушек. – Я и не ожидала ничего подобного.

– А что ты ожидала? – Марк сел с другой стороны столика.

– Квартиру. Ну, знаешь, столы, стулья, кушетка, все как обычно.

Оба засмеялись, поняв, как мало знают друг о друге. Беседа о пустяках продолжалась, пока они допивали свое вино. Сьюзен вытянула ноги к камину, надеясь согреть озябшие ступни.

– Еще вина, Сьюзен?

– Пожалуйста. Вкус чудесный.

Марк отправился на кухню за бутылкой, Он налил ей и себе еще по стакану.

– Ты не поверишь, какой я сегодня провела день, – сказала Сьюзен, поднимая стакан на уровень глаз против огня и глядя на глубокий искрящийся красный цвет вина.

– Если ты бросила свой самоубийственный крестовый поход, я поверю во все. Ты встречалась со Старком?

– Чтоб мне сдохнуть, и, вопреки всем твоим страхам, он повел себя очень разумно... разумней Гарриса и Нельсона, кстати.

– Будь осторожна, все, что я могу сказать. Старк – эмоциональный хамелеон. Мне обычно удавалось с ним поладить. Но сегодня, совершенно неожиданно, он страшно на меня разозлился, потому что какой-то псих спрятал начатые упаковки лекарств в шкафчике,

которым я пользовался одно время. И он не пришел ко мне и не спросил об этом как нормальный человек. Вместо этого он натравил на меня бедного старину Чендлера, старшего ординатора, и тот снял меня с операции, чтобы спросить об этом. Потом он вызвал меня с обхода и сообщил, что Старк хочет видеть меня, чтобы выяснить это дело до конца. И, ты представляешь себе, я ничего не мог поделать.

– А какие лекарства были в шкафчике? – Сьюзен вспомнила врача, который разговаривал с Нельсоном.

– Я не уверен, что полностью в курсе. Какой-то хирург наткнулся на целый склад лекарств в шкафчике, который трахнутый старикашка Вальтерс все еще числил за мной. По-видимому, там были наркотики, кураре, антибиотики – целая аптека.

– И они не знают, кто их туда положил и почему?

– Думаю, нет. Я представляю, что кто-то собирал все это барахло, чтобы отчалить в Тимбукту или Бангладеш. Вокруг всегда найдется парочка ненормальных с такими мыслями. Но почему они прятали все это в шкафчике в ординаторской – выше моего понимания.

– Кураре – это миорелаксант, да, Марк?

– Угу, конкурентный нейроблокатор. Классный препарат. Да-а, если ты еще не догадалась, то мы обедаем сегодня здесь. Я купил несколько бифштексов и всякое такое.

– Лучше не придумашь, Марк. Я так устала. И очень голодная.

– Я пойду поставлю бифштексы, – Марк пошел на кухню, захватив с собой стакан.

– Кураре угнетает дыхание? – спросила Сьюзен.

– Не-а. Он только парализует мышцы. Человек хочет дышать, но не может. И задыхается.

Сьюзен уставилась на огонь, упиравшись краем стакана в нижнюю губу. Языки пламени завораживали ее, она думала о кураре, о Гринли, о Бермане. Внезапно пламя затрещало и выметнуло раскаленный уголек, ударившийся о каминный экран. Уголек срикошетил и упал на ковер возле камина. Сьюзен вскочила, благополучно смахнула его с ковра и отбросила на шифер очага. Затем направилась к двери кухни наблюдать, как Марк приправляет бифштексы.

– Старк, действительно, заинтересовался тем, что я нашла и старался помочь. Я попросила его помочь мне получить истории болезни пациентов из моего списка. Потом я позвонила ему после

обеда, и он ответил, что пытался достать эти истории, но ему сказали, что они все записаны за одним профессором-невропатологом, доктором Дональдом Мак-Лири. Ты знаешь его?

– Нет, но это ничего не значит. Я не знаю очень многих среди тех, кто не имеет отношения к хирургии.

– Как мне кажется, этот Мак-Лири выглядит довольно подозрительно.

– Ну-ну, опять начинается, ну и воображение! Доктор Дональд Мак-Лири таинственным образом разрушает мозг шести пациентов...

– Двенадцати...

– Ладно, двенадцати, и затем выписывает все их истории болезни, чтобы замести за собой следы. Я даже могу представить себе заголовки в "Бостон Глоб". Марк засмеялся и положил бифштексы на рашпер.

– Давай-давай, смейся, но в то же время какое объяснение может быть такому поведению доктора Мак-Лири? Все выражали такое изумление при одной мысли о том, что эти случаи связаны! Все, кроме доктора Мак-Лири, у него все истории болезни. Я считаю, есть над чем задуматься. Может быть, он исследовал эту проблему некоторое время, и тогда он далеко впереди меня. Это было бы здорово, и вдруг я могла бы помочь ему.

Марк не ответил. Он обдумывал, как бы ему попытаться отговорить Сьюзен от этого предприятия в целом. Еще его внимание поглощал салат – его кулинарная специальность. Затем он открыл кухонное окно, и холодный ветер вынес наружу пронзительный запах жарящихся бифштексов. Сьюзен прислонилась к дверной раме, наблюдая за ним. Она подумала, как чудесно иметь жену, приходить домой и видеть, как жена присматривает за чистотой в доме и готовит еду. Одновременно ей показалась смешна мысль об этом, так как у нее никогда не может быть жены. Действительно, если бы она вышла замуж, это от нее требовалось бы выполнять обязанности жены. Все это были только ментальные игры, в которые Сьюзен играла сама с собой, когда находилась в безвыходном положении и хотела забыть о своих трудностях или отложить их на неопределенное время.

– Я сегодня звонила в Институт Джефферсона.

– Что они сказали? – Марк вручил Сьюзен несколько тарелок, серебряные вилки и салфетки и указал на ониксовый столик.

– Ты был прав, к ним трудно проникнуть, – сказала Сьюзен, перенося все на столик. – Я спросила, могу ли я к ним прийти, так как хочу посетить одного пациента. Они рассмеялись. И сказали мне, что только самые близкие родственники могут посещать больных, и то лишь по предварительной договоренности и на очень короткое время. Они сказали, что их массовый метод ухода за такими больными в общем неприемлем эмоционально для родственников, поэтому им приходится специально подготавливаться перед визитом. Они мне сказали о ежемесячном посещении, как ты говорил. И то, что я студентка медицинской школы – для них было пустым звуком, тем более они не собирались изменять свою обычную практику. В целом, это место выглядит интересным, особенно, учитывая то, как ты сказал, что таким образом от ухода за хрониками освобождаются места и средства в обычных больницах для острых больных.

Сьюзен закончила накрывать на стол и принялась снова смотреть на огонь.

– Мне, действительно, очень хочется туда попасть, больше всего, чтобы посмотреть на Бермана. У меня такое чувство, что, если я его еще раз увижу, то смогу легче отнестись к этому... крестовому походу, как ты выразился. Я даже понимаю, что мне нужно восстановить хотя бы видимость нормального положения вещей.

Марк оторвался от своей деятельности на кухне, услышав последнюю фразу, в которой ему блеснул луч надежды. Он закрыл окно и вернулся к своим бифштексам.

– А почему ты просто не пойдешь туда? Я подразумеваю, там все может быть так же хаотично, как и в других больницах, например, в Мемориале. Если вести себя естественно, никто тебя ни о чем и не спросит. Ты можешь даже надеть униформу медсестры. Если кто-нибудь придет в Мемориал в одежде врача или медсестры, он сможет ходить, где ему вздумается.

Сьюзен посмотрела на Марка, стоящего в дверях кухни.

– А это неплохая идея... неплохая. Но здесь может быть ловушка.

– Какая это?

– Просто я не буду знать, на какие чертовы кулички мне идти, даже если я войду в здание. Очень трудно выглядеть естественно, если заблудишься.

– Ну это не такое уж непреодолимое препятствие. Все, что тебе нужно, это посетить отдел архитектуры в Сити Холле и получить копию поэтажного плана здания. Там есть планы всех общественных зданий. У тебя с собой будет карта.

Марк вернулся на кухню, чтобы захватить салат и бифштексы.

– Марк, это гениально.

– Практично, а не гениально.

Он внес еду в комнату и разложил бифштексы по тарелкам, сопроводив каждый внушительной порцией салата. Там была также спаржа под голландским соусом и еще целая бутылка красного бордо.

Оба подумали, что еда замечательная. Вино помогло сгладить все острые углы, и беседа плавно потекла. Они узнали многое о жизни друг друга, что позволило им сложить кусочки мозаики в целую картину своих представлений друг о друге. Сьюзен была из Мериленда, Марк из Калифорнии. Образование у них имело мало общего: Марка учили с уклоном в сторону Декарта и Ньютона, а Сьюзен – Вольтера и Чосера. Но они оба обожали лыжи, загорать на пляже и гулять. Оба любили Хемингуэя. Только на секунду повисло неловкое молчание, когда Сьюзен спросила Марка о Джойсе. Марк не читал Джойса.

Тарелки опустели, и они сели, удобно устроившись на подушках перед камином в дальнем конце комнаты. Беллоуз подкинул еще несколько дубовых поленьев, превращая тлеющие угольки в весело потрескивающее пламя. Ликер Гранд Марнье и ванильное мороженое успокоили их на некоторое время, оба наслаждались мирным молчанием.

– Сьюзен, я узнал тебя немножко получше, и мне это настолько приятно, что я чувствую потребность еще более настойчиво просить тебя забыть об этой проблеме комы, – помолчав, сказал Марк. – Тебе еще так долго нужно учиться, и, поверь мне, для этого нет лучшего места, чем Мемориал. По всей вероятности, проблема комы снова станет перед тобой когда-нибудь, и у тебя будет куча времени начать все сначала, когда у тебя уже будут настоящие знания по клинической медицине. Я не стараюсь предположить, что сейчас у тебя не получится интересного результата, может, и получится. Но шансы на это такие маленькие, как и в любом исследовательском проекте, как бы он ни был спланирован. А тебе нужно подумать и о том, как твоя

деятельность отзывается на всех, кто стоит над тобой. Это рискованная игра, Сьюзен, ты играешь против людей гораздо сильнее тебя.

Сьюзен глотнула Гранд Марнье. Густая жидкость скользнула ей в горло, по ногам начало подниматься тепло. Она глубоко вздохнула и ощутила, что взлетает.

– Очень трудно, наверно, быть студенткой медицинской школы, – продолжал Беллоуз, – даже если не создавать дополнительных помех.

Сьюзен подняла голову и взглянула на Беллоуза. Он пристально смотрел на огонь.

– А точнее, что ты подразумеваешь под этим утверждением? – спросила Сьюзен с внезапно появившейся резкостью в голосе. Беллоуз задел чувствительную область.

– Только то, что сказал. – Беллоуз не отрывал взгляда от огня. Танцующие языки пламени поглотили его внимание. – Я только думаю, что это особенно трудно – быть женщиной и обучаться в медицинской школе. Я никогда не думал над этим, пока ты не заставила меня поразмыслить над другим объяснением поведения Гарриса. Сейчас чем больше я думаю над этим, тем больше убеждаюсь, что прав, потому что... ну, если честно, я не могу сказать, что я сам реагировал на тебя как на обычного студента. Как только я увидел тебя, я реагировал на тебя как на женщину, может быть, немного как подросток. Я подразумеваю, что я считаю тебя очень привлекательной – не соблазнительной. – Беллоуз быстро добавил два последних слова и повернулся, чтобы посмотреть, как Сьюзен оценила его ссылку на их разговор в кафетерии.

Сьюзен улыбнулась. Желание защищаться, возникшее после первых слов Беллоуза, растаяло.

– Вот почему я так по-дурацки реагировал, когда ты вошла в раздевалку вчера и застала меня в трусах. Если бы я подходил к этому асексуально, я бы не пошевелился. Но очевидно, что это было не так. Во всяком случае, я думаю, большинство твоих преподавателей и инструкторов реагировали на тебя сначала как на женщину, а потом как на учащуюся в медицинской школе.

Беллоуз снова перевел взгляд на огонь. В этот момент он напоминал кающегося грешника на исповеди. Сьюзен почувствовала волну теплого чувства к нему, поднимающуюся в ней. Она вновь ощутила потребность дружески обнять его. Сьюзен была очень

земным человеком, хотя и не выказывала своих чувств очень часто, особенно с тех пор, как занялась медициной. Еще до того, как поступать в медицинскую школу, Сьюзен решила, что физические аспекты ее личности должны быть подавлены, если она будет медиком. Поэтому и сейчас, вместо того, чтобы потянуться к Марку, она отхлебнула Гранд Марнье.

– Сьюзен, ты настолько заметна в любой группе, что если ты не придешь на мою лекцию, мне придется отчитываться за тебя.

– Роскошь анонимности, – начала Сьюзен, – всегда была не для меня в медицинской школе. Я понимаю, что ты говоришь, Марк. Но я чувствую, что мне нужен еще один день. Еще один. – Сьюзен подняла палец и кокетливо склонила голову. Затем рассмеялась, – Ты знаешь, Марк, очень утешительно слушать, как ты рассуждаешь о том, что трудно быть студенткой, потому что так оно и есть. Некоторые девочки из моего класса отрицали это, но они обманывали самих себя. Они пользовались одним очень старым и самым простым способом обойти проблему – говорили, что ее просто нет. Но она есть. Я помню цитату из сэра Вильяма Ослера. Он говорил, что существуют три класса человеческих существ: мужчины, женщины и женщины-врачи. Я смеялась, когда читала это в первый раз. Сейчас я больше не смеюсь. – Несмотря на это, феминистское движение все еще рассиживается на образе дурочки с широко открытыми глазами и прочей галиматье. Как только женщина проникает в область, где требуется капелька конкуренции и агрессивности, мужчины приклеивают ей ярлык кастрирующей суки. А если она отступает, ведет себя пассивно, ей говорят, что она не соответствует требованиям конкуренции. Поэтому приходится принуждать себя идти на компромисс, болтаясь где-то посередине, что очень трудно, так как чувствуешь себя все время как на экзамене, не как личность, а как представительница женщин вообще.

После этих слов воцарилось молчание, каждый переваривал, что ему сказали.

– Что меня раздражает больше всего, – продолжала Сьюзен, – это что проблем все больше, а не меньше, чем дальше я углубляюсь в медицину. Я не представляю, как это женщины управляют с работой и семьей. Им всегда приходится все время извиняться за то, что они уходят рано с работы, и извиняться за то, что приходят поздно домой.

Я считаю, когда мужчина работает допоздна, проблем нет, он для этого и создан. Но женщина-врач – ее роль так расплывчата. Общественные нравы и правила поведения для женщин делают ее очень трудной. Как тебе удалось заставить меня об этом говорить? – внезапно спросила Сьюзен, удивившись горячности, с которой она говорила.

– Ты только согласилась с моим тезисом, что быть студенткой очень трудно. А как насчет согласия с последней частью, о том, что не надо создавать дополнительных помех?

– Черт, Марк, не подталкивай меня прямо сейчас. Ты же сам понимаешь, что раз уж я ввязалась в это дело, то должна его как-то разрешить. Может, это как раз связано с экзаменом для женщин. Бог мой, мне бы так хотелось утереть нос этому Гаррису! Если бы я увидела Бермана еще раз, я смогла бы отказаться от этого, сохранив лицо, или... лучше сказать, доверие к себе или представление о себе. Но давай поговорим о другом. Ты не возражаешь, если я тебя обниму?

– Я возражаю? – Беллоуз быстро сел, взволновавшись. – Нисколько.

Сьюзен наклонилась к нему и обняла с силой, которая удивила ее саму. Инстинктивно его руки обвились вокруг нее, и он подумал, какая тонкая у нее талия. Бессознательно он похлопал ее, как бы утешая. Она откинулась назад.

– Я надеюсь, ты не боишься, что я икну.

Несколько мгновений они изучали друг друга в свете огня. Затем их губы нашли друг друга, сначала робко, потом со страстью, и, наконец, самозабвенно.

Среда, 25 февраля

5 часов 45 минут

Оглушительный звон будильника взорвал темноту, воздух в комнате вибрировал от пронзительных звуков. Сьюзен, вырванная грохотом из глубокого сна, подскочила и села на кровати. Сначала она подумала: "Интересно, почему мои глаза не открываются?", но потом сообразила, что глаза открыты, но ничего не могут видеть в глубокой темноте, царящей в комнате. Несколько секунд она не могла понять, где находится. Ею владело единственное желание найти этот будильник и прихлопнуть ужасный дребезжащий звон.

Вдруг, так же внезапно, как и начался, грохот будильника прекратился с металлическим щелчком. В этот момент Сьюзен осознала, что она не одна. События предыдущего дня пронеслись перед ее мысленным взором, и она вспомнила, что все еще находится в квартире Марка. Она снова плюхнулась на спину, натягивая на себя одеяло, чтобы прикрыть наготу.

– Ради Бога, что это за шум? – спросила Сьюзен в темноту.

– Это будильник. Я предполагаю, тебе знаком этот предмет, – произнес голос рядом с ней.

– Будильник. Марк, сейчас же еще середина ночи.

– Черта с два. Уже полшестого, пора выкатываться.

Марк откинул одеяло и поставил ноги на пол. Затем включил лампу возле кровати и принялся тереть глаза.

– Марк, у тебя крыша поехала. Пять тридцать, Господи, – голос зазвучал невнятно, так как Сьюзен засунула голову под подушку.

– Я должен посмотреть своих больных, перехватить что-нибудь поесть и быть готовым к обходу в шесть тридцать. Операции начинаются ровно в семь тридцать. – Марк встал и потянулся. Не обращая внимания на свою наготу и холод, стоящий в комнате, он отправился в ванную.

– Ваш хирургический мазохизм превосходит всякое воображение. Почему бы вам не начинать работу в какое-нибудь более приличное время? Почему в семь тридцать?

– Всегда было в семь тридцать, – сказал Беллоуз, притормаживая в дверях.

– Отличная причина. В семь тридцать, потому что всегда было в семь тридцать. Боже, такие аргументы типичны для медицины. Половина шестого утра. Черт, Марк, почему ты меня не предупредил, когда приглашал остаться на ночь вчера? Я бы вернулась в общежитие.

Беллоуз вернулся к кровати и сверху посмотрел на холмики, обозначающие лежащее под одеялом тело Сьюзен. Подушка все еще находилась на ее голове.

– Если бы ты относилась к своему хирургическому циклу посерьезней, мне не пришлось бы говорить тебе, что это обычный модус операнди. Пора вставать, прекрасная королева.

Беллоуз схватил кончик шерстяного одеяла и сильным рывком сорвал его со Сьюзен. Ее тело обнажилось, только голова оставалась скрытой под подушкой.

– Милосердия, – подпрыгивая, закричала Сьюзен. Она вырвала одеяло, обернула его вокруг себя наподобие кокона, а затем повалилась обратно в кровать.

– Но сегодня первый день твоей новой жизни. Ты ведь собиралась стать нормальной студенткой медицинской школы.

Этот призыв к войне заставил Сьюзен еще плотнее завернуться в кокон.

– Мне нужен еще один день, только один. Ну же, Марк, только один. Ты ведь способен понять, как это важно для меня. Если я не получу сегодня истории болезни, а я думаю, что не получу, то все кончится. И кроме того, если я увидаю Бермана, я, может быть, брошу все это. Тогда у тебя будет нормальная студентка медицинской школы. Но мне нужен еще один денечек.

Беллоуз отпустил одеяло. Сьюзен упала на спину, одна ее грудь обнажилась, как у амазонки.

– Ладно, еще один день. Но если Старк будет сегодня на обходе, он узнает, что ты прогуливаешь. Я не смогу сочинить какую-нибудь правдоподобную байку. Надеюсь, ты понимаешь это?

– Ну, симпровизируй что-нибудь, всемогущий хирург. Я уверена, ты сможешь придумать хоть что-то.

– Сьюзен, я только смогу сказать, что говорил тебе о том, что ты должна ходить на обходы.

– О'кей, делай как знаешь. Но я смогу посвятить еще один полный день этому расследованию. Я слишком много усилий уже в это вложила.

Сьюзен уютно устроилась в теплой кровати. Она еще услышала, как в ванной зашумел душ. И еще успела подумать, что следовало бы дождаться, пока Беллоуз выйдет из ванной.

* * *

Когда Сьюзен проснулась второй раз, было уже совсем светло. Резкие порывы ветра ударили в оконные стекла, осыпая их каплями дождя, стучавшими подобно падающим на стекло рисинкам. Направление ветра за ночь сменилось с северо-западного на восточное, что было нетипично для Бостона. Благодаря теплу от Гольфстрима, температура поднялась чуть выше нуля, поэтому снежинки долетали до земли уже в виде мелких капель. Пассажиры городского транспорта вздохнули с облегчением, а лыжники огорчились.

Сьюзен с трудом заставила себя поверить, что часы, показывающие почти девять утра, не врут. Беллоуз принял душ, оделся и тихо вышел, чтобы не разбудить ее. Сьюзен изумилась этому, потому что ее сон был обычно очень чуток. Она проверила ванную и гостиную, ища малейшего признака присутствия Беллоуза. Ничего, она была одна.

Сьюзен нашла чистое полотенце, потом принялась тщательно мыться, с теплотой вспоминая события предыдущей ночи. Беллоуз оказался гораздо более нежным и неутомимым любовником, чем Сьюзен могла ожидать. Она осталась совершенно довольна, хотя питала серьезные сомнения относительно того, будут ли продолжаться их отношения дальше. Приверженность Беллоуза хирургии казалось настолько всепоглощающей, что все его остальные увлечения отходили на второй план, как маловажные хобби.

В холодильнике Сьюзен нашла сыр и апельсин. Запивая тост соком, она перелистывала страницы телефонного справочника. Удостоверившись, что ничего не забыла, Сьюзен покинула квартиру

Беллоуза, тщательно заперев за собой дверь. День обещал быть очень хлопотным.

Дождь уже немного утих к тому времени, когда Сьюзен оказалась на улице. Погода не собиралась улучшаться, но так хоть было не так противно ходить под открытым небом. Сьюзен повернула налево к Маунт Вернону и пошла в направлении здания законодательного органа штата – Стейт Хауза. Она пересекла северный конец района Бостон Коммон и попала в район магазинов в деловой части города.

Продавец в розничном магазине компании "Бостон Юниформ" подумал, что Сьюзен – самая ранняя и скоропалительная покупательница из всех юных девушек, приходивших сюда покупать униформу медицинской сестры. Она оказалась совершенно безразличной к разнообразным фасонам этой простой белой одежды. Сьюзен сказала, что ей нужен десятый размер, а фасон для нее неважен.

– У нас здесь есть одна модель, которая может вам понравиться, – попытался заинтересовать ее продавец, принося образец формы.

Сьюзен взяла форму, приложила к себе и посмотрела в зеркало.

– Примерочные находятся там сзади, если вам захочется посмотреть эту модель на себе.

– Я беру ее.

Продавец остался с разинутым ртом от скорости, с которой совершилась покупка.

Дождь снова вяло зарядил, когда Сьюзен шла вверх по Вашингтон-стрит, направляясь к административному центру города. Едва она дошла до пешеходной части города, выложенной кирпичом, рядом с супергеометрическими архитектурными формами Сити Холла, как ветер принес в город еще одну нагруженную влагой тучу. Дождь припустил всерьез, и Сьюзен бросилась бежать в укрытие.

* * *

Девушка из информационного киоска сказала Сьюзен, что строительный департамент находится на восьмом этаже. Его было легко найти. Гораздо труднее было добиться там осмысленной информации. Сьюзен пришлось прождать двадцать пять минут возле

главной приемной, чтобы услышать, что она попала не туда. Подобное случилось еще два раза, прежде чем ее направили вглубь одного огромного зала. Там она прождала еще четверть часа, несмотря на то, что была единственной посетительницей. Позади стойки стояли пять столов, три из них были заняты двумя мужчинами и одной женщиной. Двое мужчин, похожих как два близнеца, с одинаковыми большими красными носами, в похожих очках с пластмассовой оправой и безвкусных галстуках, были заняты тем, что изощрялись в раздраженных нападках на "Патриотов". У женщины была прическа мышинного цвета, вызывающая в памяти шестидесятые годы, и шокирующе красная помада на губах, совершенно скрывавшая естественный рисунок рта. Она была полностью поглощена карманным зеркальцем, рассматривая свое лицо под всевозможными углами.

Низенький мужчина случайно наткнулся глазами на Сьюзен и пришел к выводу, что она не исчезнет, если на нее не обращать внимания. Он встал, походил без цели, наконец, подошел к перегородке и вынул сигарету изо рта. При этом немного пепла с кончика сигареты свалилось на его галстук. Он раздавил окурок в дешевой переполненной металлической пепельнице.

– Что я могу сделать для вас? – спросил сей бюрократ, мельком посмотрев на Сьюзен. И повернулся, не дождавшись ее ответа. – Эй, Гарри, я вспомнил. Что ты собираешься делать с запросом GRI 5? Помнишь, он был зарегистрирован как срочный и попал в твой ящик два месяца назад? – Затем он снова посмотрел на Сьюзен. – Ну что ж, милочка? Дай, я сам догадаюсь. Ты хочешь пожаловаться на своего квартирного хозяина. Правильно, ты обратилась как раз по адресу.

Он снова отвернулся к своему коллеге:

– Гарри, если ты собираешься пойти за кофе, захвати мне одинарный и по-датски. Я тебе потом заплачу. – Затем его красные глаза обратились на Сьюзен. – Ну же...

– Я бы хотела посмотреть поэтажный план одного здания – института Джефферсона. Это относительно новый госпиталь в южной части Бостона.

– План. А зачем вам план? Сколько вам лет, пятнадцать?

– Я студентка медицинской школы и интересуюсь планировкой и устройством больниц.

– Такой ребенок! Глядя на вас, не скажешь, что вы способны интересоваться хоть чем-то. – Он противно захихикал.

Сьюзен закрыла глаза, проглатывая уже готовый резкий ответ.

Государственный муж направился к стеллажу с огромными томами.

– А в каком это шкафу? – спросил он с видимой скукой.

– Не имею ни малейшего представления.

– Ладно, – сказал мужчина, делая поворот кругом. – Тогда сначала нужно выяснить, в каком это шкафу.

Маленькая книжка на стойке сообщила им требующуюся информацию.

– Шкаф 17.

С нарочитой медлительностью он повернулся к стеллажу с огромными томами. Из бокового кармана он вытащил смятую пачку сигарет и сунул незажженную сигарету в рот. Несколько раз ошибившись, он, наконец, извлек каталог шкафа номер 17. Остальные книги были сметены прочь. Откинув крышку тома, он поспешил указательный палец. Затем принялся с сухим щелканьем перелистывать страницы, облизывая палец желтым от табака языком каждые пять страниц. Найдя ссылку, он списал несколько цифр на клочок бумаги. Поманив Сьюзен следовать за собой, он пошел вдоль длинного ряда наполненных папками шкафов.

– Гарри! – вновь воззвал бюрократ, по дороге продолжая разговор с коллегой; незажженная сигарета дергалась вверх вниз в углу его рта. – Перед тем, как спуститься вниз, позвони Гроссеру и выясни, будет ли Лестер сегодня. Кому-нибудь придется заняться регистрацией этого дела, которое лежит у него; если он не придет, это будет подольше, чем твой GRI 5.

Найти правильный выдвижной ящик и вытащить большой пакет планов было уже совсем простым делом.

– Вот вы где, цветики. Вон в той комнате за перегородкой есть ксерокс, если вам надо. Он оплачивается десятицентовыми монетами. – Он махнул в нужном направлении незажженной сигаретой.

– Может быть, вы покажете мне, какие из этих планов – планы этажей? – сказала Сьюзен вытащив из папки ее содержимое.

– Вы интересуетесь планировкой больниц и не знаете, как выглядят планы этажей? Боже мой. Вот планы этажей... цокольный этаж, первый этаж и второй этаж. – Он зажег сигарету от карманной зажигалки.

– Как расшифровываются эти аббревиатуры?

– Господи, здесь же все есть прямо в нижнем углу. ОП означает операционные, П – палаты, Комп К – компьютерную комнату и так далее, – мужчина тыкал пальцами с раздражительным нетерпением.

– А ксерокс?

– Вон там. Разменный аппарат висит на стене. Когда вы закончите с планами, просто положите их в металлический ларь на стойке.

Сьюзен тщательно отксерокопировала поэтажные планы и фломастером пометила помещения на копии. Затем она отправилась в Мемориал.

* * *

Сьюзен вошла в Мемориал через главный вход. Был одиннадцатый час. Неизбежные толпы посетителей уже наводнили холлы. Все места, пригодные для сидения, были заняты людьми всех возрастов, ждущих, ожидающих чего-то. Не было людей, ищущих приема в поликлинике или в отделении скорой помощи. Были люди, ожидавшие выписывающихся или поступающих родственников, были выписавшиеся пациенты, ожидавшие, когда за ними приедут забрать их домой. Разговоров почти не было, никто не улыбался. Все люди были как разделенные океаном острова, объятые трепетом перед госпиталем и совершавшимися в нем таинствами.

Плотная толпа преградила Сьюзен дорогу, и ей пришлось пробиваться сквозь нее. Пластиковые буквы сообщали: "Неврологическое отделение, Беард-2". Сьюзен отправилась в лифтовой холл и здесь вместе с толпой принялась ждать лифта. Человек, стоявший рядом с ней, повернулся, и Сьюзен отпрянула от трудно скрываемого ужаса. Глаза мужчины – или это была женщина? – были окружены синими кругами кровоизлияний. Нос был раздут и перекошен, из ноздрей торчали тампоны. Несколько проволочек выходили из носа и были приклеены пластырем к щекам. Выглядело

это существо как монстр. Сьюзен старалась не отрывать взгляда от лифтового указателя, чувствуя себя неподготовленной к больничному вернисажу.

Доктор Дональд Мак-Лири был одним из самых молодых полноправных членов врачебного персонала отделения неврологии, и из-за вечной нехватки места ему не предоставили персонального кабинета на одиннадцатом этаже. Сьюзен пришлось пешком подняться на двенадцатый этаж, пока она не нашла табличку с надписью: "Доктор Дональд Мак-Лири", выведенной черными буквами. Она открыла дверь и проскользнула в крошечную приемную. Дверь нельзя было открыть настежь, так как этому мешал шкаф с папками. Стол средних размеров казался великаном в такой маленькой комнате. Сидящая за ним пожилая секретарша подняла на Сьюзен глаза. Толстый слой грима, включающего румяна, помаду и искусственные ресницы, покрывал ее лицо. Полностью обесцвеченные волосы были уложены в прилизанные кудельки. Одета она была в облегающий розовый брючный костюм, бугрящийся ненатуральными выпуклостями.

– Извините, доктор Мак-Лири у себя?

– Да, у себя, но он занят, – секретарша была раздражена этим вторжением. – Вам назначено прийти?

– Нет, но я только хотела задать ему один маленький вопрос. Я студентка медицинской школы, у меня сейчас цикл по хирургии в Мемориале.

– Я спрошу доктора.

Секретарша встала и обвела Сьюзен взглядом с ног до головы. Оценив гибкую фигуру Сьюзен, она еще больше разозлилась и прошла во внутренний кабинет, дверь в который находилась справа от Сьюзен. Оставшись одна, Сьюзен огляделась в поисках историй болезни, за которыми пришла.

Почти сразу же женщина вернулась, села за свой стол, вставила в печатную машинку лист бумаги и напечатала несколько строк. Только потом она посмотрела на Сьюзен.

– Вы можете войти. Он сказал, что у него есть немного времени для вас.

И секретарша возобновила свою работу, не дожидаясь ответа Сьюзен. Отпустив про себя несколько подходящих эпитетов в ее адрес,

Сьюзен открыла дверь и вошла во внутренний кабинет.

Беспорядок в офисе доктора Мак-Лири навевал воспоминания о кабинете доктора Нельсона, здесь тоже громоздились беспорядочные стопки журналов и бумаг. Некоторые из этих стопок давно развалились, и никто, видимо, не сделал попытки их подправить.

Доктор Мак-Лири был худым серьезным мужчиной с глубокими бороздами на скулах. Между острым большим носом и подбородком помещался маленький ротик, который сухо поджался, едва доктор Мак-Лири разглядел Сьюзен сквозь стекла очков и нахмуренные густые брови.

– Сьюзен Уилер, я полагаю? – сказал доктор Мак-Лири без тени теплоты в голосе.

– Да, – Сьюзен была изумлена, что он знает ее имя. Она не могла понять, было ли это благоприятным признаком или нет.

– Вы пришли сюда по поводу тех десяти историй болезни, которые хранятся у меня? – доктор Мак-Лири слегка повернулся и махнул рукой в сторону большой пачки больничных историй в книжном шкафу.

– Десять. Это все, что у вас есть?

– Десяти для вас недостаточно? – саркастически спросил доктор Мак-Лири.

– Нет. Я только думала, что их должно быть больше. Это все истории коматозных больных?

– Возможно. И что вы скажете, если так?

– Я не знаю. Доктор Старк сказал мне, что эти истории сейчас у вас, и я подумала, что я могла бы зайти и спросить вас, можно ли на них взглянуть или помочь вам сделать выписки их них.

– Молодая леди, я невропатолог с достаточным образованием и опытом. Моя специальность – неврология, и я проверяю те многочисленные диагностические процедуры, которые производились этим больным ординаторами нашего отделения. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи.

– Я и не хотела сказать, что вам нужна помощь, доктор Мак-Лири, и меньше всего в вашей профессиональной области. Я хочу сказать, что я не знаю почти ничего о неврологии. Но все эти больные столкнулись с трагедией, очень похожей на смерть, и есть что-то

странное во всем этом деле. Я думаю, что эти случаи следует рассматривать в общей связи скорее, чем каждый по отдельности.

– И вы думаете, что будете тем человеком, который займется этим.

– Ну, кто-то должен же этим заняться.

Мак-Лири сделал паузу, и у Сьюзен возникло нехорошее ощущение, что разговор быстро начинает приобретать неблагоприятный оборот.

– Так, разрешите мне сказать вам следующее, – продолжил доктор Мак-Лири со сталью в голосе. – Проблемы такого уровня сложности в настоящее время находятся далеко вне уровня вашей компетенции. Кроме того, вашими усилиями уже вызвано непропорциональное количество неприятностей в госпитале. И вы становитесь скорее помехой, чем помощью. А сейчас я попрошу вас сесть, – Мак-Лири указал на один из стульев, стоящих перед его столом.

– Прошу прощения? – Сьюзен поняла все слова, но тон привел ее в замешательство. Мак-Лири не просил, он приказывал.

– Я говорю, сядьте! – гнев в его голосе сейчас послышался совершенно явственно.

Сьюзен села на единственный стул без довеска в виде стопки журнальных статей.

Мак-Лири поднял телефонную трубку и набрал номер. Он сверлил Сьюзен взглядом немигающих, похожих на бусинки, глаз. Рот был с силой сжат, пока он ждал, когда его соединят.

– Офис главного администратора, пожалуйста... Я хочу говорить с Филипом Ореном.

Потянулась долгая пауза. Выражение лица доктора Мак-Лири не менялось.

– Мистер Орен, это доктор Мак-Лири. Вы совершенно правы. Она сейчас сидит передо мной... Истории? Конечно нет, вы шутите... Хорошо... Отлично...

Мак-Лири повесил трубку, все еще глядя в упор на Сьюзен. Сьюзен, как ни старалась, не могла заметить даже искры человеческого выражения на его лице. Она подумала, что он вполне достоин своей секретарши. После тягостного молчания, Сьюзен начала приподниматься со стула.

– Мне кажется, что я не должна...

– Сидеть! – закричал доктор Мак-Лири еще громче, чем раньше.

Сьюзен быстро села, испуганная этим внезапным взрывом.

– Что здесь происходит? Я прихожу сюда посмотреть, не смогу ли немного помочь в этой проблеме с комой, а вовсе не для того, чтобы на меня кричали.

– Мне вам больше нечего сказать, молодая леди. Вы перешли все возможные границы в Мемориале. Меня предупредили, что вы можете прийти, чтобы сунуть свой нос в эти истории. Мне также сообщили, что вы без разрешения получили информацию из центрального компьютера. В довершение ко всему вы умудрились восстановить против себя доктора Гарриса. Во всяком случае, мистер Орен сейчас будет здесь и вы сможете поговорить с ним. Это его проблема, не моя.

– А кто это мистер Орен?

– Главный администратор госпиталя, мой юный друг. А так как он администратор, проблемы с персоналом находятся в его юрисдикции.

– Но я не персонал. Я студентка.

– Верно. И этот факт опускает вас еще ниже. Вы здесь гость... гость больницы... и в качестве такового ваше поведение должно соответствовать гостеприимству, проявленному в отношении вас. Вместо этого вы ведете себя как разрушительница и игнорируете все правила. Вы студентка медицинской школы, но сейчас утратили представление о месте, которое должны занимать в системе отношений в госпитале. Госпиталь не существует для вашей пользы. И не обязан вас обучать.

– Но это база для обучения студентов, ассоциированная с медицинской школой. И обучение является одной из основных функций этого госпиталя.

– Обучение – да. Но это не относится исключительно к студентам, а ко всему медицинскому сообществу штата.

– Точно. И это предполагает взаимопользное сосуществование и преподавателей, и студентов, – вставила Сьюзен. – Госпиталь не существует для пользы студентов, но и не существует для пользы преподавателей. В действительности, он существует только для пользы больных.

– Да, совсем нетрудно понять реакцию Гарриса на вас, мисс Уилер. Как он сказал, вам не хватает уважения ни к людям, ни к учреждениям. Но это лишь отражение воспитания современной молодежи вообще. Они верят, что сам факт их существования дает им

право на пользование всеми общественными благами и образованием, в частности.

– Образование – это больше, чем благо, это ответственность, которую общество налагает на себя.

– Общество, без сомнения, несет ответственность за себя, но не за конкретных студентов, за молодых просто потому, что они молодые. Образование – это роскошь, стоимость которой превосходит воображение, и основная тяжесть его оплаты, особенно в медицине, падает на общество, на тех, кто работает. Ваше пребывание здесь, мисс Уилер, не только стоит огромных денег, но и означает, что вы экономически сейчас не приносите никакой пользы. То есть, общество несет двойную нагрузку. А то, что вы женщина, означает, что в будущем ваша производительность труда...

– Избавьте меня, – саркастически сказала Сьюзен, вставая. – Я уже выслушала больше чепухи, чем способна выдержать.

– Стойте, молодая леди! – заревел Мак-Лири. Он тоже стоял.

Сьюзен старалась не смотреть на лицо мужчины, трясущееся перед ней от гнева. Она подумала о сексуальном объяснении поведения Гарриса, которое предложил Беллоуз. Она с трудом могла поверить, что на представление, которое устроил Мак-Лири, этот фактор тоже мог оказывать влияние. Вот опять она столкнулась с совершенно необычной, мягко говоря, реакцией. Мужчина тяжело дышал, его грудь часто вздымалась. Несомненно, он был глубоко задет. Но почему? Она не знала. Сьюзен поколебалась, стоит ли ей уйти. Но любопытство, вызванное нерациональным поведением доктора Мак-Лири, заставило ее остаться. Она села, глядя на Мак-Лири, который не мог решить, что ему делать дальше. Он тоже сел и стал нервно вертеть в руках пепельницу. Сьюзен сидела без движения. Она бы не удивилась, если бы мужчина начал кричать.

Вдруг она услышала, как открывается дверь в приемной. Звук голосов проник в кабинет. Вслед за этим дверь в кабинет открылась. Не постучав и не спросив разрешения, в дверь вошел энергичный человек. Он был похож на бизнесмена и был одет в превосходно сшитый синий костюм. Шелковый платок в левом нагрудном кармане напомнил Сьюзен наряд Старка. Его волосы были тщательно расчесаны, намертво зафиксированный пробор проходил с левой

стороны головы. От мужчины исходила аура власти, он распространял вокруг себя уверенность, что легко справится со всеми проблемами.

– Благодарю вас за звонок, Дональд, – сказал Орен. Затем он снисходительно посмотрел на Сьюзен. – Итак, это знаменитая Сьюзен Уилер. Мисс Уилер, вы послужили причиной большой суматохи в госпитале. Вы это знаете?

– Нет, я этого не знаю.

Орен прислонился к столу Мак-Лири, скрещивая руки на груди в профессиональной манере.

– Не из любопытства, мисс Уилер, разрешите задать вам один простой вопрос. Как вы думаете, что является основной целью этого учреждения?

– Лечение больных.

– Хорошо. По крайней мере в этом мы согласны. Но я должен внести самую важную поправку в ваш ответ. Мы лечим больных из этого региона. Может, это прозвучит излишне, но я повторю, что мы не лечим больных из графства Вестчестер, Нью-Йорка. Это очень важное ограничение, так как оно подчеркивает нашу ответственность за население здесь в Бостоне. И, как прямое следствие, все, что мешает и нарушает наши отношения с обществом, будет негативно отражаться на нашей основной миссии. Сейчас это может прозвучать... как бы сказать... не к месту. Но все на самом деле не так. Я уже несколько дней получаю жалобы на вас, тон которых возрастает от раздражения до полной нетерпимости. По-видимому, вы склонны к разрушению наших кропотливо построенных взаимоотношений с обществом.

У Сьюзен покраснели щеки. Снисходительная манера Орена начала возмущать ее.

– Я считаю, что сейчас являюсь человеком, наиболее остро осознающим, что шансы стать безмозглым овощем, потерять мозг, слишком велики, недопустимо велики для больных в этом госпитале, и это может разрушить репутацию госпиталя.

– Правильно, – согласился Орен.

– Далее, мне кажется, что репутация госпиталя – это ничто по сравнению с непоправимым уроном, который понесли эти люди. И я все больше и больше убеждаюсь, что если для разрешения этой проблемы нужно будет разрушить репутацию госпиталя, то она этого вполне заслуживает.

– Это, мисс Уилер, вы не можете говорить серьезно. А куда обратятся все люди... все люди, которые ежедневно нуждаются в помощи служб госпиталя? Ну... ну... И если продолжать многословно обращать всеобщее внимание на злосчастное, но неизбежное осложнение...

– А откуда вы знаете, что оно неизбежное? – прервала его Сьюзен.

– Я могу доверять мнению руководителей соответствующих отделений. Я не врач и не ученый, и поэтому не претендую на компетентное мнение, мисс Уилер. Я администратор. И когда я сталкиваюсь со студенткой медицинской школы, которая находится здесь, чтобы изучать хирургию, но вместо этого тратит время на огласку проблемы, которую уже исследуют такие квалифицированные специалисты, как находящийся здесь доктор Мак-Лири, проблемы, неосторожное разглашение которой может нанести непоправимый вред обществу, то я стараюсь действовать быстро и решительно. Вас уже предупреждали и увещевали, чтобы вы вернулись к своим обычным обязанностям, но вы все пропустили мимо ушей. Но не это является предметом обсуждения. Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с вами. Напротив, я думал, что со всем уважением к вам я должен объяснить вам свое решение относительно прохождения вами цикла по хирургии. Сейчас, прошу простить меня, я позвоню вашему декану.

И Орен схватил телефон Мак-Лири и набрал номер.

– Офис доктор Чепмена, пожалуйста... Доктора Чепмена, пожалуйста. Звонит Фил Орен... Джим, это Фил Орен. Как твое семейство? У нас все отлично... Я думаю, что уже говорил тебе, что Тед получил приглашение в Пенсильванский университет... Надеюсь, да... Я звоню по поводу студентки третьего курса, одной из тех твоих студентов что проходят здесь цикл по хирургии, Сьюзен Уилер... Ну да... Конечно, я подожду...

Орен посмотрел на Сьюзен Уилер:

– Вы на третьем курсе, мисс Уилер?

Сьюзен кивнула. Ее недавний гнев трансформировался в уныние.

Орен посмотрел назад на Мак-Лири, которому, видимо, надоело все это, и тот встал.

– Дон, извини меня за это вторжение, – сказал Орен. – Я думаю, нам нужно было пойти в мой офис. Я сейчас закончу... – Орен снова

направил все внимание на телефон. – Да, я здесь, Джим... Замечательно, что она хорошая студентка. Но она злоупотребляет своим пребыванием в Мемориале. Она должна посещать занятия по хирургии, но не бывает ни на обходах, ни конференциях, ни операциях. Кроме того, она страшно раздражает персонал, особенно шефа отделения анестезиологии, нечестными методами без разрешения получая информацию из нашего компьютера. В общем, у нас слишком много с ней хлопот... Конечно, я скажу ей, что ты хочешь ее видеть... сегодня в шестнадцать тридцать. Всего доброго. Я думаю, в госпитале ветеранов будут счастливы видеть ее... ладно. – Он захихикал. – Спасибо, Джим. Давай, как-нибудь соберемся, поговорим.

Орен повесил трубку и дипломатически улыбнулся Мак-Лири. Затем повернулся к Сьюзен:

– Мисс Уилер, ваш декан, как вы уже слышали, хотел бы поговорить с вами сегодня в шестнадцать тридцать. С этого момента ваш профессиональный доступ в Мемориал аннулируется. Прощайте.

Сьюзен перевела взгляд с Орена на Мак-Лири и обратно. Выражение лица Мак-Лири не изменилось. На лице же Орена лучилась самодовольная улыбка, как будто он победил в споре. Молчание было ужасным. Сьюзен поняла, что представление закончилось, и вышла, не произнеся ни слова, захватив с собой пакет с униформой медсестры.

Среда, 25 февраля

11 часов 15 минут

Не в силах больше находиться в госпитале, Сьюзен убежала. Она шла сквозь редяющие толпы навстречу тусклому дождливому февральскому дню. Выйдя наружу, она побрела без определенной цели куда глаза глядят, погруженная в свои тяжелые думы. Сначала она повернула на Нью Чардон-стрит, а затем на Кэмбридж-стрит.

– Задницы, – прошипела она, поддавая ногой случайно попавшуюся под ноги жестянку из-под супа.

Легкий дождь распластал ее волосы по лбу. Маленькие капельки сливались и сползали на кончик носа. Она побрела вверх по Джой-стрит, с тыла заходя в Бикон-Хилл, озабоченная исключительно своими раздумьями. Ее глаза видели, но мозг не фиксировал окружающую ее суматоху, собак, кучи мусора и другие приметы, характерные для городской жизни.

Сьюзен не могла припомнить, когда еще чувствовала себя столь отверженной и отторгнутой. Она ощущала полное одиночество, и внезапная боязнь провала планов всей жизни снова возникла в ее запуганном сознании. На нее волнами накатывали гнев и депрессия, когда она перебирала в памяти разговор с Мак-Лири и Ореном. Она так хотела поговорить с кем-нибудь, чей бы совет она уважала и кому бы доверяла. Старк, Беллоуз, Чепмен, все кандидатуры имели недостатки. Объективность Беллоуза вызывала слишком большие сомнения. А в случаях Старка и Чепмена препятствием была их преувеличенная лояльность по отношению к своей работе.

Сьюзен думала о самом худшем – ее с позором могут выгнать из медицинской школы. Это было бы не только ее личным провалом, но и минусом для всех женщин, занимающихся медициной. Сьюзен хотела бы поговорить с какой-нибудь женщиной-врачом, но она не знала ни одной. В штате медицинской школы, конечно, было несколько таких женщин, но ни к одной из них, в силу их должностей, Сьюзен не было удобно обратиться.

В разгар этих мучительных размышлений Сьюзен почувствовала, что нога, на которую она перенесла свой вес при очередном шаге,

заскользила. Чтобы удержаться на ногах, ей пришлось схватиться рукой за стенку ближайшего здания. Ожидая самого худшего, она посмотрела себе под ноги и убедилась, что наступила на большую лепешку собачьих экскрементов.

– Проклятый Бикон-Хилл, – Сьюзен прокляла Бостон и все дерьмо в прямом и переносном смысле, которое допускали городские власти.

Отскабливая сапог о кромку тротуара, она чуть не задохнулась от смрада. При этом в ее голове мелькнула мысль о символическом значении этого происшествия. Может, и в больнице она наступила на кучу такого дерьма, и все, что ей оставалось, это поступать в отношении этого дела так же, как она старалась поступать в отношении городского дерьма – игнорировать его. Просто обойти мимо. Ее главной задачей было стать врачом, и выполнение ее должно превалировать над всем остальным. А Берман и Гринли не были ее заботой.

Дождь все продолжался, и ручейки текли по щекам Сьюзен. Теперь она тщательно смотрела под ноги, обходя многочисленные собачьи кучки, так же характерные для Бикон-Хилл, как газовые фонари и красный кирпич. Идти стало легче. Но она не могла так же отогнать чувство ответственности за Бермана и Гринли. Она снова подумала, что Нэнси Гринли столько же лет, сколько и ей. Она подумала о собственных проблемах во время менструаций, когда кровотечение было сильнее, чем обычно, о том, как это пугало ее, выводило из себя и заставляло чувствовать себя беспомощной. Ведь вполне могло оказаться так, что ей тоже понадобилось бы диагностическое выскабливание, и, может быть, это произошло бы в Мемориале.

Но сейчас ее выгнали из Мемориала, а может быть, и из медицинской школы. И поэтому она ничего не могла поделать, решилась она продолжать исследовать эту проблему или бросить ее. Сьюзен смущенно вспомнила о своем умонастроении, когда только начала заниматься этим делом. "Новая болезнь!" – Сьюзен засмеялась над своей суетностью и обманчивым чувством всемогущества.

Сьюзен направила свои шаги вниз по Пинкни-стрит, пересекла Чарльз-стрит и пошла к реке. Так же бесцельно, какой была и прогулка по Бикон-Хилл, она поднялась по ступеням на мост Логфелло. Стены

были исписаны броскими надписями, и Сьюзен помешкала, читая некоторые бессмысленные высказывания, безликие имена. В центре пролета моста она остановилась, глядя на реку в сторону Кембриджа, Гарварда и моста Бостонского университета. Река была покрыта кусками льдин, между которыми виднелись участки чистой воды, и была похожа на гигантское абстракционистское полотно. Стайка чаек неподвижно сидела на плавучей льдине.

Сьюзен не знала, что заставило ее посмотреть налево, откуда она пришла. Она увидела мужчину в темном пальто, который повернул к реке и остановился, когда Сьюзен посмотрела в его сторону. Затем Сьюзен снова вернулась к своим беспорядочным раздумьям, не удостоив мужчину ни единой мыслью. Но минут через пять – десять Сьюзен заметила, что мужчина не двигается с места. Он курил и глазел на реку и, видимо, так же безразлично относился к дождю, как и Сьюзен. Сьюзен подумала о странном совпадении, когда два человека в дождливый февральский день грустно размышляют над рекой, в то время как мост обычно был пустынен и в хорошую погоду.

Сьюзен пересекла мост в направлении Кембриджа и пошла по берегу реки к докам Морского Технологического института. Ей стало холодно, так как сырость проникла ей под воротник. Этот дискомфорт оказал на нее лечебное действие. Она тут же решила вернуться в общежитие и принять горячую ванну.

Она внезапно повернула, намереваясь вернуться обратно по мосту Лонгфелло и на метро доехать до дома, но остановилась. Тот же человек в темном пальто стоял на мосту метрах в девяноста от нее, уставясь на водное пространство Чарльз Ривер. Сьюзен ощутила необъяснимое беспокойство. Она изменила свои планы, только чтобы не проходить мимо этого мужчины. Она срежет угол кампуса Морского Технологического и выйдет к станции Кендалл.

Пересекая Мемориал-Драйв, она заметила, что человек двинулся в ее направлении. Сьюзен принялась убеждать себя, что глупо забивать себе голову каким-то незнакомцем. Она объяснила это тем, что гораздо ближе к необоснованной паранойе, видимо, из-за того, что огорчена больше, чем хочет себе признаться. Но чтобы окончательно увериться, она свернула и прошла до конца квартала, остановившись перед Политической библиотекой. Стараясь вести себя естественно, она поправила тесемки на своем пакете.

Человек показался почти сразу, но не свернул к библиотеке, а пересек улицу и скрылся из виду. Но Сьюзен все еще не была полностью убеждена, что он не преследует ее. Можно было с натяжкой предположить, что тактика незнакомца – ответ на ее нарочитые остановки. Сьюзен поднялась по ступенькам и вошла в библиотеку. Там она зашла в комнату для женщин и перевела дух. Зеркало отразило ее обеспокоенное лицо. Она подумала, что надо бы позвать кого-нибудь, но отбросила эту мысль. Что бы она могла сказать в свое оправдание, что не звучало бы смешно? Кроме того, она почувствовала себя лучше и была готова забыть этот эпизод, как причуду воображения.

Выходя из комнаты для женщин, она уже настолько обрела хладнокровие, что была способна оценить архитектуру библиотеки. Она была суперсовременной и отличалась простором. Не было ничего общего с перегруженной деталями напыщенностью, характерной для старых университетских библиотек. Стулья были обиты ярким оранжевым холстом. Полки и каталожные шкафчики были из полированного дуба.

Вдруг Сьюзен снова увидела этого мужчину. На этот раз на очень близком расстоянии. Она знала, что это он, хотя он не поднял взгляда от журнала, который, по-видимому, читал. Здесь, в библиотеке, он был явно не к месту со своим темным пальто, белой рубашкой и белым галстуком. Его прилизанные сияющие волосы наводили на мысль о многочисленных слоях Виталиса. Неправильное лицо было рябым от следов юношеских угрей.

Сьюзен поднялась на антресоли, неотрывно глядя на мужчину. Он и не собирался отрываться от своего чтения. С внешней стороны здания Сьюзен заметила переход между библиотекой и рядом стоящим зданием. Она нашла его и быстро перешла в соседнее строение, которое оказалось учебным корпусом с классами, заполненными людьми. Здесь Сьюзен почувствовала себя спокойнее и спустилась на первый этаж. Она покинула здание и быстрым шагом направилась к станции Кендалл.

Так как этот район был незнаком Сьюзен, ей понадобилось несколько минут, чтобы определить, где же вход в метро. Перед тем, как спуститься вниз, она заколебалась, оглядываясь по сторонам. К ее ужасу и изумлению человек в темном пальто был всего в квартале от

нее и двигался в ее сторону. Сьюзен ощутила сосущую пустоту в желудке, ее пульс участился. Она чувствовала, что не знает, что делать.

Легкий ветерок, подувший над ступеньками, и низкий угрожающий грохот заставили ее принять решение. Поезд подходил к станции. Поезд, заполненный людьми.

Едва контролируя охватившую ее панику, Сьюзен спустилась под землю. У турникета она попыталась нащупать монетку. Она знала, что несколько четвертаков всегда валяются в ее кармане, но в перчатке искать их было невозможно. Она сорвала перчатку и вытащила горсть мелочи. Несколько монеток упали и покатались по бетонному полу. Из поезда никто не вышел. Несколько человек равнодушно смотрели на беспорядочные усилия Сьюзен у турникета. Четвертак проскользнул в монетоприемник, и Сьюзен попыталась пройти через турникет. Дыхание у нее перехватило, когда рычаг стукнул ее по животу – она рванулась слишком быстро. Сьюзен бросила еще один четвертак в щель. Со второй попытки турникет пропустил ее так легко, что она ступила вперед, едва удержавшись на ногах. Двери поезда закрылись, когда она бежала к ним.

– Пожалуйста! – закричала она, когда поезд стал набирать скорость, удаляясь от станции.

Сьюзен пробежала вслед ему еще несколько шагов.

Когда конец поезда проплывал мимо нее, Сьюзен увидела сквозь стекло лицо кондуктора, глядевшее на нее с отсутствующим видом. Поезд быстро исчез в туннеле, пока Сьюзен, тяжело дыша, смотрела ему вслед.

Станция была совершенно пустынна. Платформа на противоположной стороне тоже была пустой. Звук удаляющегося поезда исчез поразительно быстро и сменился монотонным звуком капающей воды. "Кендалл Стейшен" не была особенно перегружена и поэтому не ремонтировалась. Когда-то модные мозаичные стены начали осыпаться, все вокруг напоминало запущенные археологические раскопки. Сажа покрывала все выступающие детали, а платформа была усыпана обрывками бумаги. С потолка свисали грязные сталактиты с набухающими на кончиках каплями сырости, как в известняковых пещерах Юкатана.

Сьюзен наклонилась над рельсами так далеко, как только могла, и заглянула в туннель со стороны Кембриджа, надеясь, что там

материализуется еще один поезд. Но как она ни напрягала слух, слышался только шум падающих капель. А затем послышались неспешные шаги по ведущим под землю ступенькам. Сьюзен рванулась к тщательно зарешеченному киоску для размена денег. Он был пуст. Надпись гласила, что работает он только в часы пик, с трех до пяти пополудни. Шаги на лестнице раздавались все ближе, и Сьюзен бросилась прочь от входа. Она развернулась и бросилась бежать к Кембриджскому концу платформы. Там, в конце станции, она снова заглянула в темноту туннеля. В ней не было ничего, кроме шума капающей воды. И шагов.

Оглянувшись на вход, Сьюзен увидела, как человек в темном пальто проходит сквозь турникет. Он остановился, складывая руки чашечкой, чтобы прикурить сигарету, и отбросил использованную спичку на рельсы. Откровенно не торопясь, он сделал несколько затяжек, а потом двинулся в сторону Сьюзен. Он, казалось, чувствовал что внушал страх. Металлическое эхо его шагов отдавалось все ближе и ближе.

Сьюзен захотела закричать или побежать, но не смогла сделать ни того, ни другого. Все происходило, как в кошмарном сне. Может быть, это все-таки цепь нелепых совпадений? Но внешний вид и выражение лица приближающегося мужчины убедили ее в обратном.

Сьюзен охватила паника. Она отходила все дальше в угол, пока, казалось, ей ничего не оставалось, как спрыгнуть в туннель. Несмотря на панику, она отвергла эту идею. Может, другая платформа? Она посмотрела через рельсовые пути на другую сторону. Между ними располагались колонны, подпирающие потолок станции, но протиснуться между рельсами было вполне реально. Однако, совсем рядом с подпорками, с обеих сторон от них, вдоль путей проходил третий рельс, который служил источником питания для поездов; напряжение и сила тока на нем были достаточны, чтобы изжарить любого во мгновение ока.

Примерно на глубине в три – шесть метров в туннеле эти подпорки кончались, а третий рельс переключался на внешнюю сторону соответствующей колеи. Сьюзен прикинула, что, в принципе, нетрудно вбежать в туннель настолько, чтобы обогнуть ряд подпорок. Таким образом она могла избежать перешагивания через третий рельс.

Человек был уже в пятнадцати метрах от нее, он щелчком отбросил недокуренную сигарету на рельсы. И, кажется, стал что-то доставать из кармана. Пистолет? Нет, не пистолет. Нож? Похоже.

Сьюзен больше не нуждалась в анализе ситуации. Она переложила пакет с униформой медсестры в правую руку и присела на корточки на краю платформы, уперев левую ладонь в пол. Затем она прыгнула вниз на рельсы с высоты метра в полтора, приземлившись на согнутые ноги, чем смягчила удар. Через мгновение, она была на ногах и бежала в туннель.

Паника полностью захватила ее, и она споткнулась на деревянных шпалах, упав в сторону третьего рельса. Инстинктивно выпустив пакет из рук, она успела схватиться за подпорку, умудрившись изогнуться буквально в десятке сантиметров от третьего рельса во время падения. Когда Сьюзен падала, левой рукой она выбила маленький кусочек дерева, который подскочил и приземлился совсем рядом с третьим рельсом. Вспышка электрического света, хлопающий звук – и кусочек дерева превратился в пепел. Острый запах электрической гари наполнил воздух.

Подтянув ногу, несмотря на острую боль в лодыжке, и автоматически подобрал свой пакет, Сьюзен снова попыталась бежать по шпалам. Но прямо при входе в туннель на путях была путаница из стрелок, превращающая путь в клубок рельсов и шпал. Не увидев всего этого под ногами, Сьюзен снова оступилась. Ее подволакивающаяся, нога попала в развилку двух рельсов и зацепилась. Сьюзен вновь упала.

Каждое мгновение ожидая, что преследователь настигнет ее, Сьюзен преодолевая боль, встала на одно колено. Ее левая нога была зажата между двумя рельсами. Она старалась рывками вперед вытащить ее. Все, чего она добилась – была усилившаяся боль в лодыжке. Нагнувшись, она в отчаянии попыталась вытащить ногу руками. Сьюзен не позволяла себе глядеть назад.

Внезапно жуткий скрежет наполнил воздух, заставив Сьюзен оставить свою ногу в покое и почти задохнуться. Она подумала, что с ней что-то случилось, но она еще жива. Затем скрежет повторился, шум был настолько сильным для этой подземной пещеры, что Сьюзен инстинктивно закрыла уши руками. Но даже при этом шум вызывал у

нее острую боль в среднем ухе. Потом она поняла, что это за шум. Это был поезд! Это был пронзительный свисток приближающегося поезда!

Сьюзен посмотрела во тьму туннеля и увидела сноп света, пробивающий тьму. Девушка уже начала ощущать грозные вибрации стальных рельсов. Затем возник новый звук, еще более громкий и пронзительный, чем свист. Это был скрежет стали, который производили колеса поезда, тщетно пытающегося затормозить, поскольку, инерция была слишком велика.

Сьюзен не знала, между какими рельсами застряла ее нога, и пройдет ли по ним поезд. Свет, казалось, летел прямо на нее. Отчаянным, маниакальным усилием она вытащила ногу из сапога и дернулась в сторону противоположной колеи. Ее вытянутые руки смягчили падение, когда она растянулась поперек рельсов. Рефлекторно она сжалась в комок и прикрыла голову руками. Вибрация и грохот нарастали, и, рассекая воздух, поезд прошел в полутора метрах от нее.

Несколько мгновений Сьюзен не двигалась. Она не могла поверить в то, что случилось. Ее сердце билось в горле, а руки стали мокрыми. Но она была жива, и, если не считать нескольких ушибов, с ней было все в порядке. Ее пальто порвалось, несколько пуговиц отлетело. Жирная полоса какой-то смазки пересекала пальто и белый лабораторный халат под ним. Ее авторучки и карандаш-фонарик вывалились, рассыпавшись в туннеле. Один наушник стетоскопа свернулся в сторону.

Она встала, стряхнула с себя мусор и занялась сапогом. Просто нажимая на пятку и поднимая носок, Сьюзен с легкостью, неправдоподобной с учетом ее предыдущих усилий, вытащила сапог. Справившись с этим, она увидела нескольких мужчин, бегущих к ней с фонарями.

Когда Сьюзен помогли подняться на платформу, все происшедшее стало казаться ей плодом ее больного воображения, как будто она была вне себя. Никакого мужчины в темном пальто не было. Была только большая толпа людей, громко и возбужденно обсуждающих между собой, что случилось и что могло случиться. Кто-то нашел ее пакет на путях и принес ей.

Сьюзен сказала, что никаких травм у нее нет. Она подумала о том, нужно ли сообщать о мужчине, но ей снова начало казаться, что он

существует только в ее воображении. Она пережила страшную панику и все еще была перевозбуждена. Она не хотела думать ни о чем и желала только побыстрее попасть домой.

Пятнадцать минут понадобилось ей, чтобы убедить персонал метро в том, что она просто поскользнулась и упала с края платформы, а сейчас чувствует себя отлично и совершенно не нуждается в медицинской помощи. Сьюзен настаивала, что все, что ей нужно, это доехать до станции "Парк-стрит", чтобы там пересесть на Гантингтонскую линию. Наконец, Сьюзен и все остальные сели в поезд, двери закрылись, и поезд отъехал от станции.

Сьюзен исследовала свою одежду при свете. Она заметила, что сидящий напротив нее мужчина неотрывно пялится на нее. И женщина рядом с ним тоже. И когда глаза Сьюзен обежали вагон, она поняла, что все пристально разглядывают ее, как какого-то уродца. Видеть эти глаза и лица было невыносимо. Она старалась смотреть по сторонам, так как поезд в это время пересекал мост Лонгфелло. Вокруг не было слышно ни одного слова, все упорно глядели на нее.

Поезд прибыл на Чарльз-стрит. С огромным облегчением Сьюзен выскочила из вагона и побежала вдоль платформы. Перед аптекой Филлипса она поймала такси. Только здесь она начала приходить в себя. Глядя на свои руки, Сьюзен обнаружила, что они сильно трясутся.

Среда, 25 февраля
13 часов 30 минут

К половине второго дня Беллоуз отработал уже целый рабочий день по обычным человеческим стандартам. Физически он не устал, так как хорошо приспособился к такому режиму работы. Но эмоционально он был утомлен и раздражен. День для него начался так хорошо: он проснулся рядом со Сьюзен. Он безмерно наслаждался этим вечером, проведенным вдвоем, хотя и сомневался, что возникшая связь сможет продлиться долго. Сьюзен совсем не была похожа на тех девушек, с которыми он обычно встречался. Ничего не было в ней от простушки с широко раскрытыми наивными глазами, которая была для Беллоуза идеалом женщины. К его приятному изумлению и вопреки всем его страхам, заниматься любовью со Сьюзен оказалось самым естественным делом, и никакого привкуса агрессии, хотя и Беллоуз считал его нормальным в сексе, он не ощущал. Сьюзен и его собственная реакция на нее оставались для Беллоуза настоящей загадкой.

Когда он встал, чтобы идти на работу, а Сьюзен осталась спать в его кровати, то он почувствовал определенное удовлетворение от этой ситуации. Это делало его роль такой традиционной. Если бы Сьюзен тоже встала и отправилась с ним в госпиталь, это бы свело к нулю чувство самопожертвования, которое он испытывал. А чувство самопожертвования было для Беллоуза неиссякаемым источником самоудовлетворения.

Но затем день начал становиться все хуже и хуже. К ужасу Беллоуза, на раннем утреннем обходе неожиданно появился Старк, и к тому же явно в мстительном настроении. Старк начал обход с того, что спросил Беллоуза, что же он сделал с той хорошенькой студенткой из его группы, что она не может показываться на обходах. Беллоуз внутренне затрясся, понимая, что двусмысленное замечание Старка на самом деле было гораздо ближе к истине, чем сам Старк подозревал. Ведь Беллоуз знал, что в этот момент Сьюзен спит в его кровати.

Вопрос Старка вызвал хихиканье и несколько фальшивых реплик со стороны остальных участников обхода. Беллоуз почувствовал, как

его щеки защищало от прилившей к лицу крови. И одновременно им овладело глубокое уныние.

Не успел Беллоуз что-нибудь вставить в ответ, как Старк разразился длинной речью о посещаемости и заинтересованности, исполнительности и награде за труд. Он прозрачно дал понять Беллоузу, что следующее отсутствие Сьюзен на обходах будет расцениваться как минус самому Беллоузу. Беллоуз должен был лично озаботиться тем, чтобы все прикрепленные к нему студенты прилежно посещали занятия.

Во время обхода Старк был такой же злобный, как и всегда, но при этом награждал Беллоуза особым вниманием. Почти по каждому больному Беллоуз получал особо каверзные вопросы, а его ответы никак не удовлетворяли разгневанного шефа. Даже некоторые другие ординаторы поняли, что Беллоузу делают выговор, и постарались вмешаться в избиение, отвечая на вопросы, даже когда они были прямо адресованы Беллоузу.

После обхода Старк отозвал Беллоуза в сторону и сказал ему, что сейчас тот работает не на своем обычном уровне и не соответствует тому, что от него ожидали в отделении. Но под конец Старк все же подошел к тому, что беспокоило его по-настоящему. После довольно длинной паузы заведующий хирургией спросил Беллоуза, какую же в действительности роль тот играл в деле с лекарствами, найденными в шкафчике 338.

Беллоуз отрицал, что имеет хоть какое-нибудь представление о том, откуда там взялись лекарства, и утверждал, что знает лишь то, что ему сказал Чендлер. Беллоуз прямо сказал Старку, что пользовался этим шкафчиком только неделю перед тем, как его собственный шкафчик освободился. Единственный комментарий со стороны Старка состоял в пожелании, чтобы это дело прояснилось как можно скорее.

Как ни слабо Беллоуз был связан с этим делом, оно уже причинило ему непропорционально большую долю неприятностей. В своем воображении он превратил эту историю из мухи в слона. И тенденция к профессиональной паранойе, всегда присутствовавшая в его сознании, получила новую пищу. В результате, когда утро прошло, его беспокойство еще больше возросло.

Этим утром Беллоуз оперировал двух больных, позволив студентам присутствовать на этих операциях. Для первой операции

помылись Гольдберг и Файрвизер, но скорее, чтобы намочить руки, чем оказать реальную помощь. Перед второй операцией мылись Карпин и Найлз. Беллоуз был особенно внимателен к Найлзу, подбадривал его и был вознагражден за это. Больше никаких обмороков не было. Фактически, Найлз оказался самым старательным и ловким из студентов и был даже допущен к наложению швов.

Во время обеденного перерыва Беллоуз нашел возможность загнать Чендлера в угол. Тот снова и снова повторял то, что Беллоуз уже и так знал – что Старк чрезвычайно озабочен и раздражен этой историей с лекарствами.

– Но ведь дело выеденного яйца не стоит, – сказал Беллоуз. – Все, что нужно, чтобы снять меня с крючка, это Старку поговорить с Вальтерсом. Он уже говорил с ним?

– Я и сам не говорил с Вальтерсом, – ответил Чендлер. – Я пошел в оперблок, чтобы найти его, но оказалось, что он до сих пор там не появился. Сегодня его никто не видел.

– Вальтерса? – поразился Беллоуз. – Да он не пропустил ни одного дня за четверть века.

– А что я могу сказать? Его нет.

Беллоуз отреагировал на это тем, что отправился в отдел кадров, чтобы узнать домашний телефон Вальтерса. И узнал, что у Вальтерса не было телефона. Беллоузу пришлось удовлетвориться адресом: 1833 Стюарт-стрит, Роксбьюри.

К половине второго Беллоуз был раздражен еще больше. Еще раз позвонив на пост в оперблок, он удостоверился, что Вальтерс не появился на работе, и принял решение потратить время и нанести визит домой Вальтерсу. Беллоуз посчитал, что это единственный способ обелить себя в этой истории с лекарствами. Для Беллоуза было совершенно необычным выходить из больницы в середине дня, так что решение далось ему нелегко. Но за последние сорок восемь часов у него возникло угнетающее чувство, что его приятное и многообещающее положение в Мемориале подвергается опасности. И причиной этому послужили две проблемы: первая – проблема с лекарствами – была относительно простой, так как он, в действительности, не был причастен к этой истории, и ему требовалось только установить этот факт; вторая – Сьюзен и ее так называемое расследование – была совсем другого рода.

Беллоуз умудрился перепоручить своих студентов доктору Ларри Беарду, внуку того самого Беарда, на деньги которого был построен корпус Беард. Затем он проинформировал оператора системы оповещения, а приятель, ординатор по имени Норрис, выразил желание прикрыть его на часок. Итак, Беллоуз выскользнул из больницы в час тридцать семь и поймал такси.

– Стюарт-стрит, Роксбьюри? Вы уверены в этом? – лицо таксиста приняло вопросительно-презрительное выражение, когда Беллоуз назвал ему адрес.

– Номер 1833, – добавил Беллоуз.

– Ну что ж, деньги ваши.

Город с грязными тающими кучами снега, разбросанными там и сям, производил гнетущее впечатление. Дождь шел почти так же сильно, как утром, когда Беллоуз шел на работу. По дороге попадалось очень мало людей. На непривычный взгляд, город напоминал покинутые города индейцев майя. Все выглядело так, как будто из-за всеобщего упадка всем только и оставалось, как заколотить двери и уйти.

Такси все глубже и глубже забиралось в район Роксбьюри, а пейзаж становился все тягостней. Путь лежал сквозь кварталы разрушенных пакгаузов, потом через гниющие трущобы. Нулевая температура, неумолимый дождь, гнилой полурастаявший снег только усугубляли гнетущее впечатление. Наконец такси повернуло направо, и Беллоуз наклонился вперед, успев прочитать табличку с названием улицы – "Стюарт-стрит". В это самое время переднее правое колесо машины попало в колдобину, наполненную дождевой водой, и дно передней части кузова заскребло по мостовой. Шофер выругался и крутанул руль вправо, чтобы не попасть в эту рытвину задним колесом. Но задняя часть машины сначала рухнула вниз, а потом с лязгом подскочила. Беллоуз при этом сильно стукнулся головой о потолок салона.

– Извините, но вы сами пожелали Стюарт-стрит!

Потирая ушибленную голову, Беллоуз следил за номерами домов: 1831, а затем 1833. Заплатив таксисту, он вышел из машины и захлопнул за собою дверь. Такси резво рванулось с места, петляя между колдобинами, и быстро скрылось из виду. Беллоуз проводил его взглядом, жалея, что не договорился с шофером, чтобы тот его

подождал. Затем огляделся, радуясь, что дождь прекратился. Рядом стояло несколько распотрошенных автомобильных остовов, из которых было унесено все хоть мало-мальски ценное. Больше никаких припаркованных машин, никакого движения на этой зловещей улице не было. И ни одной живой души. Когда Беллоуз осмотрел дом, стоящий перед ним, он понял, что тот покинут, так как большинство окон было забито досками. Тогда он посмотрел на соседние дома. То же самое. Большинство окон заколочено, остальные разбиты вдребезги.

Побитая табличка на парадной двери сообщала, что здание признано негодным для проживания и принадлежит жилищному отделу Бостонского муниципалитета. На табличке стоял 1971-й год. Этот был еще один Бостонский проект, который с треском провалился.

Беллоуз находился в полном замешательстве. Телефона у Вальтерса не было, а адрес, по-видимому, оказался фальшивым. Вспоминая внешность Вальтерса, Беллоуз подумал, что это не удивительно. Любопытство заставило Беллоуза подняться по ступенькам, чтобы прочитать муниципальную табличку. Рядом висела еще одна табличка "Прохода нет", уведомлявшая, что застройка находится под присмотром полиции.

Дверь еще выглядела достаточно привлекательно со своим большим овальным окном. Но стекло в нем было разбито, а оконное отверстие, крест-накрест забито грубо выломанными деревяшками из старой мебели. Беллоуз толкнул дверь, и, к его изумлению, она открылась. Одна из железных перекладин, держащих засов, была полуоторвана, а шурупы вывернуты, несмотря на то, что на засове висел большой стальной замок.

Дверь открылась, со скрежетом протащившись по осколкам разбитого стекла. Беллоуз посмотрел по сторонам пустынной улицы, а потом перешагнул через порог. Дверь быстро закрылась за ним, отрезая путь и без того небогатому дневному свету. Беллоуз подождал, пока его глаза привыкнут к полутьме.

Холл, в котором стоял Беллоуз, находился в плачевном состоянии. Ступеньки вверх начинались почти у самых его ног, Перила были сорваны и порублены, скорее всего на дрова. Обои свисали длинными полосами. На мусоре, покрывавшем пол, виднелся небольшой снеговой нанос, простирающийся в глубь холла метра на два. Перед

собой Беллоуз увидел несколько отпечатков чьих-то ног. Исследовав их более внимательно, он мог утверждать, что здесь прошли, по крайней мере, два человека. Следы от ног одного были огромные, раза в полтора больше, чем от ног Беллоуза. Но интереснее всего было то, что следы выглядели свежими.

Вдруг Беллоуз услышал шум проезжающей по улице машины и выпрямился. Понимая, что зашел туда, куда заходить не следовало, Беллоуз бросился к одному из забитых окон, чтобы посмотреть, не проехала ли машина. Она уже скрылась.

Затем он поднялся по ступенькам и частично обследовал второй этаж. Там единственным предметом обстановки были несколько распотрошенных тюфяков. Воздух был заплесневелый и тяжелый. Потолок в передней комнате провалился, и пол был усыпан кусками штукатурки. В каждой комнате находился камин, пол был покрыт слоем отбросов, а в углах висела пыльная паутина.

Беллоуз посмотрел вверх на третий этаж, но решил туда не подниматься. Вместо этого он вернулся на первый этаж и уже собрался выходить из дома, как внезапно услышал звук. Это был мягкий глухой звук падающего тела, который шел из глубины дома.

Чувствуя, как его пульс начинает учащаться, Беллоуз поколебался. С одной стороны, ему хотелось уйти из этого места, которое внушало ему тревогу. Но звук повторился, и Беллоуз направился в глубину холла. В конце холла он свернул направо, в комнату, которая когда-то была столовой. Арматура для газовой люстры все еще висела в центре потолка. Пройдя через столовую, Беллоуз оказался в развалинах кухни. Из нее вынесено было все, остались только голые трубы, выходящие из пола.

Заднее окно было забито досками, как и окна в холле.

Беллоуз едва зашел в кухню, как вдруг почувствовал движение слева от себя и застыл на месте. Его сердце с бешеной скоростью колотилось о ребра. Движение обнаружилось в районе нескольких больших картонных коробок.

Оправившись от первого испуга, Беллоуз быстро подошел к коробкам и ногой поддел их. К его ужасу, из-под коробок выскользнуло несколько здоровых крыс, юркнувших в сторону столовой.

Беллоуз сам удивился своей нервозности. Он всегда считал себя спокойным и думал, что его трудно чем-нибудь потрясти. Но первой

реакцией на крыс у него был парализующий страх, от которого он не мог прийти в себя несколько минут. Он постучал ногой по коробкам, чтобы убедиться, что полностью держит себя в руках, и уже собрался возвращаться в столовую, как вдруг увидел еще несколько отпечатков ног на пыли возле коробок. Посмотрев назад на только что оставленные свои собственные следы, он убедился, что найденные отпечатки совсем свежие. Прямо за коробками находилась дверь, приоткрытая на несколько сантиметров. Следы скрывались за ней.

Беллоуз подошел к двери и медленно ее отворил. За ней пряталась тьма и ступеньки, уходившие в нее. Ступеньки вели, скорее всего, в подвал, но быстро пропадали в темноте. Беллоуз полез в нагрудный карман своего белого халата и достал оттуда карандаш-фонарик. Включив его, он обнаружил, что тонкий луч пробивает тьму только метра на два.

Благоразумие кричало ему, чтобы он уходил из этого дома. Но он начал спускаться по ступенькам, скорее чтобы доказать себе, что не боится, чем для того, чтобы выяснить, куда же они ведут. Он был очень напуган. Воображение его работало всегда очень живо, и он вспомнил, какое впечатление производили на него фильмы ужасов. Беллоуз представляя себе сцену на подвальных ступеньках из "Психо".

Так он продвигался шаг за шагом, пока луч фонарика не уперся в закрытую дверь. Беллоуз исследовал ее, а затем нащупал ручку. Дверь открылась очень легко.

Беллоуз ожидал, что в помещении могут сказаться хоть какие-нибудь подвальные окна, пропускавшие свет, но там царил полная тьма. Он напряженно вглядывался в тьму, прорезаемую слабым лучом его карандаша-фонарика, пока не понял, что попал в довольно большую комнату. Но его фонарик был плохой подмогой на расстоянии большем, чем два метра. Двигаясь по комнате по часовой стрелке, Беллоуз обнаружил несколько поломанных, но вполне пригодных к употреблению предметов обстановки, включая кровать, покрытую газетами и двумя проеденными молью одеялами. Несколько тараканов, попав под луч света, принялись спасаться бегством.

Здесь был также камин с большой стопкой дров, сложенной в очаге. В очаге был и пепел, что позволяло предположить, что в нем недавно разводили огонь. Беллоуз подошел и вытащил одну из газет, чтобы проверить дату на ней. Газета была за 3 февраля 1976 года.

Бросив газету на пол, Беллоуз увидел еще одну дверь, приоткрытую сантиметров на двадцать. Он направился в ее сторону, но вдруг фонарик без предупреждения погас: его миниатюрные батарейки истощились от длительного использования. Беллоуз выключил фонарик, в надежде, что так он хоть немного подзарядится. Беллоуз находился в темноте столь плотной, что буквально не видел кончика своего носа. И так как в темноте он не мог двигаться, вокруг воцарилась полная тишина.

Такое полное отключение органов чувств в этом зловещем окружении привело к тому, что Беллоуз зажег фонарик гораздо раньше, чем собирался. Луч света стал гораздо сильнее, и Беллоуз смог увидеть белый кафель на полу комнаты, скрывающейся за дверью. Это была ванная.

Беллоуз толкнул дверь. Она с трудом двигалась на петлях, как будто была сделана из свинца. Скучный дрожащий луч высветил туалетный стульчак без сиденья прямо напротив двери. Когда дверь полуоткрылась, Беллоуз наклонился и просунул в нее голову. Справа находилась раковина умывальника. Луч поднялся выше, где на стене висел медицинский шкафчик с зеркалом в дверце.

Беллоуз закричал совершенно непроизвольно. Это был первобытный ответ, шедший из глубины подсознания. Карандаш-фонарик вылетел из его рук на кафельный пол и разбился. Беллоуз внезапно очутился в полной тьме. Он повернулся и побежал по направлению к ступенькам, спотыкаясь по дороге о мебель и падая. Его охватила паника, и он стукнулся о стену, вместо того, чтобы попасть на лестницу. Шаря рукой по стене, он дошел до угла комнаты и понял, что удалился слишком далеко. Он повернулся и пошел в обратном направлении. Только тогда он наткнулся на лестницу и увидел слабый дневной свет сверху.

Он помчался вверх по ступенькам, пробежал сквозь дом и выскочил на улицу. Когда он остановился, его трудная клетка тяжело вздымалась от затрудненного дыхания, правая рука кровоточила: он ее поранил во время падения в темноте. Он обернулся на дом, стараясь реконструировать в воображении то, что там увидел.

Он нашел Вальтерса. В зеркальце медицинского шкафчика Беллоуз увидел Вальтерса с веревочной петлей на шее, висящего на крюке, вбитом в дверь. Лицо Вальтерса было ужасно перекошено и

раздуто от застоявшейся крови. Глаза были широко открыты и чуть не выскакивали из орбит. Беллоузу приходилось видеть малоприятные вещи, работая на "скорой помощи", но в своей жизни он не видел более отвратительного зрелища, чем тело Вальтерса.

Среда, 25 февраля
16 часов 30 минут

Сьюзен вошла в деканат с некоторым трепетом, но поведение доктора Джеймса Чепмена быстро ее успокоило. Он, вопреки ее ожиданиям, не был зол, а только озабочен. Он всегда выглядел одинаково – маленький человечек с тщательно причесанными темными волосами, в неизменном костюме-тройке, с золотой цепочкой, на которой висел брелок студенческого общества Фи-Бета-Каппа. Обычно, произнося длинную речь, доктор Чепмен делал паузы и улыбался, но не от избытка эмоций, а для того, чтобы студенты расслабились. Эта его отличительная черта была весьма привлекательной.

Как и должно было быть в университетских стенах, обстановка в кабинете декана была более располагающей, чем в офисах Мемориала. На столе стояла бронзовая антикварная лампа, кресла в черном академическом стиле на спинках имели эмблемы медицинской школы. Пол украшал яркий восточный ковер. На дальней стене кабинета висели фотографии выпускников школы прошлых лет.

Обменявшись с деканом несколькими традиционными приветственными фразами, Сьюзен села напротив доктора Чепмена. Декан снял очки и осторожно положил их на свои бумаги.

– Сьюзен, почему вы не пришли ко мне и не обсудили это дело прежде, чем оно вышло из-под контроля? Прежде всего, это именно то, для чего я здесь нахожусь. Вы таким образом могли избавить от большого количества неприятностей не только себя, но и всю школу. Я стараюсь, чтобы все, по возможности, были довольны. Очевидно, что сделать счастливым каждого невозможно, но я делаю для этого максимум разумного. К тому же, когда возникают такие специфические проблемы, меня необходимо предупреждать. Я должен знать и о том, что дела идут хорошо, и о том, что они идут плохо.

Сьюзен кивнула головой, соглашаясь со словами доктора Чепмена. На ней была одета все еще та самая одежда, в которой она была, когда приключилось это ужасное происшествие в метро. На

обоих коленях виднелись ссадины. Пакет с униформой медсестры лежал на коленях. Она выглядела хуже, чем было на самом деле.

– Доктор Чепмен, вся эта история началась так невинно. Первые дни в клинике всегда тяжело переносить, а тут я столкнулась с целой серией необъяснимых случайностей. Мне пришлось много работать в библиотеке. Я начала просматривать литературу по осложнениям анестезии скорее для того, чтобы собраться с мыслями, чем для того, чтобы кого-то поучать. Я думала, что закончу с этим за день-два и вернусь к клиническим занятиям. Но когда я в это втянулась, то узнала информацию, которая меня так поразила, что я думаю теперь... может быть... вы будете смеяться, когда я это вам скажу. Я сама не могу без смущения об этом думать.

– Попробуйте объяснить.

– Мне кажется, что эти осложнения – новое заболевание, или синдром, или, по крайней мере, реакция на лекарство.

Лицо доктора Чепмена осветилось искренней улыбкой:

– Новая болезнь! Что может быть удачнее для любого начинающего в клинике. Ладно, так или иначе, такие чувства обычно быстро проходят. Я полагаю, сейчас вы думаете по-другому?

– Поверьте мне, пожалуйста. У меня сработал инстинкт самосохранения. Кроме того, мне начали казаться странные вещи. Мне кажется, что сегодня днем у меня была какая-то паранойя. Я была настолько убеждена, что меня кто-то преследует, что действительно запаниковала. Посмотрите на мои колени и мою одежду, если вы еще не обратили на это внимания. Короче говоря, я пыталась перебежать через рельсы с одной платформы на другую на станции Кендалл. Идиотизм! – Сьюзен легко постучала указательным пальцем по виску. – После всего этого я поняла, что следует вернуться в нормальное состояние. Как можно быстрее, прямо сейчас. Но меня все еще не оставляет мысль, что в этих случаях комы в Мемориале есть что-то очень странное и, хотела бы, по возможности, продолжить свои исследования. Вероятно, таких случаев существует больше, чем я сначала предполагала, и, может быть, поэтому доктор Гаррис и доктор Мак-Лири так разозлились на мое беспардонное вторжение. Так или иначе, я страшно сожалею, что создала проблемы для вас в Мемориале. Само собой разумеется, я не хотела этого.

– Сьюзен, Мемориал большой. Может быть, все еще обойдется. Правда, естественно, что из-за этой истории я буду вынужден переключить вас на хирургический цикл в госпиталь Администрации по Делах Ветеранов. У меня уже есть с ними договоренность, а вы завтра проинформируйте доктора Роберта Пайлса, – доктор Чепмен остановился, внимательно глядя на Сьюзен. – Сьюзен, перед вами длинная дорога. На ней у вас будет достаточно времени для открытия новых синдромов или болезней, если уж вы так этого хотите. Но теперь, сегодня, в этом году вашей основной целью должно быть фундаментальное медицинское образование. Предоставьте Гаррису и Мак-Лири заниматься случаями комы. Я хочу, чтобы вы вернулись к учебе, потому что никогда не ждал иных, кроме как отличных, отзывов о вас. Вы всегда так отлично успевали!

Сьюзен вышла из административного здания медицинской школы с легким чувством эйфории. Она чувствовала, что всемогущий доктор Чепмен отпустил ей все грехи. Ужасная перспектива быть с позором изгнанной из медицинской школы исчезла. Конечно, перспектива проходить хирургический цикл в госпитале ветеранов была не так уж блестяща, Мемориал был больницей получше, но, по сравнению с тем, что могло произойти, это было только досадной неприятностью.

Хотя было чуть больше пяти, зимняя ночь уже вступила в свои права. Холодный воздушный фронт вытеснил теплый воздух Атлантики, и дождь прекратился, Температура резко упала до четырнадцати градусов мороза. Прямо над головой в небе сияли яркие звезды. На горизонте звезды пропадали, их свет не мог пробиться через ядовитую городскую атмосферу. Сьюзен перебежала Лонгвуд-авеню, лавируя между машинами, попавшими в очередную пробку.

В холле общежития Сьюзен проскочила мимо нескольких знакомых, которые тут же обратили внимание на ее разодранные колени и грязные отпечатки от рельсов на пальто. Раздалось несколько шуточных комментариев о том, как же это проходит хирургический цикл в Мемориале, если после занятий Сьюзен выглядит, как после шумного скандала в захудалом баре. Шутки были довольно остроумны, и Сьюзен почти остановилась, чтобы парировать сыпавшиеся на нее остроты, но вместо этого быстро проскочила холл и пересекла двор. Теннисный корт в его центре имел печальный и запущенный зимний вид.

Истоптанная тысячами ног деревянная лестница вела наверх, и Сьюзен стала медленно подниматься по ней, предвкушая впереди безопасность и одиночество, которые обещала ей ее комната. Она собиралась основательно принять ванну, рассортировать все дневные мысли, и прежде всего, расслабиться.

Как и обычно, Сьюзен вошла в комнату и, не включая света, заперла дверь. На закрывание двери автоматически сработала круглая флюоресцентная лампа на потолке, но Сьюзен предпочитала более теплый свет обычной лампочки, включая прикроватную лампу или современный торшер у стола. При слабом освещении, проникавшем с улицы, Сьюзен подошла к кровати, чтобы зажечь лампу, но, коснувшись выключателя, услышала какой-то звук. Он не был громким, но заставил ее насторожиться, так как не был частью обычных шумов в ее комнате. Этот шум был инородным. Сьюзен включила свет, прислушиваясь, не повторится ли звук, но этого не произошло. Сьюзен решила, что он донесся из соседней комнаты.

Сняв и повесив свое пальто и белый халат, она распаковала новую медсестринскую униформу. Форма перенесла дневное приключение на удивление успешно. Затем, расстегнув и сняв блузку, она бросила ее в пакет для грязного белья, лежавший на деревянном стуле. Туда же последовал бюстгальтер. Заведя левую руку за спину, она начала бороться с пуговицей на юбке. Тем временем она направилась в ванную.

Она открыла дверь в ванную и включила свет, чтобы рассмотреть себя в зеркале. Вдруг душевая занавеска была сметена в сторону с неприятным визгом пластиковых крючков по металлу, и незнакомая фигура выпрыгнула из ванной в комнату. Почти одновременно флюоресцентная лампа замигала и вспыхнула, заливая ванную своим неприятным искусственным светом. Перед лицом Сьюзен сверкнуло лезвие ножа. Она инстинктивно отклонилась назад, ударившись о стену ванной. Рефлекторно она напряглась и взмахнула руками, пытаясь сохранить равновесие. Все это случилось так быстро, что она даже не успела среагировать. Крик замер у нее в горле.

Непрошенный гость схватил Сьюзен левой рукой за горло, заставив ее вытянуться в полный рост у стены: обнаженная грудь ее напряглась. Сьюзен раньше приходилось думать о том, как она будет действовать в случае нападения – даст коленом в пах или резко ткнет

пальцами в глаза, – но сейчас она не смогла ничего сделать, только судорожно дышала и с ужасом смотрела на своего противника. Глаза ее распахнулись до предела. Ее переполняла ярость, вызванная неожиданным нападением. Но руки, державшие ее, были слишком сильны. Она узнала этого человека. Они уже встречались на платформе подземки.

– Один звук – и ты умрешь, крошка, – прошептал мужчина, поднося правой рукой нож к подбородку Сьюзен.

Так же неожиданно и грубо, как он первоначально схватил горло Сьюзен, человек отпустил руки, и Сьюзен, качнувшись вперед, упала. Он дал ей жестокую пощечину, рассекшую ей губу, так что у нее ослабли Руки и колени, а на левой скуле даже лопнули капилляры. Сьюзен сползла на колени.

Пинком ноги незнакомец заставил Сьюзен подняться с колен. Затем жестоким ударом он снова опрокинул ее к стене, и она упала, ударившись рукой об унитаз. Капли крови, стекавшие из угла ее рта, падали на бледную грудь. Облик мужчины в ее глазах начал расплываться.

Когда ее глаза смогли сфокусироваться, она увидела его рябое лицо, ослабившееся в отвратительной ухмылке. Сьюзен почувствовала, что не способна выдать из себя ни слова.

– Как жалко, что мне поручили только навестить тебя и побеседовать. Как говорят в моем бизнесе, установить предварительный контакт. А сообщение очень простое. Есть немало людей, которые очень, очень недовольны тем, чем ты занимаешься в последнее время. Если же ты не вернешься к своим обычным делам и не прекратишь надоедать людям, то я приду проведать тебя еще раз, – мужчина сделал паузу, чтобы сказанное лучше запечатлелось. Затем он продолжил: – И чтобы еще более тебя подбодрить – вот этому парню тоже придется встретиться со мной, и эта встреча может иметь неожиданные, серьезные и даже фатальные последствия.

Незнакомец бросил к ногам Сьюзен фотографию, она медленным движением подобрала ее.

– И я уверен, что ты не хочешь, чтобы твой брат Джеймс, там в Купере, в Мериленде, пострадал от твоих занятий. И еще. Я не сказал, что наша маленькая беседа должна остаться между нами. Если ты обратишься в полицию, наказание не заставит себя ждать.

Не говоря больше ничего, человек выскользнул из комнаты. Сьюзен услышала, как открылась и быстро закрылась входная дверь ее комнаты. Единственным звуком в тишине осталось гудение флюоресцентной лампы над зеркалом. Она не шевелилась несколько минут, будучи не уверена, действительно ли этот человек ушел; Одной рукой она все еще опиралась на унитаз.

Ужас понемногу отпускал ее, вместо него возникали обида и ярость. Слезы наполнили глаза. Она подняла фотографию своего младшего брата, на которой он был изображен стоящим рядом с велосипедом перед домом родителей и весело улыбающимся. "Господи!" – сказала Сьюзен, качая в отчаянии головой и крепко сжав глаза. Слезы покатались из ее глаз и потекли по щекам. Не было никаких сомнений, что фотография подлинная.

Звук шагов в холле насторожил Сьюзен, она поднялась на ноги. Но шаги удалились, минуя ее дверь, и звук их замер в холле. Сьюзен вернулась в спальню и заперла дверь. Поворачиваясь во все стороны, она осмотрела комнату. Все казалось нетронутым. Внезапно она почувствовала, что промокла. Не веря себе, она пощупала рукой, и поняла, что от страха обмочилась.

Ее эмоции начали переходить в напряженные раздумья, которые опять заставили ее заплакать. В последние несколько дней произошло множество необъяснимых происшествий, и теперь одна мысль очень определенно сформировалась в сознании Сьюзен. Теперь она была более чем уверена, что вошла в какое-то очень серьезное дело.

Глядя в зеркало, Сьюзен внимательно рассмотрела свои раны. Ее левый глаз опух, на нем мог появиться большой синяк. На левой скуле была ссадина размером в четверть доллара, а нижняя губа вздулась и болела. Осторожно отогнув губу, она увидела рваную рану размером два-три миллиметра. Вероятно это произошло от удара губы о зубы во время ее падения. Небольшую струйку крови, стекавшую от угла рта удалось легко смыть, что значительно улучшило ее внешний вид.

Сьюзен решила взять себя в руки и не предпринимать необдуманных действий в связи с нападением. Она также решила, несмотря на предложение доктора Чепмена, не прекращать свою изыскательскую деятельность. В ней был развит бойцовский дух, и хотя он был глубоко загнан внутрь годами размеренной жизни, тем не менее он был очень сильным. Никогда ей еще не бросали подобного

вызова. Ставка была очень высока. Но Сьюзен также ясно осознавала, во-первых, то, что после этого происшествия она должна быть особенно осторожна, а, во-вторых, должна действовать очень быстро.

Сьюзен залезла под душ, включив воду на максимум. Она стала прямо под струю, медленно поворачиваясь. Чтобы защитить груди от колких, как иголки, струек воды, она прикрыла их ладонями. Горячий душ немного успокоил ее и дал ей время обдумать ситуацию. Она подумала о том, чтобы позвонить Беллоузу, но решила не делать этого. Их новорожденная близость могла помешать ему объективно отреагировать на оценку событий. Возможно, он, подобно многим мужчинам, стал бы идиотским образом опекать ее. А она нуждалась в остром уме, способном подтвердить или опровергнуть ее умозаключения. Поэтому Сьюзен подумала о Старке. На него, видимо, не действовало бы ее малозначительное положение студентки и тот факт, что она женщина. Кроме того, сразу бросалась в глаза его удивительная хватка и в медицинских, и в деловых вопросах. Он, бесспорно, был очень умен, и можно было рассчитывать на его объективность.

Выйдя из душа, Сьюзен закрутила волосы в полотенце и завернулась в махровый халат.

Она села у телефона и набрала номер Мемориала, попросив соединить ее с кабинетом доктора Старка.

– Прошу прощения, но доктор Старк говорит сейчас по другому телефону. Должна я попросить его, чтобы он вам перезвонил?

– Нет, я подожду. Скажите только, что звонит Сьюзен Уилер, и что дело очень важное.

– Я попытаюсь, но ничего не обещаю. Он говорит по междугородному телефону и, возможно, будет разговаривать еще некоторое время.

– Ничего страшного, я подожду, – Сьюзен хорошо знала, что врачи практически никогда не удосуживаются перезванивать.

Наконец ее соединили со Старком.

– Доктор Старк, вы мне сказали, чтобы я, если обнаружу что-либо интересное, сообщила бы вам об этом.

– Конечно, Сьюзен.

– Хорошо, но я столкнулась с выходящим из ряда вон происшествием. В целом мое расследование, кажется, определено... –

Сьюзен остановилась.

– Определено чем, Сьюзен?

– Ладно, я не очень уверена, как это сформулировать. Я догадываюсь, практически уверена, что во всем этом есть некий криминал. Я не знаю, как и почему, но я совершенно убеждена в этом. У меня есть ощущение, что в это дело вовлечена какая-то большая организация... что-то вроде мафии или чего-то в этом роде.

– Для меня это звучит довольно дико, Сьюзен. Что навело тебя на такую мысль?

– Со мной случилось одно забавное приключение сегодня днем, но мне совершенно не до смеха, – Сьюзен опустила взгляд на свои ободранные колени.

– И?

– Сегодня вечером мне угрожали.

– Как угрожали? – голос Старка изменился: простая заинтересованность сменилась озабоченностью.

– Убить меня, как я догадываюсь, – сказала Сьюзен, посмотрев на фотографию своего брата.

– Сьюзен, если это правда, то это очень серьезное дело, если не сказать больше. Но ты уверена, что это не было дурацкой шуткой твоих сокурсников? Розыгрыши в медицинской школе бывают тщательно продуманными.

– Признаюсь, я об этом не думала, – Сьюзен осторожно потрогала свою разбитую губу кончиком языка, – но мне кажется, что это всерьез.

– Догадки, это не то, что сейчас нужно. Я лично проинформирую об этом больничный совет. Но, Сьюзен, именно сейчас тебе нужно бросить твое расследование. Я бы посоветовал тебе это раньше, но боялся, что ты меня неправильно поймешь. Но сейчас уже совсем другое дело. Мне кажется, что этим должны заняться профессионалы. Ты сообщила об этом полиции?

– Нет, угроза касалась еще и моего младшего брата, и меня специально предупредили, чтобы я не ходила в полицию. Именно поэтому я позвонила вам. Кроме того, они могут ведь подумать, что это была просто попытка изнасилования, а не угроза в связи с этим делом.

– Я сильно в этом сомневаюсь.

– Так подумало бы большинство мужчин.

– Но если угрозы затрагивали и твою семью, то, наверное, нужно быть осторожной в выборе тех, с кем стоит об этом говорить. Интуиция подсказывает мне, что об этом инциденте нужно проинформировать полицию.

– Я сделаю это потом. Кстати, вы знаете, что меня исключили с хирургического цикла в Мемориале и перевели в госпиталь ветеранов?

– Нет, мне ничего не говорили об этом. Когда это случилось?

– Сегодня днем. Естественно, что я бы хотела остаться в Мемориале. Я думаю, что, если бы мне дали шанс, я смогла бы доказать, что я хорошая студентка. Так как вы заведующий хирургией, и так как вы знаете, что я не просто так пропускаю занятия, мне кажется, что вы могли бы повлиять на это решение.

– Как заведующий хирургией, я поговорю о твоём отчислении. Я немедленно свяжусь с доктором Беллоузом.

– Мне кажется, что он ещё об этом не знает. По правде говоря, это был мистер Орен.

– Орен? Это уже интересно. Сьюзен, я не могу что-либо тебе обещать, но я этим займусь. Но должен сказать тебе, что ты не слишком популярна в отделениях анестезиологии и терапии.

– Я заранее благодарна за все, что вы сделаете. Ещё один вопрос. Можете ли вы устроить мне посещение Института Джефферсона? Мне бы очень хотелось навестить там одного больного – Бермана. Я надеюсь, что если увижу его ещё раз, то, наверное, смогу вообще забыть об этом деле.

– У вас, молодая леди, слишком много довольно затруднительных требований. Но я созвонюсь и посмотрю, что смогу для вас сделать. Институт Джефферсона не подчиняется университету. Он построен на деньги правительства по линии Министерства Здравоохранения, Просвещения и Социального Обеспечения, но его работа сейчас оплачивается частными медицинскими фирмами. Поэтому ко мне там не особенно прислушиваются. Но посмотрим. Позвони мне завтра после девяти, и я тебе все сообщу.

Сьюзен повесила трубку. Глубоко задумавшись, она по привычке прикусила нижнюю губу. Результат был весьма болезненным. Невидящим взглядом она уставилась на картину, висящую на стене. Ее

мысли крутились вокруг событий последних дней, она пыталась представить себе дело в целом.

Решившись, она взяла и надела на себя сестринскую униформу, которую она сегодня купила. Затем она начала сушить волосы и через пятнадцать минут посмотрела в зеркало. Форма медсестры сидела на ней довольно хорошо.

Сьюзен вновь взяла в руки фотографию своего младшего брата. По крайней мере она была уверена, что ее семье не угрожает немедленная опасность. Это было время зимних каникул, и ее семья уехала на неделю покататься на лыжах в Аспене.

Среда, 25 февраля
19 часов 15 минут

Сьюзен не питала иллюзий относительно своего положения. Она попала в очень опасную ситуацию, и от нее требовалась вся ее смекалка. Кто бы не вздумал ей угрожать, он, без сомнения, рассчитывал, что она все немедленно бросит и будет жить в страхе, по крайней мере, некоторое время. Сьюзен чувствовала, что у нее есть не более сорока восьми часов относительной свободы передвижения. Более того, она знала это.

Больше всего ее ободряло то, что этот кто-то счел ее достаточно важной персоной, коли решился угрожать. Это означало, что она находится на правильном пути. И, может быть, она уже имела на руках нужный ответ. Она была похожа на исследователя, расшифровывающего структуру ДНК. Но она еще не систематизировала всю имеющуюся в ее распоряжении информацию и не обладала гениальностью Уотсона и Крика, чтобы свести ее воедино и увидеть целиком чудесную двойную спираль молекулы ДНК.

Сьюзен тщательно перелистала свой черный блокнот, перечитывая все, что написала ранее. Она перечитала все заметки о коме и ее причинах, подчеркнула те статьи, которые, планировала прочитать, и названия тех новых книг по анестезиологии, которые увидела в кабинете Гарриса. Потом она просмотрела обширный материал, который у нее имелся по Нэнси Гринли и двум большим с остановкой дыхания. Сьюзен была уверена, что правильный ответ скрывается где-то между этих страниц, просто она не видит его. Она знала, что ей нужны еще данные, чтобы проводить корреляции с большей долей вероятности. Истории болезни. Ей нужны были истории болезни, которые лежали у Мак-Лири.

В 7.50 она была готова покинуть свою комнату. Как актриса в шпионском фильме, она выглянула в окно, чтобы проверить стоянку автомашин и посмотреть, нет ли за ней грубого наружного наблюдения. Она высматривала машины, но ни одной не было видно. Сьюзен плотно задвинула шторы и заперла дверь, оставив свет включенным. В коридоре она постояла немного, затем, применив

знания, почерпнутые из шпионских фильмов, скатала маленький шарик из бумаги и тщательно подсунула его между дверью и косяком, поближе к полу.

В цокольном этаже общежития начинался подземный переход, который вел в корпус анатомии и патологии. По нему проходили трубы отопления и электрические провода, а Сьюзен и ее однокурсники иногда пользовались им во время холодной погоды. Сьюзен не представляла, зачем за ней могут следить, но хотела максимально затруднить эту слежку или сделать ее невозможной. Из анатомического корпуса по незакрытому переходу Сьюзен прошла в административный корпус. Оттуда она через выход медицинской библиотеки попала на Гантингтон-авеню и остановила там такси. Через четверть мили она заставила таксиста сделать поворот на сто восемьдесят градусов и проехать мимо того места, где она поймала такси. Пристроив свое пальто так, чтобы его не было видно, Сьюзен старалась определить, следует ли кто за ней. Ничего подозрительного она не увидела. Тогда с облегчением она велела таксисту отвезти себя в Мемориал.

* * *

Как и всякий порядочный профессиональный убийца, Анжело Д'Амброзио испытывал чувство глубокого удовлетворения, успешно завершив работу. После того, как он закончил со Сьюзен, он вышел на Гантингтон-авеню и поймал такси на углу Лонгфелло. Шофер был в восторге – наконец, ему попался заказ до аэропорта, это означало приличную плату по счетчику и хорошие чаевые. До того, как Д'Амброзио его заметил, шоферу пришлось отвезти старых леди в супермаркет.

Д'Амброзио удобно устроился на сиденье, довольный своей сегодняшней работой. Он не имел представления, зачем его наняли проделать эту работу в Бостоне. Но Д'Амброзио редко знал, зачем он делает то-то и то-то, да и, по правде сказать, не имел ни малейшего желания знать. В нескольких случаях, когда ему сообщали подобную информацию, это не приносило ничего, кроме дополнительных проблем. Что касается сегодняшнего дела, ему было только приказано

прилететь в Бостон вечером двадцать четвертого и остановиться под именем Джорджа Таранто в отеле Шератон в деловой части города. На следующее утро он должен был отправиться по адресу: 1833 Стюарт-стрит, и в подвале найти человека по имени Вальтерс. Он должен был заставить Вальтерса написать записку следующего содержания: "Лекарства мои. Я не хочу отвечать за последствия". А потом он должен был убрать Вальтерса так, чтобы это выглядело как самоубийство. После этого он должен был поймать в укромном уголке студентку по имени Сьюзен Уилер и сделать так, чтобы "она наложила в штаны от страха", поняв, что она будет в большой опасности, если не вернется к своим обычным занятиям. Приказ заканчивался обычными призывами быть осторожным. Он также получил пакет информации о Сьюзен Уилер, включающей фото ее брата, обстоятельства ее жизни, схему ее обычных передвижений.

Глядя на часы, Д'Амброзио думал, что легко успеет на обратный рейс компании "Транс-Уордл Аир Лайнз" в 8.45. Он знал, что его тысяча долларов уже находится в ячейке номер двенадцать суточной камеры хранения рядом с выдачей багажа компании "Транс-Уордл Аир Лайнз". Поэтому удовлетворенный Д'Амброзио разглядывал проплывающие за окном огни. Он думал об этом мерзком Вальтерсе и пытался представить, какую связь тот мог иметь с этой хорошенькой Уилер. Д'Амброзио вспомнил внешность Сьюзен, и как он боялся за себя, чтобы не наброситься на нее. Он начал проигрывать в воображении серию садистских сцен, чувствуя, как от этого твердеет его член. Д'Амброзио понял, что надеется, что ему прикажут вернуться и установить второй контакт с мисс Уилер. Если бы только он мог, он бы трахнул ее в задницу.

Дойдя до терминала аэропорта, Д'Амброзио зашел в телефонную кабинку. Оставалась еще одна рутинная деталь его работы, Он должен был позвонить своему главному информатору в Чикаго и отчитаться о проделанной работе.

Он выждал условленные семь гудков.

– Резиденция мистера Сандлера, – ответил голос на другом конце провода.

– Я хотел бы поговорить с мистером Сандлером, пожалуйста, – недовольно сказал Д'Амброзио. Он не понимал смысла этого маневра, который отнимал несколько минут. Ему всегда приходилось помнить

условленное имя-пароль. Если бы ему назвали неправильное имя, он должен был повесить трубку и позвонить по запасному номеру. Д'Амброзио лизнул указательный палец и начал слюной рисовать круги на стекле кабинки. Наконец, в трубке снова возник голос:

– Все в порядке.

– В Бостоне все сделано, никаких проблем, – доложил Д'Амброзио безразличным голосом.

– Есть новости. Мисс Уилер нужно убрать как можно быстрее. Выбор метода остается за вами, но это должно быть похоже на изнасилование. Вы понимаете, изнасилование?

Д'Амброзио едва мог поверить своим ушам. Его мечты становились явью.

– Но это должно оплачиваться дополнительно, – деловито отозвался он, тщательно скрывая, с каким нетерпением предвкушает возможность изнасиловать Сьюзен.

– Вам заплатят еще пятьсот долларов.

– Семьсот пятьдесят. Это будет не так просто. – "Просто? Это будет легче легкого". Д'Амброзио подумал, что он сам должен был бы еще приплатить.

– Шестьсот.

– Ладно. – Д'Амброзио повесил трубку.

Он чувствовал себя счастливым. Проверил расписание ночных рейсов. Последний самолет вылетал в Чикаго в 11.45. Д'Амброзио подумал, что смог бы обделать это маленькое дельце и успеть на рейс. Он спустился к залу выдачи багажа и поймал такси. Он приказал шоферу отвезти себя на угол Лонгвуд и Гантингтон-авеню.

К 7.30 в Мемориале начался отток посетителей, человеческий поток разбился на маленькие струйки. Сьюзен вошла в больницу через главный вход. Завидев ее медсестринскую униформу, люди не достаивали ее больше взглядом. Сначала она пошла в ординаторскую на Беард-5 и оставила там свое пальто. Затем она проверила кабинет доктора Мак-Лири на двенадцатом этаже. Дверь была закрыта, как она и ожидала, а свет выключен. Она проверила и соседние кабинеты и лаборатории. Все пусто.

Сьюзен спустилась обратно к главному входу и пошла вдоль коридора до отделения скорой помощи. В отличие от остальной части больницы, здесь кипела активная деятельность. В коридоре маячило

несколько подростков со своими родителями. Сьюзен свернула налево прямо перед отделением и вошла в помещение больничной охраны.

Кабинетик был маленький и суматошный. Вся дальняя стена была занята экранами телевизоров, их было двадцать – двадцать пять. На них были видны все входы, коридор, ключевые точки больницы, включая отделение скорой помощи, изображение передавалось с переносных видеокамер. Некоторые из них были установлены стационарно, другие вращались, обзревая определенный участок. Двое охранников в форме и офицер в штатском находились в кабинете. Человек в штатском сидел за крошечным столиком, который казался еще меньше на фоне его туши. Кожа на его шее складками выпирала из воротника. Его астматическое дыхание было слышно на расстоянии.

Все трое, конечно, должны были смотреть на экраны, за это им и платили деньги. Но их взоры были прикованы к экрану маленького переносного телевизора. Они были Погружены в яростное обсуждение транслировавшегося хоккейного матча.

– Извините, у нас возникла одна проблема, – начала Сьюзен, адресуясь к офицеру в штатском. – Доктор Мак-Лири сегодня вечером не вернул несколько историй болезни в Вест-10. И мы не можем дать пациентам лекарства без листа назначений. Не могли бы ваши люди открыть кабинет?

Начальник охраны удостоил Сьюзен взглядом длительностью в одну десятую секунды, а затем снова впился глазами в игру, которая разворачивалась на экране телевизора. Он начал говорить, не поднимая глаз.

– Конечно. Лу, пойдй наверх с сестрой и открой кабинет, который ей нужен.

– Минутку, минутку.

Все трое уставились в телевизор. Сьюзен ждала. Игра продолжалась. Охранник поднялся:

– О'кей, пойдёмте откроем кабинет. Парни, расскажете мне потом, если я чего пропущу.

Сьюзен пришлось поспешать вприпрыжку за огромными шагами охранника. По дороге тот сортировал ключи на огромной связке.

– "Бруинз" проигрывают две шайбы. Если они проиграют еще одну, я обставлю Филли.

Сьюзен не ответила. Она торопливо шла рядом с охранником, надеясь, что ее никто не узнает. Она ощутила некоторое чувство облегчения, когда они вошли в зону персональных кабинетов. Она была пустынна.

– Проклятие, где же этот ключ? – ругнулся охранник, перепробовав почти все ключи из связки, пока не нашел ключ от кабинета Мак-Лири. Задержка заставила Сьюзен нервничать, она начала оглядываться по сторонам, ожидая худшего в любой момент. Наконец, дверь открылась, охранник вошел и включил свет. – Только захлопните за собой дверь, когда будете уходить. Она закроется сама. Я пойду вниз.

Сьюзен очутилась в одиночестве в приемной офиса Мак-Лири. Она торопливо вошла в кабинет и включила свет. Потом выключила свет в приемной и закрыла за собой дверь в кабинет.

К ее ужасу, историй не оказалось на той самой полке, где она видела их утром. Она начала обыскивать кабинет. Сначала стол. Никаких признаков историй. Когда она закрывала центральный выдвижной ящик, вдруг зазвонил телефон. Звон в полной тишине резал слух, Сьюзен вздрогнула. "Интересно, – подумала она, – как часто доктор Мак-Лири звонит в свой офис без четверти восемь вечера?" Телефон прозвенел всего три раза и замолчал. Сьюзен возобновила свои поиски. Искомые истории представляли собой внушительную пачку, и было не так уж много мест, где их можно спрятать. Она вытянула последний ящик из шкафа с папками, как вдруг услышала звук шагов в коридоре. Они становились все громче. Сьюзен замерла на месте, не осмеливаясь задвинуть ящик на место из боязни на шуметь.

Страшно испугавшись, Сьюзен услышала, как шаги замерли перед дверью, и как в скважину просунули ключ. Сьюзен в панике оглядела комнату. В ней было две двери: одна вела в приемную, другая, вероятно, в клозет, Сьюзен постаралась запомнить расположение мебели, а потом выключила свет. Едва она сделала это, как услышала, что наружная дверь открывается, и в приемной зажегся свет. Сьюзен в темноте двинулась к двери туалета, чувствуя, как лоб заливают потом. Из приемной донесся металлический звук, потом еще один. Дверь в туалет легко открылась, и Сьюзен постаралась устроиться так тихо, как только могла. С усилием она закрыла дверь со

своей стороны, Почти одновременно с этим дверь в кабинет открылась, и загорелся свет. Сьюзен ожидала, что в любой момент дверь в клозет рывком откроется. Однако она услышала шаги, направляющиеся к столу. Затем она услышала, как заскрипело кресло за столом, будто в него кто-то сел. Сьюзен подумала, что это доктор Мак-Лири, и поинтересовалась, что он делает в своем офисе в такое время. Что, если он обнаружит ее? Эта мысль заставила ее ослабеть от страха. Если же дверь откроется, Сьюзен решила бежать изо всех сил.

Затем с телефона сняли трубку и раздались знакомые звуки при наборе номера. Человек, набравший номер, заговорил, и голос поразил Сьюзен. Говорила женщина, и говорила по-испански. В силу своих скудных познаний в испанском, Сьюзен смогла понять только часть разговора. Сначала речь шла о погоде в Бостоне, потом во Флориде. Тогда Сьюзен догадалась, что это уборщица пробирается в офис доктора Мак-Лири и пользуется больничным телефоном, чтобы позвонить родным во Флориду. Вот такими звонками и объяснялись раздутые накладные расходы больницы.

Разговор продолжался полчаса. Потом уборщица опорожнила мусорную корзину, выключила свет и отбыла. Сьюзен выждала несколько минут и открыла дверь туалета. Она направилась к выключателю, но по дороге больно ударилась голенью о выдвинутый ящик шкафа. Сьюзен выругалась и поняла, какой из нее никудышный взломщик.

Сьюзен продолжила свои поиски при свете. Исключительно на всякий случай, она осмотрела место, где пряталась. На нижней полочке, уставленной коробками с канцелярскими принадлежностями, она и нашла свои истории болезни. Но она не стала долго раздумывать над этой загадкой. Ей очень хотелось уйти из офиса Мак-Лири.

Призвав на помощь свою сообразительность, Сьюзен: спрятала истории в свежее опустошенную корзину для мусора. Затем она покинула офис, не захлопывая за собой дверь. И так же, как в общежитии, подложила между дверью и косяком шарик из бумаги.

Сьюзен отнесла истории на Беард-5 и зашла в ординаторскую. Там она вытащила свой черный блокнот и налила себе кофе. Потом положила перед собой первую историю и принялась делать из нее выписки так же, как делала это с историей Нэнси Гринли.

Вернувшись к студенческому общежитию, Д'Амброзио еще не имел в голове определенного плана действий. Его обычным методом была импровизация после долгого наблюдения за объектом. А о Сьюзен Уилер он уже знал достаточно. Он знал, что она редко выходит из своей комнаты, вернувшись домой. И был вполне уверен, что там она и находится сейчас. Конечно, он не мог с абсолютной достоверностью утверждать, что она не обратилась в полицию с заявлением о его первом визите. Шансов на это было пятьдесят на пятьдесят. Но если она заявила, то было всего процентов десять вероятности, что там воспримут ее заявление всерьез. По крайней мере, так следовало из опыта Д'Амброзио. Но даже если они отнеслись к ней серьезно, был лишь один шанс из ста, что они приставят к ней охранника. Такой уровень риска был вполне нормален для Д'Амброзио. И он решил вернуться в ее комнату.

С телефона в аптеке на углу Д'Амброзио позвонил в комнату Сьюзен. Ответа не было. Он знал, что это ни о чем не говорит. Она могла быть там, но не брать трубку. С замком в ее двери Д'Амброзио управился бы с легкостью, он убедился в этом днем. Мог оставаться еще засов, она могла задвинуть его, тогда врываться пришлось бы с шумом. Д'Амброзио понял, что ему придется как-то выманить ее из комнаты.

Он вышел на стоянку для машин. Свет у нее горел. Затем он вошел во внутренний двор, просто открыв висячий замок на воротах в арке. Замок был простейший.

Интересно, как в этой школе они собираются хранить деньги?

Он быстро поднялся по скрипучим деревянным ступенькам. Д'Амброзио не следил за этим специально, но находился в отличной физической форме. Атлет и психопат. Затем он быстро подошел к двери Сьюзен и прислушался. Ни звука. Он постучал. Он был уверен, что она не откроет дверь, не поговорив сначала со стучащимся. Но в этот момент Д'Амброзио хотел просто выяснить, дома ли она. Если бы она ответила, он сделал бы вид, что уходит вниз по лестнице. Обычно это срабатывало.

Но ответа не было.

Он постучал еще раз. Без ответа.

Замок он открыл за несколько секунд. Дверь отворилась. Засов был отодвинут. Сьюзен ушла.

Д'Амброзио проверил туалет. Одежда тоже была на месте. Два чемодана, которые он видел в прошлый приход, тоже все еще были здесь. Д'Амброзио всегда был наблюдателен, что обычно окупалось. Теперь он мог утверждать, что Сюзен не уехала из города. А это означало, что она вернется. Д'Амброзио решил дождаться ее.

Среда, 25 февраля
20 часов 41 минута

Беллоуз был переутомлен. Время шло к одиннадцати, а он все еще ковырялся здесь. Он даже еще не заполнил истории болезни своих больных в Беард-5. А ему нужно было сделать это до ухода домой. Он забрал с поста истории болезни, свалил их на тележку и отправился в ординаторскую. Чашка кофе поможет ему быстро сделать работу. Открыв дверь, он был потрясен, увидев Сьюзен. Она была погружена в работу.

– Извините. Я, видимо, ошибся больницей, – и Беллоуз сделал движение назад к двери. Потом повернулся и посмотрел на Сьюзен. – Сьюзен, какого черта ты тут околачиваешься? Мне совершенно определенно сказали, что с сегодняшнего дня ты здесь персона нон грата, – и хотя Беллоуз сам того не желал, его голос выдавал некоторую степень раздражения. У него был ужасный день, если учесть еще и обнаружение тела Вальтерса.

– Кто, я? Вы ошибаетесь, масса. Я мисс Скарлетт, новая сестра в Вест-10, – ответила Сьюзен ненатурально высоким голосом, пародируя южный акцент.

– Господи, Сьюзен, кончай молоть чепуху!

– Ты первый начал.

– Что ты здесь делаешь?

– Начищаю свои туфли, а что я могу здесь еще делать?

– Ладно, ладно. Давай начнем сначала, – Беллоуз вошел в комнату и присел на стойку. – Сьюзен, ситуация становится очень серьезной. Я это не к тому, что не рад видеть тебя, я, действительно, рад. Прошлая ночь была просто сказкой. Господи, кажется, что это было неделю назад! Но если бы ты видела, какая каша заварилась здесь сегодня днем, ты бы поняла, почему я раздражен. Помимо всего прочего, мне сказали, что если я буду продолжать прикрывать тебя и помогать тебе в твоей, цитирую, "идиотской миссии", мне придется поискать себе другую ординатуру.

– Бедный мальчик, ему придется вывалиться из уютной мамочкиной утробы.

Беллоуз посмотрел в сторону, стараясь сохранять хладнокровие.

– Я чувствую, что разговор ни к чему не приведет. Сьюзен, ты не можешь понять, что в этом деле я теряю больше, чем ты?

– Пошел к черту! – лицо Сьюзен загорелось внезапным гневом. – Ты так стараешься всем угодить и беспокоишься о своей ординатуре, что не видишь, какие заговоры плетутся твоей... матушкой.

– Господи Иисусе! Это благодарность, которую я получил за свою помощь. Какой чертовщиной может здесь заниматься моя мать?

– Никакой, абсолютно никакой. Просто я говорила о том, что еще ближе тебе в твоей искаженной системе ценностей, чем твоя ординатура. Поэтому я рискнула назвать это твоей матерью.

– Ты говоришь бессмыслицы, Сьюзен.

– "Бессмыслицы", он говорит. Смотри, Марк, ты так заботишься о своей карьере, что ослеп и ничего не видишь. Я выгляжу так же, как всегда?

– Как всегда?

– Да, как всегда. Где старая добрая клиническая экспертиза, острое чувство наблюдательности, которое, как предполагается, ты получил во время обучения в медицинской школе? Как ты думаешь, что у меня здесь под глазом? – Сьюзен указала на синяк. – А что ты думаешь об этом? – Сьюзен проиллюстрировала свои последние слова, оттянув нижнюю губу и показав рваную рану.

– Похоже на травму... – Беллоуз протянул руку, чтобы рассмотреть губу Сьюзен повнимательней. Сьюзен отстранила его.

– Держи свои руки в брезентовых рукавицах подальше. И ты говоришь, что больше теряешь в этом деле? Хорошо, разреши мне сказать кое-что. На меня напал сегодня днем какой-то человек и угрожал мне. Этот человек все знал обо мне и знал, чем я занимаюсь несколько последних дней. Он даже знал про мою семью, угрожал моей семье. А ты говоришь, что теряешь больше!

– Ты говоришь, что кто-то избил тебя?! – Беллоуз не верил своим ушам.

– Ну-ну, Марк. Ты не можешь сказать чего-нибудь поумней? Ты думаешь, я сама избилась себя, чтобы выглядеть пожалостней? Я впуталась во что-то очень важное, вот все, что я могу сказать. И у меня есть жуткое чувство, что это огромная организация. Но я не знаю ни кто, ни как, ни почему.

Беллоуз неотрывно смотрел на Сьюзен несколько минут, переваривая ее невероятную историю и события, происшедшие с ним самим сегодня днем.

– Я не могу представить тебе таких же живописных ран, но сегодня днем со мной тоже случился кошмар. Помнишь, я говорил тебе про лекарства? Те, которые нашли в шкафчике в ординаторской в оперблоке? Они выяснили, что этот шкафчик когда-то принадлежал мне, как я тебе говорил, И меня немедленно начали трясти. Я подумал, что смогу разрешить это дело раз и навсегда, если заставлю Вальтерса объяснить, почему этот шкафчик до сих пор числится за мной, хотя он сам дал мне другой. Но Вальтерс сегодня не вышел на работу. Первый раз за не знаю сколько лет. И я решил ехать к нему, – Беллоуз передохнул и налил себе кофе, припоминая ужасные детали. – Бедный недоносок сегодня покончил жизнь самоубийством из-за этой истории, и я был тем счастливым, который его обнаружил.

– Самоубийством?

– Угу. По-видимому, он узнал, что лекарства нашли, и решил сбежать от ответственности таким образом.

– Ты уверен, что это было самоубийство?

– Я не уверен ни в чем. Я не видел предсмертной записки. Я вызвал полицию, а за подробностями они обратились к Старку. Но они не думают, что это не самоубийство. Боже мой, я не выдержу этого! Ведь меня можно рассматривать как подозреваемого. А что позволяет думать, что это не самоубийство? – Беллоуз весь напрягся.

– Ничего. Но это еще одно очень странное совпадение. Эти найденные лекарства могут иметь важное значение.

– Я боюсь, эта важность существует только в твоём воображении. Именно из-за твоего воображения я не знал, рассказывать ли тебе об этих лекарствах. Но смотри: все это имеет мало отношение к главному обсуждаемому вопросу, а именно, твоему присутствию в Мемориале в это позднее время. Я думаю, ты не должна быть здесь сейчас, – Беллоуз остановился и схватил одну из историй, из которых Сьюзен делала выписки. – Какого черта ты тут делаешь?

– Я все-таки достала некоторые истории болезни пациентов с комой. Не все, но некоторые.

– Боже ты меня поражаешь! После того как тебя вышибли из госпиталя, ты еще умудряешься ловить мячи, то есть возвращаться

сюда и каким-то образом добывать эти истории. Я почему-то не представляю себе, что они оставили их на видном месте, чтобы мог полюбопытствовать кто угодно. Как ты достала их?

Беллоуз испытующе смотрел на Сьюзен, прихлебывая кофе и ожидая ответа. Сьюзен только улыбнулась.

– О нет! – воскликнул Беллоуз, хватаясь руками за голову. – Униформа медсестры!

– Ну да, ты просто волшебник Прекрасная идея, должна признать.

– Подожди минуту. Я не могу в это поверить. Что ты сделала? Заставила охрану открыть офис Мак-Лири или еще чей-нибудь?

– Ты умнеешь на глазах, Марк.

– Ты понимаешь, что это уже преступление?

Сьюзен кивнула, глядя вниз на стопы бумаги, заполненные ее мелким почерком.

Глаза Беллоуз следили за ней.

– Ну и как, они пролили свет на твой... крестовый поход?

– Не слишком, я боюсь. По меньшей мере сейчас, или я не такая умная, чтобы вычислить это. Как я хотела бы иметь все истории. Что касается возрастов, то все пациенты были относительно молодые, от двадцати пяти до сорока двух. Пол не имел значения, раса ж социальное положение – тоже. Никаких совпадений в анамнезе жизни я не смогла найти. Все жизненные показатели и течение болезни до развития комы были без особенностей. Лечащие врачи у всех разные. Что касается операций – только в двух случаях был один и тот же анестезиолог. Наркотики применяли тоже разные. В некоторых случаях имела место передозировка наркоза. В части случаев применялись демерол и фенерган, а в остальных – совершенно другие наркотики. Инновар использовался в двух случаях. Но все это не удивительно. Но, насколько я могу судить, не поднимаясь в оперблок, большинство, если не все операции производились в операционной номер восемь. Это кажется немного странным, но, опять же, в этой операционной чаще всего делаются короткие операции. Так что этого тоже можно было ожидать. Все лабораторные показатели в норме. О, кстати! Во всех случаях производилось определение группы крови и тканевое типирование. Это как, обычная процедура?

– Группу крови определяют у большинства хирургических больных, особенно если, ожидается большая потеря крови во время

операции. Тканевое типирование обычно не делается, хотя лаборатория может просто проверять новую панель типизирующих сывороток. Посмотри, стоит ли номер на результатах типирования?

Сьюзен перелистала страницы истории, лежащей перед ней, и нашла листок с результатами типирования.

– Нет, никакого порядкового номера.

– Ну тогда это можно объяснить так: лаборатория делает типирование за свой счет. Это не так уж необычно.

– Все больные были с капельницами по различным причинам.

– Это можно сказать о девяноста процентах больных в госпитале.

– Я знаю.

– Звучит, как будто ты не обнаружила ничего.

– Я не согласна. – Сьюзен помолчала, посасывая свою нижнюю губу. – Марк, до того, как больного инкубируют, анестезиолог вводит ему миорелаксант. Правильно?

– Сукцинилхолин или кураре. Чаще сукцинил.

– А когда больному вводят терапевтическую дозу сукцинилхолина, он не может дышать.

– Это правда.

– А может быть так, что из-за передозировки сукцинилхолина у больного может развиваться гипоксия? Раз они не могут дышать, то кислород не поступает в мозг.

– Сьюзен, анестезиолог вводит больному сукцинилхолин и потом смотрит за ним, как ястреб, он же и дышит за больного. Если сукцинилхолин передозировать, это означает всего лишь, что анестезиологу придется дышать за больного дольше, пока его ткани не смогут метаболизировать препарат. Паралич полностью обратим. Если подозревать здесь предумышленность, то в это должны быть вовлечены все анестезиологи в больнице до единого, а это не похоже на правду. А что еще важнее – и анестезиолог, и хирург в четыре глаза смотрят за больным и по цвету крови сразу определяют, насколько она оксигенирована. Абсолютно невозможно одному из них изменить физиологический статус больного, чтобы другой не заметил этого. Когда кровь оксигенирована, она ярко-красная. Если уровень кислорода падает, кровь становится коричнево-вишневой. Кроме того, анестезиолог все время дышит за больного, постоянно проверяя его пульс и артериальное давление и наблюдая за кардиомонитором.

Сьюзен, если ты предполагаешь здесь какую-нибудь грязную игру, то у тебя нет ни почему, ни кто, ни как. У тебя нет даже жертвы.

– Я думаю, у меня есть жертвы, Марк. Это может быть не новая болезнь, а нечто совершенное иное. Еще один вопрос: Откуда берутся газовые смеси для анестезии?

– Это по-разному. Галотан из баллонов, как и эфир. Это жидкости, и для их использования нужен испаритель. Закись азота, кислород и воздух подаются централизованно, через вентили в стенах операционных. На непредвиденный случай в операционных имеются запасные цилиндры с закисью и кислородом... Послушай, Сьюзен, мне тут еще нужно поработать, а потом я свободен. Как насчет того, чтобы пойти ко мне и выпить?

– Не сегодня, Марк. Я хочу хорошо выспаться, и мне еще нужно сделать несколько вещей. Все равно, спасибо. Кроме того, мне нужно отнести эти истории обратно и спрятать на старое место. После этого я собираюсь пойти и взглянуть на операционную номер восемь.

– Сьюзен, лично я думаю, что тебе нужно уносить свою задницу из больницы, пока ты не села в кипяток.

– Вы имеете право на личное мнение, доктор, Но только больной не хочет выполнять назначения.

– Я думаю, что ты зашла слишком далеко.

– Да ну? Может, я и не знаю, кто, но несколько подозреваемых у меня уже есть...

– Ты уверена... – Беллоуз беспокойно заерзал. – Ты предоставляешь мне самому догадаться или сама скажешь?

– Гаррис, Нельсон, Мак-Лири и Орен.

– У тебя крыша поехала!

– Они ведут себя так, будто виноваты в чем-то, и страшно хотят, чтобы меня здесь не было.

– Не путай защитное поведение с виной, Сьюзен. Прежде всего, осложнения в медицине всегда трудно пережить, в независимости от их причины.

Среда, 25 февраля
23 часа 25 минут

Сьюзен испытала осязаемое облегчение, когда вернула истории болезни на потайное место в туалете Мак-Лири. С другой стороны, она была обескуражена. Наконец, сумев просмотреть их, она поняла, что достигла очень мало. Она придавала историям болезни очень большое значение, а после тщательного их изучения оказалось, что расследование продвинулось очень незначительно. У нее было много данных, но никакой связи, никаких узловых моментов не было. Случаи казались совершенно разрозненными и несвязанными.

Лифт поднялся на этаж, двери его задрожали и открылись. Сьюзен вышла в оперблок. Там в операционной номер двадцать еще оперировали разрыв аневризмы брюшной аорты у больного, который поступил по "скорой помощи". Операция длилась уже восемь часов, и это не выглядело обнадеживающе. Остальная часть оперблока была погружена в покой. Несколько уборщиц терли пол и возобновляли запасы стерильных льняных салфеток. Девушка в хирургическом костюме сидела за столом на центральном посту, пытаясь вписать еще несколько операций в расписание следующего дня.

Уловка с медсестринской униформой все еще хорошо работала на Сьюзен, и люди в коридоре не обращали на нее внимания. Она направилась прямо к раздевалке медсестер и переделалась в хирургический костюм, повесив свою униформу в открытый шкафчик.

Вернувшись в холл, Сьюзен посмотрела на двери с вращающимися створками, ведущие в зону операционных. Большая табличка на правой створке сообщала: "Операционные. Посторонним вход воспрещен". Центральный пост находился совсем рядом с этими дверями. Медсестра на посту продолжала прилежно трудиться. Сьюзен не имела представления, как та отреагирует, если она попытается войти.

Стараясь охватить всю картину в целом, Сьюзен несколько раз прошла по коридору, слабо надеясь, что девушка за столом решит устроить перерыв и уйдет. Но та не шевелилась и даже не смотрела по сторонам. Сьюзен хотела придумать правдоподобное объяснение на

случай, если ее начнут расспрашивать, но ей ничего не лезло в голову. Была уже почти полночь, и Сьюзен понимала, что для объяснения ее присутствия понадобятся веские доводы.

Наконец, не имея за душой ничего для прикрытия, кроме неубедительной истории, что ей нужно посмотреть, как идут дела в двадцатой операционной или что ее прислали из бактериологической лаборатории взять мазки на посев, Сьюзен двинулась к двери. Делая вид, что не обращает внимания на медсестру на посту, она решительно направилась в сторону операционных. Когда она проходила мимо поста, девушка не подняла глаз. Еще несколько шагов... Сьюзен уже протянула руки, толкнула правую створку двери. Она открылась, и Сьюзен уже хотела войти.

– Эй, подождите.

Сьюзен замерла, ожидая неизбежного, и повернулась к медсестре.

– Вы забыли надеть бахилы.

Сьюзен посмотрела вниз на свои туфли. Вот чем обеспокоилась медсестра. Сьюзен почувствовала облегчение.

– Проклятие! Понимаете, я всего второй раз в оперблоке.

Но внимание медсестры уже снова было устремлено на расписание операций.

Сьюзен подошла к шкафу из нержавеющей стали, стоявшему у стены. Бахилы хранились в большой картонной коробке на нижней полке. Сьюзен надела их, как ей показывал Карпин два дня назад при их первом визите в оперблок, и спрятала завязки внутрь. Когда она открыла створку двери второй раз, медсестра не подняла головы. Мемориал был слишком большой больницей, и новые лица встречались здесь достаточно часто.

Операционные в Мемориале располагались в виде буквы U. Вход располагался в основании буквы U, послеоперационная была в левой ветви, поближе к лифтам. Сьюзен нашла операционную номер восемь в правой ветви, ближе к вершине U.

Операционная номер двадцать находилась в противоположной стороне, поэтому Сьюзен подошла к номеру восемь в полном одиночестве. Остановившись у дверей, она заглянула внутрь через стекло. Эта операционная выглядела точно так же, как операционная номер восемнадцать, где Найлз бухнулся в обморок. Стены были выложены белым кафелем, а пол покрыт винилом в крапинку. Хотя

свет и был выключен, Сьюзен рассмотрела большую, похожую на литавры, бестеневую операционную лампу и операционный стол под ней. Она открыла дверь и включила свет.

Не имея определенной цели, Сьюзен побродила по комнате, рассматривая крупные предметы, затем уже более тщательно принялась рассматривать детали. Она нашла газовые выходы, отметив, что кислород подавался через зеленый коннектор. Коннектор для закиси азота был синего цвета и по форме отличался от кислородного, чтобы нельзя было ошибиться. Третий коннектор не был покрашен и не имел ярлычка. Сьюзен предположила, что этот коннектор предназначен для сжатого воздуха. Большой коннектор был обозначен, как "Отсос", выше него находился манометр с большим циферблатом.

Возле стены стояли шкафы из нержавеющей стали, наполненные всякими принадлежностями. Был стол для развозящей медсестры. На стене справа помещался экран для рентгеновских снимков. На стене возле одной двери висели большие часы, красная секундная стрелка, которых плавно двигалась по кругу. Другая дверь вела в соседнюю предоперационную, общую с операционной номер десять, в которой хранились стерилизаторы и различные принадлежности.

Сьюзен провела почти час, рассматривая операционные номер восемь и десять – для сравнения. В восьмой операционной она не нашла ничего необычного и даже интересного. Это была обыкновеннейшая операционная. Десятая от нее ничем не отличалась.

Сьюзен пошла обратно в раздевалку медсестер и переоделась в униформу сестры. Она бросила хирургический костюм в корзину для использованных костюмов и пошла к двери. Но вдруг она остановилась, глядя вверх на потолок. Это был наборный потолок, выложенный большими звукоизолирующими плитками.

Корзина для мусора обусловила ее последующие действия. Сьюзен вытащила ее и с нее залезла на шкафчики. Потолок находился всего лишь в метре от крышек шкафчиков. Ставши на четвереньки, Сьюзен попыталась спиной сдвинуть плиту на потолке. Та не поддавалась, потому что прямо над ней проходили какие-то трубы. Она попробовала другую – та же проблема. Третья же поднялась легко, и Сьюзен сдвинула ее вбок. Затем она встала на ноги на шкафчике, просунувшись наполовину в пространство над потолком. Вопреки ее ожиданиям, это пространство оказалось огромным. По вертикали от

наборного потолка до бетонных плит следующего этажа было не меньше полутора метров. Это пространство пронизывали мириады труб и проводов – канализационных и для подведения воды, газа, тепла и так далее. Свет был очень слабый, только тот, который просачивался сквозь щели между звукоизолирующими плитками.

Наборные плитки удерживались металлическими кронштейнами, свисающими с бетонного потолка наверху. Но ни кронштейны, ни плитки не выглядели способными выдержать вес человеческого тела. Чтобы пробраться в это межпотолочное пространство, Сьюзен пришлось подтягиваться за трубы, одни из которых были страшно холодные, а другие – горячие. Оказавшись там, она поставила наборную плитку на место. Она вернулась в привычное положение, полностью отрезав источник прямого света.

Сьюзен подождала, пока ее глаза приспособятся к переходу от яркого флюоресцентного освещения внизу к здешнему полумраку. Как только окружающий мир приобрел четкие очертания, Сьюзен двинулась по трубам вперед. Она заметила ряд деревянных стоек, пересекавших межпотолочное пространство и упирающихся в бетонный потолок. Она догадалась, что они обозначают коридор.

Продвижение шло медленно. Очень трудно было двигаться между трубами, наступая на одни, держась за другие или прислоняясь к ним. Сьюзен не хотела производить шума, особенно продвигаясь, как она предполагала, над главным постом. Над операционными передвижение стало легче. Потолок над зоной операционных и послеоперационной был прочный, из напряженного бетона. Сьюзен двигалась, стараясь не спотыкаться о трубы и согнувшись еще сильнее, так как пространство между потолками сузилось до метра.

Затем Сьюзен обнаружила бетонную стену, окружавшую, как она поняла, лифтовые шахты. Она увидела, что потолок над коридором между операционными тоже наборный. Над коридором, по-видимому, находился главный узел развязки, так как в этом месте трубы, шедшие между потолками, расходились в разные стороны, как в сложном завитке. Сьюзен догадалась, что там в потолке находится центральная шахта, по которой трубы переходят на следующий этаж.

Сьюзен прежде всего интересовало расположение операционной номер восемь. Но определить это оказалось не так легко. Между операционными не было никаких разделителей. Трубы, казалось,

отделялись и ныряли в бетонный потолок над операционными в совершенном беспорядке. Сориентироваться помог потолок над коридором. Осторожно приподнимая звукоизолирующие плитки, Сьюзен смогла определить, где находится, и вычислить расположение операционных восемь и десять. Сьюзен удостоверилась, что количество и конфигурация труб, входящих и выходящих из этих двух операционных, одинаковы.

Газовые линии были выкрашены в такие же идентификационные цвета, что и операционные внизу. Над операционной номер восемь Сьюзен увидела покрашенную зеленой краской кислородную трубку, которая сначала шла до края коридора, а потом поворачивала и шла параллельно краю коридора вместе с другими такими же трубками. Чтобы не потерять трубку из операционной номер восемь, Сьюзен вела по ней пальцем до самого места, где она уходила в центральную шахту. Вдруг ее палец обо что-то ударился. В тусклом свете она еще больше согнулась, чтобы рассмотреть свою находку. И увидела коннектор из нержавеющей стали. Прямо на краю шахты, аккумулирующей все трубы, на кислородной линии операционной номер восемь находился Т-образный коннектор, рассчитанный на высокое давление.

Сьюзен устала на коннектор. Она осмотрела другие кислородные линии. Ничего подобного на них не было. Она ощупала коннектор пальцем. Было очевидно, что через него можно выпускать кислород из линии. И наоборот, через него подводить другой газ.

По бетонному потолку над операционными Сьюзен вернулась обратно к наборному потолку над главным постом. Оттуда начиналась самая трудная часть пути по незакрепленному потолку. Там она попыталась сориентироваться. Приподняла одну плитку – это был еще холл. Затем подняла другую и обнаружила, что находится над ординаторской. Третья плитка находилась уже над раздевалкой медсестер, но слишком далеко от шкафчиков. Четвертая плитка оказалась там, где надо, и Сьюзен легко спустилась.

Четверг, 26 февраля

1 час 00 минут

Подобно многим другим городам Бостон, никогда полностью не засыпал. Но, как редко бывает с крупными городами, Бостон становился почти безмолвным. Когда Сьюзен откинулась на сиденье такси, едущего по Сторроу Драйв, навстречу ему проехали всего две-три машины, Сьюзен очень устала и страшно хотела спать. У нее позади был невероятно трудный день.

Рассеченная губа и синяк на щеке начинали болеть все сильнее. Она поспешно потрогала щеку, чтобы убедиться, что припухлость не увеличилась. Кажется, нет, Сьюзен посмотрела на Эспланаду и замерзшую Чарльз Ривер, проплывающие справа. Были видны редкие неприветливые огни Кембриджа. Такси круто свернуло налево со Сторроу Драйв на Парк Драйв, заставив Сьюзен рукой искать опоры, чтобы удержать равновесие.

Она пыталась мысленно оценить успехи своего расследования. Они не вдохновляли. Она сознавала, что ей осталось всего часов тридцать шесть для безопасного продолжения поисков, а время поджимало. Существовали определенные препятствия. Когда Сьюзен пыталась представить, как ей нужно действовать дальше, она понимала, что не должна больше появляться в Мемориале днем, чтобы не сталкиваться с Нельсоном, Гаррисом, Мак-Лири и Ореном, выступавшими против нее единым фронтом. В этом случае униформа медсестры могла сослужить ей плохую службу.

Но ей нужны еще данные из компьютера и остальные истории болезни. Как же их достать? Может ли помочь Беллоуз? Сьюзен сомневалась в этом. Она понимала, что он слишком озабочен своим положением в Мемориале. "Настоящее беспозвоночное", – подумала она.

И что за самоубийство Вальтерса? Как могли быть связаны с ним эти лекарства?

Сьюзен заплатила по счетчику и вышла из такси. Идя к входу в общежитие, она решила, что утром должна как можно больше выяснить о Вальтерсе. Это все должно быть как-то связано. Но как?

Сьюзен остановилась у парадного и позвонила, ожидая, что придет дежурный вахтер и впустит ее. Но его не было. Сьюзен выругалась и начала рыться в своем кармане, ища ключи. Это просто сверхъестественно, как дежурные всегда исчезают, когда в них возникает нужда.

Четыре лестничных пролета до ее комнаты показались Сьюзен длиннее чем обычно. Несколько раз физическая усталость и напряженные раздумья заставляли ее останавливаться по дороге.

Сьюзен пыталась вспомнить, был ли сукцинилхолин среди тех найденных в шкафчике в раздевалке для врачей лекарств, которые ей перечислил Беллоуз. Она отчетливо помнила, что Беллоуз говорил о кураре, но насчет сукцинилхолина не была уверена. Наконец, она поднялась на свою лестничную площадку, все еще погруженная в раздумья. Пришлось потратить еще минуту, отыскивая нужный ключ. И, как она делала бесчисленное количество раз, Сьюзен вставила ключ в замочную скважину.

Несмотря на задумчивость и физическое истощение, Сьюзен вспомнила про бумажный шарик. Оставив ключ торчать в двери, она нагнулась и посмотрела.

Бумажного шарика не было. Дверь открывали.

Сьюзен повернулась к двери, ожидая, что та внезапно распахнется. Она вспомнила ужасное лицо своего преследователя. Если тот находился в комнате, то, вероятно, уже был готов для броска, ожидая, что она войдет как всегда. Она подумала о ноже, которым он размахивал прошлый раз. И поняла, что у нее очень мало времени. За нее было только то, что если он был в комнате, то не знал, что Сьюзен подозревает о его присутствии. По крайней мере, не будет знать еще короткое время.

Если она вызовет полицию, и мужчину найдут, она окажется в безопасности на несколько часов. Сьюзен вспомнила его угрозы насчет полиции и фотографию своего брата. А может быть, это грабитель или вор? Не похоже. Сьюзен понимала, что человек, напавший на нее, профессионал и смертельно опасен. Или она должна обратиться в полицию в любом случае, как предлагал Старк? Она-то не была профессионалом, это было до боли очевидно.

Но почему они от нее не отстали? Она была уверена, что за ней не следили. Может, бумажный шарик упал сам? Сьюзен снова подошла к

двери.

"Черт побери, что с этим замком?" – громко сказала она, чтобы выиграть время, и потрясла ключами. Она вспомнила, что дежурного внизу не было на месте. А может, ей нужно пойти вниз к кому-нибудь и сказать, что ее ключ застрял в двери? Сьюзен отошла от двери и начала спускаться по ступенькам. Она подумала, что это лучше всего. Сьюзен достаточно хорошо знала Марту Файн на третьем этаже, чтобы постучаться к ней в это время. Правда, она не представляла, что скажет Марте. Лучше всего было бы не говорить Марте вообще ничего. Все, что можно сказать, это что Сьюзен не может попасть в свою комнату и хочет переночевать у нее.

Сьюзен на цыпочках пошла по деревянным ступенькам. Под ее весом они немилосердно закрипели. Звук был громкий, Сьюзен поняла это. Если кто-то притаился за дверью, он, без сомнения, услышал его. И Сьюзен очертя голову кинулась вниз по лестнице. Добежав до третьего этажа, она услышала, как задвижка на ее двери отодвинулась. Она бежала не останавливаясь. А если Марты нет дома или она не ответит? Сьюзен понимала, что больше не может позволить этому человеку поймать себя. Общежитие было погружено в сон, хотя было немногим больше часа ночи.

Сьюзен услышала, как дверь ее комнаты распахнулась и ударилась о стену. Потом раздались шаги, и она представила, как кто-то идет к перилам. Сьюзен не осмеливалась посмотреть вверх. Она приняла решение: ей нужно уйти из общежития. В комплексе медицинской школы было легко потеряться, кто бы ее не преследовал. Сьюзен чувствовала, что может бежать относительно быстро, и она знала каждый сантиметр медицинской школы. Уже будучи на первом этаже, она услышала, что ее преследователь рванулся вниз по лестнице.

Внизу лестницы Сьюзен резко повернула налево и промчалась через маленькую арку. Она быстро открыла дверь во внутренний двор, но сама не вышла. Вместо этого она отпустила дверь, и гидравлический поршень стал медленно закрывать ее. Сьюзен повернулась и побежала в соседнее крыло общежития, дверь во двор позади нее захлопнулась. Шаги ее преследователя были слышны уже на площадке второго этажа.

Стараясь не производить шума, Сьюзен прыжками на вытянутых ногах преодолела холл соседнего крыла. Быстро и тихо она пробежала студенческую поликлинику, В конце холла она бесшумно открыла и закрыла за собой дверь. Перед ней была лестница в подвал, и она, не задерживаясь ни на мгновение, спустилась по ней.

Д'Амброзио попался на удочку с дверью во двор, но быстро разобрался, в чем дело. Д'Амброзио не был новичком в погонях и знал, насколько Сьюзен опережает его. Как только он выскочил во двор, то сразу понял, что его обманули. Там никого не было, и не было дверей, через которые можно было войти обратно в здание.

Д'Амброзио метнулся обратно через открытую дверь. Оттуда можно было бежать в двух направлениях. Он выбрал ближайшую дверь и выскочил в холл соседнего крыла.

Сьюзен выбежала в тоннель, ведущий из общежития в медицинскую школу. Начало его просматривалось насквозь. Он тянулся прямо метров на двадцать пять, а потом сворачивал налево и терялся из виду. Сьюзен побежала вперед так быстро, как только могла. Тоннель был отлично освещен лампами, забранными в железные сетки.

В конце тоннеля она достигла пожарного выхода и открыла его. Когда она переступала порог, в лицо ей ударил поток воздуха. В животе у нее похолодело, так как она поняла, что это означает только одно – дверь позади нее открыли одновременно! А потом она явственно услышала тяжелые шаги человека, бегущего по тоннелю.

"Господи!" – прошептала она в панике. Как она ошиблась! Она убежала из общежития, наполненного людьми, пусть и спящими, чтобы затеряться в лабиринтах темного пустого здания.

Сьюзен рванулась вверх по ступенькам, чувствуя себя беспомощной перед огромной силой Д'Амброзио. Она лихорадочно пыталась припомнить план здания. Это был анатомический корпус, который насчитывал четыре этажа. На первом находились два больших амфитеатра и несколько вспомогательных комнат. На втором этаже был анатомический зал и большое количество маленьких лабораторных комнат. Третий и четвертый этажи были заняты, в основном, кабинетами, и Сьюзен плохо знала те места.

Сьюзен открыла дверь на первый этаж. В отличие от тоннеля, здание было погружено в темноту, свет от уличных фонарей

просачивался через немногочисленные окна. Пол был мраморный, и эхо шагов четко разносилось по холлу, дугообразно окружавшему дно одного из амфитеатров.

Не имея определенного плана действий, Сьюзен вбежала в широкие и низенькие двери, ведущие в первый амфитеатр. Это были двери, через которые ввозили для демонстрации пациентов. Как только Сьюзен закрыла за собой двери, она услышала шаги бегущего по мраморному полу человека. Через дверь она попала на подиум амфитеатра. Ряды сидений поднимались перед ней ровными рядами и терялись высоко в темноте. Она бегом бросилась вверх по проходу между креслами.

Шаги раздавались все ближе, и Сьюзен бежала вверх, боясь оглянуться. Шаги приближались и становились все слышнее. Вдруг они замолкли. Сьюзен бежала выше и выше. Позади нее дно амфитеатра становилось все труднее различимым. Сьюзен достигла последнего ряда кресел и побежала вдоль них. В этот момент она вновь услышала шаги и остановилась на миг, чтобы подумать. Она понимала, что для нее не существовало прямого способа справиться с преследователем. Ей нужно было оторваться от него и спрятаться достаточно надолго, чтобы он ушел. Она подумала о тоннеле в административный корпус. Но была только сотая доля вероятности, что он открыт. Он часто оказывался закрыт, когда она на первых курсах пыталась вернуться таким способом из библиотеки домой.

Кровь у Сьюзен застыла в жилах, когда она услышала, как дверь внизу открывается. Внизу амфитеатра показалась неясная фигура мужчины. Она едва различала его в темноте. Но сама Сьюзен была одета в белую форму медсестры, и рассмотреть ее было гораздо проще. Она медленно прижалась к полу за последним рядом кресел, но спинки кресел возвышались над уровнем пола только сантиметров на двадцать – тридцать. Человек внизу остановился и не двигался. Сьюзен догадалась, что он пытается сориентироваться в комнате. Она легла на пол и следила за ним через щель между спинками двух кресел. Человек ходил по подиуму и, видимо, что-то искал, конечно. Он искал выключатель! Сьюзен почувствовала, как ее снова заполняет безудержный страх. Перед ней, метрах в шести, располагалась дверь в коридор второго этажа. Сьюзен молилась, чтобы эта дверь оказалась незапертой. Если же она была закрыта, ей оставалось надеяться только

на такую же дверь на противоположной стороне амфитеатра. А бежать до нее было столько же, сколько преследователю – до Сьюзен. Так что если дверь закрыта – ей конец.

Раздался щелчок выключателя и на подиуме зажглось освещение. Внезапно жуткое лицо Д'Амброзио осветилось светом, идущим снизу и создающим гротескную игру теней. Глаза Д'Амброзио казались темными дырами на ужасной маске. Его руки шарили по стене, и щелчок второго выключателя раздался в ушах Сьюзен. Яркий луч упал на подиум с темного потолка, заливая его невыносимо ярким светом. Теперь Сьюзен отчетливо видела Д'Амброзио.

Она быстро поползла к двери. Щелкнул еще один выключатель и загорелась целая батарея ламп, расположенных над доской позади Д'Амброзио. В этот момент Д'Амброзио заметил ряд выключателей слева от доски. Когда он шел к ним, Сьюзен вскочила и рванулась к двери. Она дернула ручку, когда яркий свет залил всю аудиторию. **Закрыто!**

Сьюзен уставилась на подиум. Д'Амброзио заметил ее, и предвкушающая улыбка зазмеилась на его тонких, похожих на шрам, губах. Затем он побежал вверх, перепрыгивая через две-три ступеньки.

Сьюзен в отчаянии начала дверь. Вдруг она заметила, что она закрыта на задвижку с ее стороны. Она выдернула засов и дверь открылась. Сьюзен кинулась в открытую дверь и захлопнула ее за собой. За спиной у себя она слышала тяжелое дыхание Д'Амброзио, приближавшегося к последним рядам кресел.

Прямо напротив двери на втором этаже висел углекислотный огнетушитель. Сьюзен сорвала его со стены и перевернула вниз раструбом. Затем резко обернулась, услышав, как металлические подметки на туфлях Д'Амброзио клацают все ближе, и увидела, что ручка двери поворачивается, и дверь открывается.

В этот момент Сьюзен нажала на рычаг огнетушителя. Раздался взрывоподобный шипящий звук, разорвавший тишину пустого здания, и струя сухой углекислоты ударила в лицо Д'Амброзио. Он, шатаясь, отступил к заднему ряду кресел, стукнулся о них, затем его тело закачалось, и он, не удержав равновесия, боком упал на второй и третий ряды. Поднятое сиденье кресла вонзилось в его бок, одиннадцатое ребро хрустнуло. Руки Д'Амброзио взлетели, пытаясь

защититься, он схватился за спинку кресла возле своей головы. Потом он, оглушенный, упал лицом вниз между третьим и четвертым рядами.

Сьюзен сама поразилась произведенному огнетушителем эффекту и протиснулась в дверь, наблюдая за падением Д'Амброзио. Там она остановилась, думая, что Д'Амброзио потерял сознание. Но мужчина подогнул колени и стал на четвереньки. Он посмотрел на Сьюзен и выдавил улыбку, невзирая на боль в сломанном ребре.

– Люблю... когда они сопротивляются, – проскрипел он сквозь сжатые зубы.

Сьюзен подняла над головой огнетушитель и изо всех сил бросила его в коленопреклоненную фигуру. Д'Амброзио попытался увернуться, но тяжелый металлический цилиндр ударил его в левое плечо, откинув на кресла и заставив верхнюю часть его тела упасть на спинки четвертого ряда. Огнетушитель отскочил и со страшным грохотом пролетел еще несколько рядов, упав, наконец, в восьмом ряду.

Захлопнув за собой дверь из амфитеатра, Сьюзен остановилась, тяжело дыша. Боже мой, он что, супермен? Ей нужно поймать его в какую-нибудь ловушку. Она знала, что только каким-то чудом ей удалось нанести ему ранение, но он еще не сошел со сцены. Сьюзен подумала о комнате-холодильнике в анатомическом зале.

Коридор второго этажа был темным, слабый свет виднелся только в окне в дальнем его конце. Вход в анатомический зал был рядом с этим окном. Сьюзен побежала к двери. Когда она достигла ее, то услышала, как за спиной открывается дверь из амфитеатра.

Д'Амброзио был ранен, но не очень сильно. Хотя было больно кашлять и глубоко дышать, это было переносимо. На левом плече был ушиб, но рука работала. Но сам Д'Амброзио совершенно обезумел. То, что эта сволочная девка смогла взять над ним верх хотя бы на несколько мгновений, довело его до исступления. Сначала он хотел поиграться с девкой, но сейчас передумал. Сначала он ее убьет, а потом трахнет. Правой рукой он вытащил беретту с глушителем на конце ствола. Когда он выходил из амфитеатра, то краем глаза увидел, как Сьюзен скрывается за дверью в анатомический зал. Он, не целясь, выстрелил, и пуля пролетела в десяти сантиметрах от Сьюзен, вонзившись в край дверного косяка, и отколола от него несколько щепок.

Звук выстрела был глухой, как удар в подушку. Сьюзен и не поняла, что это такое, пока свист пули, попавшей в дерево, не объяснил ей, что это выстрел из пистолета, пистолета с глушителем.

– Все, сука, игра окончена! – заорал Д'Амброзио, подходя к двери. Он знал, что загнал ее в угол, а бежать ему было больно.

Внутри анатомического зала, Сьюзен замерла на секунду, стараясь припомнить в тусклом свете расположение комнат. Потом она заперла дверь за собой. Первый курс медицинской школы в это время года как раз находился на середине своего учебного плана по анатомии. Секционные столы в зале были закрыты большими зелеными пластиковыми полотнищами. В бледном свете они казались светло-зелеными. Сьюзен пробежала между покрытыми саванами столами к двери в комнату-морозильник в дальнем конце зала. В прорези засова на ней торчал большой стальной штырь. Она поспешно его вытащила, штырь повис на цепи, прикрепленной к засову. С усилием приоткрыв тяжелую дверь-термос, Сьюзен проскользнула в щель. Она потянула за собой дверь и услышала тяжелый лязг. Потом нащарила рукой выключатель и включила свет.

Морозильник был площадью как минимум три на девять метров. Сьюзен ясно вспомнила тот день, когда она первый раз попала сюда.

Служитель обожал показывать морозильник студентам поодиночке, особенно студенткам, по какой-то неведомой, но, несомненно, извращенной причине. Он был хранителем трупов, предназначенных для анатомирования. После консервации в формалине трупы подвешивали за крюки, которые зацепляли за ушной канал. Крюки висели на роликовом конвейере, движущемся по рельсу на потолке, чтобы было легче передвигать трупы. Тела были твердые, обнаженные и уродливые, в большинстве своем белые как мрамор. Мужчины были перемешаны с женщинами, католики с евреями, белые с черными – всех объединяла смерть. Замороженные лица застыли в разнообразных гримасах. У большинства глаза были закрыты, но у некоторых открытые глаза пусто таращились в бесконечность. Когда Сьюзен в первый раз увидела четыре ряда замороженных трупов, висящих как ненужная одежда в ледяном шкафу, ей стало плохо. Она поклялась, что больше не зайдет сюда. И до этой ночи она тщательно избегала "ледничка", как любовно называл его служитель. Но сейчас это не имело значения.

Анатомический зал был погружен в темноту. Внутренность морозильника была освещена единственной стоваттной лампочкой в глубине комнаты, которая отбрасывала жуткие тени на пол и потолок. Сьюзен задрожала от холода, судорожно соображая, что ей делать. На это были считанные мгновения. Ее пульс бился как сумасшедший. Она понимала, что ее преследователь будет в морозильнике через минуту. План действий она составила, но времени было мало.

Улыбаясь, Д'Амброзио подошел к двери анатомического зала и стукнул ее кулаком. Дверь держалась. Тогда он разбил матовое стекло, рассыпавшееся на несколько кусков, просунул руку и открыл дверь. В зале он огляделся, не понимая, куда попал.

Закрыв дверь, чтобы добыча не убежала, он пошел к ближайшему столу. Зал был большой, двадцать на тридцать метров, с пятью рядами покрытых пластиком столов, по семь столов в ряду. Д'Амброзио подошел к столу и сдернул с него полотнище.

И задохнулся, даже не чувствуя боли в поломанном ребре. Он уставился на труп. Голова была рассечена, кожа с лица снята, зубы и глаза открыты. Волосы были отделены в виде скальпа и кожный лоскут откинут назад. Передняя брюшная стенка и передняя часть грудной клетки были удалены. Отрезанные внутренние органы были в беспорядке брошены обратно в опустошенное тело.

Д'Амброзио вернулся к двери и хотел включить свет. Потом посмотрел на большие окна зала и решил не включать свет, чтобы не привлекать внимания полиции. Не то чтобы он не был уверен, что не справится с парочкой ничего не подозревающих стражей порядка, просто он хотел без помех добраться до Сьюзен.

Д'Амброзио принялся методично срывать саваны со всех трупов в зале. Он старался не смотреть на разъятые тела. Он только хотел убедиться, что среди них нет Сьюзен.

Д'Амброзио огляделся. Справа в зале висело на цепях несколько скелетов, медленно вращаясь от порывов воздуха, возникших при открывании и закрывании двери. За скелетами стоял огромный шкаф, заполненный бесчисленными банками с препаратами. В конце зала висело три доски и было две двери. Одна дверь вела в морозильник, другая – в туалет. Туалет оказался пуст. Потом Д'Амброзио заметил стальной штырь, свисающий с засова на двери морозильника. Он слабо улыбнулся и переложил пистолет в левую руку. Потом открыл

дверь морозильника и снова остолбенел от ужаса. Висящие тела напоминали армию упырей.

Д'Амброзио был потрясен видом трупов, его глаза перебежали с одного на другой. Неохотно он переступил порог двери, чувствуя, как его сотрясает дрожь.

– Я знаю, что ты здесь, сука. Выходи, и мы поговорим по-другому, – голос Д'Амброзио просел.

Тесное соседство с замороженными трупами заставило его нервничать так, как он никогда прежде в жизни не нервничал.

Д'Амброзио посмотрел между двумя первыми рядами замороженных тел, потом сделал два шага вправо и просмотрел третий ряд. Тут он мог видеть лампочку в глубине комнаты. Оглянувшись на дверь, он прошел еще несколько шагов направо и заглянул в последний коридор между телами.

Пальцы Сьюзен устали и стали сползать с рельса, на котором она висела в конце второго ряда тел. Она не представляла, где стоит Д'Амброзио, пока он не позвал ее во второй раз:

– Иди сюда, мое сердечко. Не заставляй меня обыскивать это место.

Сьюзен теперь была уверена, что он стоит в начале последнего ряда. Она поняла, что сейчас или никогда. Собрав все силы, она оттолкнулась ногами от спины высушенного женского трупа, который висел перед ней. Потом, держась руками за рельс сверху, она подтянула ноги и уперлась ими в спину старой мертвой женщины. Ее собственная спина уперлась при этом в камнеподобную тушу последнего трупа в ряду, стокилограммового негра.

Почти неощутимо весь второй ряд замороженных тел пришел в движение. Как только тела приобрели начальную инерцию, Сьюзен смогла делать выпады ногами, толчками придавая дополнительное движение ряду. Вся группа висящих трупов скользнула на шарикоподшипниках вперед, как доминошные кости.

Уши Д'Амброзио уловили начинающееся движение. Он замер на мгновение, пытаясь локализовать непонятный звук. Потом мягко, как кошка, пошел обратно к двери. Но не слишком быстро. Когда он проходил мимо третьего ряда, то заметил движение. Инстинктивно он поднял пистолет и выстрелил. Но атакующий его труп и так был давно мертв.

С удивительной скоростью на Д'Амброзио надвигался похожий на привидение труп белого мужчины, замороженные губы которого были сложены в ужасную улыбку. Сто килограммов замороженного человеческого мяса ударили в убийцу, отшвырнув его к стене морозильника. Остальные тела стали налетать друг на друга, некоторые сорвались с крюков. Образовалась груда тел, из которой торчали замороженные конечности.

Сьюзен отпустила рельс и спрыгнула на пол. Потом она побежала к открытой двери. Д'Амброзио старался спихнуть с себя тела. Но ему было больно, и у него было мало сил. Вонь от формалина почти лишала его сознания. Когда Сьюзен пробежала мимо, он попытался схватить ее. Д'Амброзио старался освободить свой пистолет и прицелился, но попал в искривленную руку трупа.

– Сука! – закричал Д'Амброзио, напрягая все силы, чтобы освободиться от веса мертвого мяса.

Но Сьюзен уже выбежала в дверь. Д'Амброзио был уже на ногах. Расталкивая падающие тела направо и налево, он рванулся к закрывающейся двери. Но Сьюзен уже успела нажать на нее изо всех сил, и инерция закрывающейся тяжелой двери помогла ей. Засов лязгнул. Сьюзен неловко возилась со стальным штырем. Изнутри Д'Амброзио схватился за ручку двери. Сьюзен опередила его на долю секунды, и штырь упал прорезь засова.

Сьюзен прислонилась к стене, ее сердце бешено колотилось. Изнутри слышался приглушенный крик. Затек донеслись приглушенные выстрелы. Это Д'Амброзио стрелял в дверь. Но толщина двери была тридцать сантиметров. Выстрелы были бесполезны.

Сьюзен повернулась и побежала. Только сейчас она поняла, какой опасности подвергалась. Не в силах унять сотрясавшую ее дрожь, она заплакала. Как она нуждалась в помощи, настоящей помощи!

Четверг, 26 февраля

2 часа 11 минут

Бикон Хилл был погружен в сон. Когда такси свернуло с Чарльз стрит на Маунт Вернон и начало двигаться по жилым кварталам, на улицах не было ни людей, ни машин, ни даже собак. По дороге встречалось очень мало окон, в которых горел свет. И только горящие газовые фонари доказывали, что это населенный район, а не пустыня. Сьюзен заплатила таксисту, а потом посмотрела по сторонам, не преследует ли ее кто.

После того, как она ухитрилась запереть Д'Амброзио в морозильнике, Сьюзен была так напугана, что решила не возвращаться в общежитие. Она не знала, работал Д'Амброзио один или в компании, и совершенно не имела настроения выяснять это. Она выбежала из анатомического корпуса, прошла перед административным корпусом и вышла к Гантингтон-авеню, минуя Школу Здравоохранения. Чтобы поймать такси в это время суток, ей понадобилось пятнадцать минут.

Беллоуз. Сьюзен подумала, что это единственный человек, к которому она могла прийти в два часа ночи, и который понял бы ее жуткую ситуацию. Но она продолжала беспокоиться, что за ней могут следить, и не хотела навлекать на Беллоуза неприятности. Поэтому, когда она вошла в фойе дома Беллоуза, то подождала минут пять, прежде чем звонить в дверь, чтобы убедиться, что за ней не следят.

Фойе не отапливалось, и Сьюзен пришлось пять минут прыгать на месте, чтобы не замерзнуть. Вновь обретя способность рассуждать разумно после ужасного происшествия с Д'Амброзио, она попыталась вычислить, почему он вернулся в ее комнату так быстро. Насколько она могла заметить, за ней никто не следил, когда она вернулась в Мемориал, чтобы добыть истории и исследовать операционные. Никто даже не знал, что она была там.

Она прекратила приплясывать и посмотрела на Маунт Вернон стрит через стекло входной двери. Беллоуз! Он видел ее в ординаторской. Он был единственным человеком, который знал, что она продолжает свое расследование. Она показала ему истории болезни. Сьюзен продолжила свои физические упражнения, проклиная

в душе свою паранойю. Потом снова замерла, припомнив, что Беллоуз был связан с историей с лекарствами, найденными в шкафчике, и что Беллоуз был тем человеком, который обнаружил Вальтерса после того, как тот покончил жизнь самоубийством.

Сьюзен повернула голову и посмотрела сквозь стекло двери, ведущей на лестницу. Ступеньки поднимались все выше и были покрыты красной ковровой дорожкой. Неужели Беллоуз связан с ее преследователем? Эта мысль завладела измученным мозгом Сьюзен и ее усталым телом. Она начинала подозревать всех вокруг. Сьюзен потрясла головой и засмеялась: бредовость этой идеи была очевидной. Но она начала ее обдумывать, и эти мысли страшно тревожили ее.

На часах Сьюзен было два часа семнадцать минут. Беллоуз должен сильно поразиться, услышав звонок в дверь в такое время. "По меньшей мере, поразиться", – подумала Сьюзен. Особенно если знал, что она должна быть сильно "занята" с Д'Амброзио где-то в другом месте, если конечно, он знал о Д'Амброзио. Сьюзен вдруг подумала, что это все чепуха. Она решительно нажала на звонок. Но ей пришлось надавить его еще раз и держать его, пока Беллоуз не ответил.

Сьюзен начала подниматься по ступенькам. Она была на середине второго лестничного марша, когда Беллоуз появился на пороге в банном халате.

– Я так и знал. Сьюзен, ведь сейчас два часа ночи!

– Ты приглашал меня выпить. Я передумала и согласилась.

– Но это было в одиннадцать, – Беллоуз исчез с порога, оставив дверь открытой.

Сьюзен поднялась на этаж и вошла в его квартиру. Его нигде не было видно. Она закрыла дверь, заперла ее и задвинула оба засова. Она нашла Беллоуза в кровати, одеяло натянуто до подбородка, глаза закрыты.

– Милосердия, – жалобно сказала Сьюзен, садясь на край кровати.

Она посмотрела на Беллоуза. Господи, она была так рада видеть его! Она хотела броситься ему на грудь, почувствовать его объятия. Она хотела рассказать ему об убийце, о морозильнике. Она хотела хохотать, хотела плакать. Но она не сделала ничего. Она только смотрела на Беллоуза и колебалась.

Беллоуз не шевелился. Наконец, открылся его правый глаз, потом – левый. Потом он сел.

– Черт, я не могу спать, когда ты сидишь здесь.

– Как насчет выпить? Мне очень нужно.

Сьюзен изо всех сил старалась быть спокойной и разумной. Но это было трудно. Ее сердце до сих пор билось со скоростью сто пятьдесят ударов в минуту.

Беллоуз посмотрел на Сьюзен.

– Ну, ты даешь! – Встал и снова надел халат. – О'кей. Тебе чего налить?

– Бурбон, если у тебя есть. Бурбон с содовой.

Сьюзен предвкушала, как будет пить огненную жидкость. Ее руки заметно дрожали. Вслед за Беллоузом она прошла на кухню.

– Марк, на меня снова напали, – в голосе Сьюзен звучало искусственное спокойствие.

Она следила, как Беллоуз отреагирует на ее слова. Он замер, сунув руки в морозилку за формочкой со льдом.

– Ты серьезно?

– Я никогда не была так серьезна.

– Тот же человек?

– Тот же человек.

Беллоуз снова занялся формочкой, выковыривая кусочек льда вилкой. Наконец, тот поддался. Сьюзен почувствовала, что новость его удивила, но не слишком, и он не был сильно ею озабочен. Сьюзен ощутила беспокойство.

Она изменила тактику.

– Я обнаружила кое-что, когда была в операционной. Нечто очень интересное, – она подождала ответной реплики.

Беллоуз налил в стакан бурбон, потом открыл бутылку с содовой и налил ее поверх льда. Кусочек льда защелкал от стенки стакана.

– Ладно, я верю тебе. Ты мне скажешь, что, или нет? – Беллоуз подал Сьюзен стакан. Она глотнула.

– Я проследила кислородную трубку от операционной номер восемь на потолке. Прямо возле центральной шахты на ней есть дополнительный вентиль.

Беллоуз отпил из своего стакана, а потом мотнул головой в сторону гостиной: часы на камине прозвонили пол-третьего.

– Все газовые линии имеют вентили, – через какое-то время ответил Беллоуз.

– На других такого не было.

– Ты имеешь в виду коннектор, по которому газ можно подводить к линии?

– Думаю, да. Я не очень разбираюсь в вентилях.

– А ты проверила линии от других операционных, чтобы быть уверенной?

– Нет, но операционная восемь – единственная, которая имеет такой вентиль возле центральной шахты.

– Вентиль иметь никому не запрещается. Может быть, на других линиях он где-нибудь в другом месте. Я бы не строил на этом вентилю окончательных выводов, пока не проверил бы остальные линии.

– Но слишком много совпадений, Марк. Все случаи комы произошли с больными после операций в восьмой операционной, и кислородная линия восьмой операционной имеет вентиль в интересном, довольно хорошо спрятанном месте.

– Сьюзен, слушай. Ты забываешь, что двадцать пять процентов твоих предполагаемых жертв вообще не бывали рядом с операционной, не то что в операционной номер восемь. Послушай, даже в более приличных условиях я считал твой крестовый поход смешным и опасным. Но сейчас, когда я ужасно устал, он мне надоел до чертиков. Ты не можешь поговорить о чем-нибудь более приятном, например, о социальных программах в медицине?

– Марк, но я уверена в этом, – Сьюзен уловила оттенок раздражения в голосе Беллоуза.

– Я уверен, что ты уверена, но я также уверен, что я не уверен.

– Марк, этот человек, который днем напал на меня, чтобы предупредить, вернулся ночью, и я думаю, что на этот раз он не хотел разговаривать. Я думаю, он хотел убить меня. Правда, он хотел убить меня. Он стрелял в меня!

Беллоуз поднял глаза, а потом виски.

– Сьюзен, я не представляю, что и думать об этом, ничего умного выдать из себя не могу. Почему ты не обратилась в полицию, если так уверена в этом?

Сьюзен не услышала последних слов Беллоуза. Ее ум напряженно работал. Она начала громко говорить:

– Кома развивалась от недостатка кислорода. Если им давали слишком много сукцинилхолина или кураре, чтобы у них начиналась гипоксия... – голос Сьюзен замер, она размышляла. – Из-за этого могла произойти остановка дыхания. Одного они вскрывали, Кроуфорда. – Сьюзен схватила свой блокнот. Беллоуз отпил из своего стакана. – Вот, Кроуфорд. У него была глаукома на одном глазу, и он получал формалин йодид. Это ингибитор холинэстеразы, а это значит, что его способность метаболизировать сукцинилхолин была снижена, и сублетальная доза могла оказаться летальной.

– Сьюзен, я же говорил тебе, что эти штуки с сукцинилхолином не работают в операционной, где находятся и хирург, и анестезиолог. Кроме того, сукцинилхолин не вводят в виде газа... Во всяком случае, я никогда об этом не слышал. Конечно, можно передозировать сукцинилхолин, но это всего лишь значит, что за пациента нужно дольше дышать. Никакой гипоксии не будет.

Сьюзен медленно отпила свой бурбон.

– Все, что ты сказал, означает только то, что гипоксия в операционной развивалась так, что цвет крови не менялся, и хирург оставался спокойным. Как же это можно сделать?.. Нужно заблокировать потребление кислорода в мозге... может быть, на клеточном уровне... или заблокировать освобождение кислорода из крови, Мне кажется, существует препарат, который может заблокировать потребление кислорода, но я так сразу не вспомню. Если вентиль на кислородной линии имеет значение, то такой препарат подавался в газообразной форме. Но есть другой способ так сделать, чтобы кислород не высвобождался из гемоглобина, а кровь оставалась красной... Марк, я поняла! – Сьюзен подскочила и села прямо. Ее глаза были широко открыты, а рот растянулся в полу-улыбку.

– Ну-ну, Сьюзен, – протянул Марк саркастически.

– Монокись углерода! Угарный газ! Нужно всего лишь подключить к кислородной линии угарный газ, достаточное количество, чтобы в мозге развилась гипоксия. Цвет крови не меняется. Она даже станет еще красней, будет, как вишня. Даже небольшое количество угарного газа вытесняет кислород из гемоглобина. Мозг испытывает кислородное голодание – и кома. А в операционной все остается как обычно. Только мозг больного умирает, и никаких следов причины смерти.

В комнате повисло молчание, двое людей смотрели друг на друга. Сьюзен выжидательно, а Беллоуз с усталым смирением.

– Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сказал? Ладно, это возможно. Смешно, но это так. Я думаю, что теоретически, эти случаи в операционной можно объяснить так. Это жуткая мысль, примитивная, но, во всяком случае, допустимая. Проблема лишь в том, что двадцать пять процентов больных не подходили к операционной.

– Те случаи легко объяснить. Трудно объяснить случаи после операций. Мне было так трудно расстаться с мыслью о диагностике новой болезни, но нужно было искать единственную причину. И эти случаи не имеют ничего общего с болезнью. Больным в терапии давали сублетальные дозы сукцинилхолина. Такое могло случиться и в госпитале Администрации Ветеранов в Мид-весте и даже в Нью-Джерси.

– Сьюзен, ты можешь строить гипотезы, пока не посинеешь, – сказал Беллоуз с оттенком гнева, проистекающего от растерянности. – То, что ты говоришь, означает фантастически организованный план – план преступления – с единственной целью получать коматозных больных. Ладно, скажи мне, ты совершенно не ответила на самый важный вопрос – почему? Почему, Сьюзен? Я имею в виду, что ты сейчас несешься со скоростью сто пятьдесят километров в час, подвергая риску свою карьеру и мою, должен добавить, и подъезжаешь к такому правдоподобному, хотя и фантастическому объяснению серии этих несвязанных между собой несчастных случаев. Но в то же время, ты совершенно забываешь ответ на вопрос – зачем это нужно? Сьюзен, Бога ради, ведь должен быть мотив. Это же смешно. Извини, но это смешно. Кроме того, я хочу спать. Кто-то из нас и работает, знаешь ли... И у тебя нет никаких доказательств. Клапан на кислородной линии. Господи, Сьюзен, это неубедительно. Я считаю, тебе нужно прийти в себя. С меня хватит. Я больше не играю. Я хирург-ординатор, а не Шерлок Холмс по совместительству.

Беллоуз встал и допил свой бурбон одним долгим глотком.

Сьюзен внимательно смотрела на него, в ней опять зашевелились подозрения. Беллоуз больше не был на ее стороне. Почему? Криминальный аспект этого дела был слишком очевиден для нее.

– Почему ты так уверена, – продолжал Беллоуз, – что это имеет какое-нибудь отношение к Нэнси Гринли и Берману? Сьюзен, я думаю,

ты слишком поспешно делаешь выводы. Есть гораздо более простое объяснение поведению этого типа, который так хотел поймать тебя.

– Ну, какое? – Сьюзен рассердилась.

– Парень был сексуально озабочен, и ты...

– Заткнись, Беллоуз! – Сьюзен разъярилась.

– Теперь она сошла с ума. Господи, Сьюзен, ты воспринимаешь все это дело, как сверхсложную игру. Я не буду с тобой спорить.

– Каждый раз, когда я говорю тебе об агрессивном поведении хоть Гарриса, хоть этого подонка, который хотел убить меня, ты придумываешь дурацкое сексуальное объяснение.

– Секс не я придумал, дитя мое. Тебе лучше примириться с этим фактом.

– Я думаю, это скорее твоя проблема. Вы мужчины-врачи, кажется, никогда не вырастаете. Я думаю, что быть вечным подростком смешно, – сказала Сьюзен, встала и надела пальто.

– Куда ты пойдешь в это время? – властно спросил Беллоуз.

– У меня есть ощущение, что мне на улице будет безопасней, чем в этой квартире.

– Ты никуда не пойдешь, – безапелляционно заявил Беллоуз.

– А-а, вот вылезает наружу мужской шовинизм. Великий защитник! Чушь собачья. Эгоист заявляет, что я не уйду. Посмотрим!

Сьюзен быстро ушла, хлопнув дверью.

Нерешительность сковала Беллоуза, и он в молчании смотрел на дверь. Он молчал, потому что понимал, что Сьюзен во многом права. Он не двигался, потому что действительно хотел избавиться от всей кутерьмы. "Угарный газ, чертовщина какая!" – он отправился обратно в спальню и повалился на кровать. Глядя на часы, он понял, что утро наступит очень скоро, слишком скоро.

* * *

Д'Амброзио охватила паника. Он никогда не любил замкнутые пространства, и стены морозильника начали надвигаться на него. Он начал дышать чаще, глотая воздух, а потом подумал, что может задохнуться. И этот холод. Смертельный холод, проползший под его

толстое чикагское пальто. Несмотря на непрерывное движение, его ступни и кисти онемели.

Но хуже всего в этой поганой ситуации были мертвецы и острый запах формальдегида. Д'Амброзио видел много кровавых сцен в своей жизни, опыт по части мертвецов у него был богатый. Но никогда он не оказывался в одном морозильнике с трупами. Сначала он старался не смотреть на них, но бессознательно, от возрастающего страха, его глаза все чаще упирались в мертвецов. Иногда ему казалось, что они улыбаются. Потом они начали смеяться над ним, даже когда он не смотрел в их сторону. Он разрядил всю обойму в тело особенно глумливого мертвеца, которого, как ему показалось, он узнал.

Д'Амброзио отошел в угол, чтобы держать в поле зрения всех мертвецов. Потом медленно опустился на корточки. Он уже не чувствовал своих коленей.

Четверг, 26 февраля

10 часов 41 минута

Тропинка сворачивала под откос налево и шла через чащу сучковатых искривленных дубов, растущих в зарослях вереска. Дубовые ветви смыкались над тропинкой, превращая ее в подобие тоннеля. Перспектива терялась через несколько метров. Сьюзен бежала по дорожке, не осмеливаясь оглянуться. Впереди было спасение. Но тропинка сузилась и ветви деревьев спали цепляться за ее одежду, мешая бежать. Вересковые заросли обхватили ее. Она отчаянно напрягала все силы, чтобы прорваться. Впереди был виден свет. Безопасность. Но чем больше она рвалась, тем больше запутывалась в чаще, как в гигантской паутине. Руками она пыталась высвободить свои ноги. Но и ее руки застряли в путанице зарослей. Осталось всего несколько минут. Она должна освободиться. Вдруг она услышала, как сигналит машина, и одна рука стала свободной. Сигнал повторился – и она открыла глаза. Она находилась в номере 731 мотеля "Бостон Мотор Лодж".

Сьюзен села на кровати, оглядывая комнату. Это был только сон, повторяющийся сон, который она не видела уже много лет. С пробуждением к ней пришло облегчение. Она сидела, откинувшись на подушки, подобрав вокруг себя одеяло. Сигнал автомашины, разбудивший ее, прозвучал в третий раз. Послышались еще какие-то приглушенные крики, потом наступила тишина.

Сьюзен осмотрела номер – типично американская безвкусица. Две большие кровати, покрытые покрывалами, разрисованными цветами в нейтральных тонах. Ковер на полу из грубой шерсти когда-то был ярко-зеленым. Ближайшая стена заклеена обоями с зелененьким цветочным орнаментом. Дальняя стена была бледно-желтой. Над кроватью висела безвкусная репродукция, изображающая идиллическую картинку скотного двора с гусями и овцами. Мебель дешевая, но имелся внушительный цветной телевизор – 70 сантиметров по диагонали – в качестве обязательной моральной компенсации мотельного убожества. Эстетика никогда не была сильной стороной "Бостон Мотор Лодж".

Но здесь было безопасно. Глубокой ночью покинув квартиру Беллоуза, Сьюзен мечтала только о том, чтобы найти мирное убежище и спокойно выспаться. Несколько раз раньше на Кембридж-стрит она замечала кричащий указатель мотеля. Указатель был ужасен и совсем не способен завлечь усталого путника. Но там были номера и покой, в котором она так нуждалась. Она зарегистрировалась как Лоури Симпсон и прождала в вестибюле добрую четверть часа, прежде чем ей удалось подняться в номер. Когда портье за стойкой посмотрел на нее странновато, она дала ему лишних пять долларов чаевых и попросила проинформировать ее, если кто-нибудь будет ею интересоваться. Она соврала ему, что ее преследует ревнивый любовник. Удовлетворенный пятью долларами и оказанным ему доверием, портье заговорщицки подмигнул ей. Сьюзен знала, что он "проглотил" историю с наживкой – такова сущность мужского тщеславия.

Предприняв эти предосторожности и перегородив дверь столом, Сьюзен позволила себе свалиться в кровать и уснуть. Она не смогла заснуть мертвым сном, так как ей приснился кошмар, но почувствовала сейчас себя вполне освеженной.

Сьюзен вспомнила, как поругалась с Беллоузом прошедшей ночью, и задумалась, стоит ли ему звонить. Она сожалела о своей резкости, понимая, что сделала это совершенно напрасно. Она припомнила и овладевшую ею манию преследования и почувствовала себя растерянной. Но потом рассудила, что в ее обстоятельствах и состоянии ума все это было вполне естественно. Ее только изумляло, что Беллоуз оказался таким бесхребетным. Правда, он так хотел стать хирургом! Она должна была понять, что его карьерные устремления сделали для него очень трудным, если вообще возможным, объективный взгляд на ситуацию. Сьюзен пожалела о разрыве хотя бы потому, что Беллоуз при обсуждении ее расследования отлично играл роль адвоката дьявола. В конце концов, он был прав, утверждая, что у Сьюзен не существует и намек на мотив, который обязательно должен быть, если орудует большая организация.

Может быть, коматозные больные были жертвами какой-нибудь гангстерской вендетты? Сьюзен сразу отбросила эту идею, вспомнив о Нэнси Гринли и Бермане. Нет, это невозможно. Может, это вымогательство? Ну, например, семьи отказались платить и – бац! Нет,

это неправдоподобно. Просто невозможно утаить этот коматозный бизнес в тайне. Гораздо легче убивать людей на улице, а не в стенах больницы. Причина, по которой умирали эти люди, должна была находиться внутри больницы. Должно быть какое-то общее свойство, объединявшее этих людей.

Размышляя таким образом, Сьюзен подняла трубку телефона, стоявшего у кровати. Она позвонила в деканат медицинской школы и попросила к телефону секретаря декана:

– Это секретарь доктора Чепмена? Это Сьюзен Уилер... да-да, знаменитая Сьюзен Уилер. Послушайте, я хотела бы оставить сообщение для доктора Чепмена. Нет, не надо беспокоить его. Я сегодня должна была начать хирургический цикл в госпитале Администрации по Делах Ветеранов, но ужасно плохо чувствовала себя ночью, у меня были страшные кишечные спазмы, я не спала всю ночь. Лучше я начну цикл завтра. Да, я уверена. Если что, я перезвоню. Не были бы вы так любезны попросить, чтобы доктор Чепмен проинформировал об этом отделение хирургии в ветеранском госпитале? Благодарю вас.

Сьюзен положила трубку. Без четверти одиннадцать. Она позвонила в Мемориал и спросила офис доктора Старка:

– Это звонит мисс Уилер. Я хотела бы поговорить с доктором Старком.

– Конечно, мисс Уилер. Доктор Старк ждал вашего звонка около девяти. Сейчас он подойдет. Он беспокоился, когда вы не позвонили.

Сьюзен ждала, крутя телефонный шнур между указательным и большим пальцами.

– Сьюзен? – голос доктора Старка был озабоченным. – Очень рад тебя услышать. После того, как ты рассказала мне, что с тобой произошло вчера днем, я испугался, когда ты не позвонила. Все в порядке?

Сьюзен поколебалась, говорить ли правду, но потом подумала, что должна использовать ту же легенду, что и с доктором Чепменом. Ведь Старк мог позвонить Чепмену. Она решила быть последовательной.

– У меня были кишечные спазмы, из-за которых пришлось лежать в постели. В остальном все нормально.

– Тогда все хорошо. Относительно твоих запросов есть несколько хороших новостей и несколько плохих. С каких начать?

– Лучше с плохих.

– Я говорил с Ореном, потом с Гаррисом и, наконец, с Нельсоном о том, чтобы восстановить тебя на цикле по хирургии здесь, в Мемориале, но они непреклонны. Конечно, они не хотят ссориться с отделением хирургии, но мы все обязаны сотрудничать друг с другом, и, если честно, я не очень настаивал. Если бы они хоть чуть-чуть колебались, я бы нажал. Но они настроены решительно. Вы вызвали настоящую неприязнь, молодая леди!

– Да-а... – Сьюзен совершенно не удивилась.

– Кроме того, если ты вернешься сюда, тебе будет очень трудно восстановить свою репутацию. Тебя будет преследовать дурная слава. Нужно, чтобы это затихло само собой.

– Я думаю...

– Программа госпиталя Администрации по Делах Ветеранов – очень популярная модификация нашей программы, и там будет гораздо больше возможностей оперировать.

– Это-то да, но что касается обучения, то ему очень далеко до Мемориала.

– Но с другой твоей заявкой, насчет Института Джефферсона, мне повезло. Мне удалось поговорить с его директором, и я рассказал ему о твоём повышенном интересе к интенсивной терапии. Я также сказал ему, что тебе очень хочется побывать у него в госпитале. И он любезно согласился, чтобы ты пришла туда, если ты прибудешь не в разгар рабочего дня, а где-нибудь после пяти. Но он выставил несколько условий. Ты должна прийти одна, и только тогда тебя пустят внутрь.

– О, конечно.

– И так как мне пришлось превысить свои полномочия и нажать на все кнопки, так сказать, то я бы хотел, чтобы ты никому не распространялась об этом визите. Я должен сознаться, что мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы выбить тебе разрешение. Я это говорю не потому, чтобы ты ощущала себя обязанной, а просто хочу дать тебе понять, что это – некое частичное возмещение за то, что я не смог восстановить тебя в Мемориале. Директор заявил мне категорически, что никого не пустит, кроме тебя. Они могут пускать туда группы посетителей, только когда имеют время приглядывать за ними. Это весьма специфическое место, ты

сама увидишь. Будет очень неприятно, если ты приведешь туда кого-нибудь еще. Иди одна. Ты поняла меня, я надеюсь?

– Конечно.

– Ну тогда дай мне знать о своих впечатлениях об этом Институте. Я еще там сам не бывал.

– Огромное спасибо, доктор Старк. Да, здесь есть еще одна штука... – Сьюзен подумала, стоит ли говорить Старку о втором нападении Д'Амброзио. Потом решила, что не надо, так как вчера он хотел, чтобы Сьюзен пошла в полицию. Сейчас он стал бы настаивать на этом. А Сьюзен еще не хотела обращаться в полицию, еще нет. Если за этим делом скрывалась преступная организация, было бы наивно думать, что у них не было плана защиты против таких непредвиденных случайностей, чтобы избежать полицейского расследования.

– Я не уверена, что это важно, – продолжила Сьюзен. – Но я нашла вентиль на кислородной линии, ведущей в операционную номер восемь в оперблоке. Он расположен прямо возле центральной шахты.

– Возле чего?

– Основной шахты, по которой проходят все трубы в здании сквозь этажи.

– Сьюзен, ты меня потрясает. Как ты это узнала?

– Я забралась в пространство между наборным и настоящим потолком и проследила газовые линии от оперблока.

– Пространство между потолками! – Старк гневно повысил голос. – Сьюзен, ты заходишь слишком далеко. Я не могу понять, зачем ты туда полезла.

Сьюзен подумала, что сейчас разразится гроза, как это было в случаях с Мак-Лири и Гаррисом. Но в воздухе повисла пауза. Наконец, Старк нарушил ее.

– Ладно, во всяком случае, ты выяснила, что на кислородной линии от операционной номер восемь есть дополнительный вентиль. – Его голос звучал почти нормально.

– Ну да, – осторожно сказала Сьюзен.

– Так, я думаю, что знаю, что это такое. Я председатель комитета по планировке оперблока, как ты можешь догадаться. Это может быть клапан для выпуска пузырей воздуха при заполнении системы газом. Но в любом случае я проверю и удостоверюсь, так ли это. Кстати, как

фамилия пациента, которого ты хочешь повидать в Институте Джефферсона?

– Шон Берман.

– Ах, да, я вспоминаю этот случай. Он был совсем недавно. У Спаллека. Менискэктомия, мне кажется. Да... трагедия, тридцатилетний мужчина. Просто позор. Ну ладно, удачи тебе. Скажи, ты сегодня не была в ветеранском госпитале?

– Нет, спазмы держали меня в кровати все утро. Но завтра, я уверена, все уже будет в порядке, и я вернусь на занятия.

– Надеюсь, что так, Сьюзен, для твоего же блага.

– Спасибо вам за участие, доктор Старк.

– Не за что, Сьюзен.

Разговор прервался, и Сьюзен повесила трубку.

* * *

Грязные перчатки упали в корзину, стоявшую позади лотка с тампонами. Тампоны, лежавшие в лотке, были окровавлены. Медсестра зашла за спину Беллоуза и развязала на шее тесемки его операционного халата. Беллоуз сбросил его в корзину у выхода из операционной и вышел.

Это была неосложненная резекция желудка, операция, которую Беллоуз всегда любил делать. Но в это утро мысли Беллоуза крутились не здесь, и, соединяя двухрядным швом культю желудка с кишкой, Беллоуз испытывал не удовольствие, а утомление. Он не мог перестать думать о Сьюзен. Его мысли витали между нежной озабоченностью, перемешанной с угрызениями совести, когда он вспоминал свои слова, которыми проводил Сьюзен прошлой ночью, и сознанием собственной правоты. Он и так уже зашел слишком далеко, рисковал слишком многим, а было совершенно ясно, что Сьюзен абсолютно не имеет намерений прекратить свое идиотское путешествие к профессиональному самоубийству.

С другой стороны, волнующие воспоминания о предыдущей ночи были еще живы в душе Беллоуза. Его реакция на Сьюзен была такой естественной, такой непосредственной. Они занимались любовью так, что оргазм не был самоцелью, а только средством познать друг друга.

Это было удивительное чувство общности. Беллоуз прекрасно осознавал, что Сьюзен нравится ему очень сильно, несмотря на то, что он знал ее очень мало, и несмотря на ее ослиное упрямство.

Беллоуз продиктовал протокол гастрэктомии в микрофон магнитофона привычным в таких случаях монотонным речитативом, заканчивая каждое предложение обычным словом "точка". Потом он пошел в раздевалку, чтобы переодеться в свою одежду.

Чувство благодарности и привязанность к Сьюзен насторожили Беллоуза. Его благоразумие подсказывало ему, что такое настроение снизит его объективность и способность оценивать перспективу. Он не мог позволить себе этого, особенно сейчас, когда его карьера висела на волоске. Но так как Сьюзен перевели в госпиталь Администрации по Делах Ветеранов, все дело могло затихнуть. Старк на обходе был вполне корректен и снизошел даже до полуизвинений за предположение, что Беллоуз мог быть связан с лекарствами в шкафчике 338.

Беллоуз закончил переодеваться и направился в послеоперационную проверить назначения своему больному с гастрэктомией.

– Эй, Марк, – громко окликнул его голос со стороны поста в послеоперационной. Беллоуз повернулся и увидел подходившего к нему Джонсона.

– Как поживают твои чертенята-студенты? Я имею в виду и эту хитрозадую девицу.

Беллоуз не ответил. Он сделал вопросительный жест рукой. Идиотские разговоры с Джонсоном о Сьюзен были последней вещью, которую он бы пожелал делать.

– Твои студенты рассказали тебе, что приключилось утром в медицинской школе? Это самая забавная история из тех, которые я слышал за последнее время. Какой-то парень ворвался в анатомический корпус этой ночью. Это, наверно, был какой-то чудачок, потому что он разрядил пожарный огнетушитель, сорвал клеенку со всех трупов, на которых занимались первокурсники, стрелял, потом заперся в морозильнике и шумно поскандалил там с покойниками. Там он свалил все трупы на пол и расстрелял один из них. Ты представляешь? – Джонсон изверг из себя поток хохота.

На Беллоуза его слова произвели совершенно обратный эффект. Он смотрел на Джонсона, но думал о Сьюзен. Она же говорила ему, что на нее снова покушались, что кто-то хотел убить ее. Неужели это тот самый человек? Но морозильник? Сьюзен превратилась в настоящую загадку. Почему она не рассказала ему все?

– Этот парень замерз?

Джонсон еле нашел в себе силы прекратить смеяться и продолжать разговор:

– Нет, по крайней мере, не целиком. В середине ночи в полиции раздался анонимный звонок. Они подумали, что это медицинские шуточки студентов и не стали проверять, пока не пришла дневная смена. К этому времени парень был уже без сознания и сидел в углу. Температура его тела опустилась уже до тридцати трех градусов, но ребята из медицинской школы умудрились оттаять его без угрозы ацидоза. Очень похвально со стороны этих задниц. Плохо только, что они вызвали меня на консультацию спустя целых два часа. Ха-ха, ты знаешь, как медсестры из БИТа зовут его?

– Не имею представления, – Беллоуз слушал вполуха.

– Ледяные Яйца, – Джонсон снова зашелся в приступе смеха. – Я думаю, это очень остроумно. Это как карикатура на Горячие Губы из М*А*S*Н*. Что за парочка – Горячие Губы и Ледяные Яйца!

– Он выкарабкается?

– Конечно. Но мне придется кое-что ампутировать. Как минимум он потеряет часть ног. Сколько – решится в течение суток. Бедный сукин сын может потерять и свои ледяные яйца.

– Они выяснили что-нибудь про него?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, его имя, откуда он, все такое...

– Ничего. Выяснилось, что все документы, которые нашли у него, фальшивые. Полиция очень заинтересована. Он бредил что-то насчет Чикаго. Вот судьба! – последние предложения Джонсон произнес пониженным тоном, как какой-нибудь важный секрет, и отправился обратно к посту.

Беллоуз пошел по своим делам, проверил анализы своего прооперированного больного. Потом просмотрел историю болезни. Назначения были написаны Рейдом, все было отлично. Он думал о мужчине в морозильнике. История была загадочная. Беллоуз снова

задумался над тем, был ли это тот самый человек, который напал на Сьюзен. Если это так, то как она умудрилась запереть его в морозильнике? И какого дьявола она ничего не рассказала ему об этом? Наверно, он сам не дал ей даже шанса рассказать. Если она заперла этого человека в морозильнике, у нее теперь могут быть проблемы с полицией. Неужели это она анонимно позвонила в полицию?

Беллоуз проверил перевязку больного. Она не съехала и была чистой, не пропитанной кровью. Капельница стояла правильно.

Он снова вернулся мыслями к Сьюзен и решил окончательно, что чудачок в морозильнике – тот самый человек, который преследовал Сьюзен. Если это он, то ей будет важно знать, что он госпитализирован и находится в критическом состоянии.

Беллоуз позвонил в медицинскую школу и попросил соединить его с общежитием. Он прождал двенадцать гудков, пока не убедился, что Сьюзен нет дома. Потом он позвонил дежурному и попросил его оставить для Сьюзен записку с просьбой позвонить ему, когда она вернется домой.

Сделав все это, Беллоуз отправился обедать.

Четверг, 26 февраля

16 часов 23 минуты

Тридцать шесть долларов и чаевые оказались Сьюзен слишком высокой платой за безвкусный номер в "Бостон Мотор Лодж". Но деньги были потрачены не зря. Сьюзен чувствовала себя отдохнувшей, свежей и находилась в безопасности. День она провела, перечитывая свои записи. Вся информация, которая у нее была по больным, у которых кома развилась после операций, вполне подтверждала идею об угарном газе. Случаи в терапевтическом отделении тоже укладывались в гипотезу об отравлении сукцинилхолином. Но решительно никаких следов мотива преступления не было. Все случаи были совершенно несопоставимы.

Сьюзен несколько раз звонила в Мемориал, пытаясь выяснить домашний адрес Вальтерса, но успеха не добилась. Однажды она позвонила в Мемориал и попросила вызвать Беллоуза, но повесила трубку прежде, чем тот успел подойти. Медленно, но неумолимо Сьюзен начала понимать, что находится в безвыходном положении. Она подумала, что, может быть, это подходящий момент, чтобы обратиться в полицию и рассказать, что ей известно, а потом взять академический отпуск. У нее был месяц неиспользованного отпуска за третий курс, и она была уверена, что в любой момент сможет получить на него разрешение. Она должна сбежать, уехать, забыть все. Сьюзен вспомнила о Мартинике. Она очень любила все французское и ужасно стосковалась по солнцу.

Швейцар мотеля, свистнув, позвал для нее такси, и она села в машину, назвав шоферу адрес: 1800 Саут-Веймаут-стрит, Южный Бостон. Потом откинулась на спинку сиденья.

Такси ехало по Кембридж-стрит, потом по Сторроу-драйв и Беркли. Шофер вез Сьюзен по самым приятным районам Саут Энда, чтобы избежать улиц, переполненных транспортом. На Массачусетс-авеню он повернул направо, и сразу окружающий пейзаж испортился. Попав раз в Южный Бостон, Сьюзен поняла, что потерялась бы там. По бокам улиц стояли ничем не отличающиеся друг от друга дома, мостовые были замусорены. Скоро такси выехало в район торговых

складов, пустынных заводов и темных улиц. Почти во всех фонарях лампы были разбиты.

Когда Сьюзен вышла из машины, место, куда она попала, оказалось лишенным даже малейшего признака жизни. Прямо перед ней одинокий висячий фонарь очень современного дизайна бросал свет на парадную дверь, вывеску и дорожку, ведущую к двери. Надпись на вывеске, выведенная большими синими буквами, гласила: "Институт Джефферсона". Ниже вывески располагалась бронзовая табличка, сообщавшая, что здание построено при поддержке Министерства Здравоохранения, Просвещения и Социального Обеспечения Правительства Соединенных Штатов Америки в 1974 году.

Территорию Института Джефферсона окружала высокая изгородь около двух с половиной метров, способная выдержать ураган. Само здание располагалось в глубине участка, метрах в пяти от тротуара. Архитектура здания, отделанного отполированной до блеска белой мозаикой, была чрезвычайно современна. Стены, наклоненные вовнутрь под углом градусов в восемьдесят, возносили первый этаж на высоту почти восьми метров. На этой высоте располагался узкий горизонтальный карниз, а дальше стены возвышались под таким же углом еще на восемь метров. Кроме парадного входа в фасаде первого этажа не было больше ни окон, ни дверей. На втором этаже окна существовали, но они были утоплены глубоко в стену и плохо просматривались с улицы; были видны только амбразуры резких геометрических очертаний и отблеск света изнутри.

Здание занимало целый квартал. Как ни странно, Сьюзен нашла его красивым, хотя понимала, что окружающее Институт убожество усиливает производимый им эффект. Сьюзен догадалась, что Институт был красой какого-то плана обновления и перестройки этой части города. В целом здание напоминало древнюю египетскую гробницу-мастабу или основание ацтекской пирамиды.

Сьюзен подошла к парадной двери. Она была из украшенной бронзой стали и не имела ни ручки, ни замочной скважины. Справа от двери располагался встроенный микрофон. Когда Сьюзен подошла к двери достаточно близко, голос, записанный на магнитофон, спросил ее имя и цель визита. Голос был глубокий, уверенный и размеренный.

Сьюзен подчинилась и ответила, хотя и задумалась над формулировкой цели визита. Она хотела сказать, что цель – туризм, но передумала. Шутить настроения не было. В конце концов, она ответила – с академическими целями.

Ответа не последовало. Под микрофоном загорелся красный прямоугольный световой индикатор с надписью "ЖДИТЕ". Потом свет стал зеленым, а надпись изменилась на "ПРОХОДИТЕ". Стальная дверь беззвучно скользнула вправо, и Сьюзен переступила порог.

Она очутилась в застывшем белом холле. Здесь не было ни окон, ни картин, никаких украшений. Свет, по-видимому, шел от пола, выполненного из непрозрачного, молочного цвета, пластика. Сьюзен нашла этот способ освещения любопытным и футуристичным. Она пошла дальше.

В конце холла вторая дверь беззвучно скользнула в сторону, Сьюзен вошла в следующую комнату, оказавшуюся суперсовременной приемной. Дальняя и ближняя стены были зеркальными от пола до потолка. Обе боковые стены были белыми, без малейшего пятнышка и полностью лишены каких бы то ни было украшений или деталей. Отсутствие последних производило дезориентирующее действие на посетителя. Сьюзен смотрела на стены, ее глаза пытались сфокусироваться на ее собственном изображении в зеркалах. Она замигала и постаралась определить размеры комнаты. Но, посмотрев на зеркало дальней стены, Сьюзен видела только свое бесконечно повторяющееся изображение.

В комнате стоял ряд литых стульев из белой пластмассы. Свет так же, как и в холле, шел с пола, и стулья отбрасывали на потолок причудливые тени. Сьюзен почти собралась усесться, как в дальней зеркальной стене, скользнув, открылась дверь. В приемную вошла высокая женщина и направилась прямо к Сьюзен. Глаза женщины были глубоко посажены, а линия носа по-гречески прямо переходила в линию лба. Ее профиль напомнил Сьюзен классические черты лиц на камнях. Женщина была одета в белый брючный костюм, так же как и стены, лишенный всяческих украшений. Только карманный дозиметр виднелся в кармашке жакета. Выражение лица женщины было бесстрастным.

– Добро пожаловать в Институт Джефферсона. Меня зовут Мишель. Я покажу вам наш институт, – голос ее был, как и лицо,

лишен выражения.

– Спасибо, – сказала Сьюзен, глядя в глаза женщине. – Меня зовут Сьюзен Уилер. Надеюсь, вы ждали меня? – Сьюзен позволила своим глазам еще раз обежать комнату. – Выглядит очень современно. Я никогда не видела ничего подобного.

– Да, мы ожидали вас. Но прежде чем мы начнем, я должна предупредить вас, что внутри очень тепло. Думаю, что вам лучше оставить свое пальто здесь. Пожалуйста, оставьте также и сумку.

Сьюзен сняла пальто, немного смущенная измятой и испачканной униформой медсестры, которая все еще была надета на ней. Потом она вынула из сумки свой черный блокнот.

– Итак... Предполагаю, что вы знаете, что Институт Джефферсона – госпиталь для интенсивной терапии. Другими словами, мы ухаживаем только за пациентами, хронически требующими интенсивной терапии. Большинство наших больных находятся в коматозном состоянии. Этот госпиталь был построен как передовой проект с участием фондов Министерства Здравоохранения, Просвещения и Социального Обеспечения, хотя финансирование его текущей работы производится из частных источников. Госпиталь имел большой успех в качестве учреждения, освобождающего койки в блоках острой интенсивной терапии в городских больницах. В действительности, работа госпиталя настолько успешна, что аналогичные медицинские учреждения строятся или планируются во всех больших городах страны. Исследованиями доказано, что такой госпиталь экономически эффективен в любом городе с населением более миллиона человек... Извините, почему бы нам не присесть? – Мишель указала на два стула.

– Благодарю вас, – ответила Сьюзен, садясь на один из стульев.

– Посещение Института Джефферсона строго ограничено из-за метода ухода, который здесь используется. Мы разработали принципиально новую методику, но если люди к ней не подготовлены, они могут реагировать очень эмоционально. Поэтому посещать больных могут только близкие родственники, но лишь раз в две недели по заранее запланированной схеме.

Мишель сделала паузу в своем монологе, а затем слегка улыбнулась.

– Должна сказать, что ваш визит в высшей степени необычен. Обычно мы принимаем группу медиков разного сорта каждый второй вторник месяца, для них у нас разработана специальная программа. Но так как вы пришли сами по себе, мне приходится импровизировать. Но у нас есть короткий фильм, если хотите.

– Безусловно.

– Хорошо.

Мишель не сделала ни малейшего движения, но в комнате вдруг стало темно, а на обращенной к ним стене стали мелькать кадры фильма. Сюзен была заинтригована. Она подумала, что, наверно, фильм проецируют через прозрачную часть стены, служащую экраном.

Фильм напомнил Сюзен старые кинохроники. Его устаревшая информация казалась анахронизмом в этом сверхсовременном окружении. Первая часть фильма была посвящена концепции интенсивной терапии госпиталя. Показывалось, как министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения обсуждает этот вопрос с составителями социальных программ, экономистами и организаторами здравоохранения. Острые проблемы спиралеобразно возрастающих цен на медицинское обслуживание составляла стоимость длительной интенсивной терапии. Эта мысль была проиллюстрирована графиками и схемами. Мужчина, комментирующий схемы, был невыносимо скучен и банален, как и костюм, который был на нем надет.

– Ужасный фильм, – сказала Сюзен.

– Согласна. Все правительственные фильмы такие. Вы начинаете думать, что у них совершенно нет воображения.

Фильм продолжался. Демонстрировалась церемония открытия Института, во время которой политики улыбались и отпускали идиотские шутки. Потом опять последовали графики и схемы, доказывающие, как много средств удалось сэкономить с помощью госпиталя. Показали несколько сцен, иллюстрирующих, как Институт Джефферсона освобождает места для ухода за острыми больными в отделениях интенсивной терапии в городских больницах. Для сравнения приводилось количество медсестер и другого персонала в Институте Джефферсона и в БИТе обычной больницы, необходимое для интенсивной терапии одинакового числа больных. Люди,

набранные, чтобы наглядно показать это количество, были сняты на пленку бесцельно слоняющимися по автостоянке. В конце фильма показали сердце госпиталя – большой компьютер, имевший и аналоговую часть, и цифровую. В заключительном слове подчеркивалось, что все функции и гомеостаз организма больных мониторятся и поддерживаются компьютером. В конце фильма зазвучала маршевая музыка, как в финале военных фильмов. Когда исчез последний кадр, свет в комнате включился.

– Я бы смогла обойтись без этого фильма, – улыбаясь, сказала Сьюзен.

– Ну да, но в нем хотя бы подчеркивается экономическая сторона проблемы. Это основная идея, заложенная при создании Института. Ну а теперь следуйте за мной, я покажу вам основные части Института.

Мишель встала и направилась к зеркальной стене, где находилась дверь, через которую она вошла. Дверь открылась. И тут же закрылась, едва они вышли через нее в коридор длиной метров пятнадцать. Дальний торец коридора был покрыт зеркалами от пола до потолка. Проходя по коридору, Сьюзен заметила и другие двери, ведущие из него, но все они были закрыты. На дверях не было никаких выступающих частей. По-видимому, все они открывались автоматически.

Обе женщины дошли до конца коридора, дверь скользнула в сторону, и Сьюзен вошла в знакомо выглядевшую комнату. Комната была двенадцать на шесть метров и в точности походила на палату интенсивной терапии в обычной больнице. Там стояло пять кроватей, над которыми располагался обычный ассортимент принадлежностей – экран кардиомонитора, аппарат искусственного дыхания и так далее. Но четыре кровати были сконструированы необычно. Посреди каждой из них, во всю длину проходил зазор шириной около шестидесяти сантиметров, благодаря чему, создавалось впечатление двух узеньких кроватей, между которыми оставалась широкая щель. На потолке над кроватями располагался сложный роликовый механизм. Пятая кровать, казавшаяся совершенно обычной, была занята. Больной дышал через аппарат искусственного дыхания. Сьюзен сразу вспомнила Нэнси Гринли.

– Это зона для посещения больных ближайшими родственниками, – объяснила Мишель. – Когда должна прийти семья, больной автоматически переносится сюда. Здесь он помещается на специально сконструированную кровать, при этом кровать выглядит совсем обычно. Этого больного посещали сегодня днем, – Мишель указала на лежащего на пятой кровати пациента. – Мы намеренно не вернули его в главный зал, чтобы вы его увидели.

Сьюзен смутилась:

– Вы хотите сказать, что эта кровать такая же, как остальные четыре?

– Именно. Когда приходят родственники, оставшиеся кровати заполняются другими больными, и вся палата кажется такой же, как в обычном отделении интенсивной терапии. Пройдите за мной, пожалуйста.

Мишель двинулась по длине палаты, минуя больного на кровати. В конце комнаты находилась дверь, беззвучно открывшаяся при приближении к ней.

Сьюзен была удивлена, когда, проходя мимо лежащего больного, убедилась, что кровать выглядит точно как банальная больничная функциональная кровать. Нельзя было предположить, что ее центральная часть, на которую опирается тело больного, отсутствует. Но у Сьюзен не было времени обследовать ее более полно, так как нужно было идти за Мишель в следующую комнату.

Первая вещь, которая дошла до сознания Сьюзен, был свет. С ним было что-то не в порядке. Потом она ощутила тепло и влажность. Когда она увидела больных, то остановилась в глубоком потрясении. В зале было более ста пациентов. Все они висели в воздухе на высоте метра-полтора от пола. Все были совершенно обнажены. Присмотревшись, Сьюзен увидела проволочки, во многих местах пронизывающие трубчатые кости больных. Проволочки прикреплялись к прямоугольной металлической раме и были туго натянуты. Головы больных были подвешены на других проволочках, свисающих с потолка и прикрепленных к лицевым костям черепа. Висящие больные напоминали горизонтально растянутых на рамах гротескных спящих марионеток.

– Как вы можете видеть, больные подвешены на натянутых проволоках. Некоторые посетители очень сильно реагируют на это, но

доказано, что это наилучший метод длительной интенсивной терапии, полностью сохраняющий целостность кожных покровов больных и минимизирующий работу медсестры. Он ведет начало от ортопедии, где проволока используется для репозиции и фиксации костей. Исследованиями доказано, что кожа лучше всего сохраняется, если не соприкасается ни с какими поверхностями. Это выдающееся достижение в уходе за коматозными больными.

– Выглядит довольно непривлекательно, – перед глазами Сьюзен встала картина трупов, свисающих с крюков в морозильнике. – А что за странное освещение?

– О да, нам придется надеть очки, если мы пробуем здесь еще какое-то время, – Мишель вытащила несколько пар темных очков из стола. – Зал освещается низкоинтенсивным ультрафиолетовым светом. Этот свет обладает бактериостатическим действием и помогает сохранить целостность кожи, – Мишель протянула очки Сьюзен, и обе они надели их. – Температура в зале поддерживается на уровне 34.7 градуса, плюс-минус пять сотых. Влажность – восемьдесят два плюс-минус один процент. Эти условия снижают потерю тепла телом больных и уменьшают необходимость теплопродукции. Влажность снижает риск дыхательных инфекций, которые являются наибольшей угрозой для коматозных больных.

Сьюзен была ошеломлена. Она осторожно подошла к одному из висящих больных. Проволоки, насквозь пронизывающе длинные кости пациента, были натянуты горизонтально и крепились к алюминиевой раме, окружавшей больного, а потом тянулись вверх, к хитрому роликовому устройству на потолке. Сьюзен посмотрела вверх и увидела на потолке путаницу рельсов. Все капельницы, трубки отсосов и провода от датчиков тянулись вверх, к роликовому механизму. Сьюзен оглянулась на Мишель:

– И здесь нет медсестер?

– Я, кстати, являюсь медсестрой, еще есть две дежурные медсестры и врач. Этого вполне достаточно для интенсивной терапии сто тридцать одного больного, не правда ли? Вы же видите, все автоматизировано. Вес пациента, газы крови, баланс жидкости, давление крови, температура тела – огромный список параметров – все периодически считывается компьютером и сравнивается с нормами. Компьютер, в случае необходимости, приводит в действие

соленоидные клапаны, чтобы устранить обнаруженные отклонения от нормы. Это гораздо лучше, чем традиционная интенсивная терапия. Врач в БИТе имеет дело с изолированными показателями, измеренными однократно. А компьютер способен измерять жизненные параметры больного постоянно и оценивать их в динамике. Но еще важнее то, что компьютер способен соотносить все показатели в каждый момент времени. Это отлично имитирует собственные регуляторные механизмы организма больного.

– Это современная медицина, возведенная в энную степень. Невероятно. Это просто научная фантастика. Машина наблюдает за целой толпой лишенных мозга людей. Как будто большинство из них, и не люди.

– Но они, действительно, не люди.

– Прошу прощения? – Сьюзен перевела взгляд с больного на Мишель.

– Они были людьми. Теперь это лишенные коры мозга препараты. Современная медицина и медицинская технология развились до такой степени, что могут поддерживать в подобных организмах жизнь практически неограниченное время. Результат – кризис стоимости лечения. Закон решил, что жизнь нужно сохранять. Технология практически подходит к этой проблеме. И вот пожалуйста. В Институте потенциально может находиться до тысячи подобных пациентов одновременно.

Было что-то в философии Мишель такое, что заставило Сьюзен поежиться. У Сьюзен было также чувство, что медсестру так долго натаскивали, что она целиком пропиталась этой доктриной. Сьюзен могла заметить, что Мишель совершенно не задумывается над тем, что говорит. Но у Сьюзен не было времени размышлять над философскими обоснованиями существования Института. Она была ошарашена обстановкой. Она хотела увидеть еще и оглядела зал. Он был больше тридцати метров в длину, а потолок поднимался на высоту шести метров, и весь был покрыт путаницей из рельсов.

В дальнем конце зала располагалась еще одна дверь. Она была прикрыта. Это была обычная дверь с обычной ручкой. Сьюзен решила про себя, что только те двери, сквозь которые они прошли, контролировались с центрального поста. Ведь большинство

посетителей, особенно родственники, никогда не попадали в главный зал.

– А сколько здесь, в Институте Джефферсона, операционных? – внезапно спросила Сьюзен.

– У нас нет операционных. Это же учреждение для хронической интенсивной терапии. Если пациенту требуется операция, его перевозят обратно в направившую его сюда больницу.

Ответ прозвучал настолько быстро, что произвел впечатление заранее заготовленного и заученного наизусть. Сьюзен сразу же вспомнила, что на поэтажных планах, которые она добыла в департаменте общественных зданий, она видела операционные. Они располагались на втором этаже. Сьюзен почувствовала, что Мишель лжет.

– Нет операционных? – Сьюзен намеренно изобразила удивление. – Но если операция неотложная, например трахеотомия?

– Тогда ее делают прямо здесь, в главном зале или в палате для посещений за этой дверью. В случае необходимости их можно использовать как малые операционные. Как я уже сказала, наш госпиталь предназначен для длительного ухода за больными.

– Но я до сих пор думала, что и такие больницы должны иметь операционные.

В этот момент больному, висевшему прямо перед Сьюзен, автоматически был придан наклон, так что его голова оказалась ниже ног на пятнадцать сантиметров.

– Вот хороший пример работы компьютера, – сказала Мишель. – Видимо, компьютер зарегистрировал падение артериального давления. Поэтому он придал пациенту положение Тренделенбурга еще до того, как откорректировал основную причину падения давления.

Сьюзен уже плохо слушала. Она обдумывала, как бы ухитриться провести свое собственное обследование этого места. Она хотела осмотреть операционные, обозначенные на плане.

– Одной из причин, по которой я хотела прийти сюда, было желание увидеть одного конкретного больного. Его имя Берман, Шон Берман. Вы не представляете, где здесь он находится?

– Нет, так сразу не скажу. Честно говоря, мы не используем для идентификации больных имена. Пациентам присваивается номер, например, случай номер один, случай номер два и так далее. Так их

проще вводить в компьютер. Чтобы узнать номер Бермана, я должна запросить его имя в компьютере. Это займет несколько минут.

– Хорошо, мне бы очень хотелось его повидать.

– Я могу использовать терминал на контрольном посту. А вы пока можете осмотреться здесь – может быть, вы увидите своего больного. Или вы можете пройти вместе со мной и подождать в комнате для посетителей. Гостям не разрешается входить в контрольный пост.

– Я подожду здесь, благодарю вас. Здесь столько интересного, что не хватит и недели, чтобы все рассмотреть.

– Чувствуйте себя как дома, но должна вас предупредить, что нельзя прикасаться ни к проводам, ни к больным ни при каких обстоятельствах. Вся система очень тонко сбалансирована. Электрическое сопротивление вашего тела при прикосновении заставит компьютер поднять громкую тревогу.

– Не беспокойтесь. Я не собираюсь ничего трогать.

– Хорошо. Я сейчас вернусь.

Мишель сняла свои очки. Дверь в комнату для посетителей автоматически открылась, и она вышла.

* * *

Мишель прошла комнату для посетителей и половину коридора, ведущего в нее. Дверь на контрольный пост открылась автоматически. Он был освещен слабым светом, как контрольная рубка атомной подводной лодки. Большая часть света проникала в комнату через дальнюю стену, которая представляла собой прозрачное в одном направлении зеркало, позволяющее наблюдать за происходящим в холле для посетителей.

Когда Мишель вошла, в комнате находилось два человека. Перед большой U-образной панелью, состоящей из экранов телевизоров, сидел охранник. Он тоже был одет в белое и носил широкий пояс, к которому были прикреплены белая кобура с пистолетом и рация. Перед ним располагалась огромная консоль с множеством выключателей. На мониторы передавались результаты сканирования видеокамерами помещений, коридора и дверей в госпитале. Некоторые мониторы передавали неподвижное изображение – пространство перед парадной

дверью и холл при входе. На других мониторах изображение двигалось, так как камера сканировала определенные участки. Охранник сонно поднял голову, когда Мишель вошла в комнату.

– Вы оставили ее в главном зале? Вы думаете, это умно?

Мишель подошла к большому компьютерному терминалу, за которым находился второй обитатель комнаты – медсестра, одетая так же, как Мишель, сидящая перед более чем сорока дисплеями и просматривающая выведенные на них данные. Принтер по ее правую руку вдруг застрекотал, распечатывая какую-то информацию.

Мишель плюхнулась на стул.

– Какого дьявола знает эта девица, что ей разрешили прийти сюда? – спросила медсестра у компьютера, подавляя зевок. – Она похожа на дипломированную медсестру или что-то в этом роде. Но у нее нет ни нагрудного значка, ни колпака. А эта униформа! Похоже, что она не снимала ее полгода.

– Не имею ни малейшего представления, кто ей устроил экскурсию сюда. Мне позвонил директор и сказал, что она придет сюда, и что мы должны впустить ее и развлекать. Только я должна позвонить директору, когда она появится. Ты думаешь, здесь скрывается какая-то махинация?

Компьютерная медсестра рассмеялась.

– Сделай любезность, – продолжала Мишель, – запроси имя Шона Бермана. Он поступил из Мемориала. Мне нужен его номер и местоположение в зале.

Медсестра у компьютера начала набирать запрос:

– В следующую нашу смену ты будешь сидеть у компьютера, а я побездельничаю. Игры с этой машиной заставляют меня лезть на стенку.

– С удовольствием. А то эта посетительница – единственное исключение из этой монотонной рутины. Если бы год назад кто-нибудь сказал мне, что я буду ухаживать за сотней больных, требующих интенсивной терапии, я рассмеялась бы ему в лицо.

На одном из дисплеев высветились строки: Берман Шон. Возраст: 33 года. Пол: мужской. Раса: белый. Диагноз: смерть мозга вследствие осложнения при анестезии. Идентификационный номер: 323 В4. Стоп.

Теперь медсестра ввела в машину номер 323 В4.

Охранник в другом конце комнаты, ссутулившись, сидел и смотрел на мониторы, как делал это уже два часа со времени последнего перерыва, как делал это весь последний год. Изображение главного зала появилось на экране номер пятнадцать, изображение изменялось, так как видеокамера медленно передвигалась из одного конца огромного зала в другой. Подвешенные обнаженные больные не вызывали у охранника никакого интереса. Он совершенно привык к этому страшноватому зрелищу. Потом экран номер пятнадцать автоматически переключился на видеокамеру, сканирующую комнату для посетителей.

Охранник внезапно сел, уставившись на экран номер пятнадцать. Он протянул руку к переключателю автоматического режима, включил ручной режим сканирования и вернул изображение главного зала. Видеокамера принялась снова передавать изображение огромного зала.

– Посетительницы нет в главном зале! – сказал охранник.

Мишель повернулась от дисплея компьютера и скосилась, чтобы увидеть экран номер пятнадцать:

– Нет? Тогда проверьте комнату для посетителей и коридор. Наверно, ей хватило. Главный зал обычно вызывает шок у тех, кто видит его в первый раз.

Мишель повернулась и посмотрела сквозь стекло в комнату для посетителей, но Сьюзен не было и там.

На экране дисплея компьютера появилась надпись: Идентификационный номер 323 В4, случай закончен. 0310, 26 февраля. Причина смерти: остановка сердца. Стоп.

– Если она пришла сюда ради Бермана, то она опоздала, – бесстрастно сказала Карен.

– Ее нет в комнате для посетителей, – сказал охранник, щелкая переключателями. – И в коридоре тоже нет. Это невозможно.

Мишель встала со стула и пошла к двери, ее глаза при этом не отрывались от экрана номер пятнадцать:

– Успокойтесь. Я ее найду. – Мишель снова повернулась к медсестре у компьютера. – Может, ты попробуешь дозвониться до директора еще раз? Я думаю, нам лучше избавиться от этой девицы.

Четверг, 26 февраля

17 часов 20 минут

Как только Мишель вышла из главного зала, Сьюзен вытащила из своего блокнота многократно сложенные поэтажные планы Института Джефферсона. Она сориентировалась, проследив по ним свой путь от парадного входа до главного зала, а потом прикинула, как быстрее попасть на второй этаж. Было два способа. Одним способом была лестница из МГ, а вторым – лифт из ГКК. Сьюзен сверилась с расшифровкой аббревиатур в нижнем правом углу плана. МГ означало морг, а ГКК – главную компьютерную комнату. Сьюзен быстро решила, что лестница будет безопаснее, чем лифт, кроме того, в компьютерной могли быть люди.

Сьюзен направилась в дальний конец зала, где располагалась обычная дверь. Она подергала за ручку. Ручка легко повернулась, дверь открылась. За ней начинался темный коридор. Тут Сьюзен вспомнила, что на ней до сих пор надеты темные очки. Она сняла их и сунула в карман медсестринской униформы. Коридор был точно такой же, какие она здесь уже видела: совершенно белый, с освещением, идущим с пола. А дальняя стена коридора была зазеркалена, и бесчисленные отражения удлинляли его до бесконечности.

Ничего не было слышно, ничего не было видно. Сьюзен сверилась с планом этажа и убедилась, что морг и лестница находятся направо за дверью в противоположном конце коридора. Она тщательно прикрыла за собой дверь в главный зал. Передвигаясь очень быстро, она дошла до противоположной двери и попробовала ее открыть. На ней не было никаких надписей, она казалась совершенно обычной. Дверь оказалась незапертой.

Очень тихо Сьюзен приоткрыла дверь на несколько сантиметров. Сначала она увидела белые кафельные плитки ближайшей к двери стены, потом – верхнюю часть стального секционного стола. На нем лежало обнаженное тело. Сьюзен услышала голоса, смех и звук, как будто что-то бросили на чашку весов.

– Слишком много для легких. Какой же вес сердца придется записать тогда? – спросил один голос.

– Твоя очередь придумывать, – засмеялся другой голос.

Легонько толкнув дверь еще на несколько сантиметров, Сьюзен смогла бросить быстрый взгляд на голову трупа. Скосив глаза, она вдруг почувствовала слабость. Это был Берман.

Беззвучно закрыв дверь и продолжая стоять рядом с ней, Сьюзен сделала несколько глубоких вдохов. Сначала она ощутила рвотные позывы, но это чувство прошло. Потом она поняла, что времени у нее в обрез. Лифт!

Сьюзен очень повезло, что она задержалась у двери. Видеокамера позади прозрачного в одну сторону зеркала закончила пятисекундное сканирование, когда Сьюзен отошла от дверного проема обратно в коридор. Следующий цикл сканирования начинался через десять секунд.

Сьюзен поспешила обратно в главный зал и добралась до двери в компьютерную. Поколебавшись, она подергала ручку. Дверь тоже была открыта. Она открыла дверь сантиметров на двадцать пять и заглянула в комнату. К ее радости, в комнате никого не было. Она толкнула дверь и увидела буйную композицию из компьютерных терминалов, устройств ввода-вывода и бобин с лентами для хранения информации.

Внезапно внимание Сьюзен привлекло движение под потолком в дальнем углу комнаты. Она сразу распознала, что это такое. Видеокамера! Как только ее линзы начали поворачиваться в сторону Сьюзен, она отшатнулась и закрыла дверь. Выждав время, чтобы камера прошла участок двери, Сьюзен рывком открыла дверь и бегом бросилась через комнату к лифту. Но времени для этого было недостаточно, камера должна была поймать ее при обратном повороте. Сьюзен пришлось спрятаться за компьютерным терминалом примерно на половине дистанции до лифта.

Она продолжила свой путь по комнате от терминала к терминалу, прячась от блуждающего взгляда камеры. Сделав отчаянный рывок к лифту, она с безумной надеждой нажала кнопку вызова и услышала шум заработавшего механизма внутри шахты. Лифт находился на другом этаже.

Видеокамера достигла крайней точки дуги, по которой двигалась, и повернула обратно. Сьюзен несколько раз подряд нажала на кнопку. Звук движения лифта оборвался, двери задрожали и начали открываться. Сьюзен оглянулась на видеокамеру, проскользнула в

открывающуюся щель и нащупала кнопку "Заккрыть двери". Двери лифта закрылись, но Сьюзен не успела понять, попала она в поле зрения камеры или нет.

Кабина лифта была похожа на пещеру, двигался лифт очень медленно. На панели было всего три кнопки. Сьюзен нажала кнопку второго этажа, и лифт пополз вверх. На плане второго этажа операционные находились на противоположном от лифта конце здания. Между лифтом и операционными простирался огромный холл. В операционный комплекс вели восемь или девять дверей по его правую сторону.

Когда лифт остановился и двери открылись, Сьюзен продолжала стоять в кабине, держа палец на кнопке "Заккрыть двери". Но в холле не было ни души. Дизайн холла был такой же, как на первом этаже, только двери были глубже утоплены в стены. По потолку тянулись рельсы роликового механизма.

Как только двери лифта начали закрываться, Сьюзен выскочила в коридор, мысленно отсчитывая число дверей, мимо которых проходила. Вдруг, на приличном расстоянии от себя, Сьюзен заметила мужчину, ехавшего на миниатюрном вилочном погрузчике, нагруженном банками с кровью. По-видимому, он выехал из пересекающего холл коридора. Сьюзен быстро бросилась к ближайшему углубленному дверному проему, прижалась к двери и принялась жадно глотать воздух. Потом прислушалась. Звук едущего погрузчика удалялся. Она выглянула в коридор. Пусто. Она выскочила и добежала до девятой двери.

Тут она подождала, пока не успокоится дыхание, а потом распахнула дверь, осмотрела комнату и быстро скользнула внутрь.

Это была раздевалка. В пепельнице дымилась недокуренная сигарета, дым от нее завитками поднимался вверх. Открытая дверь вела в душевую. Сьюзен услышала звук льющейся из душа воды.

* * *

Мишель вернулась на контрольный пост. Вся ее первоначальная скука бесследно испарилась. Рот был сжат, глаза бегали. Как и охранник, она теперь выглядела очень встревоженной.

– Это девица буквально испарилась. Она не могла выйти наружу? – спросила Мишель.

– Невозможно. Дорога к парадной двери перекрыта, да и кстати, любая другая наружная дверь открывается только с этого пульта, – охранник все продолжал щелкать переключателями, перепрыгивая с одного сканера на другой.

– Думаю, нужно снова позвонить директору. Дело становится серьезным, – сказала медсестра за терминалом компьютера.

– Все равно, не понимаю. У нас установлены мониторы на всех ключевых позициях в здании. Должна же она была пройти через какие-нибудь двери! – прокомментировал охранник.

– Через двери она не проходила. Я обошла весь главный зал. А как насчет лифта?

– Это мысль, – сказал охранник. – Если она проберется наверх, будут большие проблемы. Я объявлю общую тревогу по зданию, перекрою все проходы и двери и включу ток в ограде. Буду держать общую тревогу, пока не явится начальство.

Мишель направилась к красному телефону.

– Это просто абсурд, ужасно! Все это абсолютно ни к чему. Почему ей разрешили прийти сюда одной, без группы?!

* * *

Вращающиеся створки двери пропустили Сьюзен из раздевалки в зону ожидания оперблока. Сьюзен прошла внутрь. Здесь все выглядело бы традиционным, если бы не вездесущие рельсы на потолке. Свет лился из люминесцентных ламп и имел тот же тусклый оттенок, как и в главном зале. Сьюзен догадалась, что в спектре присутствует ультрафиолетовый компонент. Пол был покрыт белым винилом, а стены выложены белыми кафельными плитками.

Приемный холл был не очень большой. В центре стоял пустой стол. В обе стороны выходили двери в две операционные с вспомогательной комнатой между ними. Всего было четыре операционных. Внимание Сьюзен было привлечено глухими звуками в ближайшей из них. Свет, видимый в маленьком окошечке, позволял предположить, что там идет операция.

Но темнота в окошке в соседней, вспомогательной комнате доказывала, что та пуста. Сьюзен подошла к ее двери, всмотрелась в окошко и вошла внутрь в темноту.

Комната освещалась лишь скудным светом, проникающим через окошко в освещенную операционную.

Сьюзен подождала, пока ее глаза не привыкнут к темноте. Постепенно предметы в комнате начали приобретать форму. В центре находился стол, на нем стояло несколько больших предметов, издававших низкий непрерывный шум. Вдоль стены шла стойка. В левом углу была большая раковина. Рядом с ней справа можно было различить очертания большого газового стерилизатора.

Тихо, как только можно, Сьюзен открыла шкафчик под раковиной и на ощупь определила, хватит ли там места, чтобы втиснуться в него в случае необходимости. Затем повернулась к ведущей в холл двери, пальцами нащупала язычок защелки и захлопнула дверь. Потом прислушалась и убедилась, что характер шумов из операционной не изменился. Сьюзен пыталась рассмотреть, что стоит на столе, но света для этого было слишком мало.

Сьюзен тихо подкралась к двери операционной и приподнялась на цыпочки. Она увидела двух хирургов, одетых в обычные хирургические костюмы, в резиновых перчатках, которые склонились над пациентом. Но не было видно никакого анестезиолога. И операционного стола тоже не было. Больной висел, растянутый на раме, но был повернут на правый бок, разрез проходил через его поясницу. Хирурги были очень близко от Сьюзен, и она отчетливо слышала каждое их слово.

– Интересно, куда отправят сердце от предыдущего случая?

– В Сан-Франциско, – ответил второй хирург, затягивая узел шва. – Я думаю оно будет стоить всего семьдесят пять тысяч долларов. Кросс-матч был плохой, совпадение всего по двум из четырех антигенов, но заказ был срочный.

– Все сразу получить нельзя, – сказал первый хирург, – но вот эта почка совместима по всем четырем антигенам. Мне кажется, она потянет на пару сотен тысяч долларов. Кроме того, им через несколько дней может понадобится и вторая почка.

– Да, но мы не сможем забрать ее, пока не найдем покупателя на сердце, – добавил второй, быстро затягивая еще один узел шва.

– Что будет, действительно, трудно, так это найти кросс-матч для Далласа. Там за совместимость по четырем антигенам предлагают миллион долларов. Отец мальчишки готов на все.

Второй хирург присвистнул.

– И есть что-нибудь на примете?

– Мы нашли совпадение по трем антигенам у больного, запланированного на тонзиллэктомию/аденоидэктомию в Мемориале на следующую пятницу и...

Разум Сьюзен лихорадочно метался в поисках какого-нибудь другого объяснения тому, что она услышала собственными ушами, но в этот момент дверь в приемный холл затряслась, как будто кто-то пытался ее открыть. Первым порывом Сьюзен было бежать во вторую пустую операционную. Вместо этого она подбежала к раковине умывальника и услышала, как некто вошел в освещенную операционную. Она протиснулась в шкафчик под умывальником, поморщившись, когда загремели банки, через которые она переступила, просовываясь внутрь. Места было ужасно мало. Она едва смогла втянуть руки внутрь. Не успела она полностью закрыть дверцу шкафчика, как дверь из операционной распахнулась, и зажегся свет.

Голова, повернутая вбок, и слегка открытая дверь позволили ей увидеть два сооружения из плексигласа, стоящие на столе. Они напоминали контейнеры для перевозки рыбы. Затем она осознала, что шум, который она отметила при входе в комнату, шел от двух насосов, работающих от батарей. Насосы перфузировали плексигласовые контейнеры. В первом контейнере плавало в жидкости человеческое сердце. Оно не билось, но трепетало. Во втором контейнере плавала человеческая почка.

Внезапно механизм всего этого кошмара стал ясен для Сьюзен. Теперь у нее был мотив, страшный мотив для того, чтобы намеренно вызывать у больных кому. Институт Джефферсона был местом, где рассчитывались покупатели и продавцы черного рынка человеческих органов!

У Сьюзен было мало времени для размышлений. Человек прошел мимо раковины, край его брюк задел приоткрытую дверь шкафчика под раковиной. Он отомкнул дверь в приемный холл, а потом подошел к столу. Напрягшись, он приподнял контейнер с сердцем и вынес его из комнаты, оставив свет включенным, а дверь – открытой.

Мысли Сьюзен неслись. Перед ее глазами мелькали вентиль на кислородной линии, лицо Д'Амброзио, образ Нэнси Гринли и сердце в плексигласовом контейнере. Она вспомнила разговор, подслушанный в морге, и догадалась, что это сердце принадлежало Берману. Страх и паника начали овладевать ею. Вся идея этого ужасного бизнеса вгоняла в ступор. Ей нужно убираться отсюда, и вот тут-то она поняла, как это будет непросто. Это место не было обычной больницей. Как минимум, часть людей, работавших здесь, были преступниками. Она должна выбраться отсюда и найти человека, который бы мог понять, что здесь происходит. Старк! Он мог разобраться в этом жутком бизнесе и был достаточно могуществен, чтобы принять меры для его пресечения.

Осторожно Сьюзен высвободила левую руку, распахнула дверь и уперлась ею в пол. Прислушалась. Никаких других шумов, кроме тихого жужжания насоса, перфузирующего почку в контейнере, слышно не было. С великим усилием Сьюзен принялась высвобождать свою правую ногу из дальнего угла шкафчика. Вдруг она услышала шаги в холле. Всего секунда! Ее нога оказалась на старом месте, она втянула руку, и втиснулась в шкафчик. В спину ей больно вонзился изгиб сливной трубы, отходящей от раковины.

Мужчина быстро вошел в комнату. Проходя мимо раковины, он пинком закрыл дверцу шкафчика. Звук и давление вызвали звон в ушах Сьюзен. Она услышала, как человек с усилием поднимает второй контейнер. Потом его шаги затихли в коридоре.

Сьюзен выждала еще несколько минут, прежде чем, прислушиваясь, осмелилась пошевелиться. Шагов больше не было, только приглушенные звуки из первой операционной. Сьюзен принялась извлекать свое перекрученное тело из шкафчика под раковиной. Баллончик пульверизатора упал на пол и покатился, но недалеко. Сьюзен замерла. Ничего. Она побежала к двери в неосвещенную операционную.

Ей пришлось задержаться, чтобы глаза привыкли к темноте. С потолка свисала операционная бестеневая лампа. Сьюзен осторожно двинулась вдоль стены, разделяющей коридор и операционную, в поисках дверной ручки. Найдя ручку, она приоткрыла дверь и выглянула наружу.

В это мгновение пронзительный звук сирены разорвал тишину, во всех неосвещенных комнатах зажегся свет. В панике Сьюзен отпустила ручку двери и прижалась к стене, ожидая нападения.

Но комната была пуста.

Рядом с небольшим громкоговорителем мигала красная лампочка. Микрофон затрещал: "В здании находится посторонний. Женщина. Должна быть задержана немедленно. Повторяю. В здании находится посторонний... задержать немедленно". Громкоговоритель замолчал. Сьюзен вздохнула с облегчением. Она вышла из операционной. Коридор был пуст.

* * *

Двое охранников, одетых в белую униформу, большими шагами быстро шли через главный зал; на развешанных вокруг пациентов им было наплевать. В руках оба держали пистолеты. Тот, что повыше, снял с пояса рацию, послушал и повесил ее на место.

– Я пойду захвачу лифт из компьютерной и поеду на второй этаж. А ты проверь морг и котельную внизу.

Оба охранника вошли в коридор за главным залом.

– И помни – приказ ясен. Если ты найдешь ее и она пойдет с тобой без сопротивления – прекрасно, если же нет – стреляй в нее. Но только в голову. Они хотели бы использовать ее почки или сердце, в зависимости от того, что подойдет.

Охранники расстались. Более высокий отправился в компьютерную. Он методично обыскал комнату, а потом вызвал лифт.

* * *

Сьюзен бежала по приемному холлу оперблока, минуя первую операционную. Она открыла было дверь в раздевалку, но услышала голоса внутри. Не колеблясь ни секунды, она изменила свой план и повернула к двери, ведущей в главный коридор. Вдруг она заметила на столе посреди комнаты большие ножницы. Она их схватила – какое-никакое, а все же оружие. Потом выскочила в главный коридор.

К великому облегчению Сьюзен, коридор все еще был пуст. В дальнем конце коридора виднелись двери лифта, через который она попала на второй этаж. Сделав глубокий вдох, Сьюзен поспешила к лифту.

Она прошла почти половину пятидесятиметрового коридора, когда услышала, что лифт подъехал к этажу. Сьюзен замедлила шаг. Двери лифта задрожали и открылись – из них вышел охранник. Сьюзен остановилась. Они уставились друг на друга.

– Так, молодая леди, мы хотели бы поговорить с вами внизу, – в голосе охранника вроде бы не было угрозы. Он медленно начал подходить к Сьюзен, заведя руку с пистолетом за спину.

Сьюзен сделала несколько нерешительных шажков назад, потом повернулась и бросилась бежать обратно к оперблоку. Охранник бежал за ней. Сьюзен безрезультатно попыталась открыть несколько дверей. Первая была заперта, вторая – тоже. Охранник почти догнал ее. Ручка очередной двери, наконец, повернулась, и дверь открылась.

Сьюзен проскользнула в дверь, стараясь рывком закрыть ее за собой. Но охранник уже схватился за край двери левой рукой и вставил в щель между дверью и косяком ногу.

Сьюзен изо всех сил налегала на дверь, но охранник был сильнее, да и весил он почти сто килограммов. Дверь начала открываться.

Упираясь левым плечом и рукой в дверь, Сьюзен перехватила правой рукой ножницы, держа их как кинжал.

Коротко замахнувшись, она воткнула их в левую руку охранника.

Острие ножниц вонзилось в руку охранника между костяшками указательного и среднего пальцев. Лезвие с силой раздвинуло пястные кости, разорвало червеобразные мышцы и вышло с другой стороны ладони. Охранник ужасно закричал и отпустил дверь. Он отшатнулся обратно в коридор, ножницы продолжали торчать в его руке. Задержав дыхание и стиснув зубы, он выдернул их из ладони. Брызнул маленький артериальный фонтанчик, оросив каплями крови белый пластиковый пол, отчего он стал похожим на белую в красный горошек ткань.

Сьюзен захлопнула дверь и заперла ее. Она заметалась кругами по комнате, пытаясь сориентироваться. Это была маленькая лаборатория, посередине стоял удлиненный лабораторный стол с полками. Слева,

придвинутые к друг другу, стояли два письменных стола. У стены находилось несколько книжных шкафов. В дальнем конце было окно.

* * *

Охранник в коридоре уже достаточно пришел в себя после выдергивания ножниц. Он вытащил носовой платок и обернул им ладонь, пытаясь остановить кровь. Он протащил платок между указательным и средним пальцами и обернул оставшийся конец вокруг запястья. Он был зверски зол, стараясь правой рукой нащупать связку с ключами. Первый ключ из связки не повернулся в замке. Вторым ключ тоже не подошел. Третий – тоже. Наконец, четвертый ключ повернулся в замке, и дверь открылась. Сильнейшим пинком ногой, так что ручка двери свернулась в сторону, охранник распахнул дверь. Держа взведенный пистолет наготове, он вбежал в комнату и принялся оглядываться. Сьюзен в комнате не было. Окно было распахнуто, ледяной февральский воздух лился через него. Охранник подбежал к окну и высунулся наружу, чтобы рассмотреть карниз. Потом откинулся обратно в комнату и снял с пояса рацию.

– Эй, я нашел девчонку, на втором этаже в лаборатории тканевого типирования. Она где-то здесь. Она меня ранила, но со мной все в порядке. Она вылезла через окно на карниз... Нет, я не вижу ее. Карниз заворачивает за угол здания... Нет, я не думаю, что она спрыгнет. Доберманов уже выпустили из клеток?.. Хорошо. Правда, она может привлечь внимание, если по карнизу выйдет на фасад здания... Хорошо... Я проверю карниз на другой стороне.

Охранник повесил рацию на пояс, запахнул створки окна и закрыл его на шпингалет. Потом он выбежал из комнаты, прижав к груди раненую руку.

Четверг, 26 февраля

17 часов 47 минут

Тяжелая виниловая потолочная плита медленно выскользывала из пальцев Сьюзен, и она сжала зубы. Ее руки быстро онемели, так как она держала плиту только кончиками пальцев на весу над металлическими подпорками. Пространство между наборным и настоящим потолком было шириной почти в два метра. Сьюзен слышала, как охранник внизу говорит по рации. Если плита упадет, он обнаружит ее. Она закрыла глаза и сжала веки так сильно, как только могла, пытаясь отвлечься от боли в кончиках пальцев и предплечьях. Плита продолжала выскользывать. Сейчас упадет. Охранник внизу кончил разговаривать. Потом окно захлопнулось. Сьюзен еще как-то держалась. Она не слышала, как охранник вышел, когда плита выскользнула, наконец, с глухим звуком сотрясая весь наборный потолок. Кровь болезненно прихлынула к онемевшим пальцам. Внизу не раздавалось ни звука. Сьюзен позволила себе глубоко вздохнуть.

Она находилась в межпотолочном пространстве над лабораторией тканевого типирования. Ирония судьбы заключалась в том, что до своих изысканий в Мемориальском оперблоке Сьюзен не имела представления о существовании такого пространства. А сейчас оно спасло ей жизнь. Слава Богу за этот книжный шкаф, став на который она смогла поднять плиту.

Сьюзен вытащила свои планы этажей и принялась изучать их при тусклом свете, просачивающемся сквозь зазоры между плитами потолка. И поняла, что ничего не разбирает, даже когда ее глаза адаптировались к темноте. Вертя головой во мраке, она заметила относительно сильный луч света, пробивающийся из щели между плитами метрах в десяти от того места, где она находилась. Опираясь на прямые подпорки, обозначавшие стену между лабораторией тканевого типирования и соседним кабинетом, Сьюзен смогла достигнуть источника света и так расположиться над ним, чтобы посмотреть на свои планы. Все, что она желала, это найти центральную шахту, такую, как в Мемориале. Она подумала, что если удастся пролезть по ней, то это, может быть, и будет путем наружу. Но

шахта не была обозначена на планах. Тем не менее, она нашла какой-то прямоугольник рядом с лифтом. Сьюзен решила, что это может быть шахта, которую она ищет.

Она двинулась вдоль стены лаборатории типирования, держась за перегородки, пока не достигла твердого потолка над коридором. Он был сделан из бетона, так как внизу к нему были приделаны рельсы для роликового механизма. По нему передвигаться оказалось гораздо легче. Сьюзен направилась к лифту.

Чем ближе она подходила к лифту, тем труднее было продвижение, так как становилось все темнее, а проводов, труб и проволок было все больше и больше. Они сходились в том же направлении, куда двигалась и она. Она передвигалась вслепую, наощупь, очень медленно. Несколько раз она натыкалась рукой на очень горячие трубы и обжигалась. Запах опаленной кожи достиг ее носа.

Лифтовую шахту она опознала в глубокой темноте по стене из бетона, вертикально поднимающейся вверх. Свернув за угол шахты и держась за трубы руками, она почувствовала, что все трубы повернули вниз под углом в девяносто градусов. Склонившись над ними, она увидела слабый свет, сочившийся снизу.

Сьюзен пыталась руками наощупь определить размеры шахты. Она была примерно метр двадцать на метр двадцать. Одна из стен, общая с лифтом, была из бетона. Сьюзен выбрала одну трубу, сантиметров пять в диаметре. Уперевшись спиной в бетонную стену и держась руками за эту трубу, она начала спускаться вниз. Ногами она крепко упиралась в другие трубы. Таким образом она могла сантиметр за сантиметром спускаться вниз, как альпинист в горной расщелине.

Спуск был не из легких. Продвигалась она очень медленно, пытаясь избегать горячих, обжигавших до волдырей труб. Через какое-то время она стала различать трубы перед собой. Глядя в темноту, она смогла видеть некие смутные формы и поняла, что доползла до первого этажа. Этот успех ободрил ее. Но тут она подумала, что если она может использовать шахту для спуска, то кто-нибудь может использовать ее и для подъема. Эта мысль значительно ухудшила ее настроение. И она поняла, как, в общем, несложно было добраться кому угодно до Т-образного вентиля на кислородной линии в оперблоке Мемориала.

Сьюзен продолжила свой черепаший спуск. Снизу начало поступать побольше света. Все громче доносился механический гул. Когда Сьюзен достигла цокольного этажа, то обнаружила, что в помещении нет наборного потолка. Таким образом, не было возможности спрятаться и двигаться по потолку поперек помещения. Сьюзен двигалась вниз, пока ее глаза не стали отчетливо различать плиточный пол. Тогда она остановилась, надежно заклинившись между трубой и бетонной стеной, и стала осматривать помещение.

Котельная и энергоустановка были освещены несколькими несильными лампочками. Труба, за которую Сьюзен держалась, скорее всего, была водяной и спускалась до пола. Но несколько других труб, больших в диаметре, чем та, по которой она спускалась, изгибались и шли горизонтально под потолком, подвешенные на металлических стропях, свисавших с бетонного потолка каждые полтора метра. Они располагались довольно высоко над полом котельной.

Сьюзен ступила на одну из таких труб. Она не была акробаткой, но ей помогало природное чувство равновесия, свойственное танцовщикам. Правой рукой и головой упираясь в потолок, она медленно двигалась по трубе, стараясь не смотреть вниз.

Сначала она зашаталась, но смогла сохранить равновесие. Впереди перед собой она видела стену и начинающийся наборный потолок. Как канатоходец на туго натянутом канате, Сьюзен, упираясь в потолок, двигалась вперед по трубе. Она прошла над энергоустановкой и была уже в четырех шагах от цели, как вдруг совсем рядом с ней неожиданно вспыхнул пучок света, едва не заставив ее потерять равновесие. Потом в котельной зажегся свет.

Сьюзен закрыла глаза, уперлась руками в потолок и постаралась каблуками зацепиться за трубу. Под ней по котельной медленно ходил охранник, держа в одной руке большой фонарь, а в другой – пистолет.

Следующие пятнадцать минут были, наверно, самыми долгими в жизни Сьюзен. Она чувствовала, что белая униформа медсестры выделяет ее на фоне темного потолка и делает совершенно беззащитной. Она не могла понять, как охранник ухитряется ее не видеть. Охранник тщательно обыскивал комнату, заглядывая даже в шкафы с инструментами. Но он не смотрел вверх. Руки Сьюзен начали дрожать от напряжения, нужного, чтобы удерживать равновесие. Потом задрожали ее ноги, да так, что она боялась, что ее каблуки будут

отбивать по трубе чечетку. Наконец, охранник удовлетворился осмотром и вышел, выключив за собой большие лампы.

Сьюзен не сразу двинулась с места. Она постаралась расслабиться, преодолевая охватившее ее напряжение и начинающееся головокружение. Как она мечтала оказаться на твердом потолке, начинающемся в полутора метрах от нее! Он был так близко и одновременно так далеко! Она передвинула правую ногу на двадцать сантиметров и перенесла на нее свой вес. Потом придвинула левую ногу к правой. И руки, и ноги ее ужасно болели. Она подумала, что, может быть, стоит спрыгнуть на пол, но решила, что будет слишком много шума. Поэтому она, как гусеница, продолжала свое болезненное продвижение вперед. Когда она дошла до твердого потолка, то повалилась на спину, тяжело дыша и чувствуя, как кровь хлынула в онемелые мышцы.

Но Сьюзен понимала, что расслаживаться времени нет. Нужно отыскать выход из здания. Лежа на спине, она снова принялась изучать свои планы. Было два возможных выхода. Один был из вспомогательной комнаты, от которой она находилась очень близко. Второй располагался в дальнем конце здания, в помещении, обозначенном "Экспедиция".

Подумав о человеке, который вынес контейнеры с сердцем и почкой из примыкавшей к операционной комнаты, Сьюзен решила двигаться в сторону "Экспедиции", несмотря на то, что это было дальше. Она подумала, что контейнеры с органами должны куда-то отправляться. Сьюзен понимала, что органы нужно доставить по назначению как можно быстрее.

Убрав планы, она поднялась на ноги. Ее платье теперь было ужасно выпачкано и измято. Она отправилась по твердому потолку над подвальным коридором в направлении экспедиционной комнаты. Путь был довольно легкий, так как темнота не была полной. Как и пространство над котельной, большие участки в подвале не имели потолка, поэтому в межпотолочное пространство проникало достаточно света, и Сьюзен могла продвигаться вперед с постоянной скоростью, легко избегая труб и проводов.

Она дошла до противоположного угла здания и, взглянув на планы, поняла, что достигла своей цели. Она легла навзничь на твердый потолок, держа голову над наборным потолком над

экспедиционной комнатой. Тихо, как только могла, она начала приподнимать потолочную плиту, пока кончиками пальцев не смогла ухватить ее за край. Тогда она потянула ее вверх и посмотрела вниз. Комната была обитаема!

Не осмеливаясь опустить плиту на место, чтобы она не наделала шума при падении, Сьюзен рассматривала мужчину, который сидел за столом и заполнял какие-то формуляры. На нем было надето незастегнутое кожаное пальто. На полу стояли два картонных ящика-термоса. На них жирными буквами было написано: "Органы для трансплантации – Верх – Хрупко – Не кантовать!".

Вдруг дверь в комнату открылась. Появился еще один мужчина. Это был один из охранников.

– Давай двигай, Мак. Грузи эти штуки, и езжай отсюда. У нас здесь есть работенка.

– Я ничего не буду делать, пока не заполню накладные.

Охранник скрылся за вращающейся створкой двери в дальнем конце комнаты. Перед тем, как та дверь захлопнулась, Сьюзен успела увидеть, что за ней находился гараж.

Шофер закончил заполнять бумажки, сунул одну копию в лоток на столе, Вторую копию он сложил и положил себе в карман. Он поднял ящики на тележку и покатил ее к двери с вращающимися створками.

Сьюзен отпустила плиту, она упала на свое место. Сьюзен быстро двинулась вдоль стены к дальнему концу комнаты. Потом она услышала, как ворота гаража закрываются и защелкиваются.

Возле стены было темнее, и Сьюзен вела вдоль стены рукой, ожидая наткнуться на бетон. Вместо этого она нащупала виниловые плиты, ориентированные вертикально. Под ней завелся двигатель грузовика. Сьюзен пихнула одну плиту, но она была прочно прикреплена металлическим фланцем. Звук двигателя начал перебиваться, закашлял и заглох. Потом снова раздалось поперхиванке стартера.

Сьюзен в отчаянии попыталась отогнуть металлический фланец. Она начала сгибать его в разных направлениях. Двигатель снова закашлял, задрезжал, зарычал и, наконец, вышел на нормальный режим. Потом Сьюзен услышала отчетливый грохот поднимающейся массивной автоматической двери гаража. Ее пальцы царапали верх виниловой плиты. Она дернула ее к себе, но плита не поддавалась. Она

еще отогнула фланец и дернула снова. Плита поддалась так внезапно, что Сьюзен опрокинулась на спину. Она быстро вскочила и стала смотреть через вертикальное окно в помещение подземного гаража. Прямо под ней стоял большой крытый грузовик, изрыгающий клубы выхлопных газов. Возле ворот находился охранник, держащий руку на дверном переключателе. Он наблюдал, как поднимается дверь.

Сьюзен пролезла через проем и прыгнула на крышу грузовика, коснувшись ее поверхности одновременно руками и ногами. Шум от падения потерялся в грохоте двигателя и поднимающейся гаражной двери. Сьюзен распласталась по крыше, и грузовик дернулся вперед. Она почувствовала, что инерция ее тела заставляет ее сползать назад. Она постаралась ухватиться за что-нибудь, но крыша грузовика была металлическая и совершенно гладкая, так что ее руки хватали воздух. Она постаралась различить гаражную дверь, но тут грузовик стал взбираться на пологий подъем на улицу, и скольжение Сьюзен стало совсем неуправляемым. Ее ноги уже соскальзывали с задника крыши, несмотря на то, что она пыталась прижатыми к гладкой крыше руками замедлить скольжение.

Наконец, грузовик выехал на улицу, и водитель затормозил перед поворотом. При этом тело Сьюзен поехало по крыше вперед, к кабине, и начало заваливаться на правую сторону. Жестокий холод охватил ее. Шофер увеличил скорость, и Сьюзен испытала чувство беспомощного ужаса. Она по сантиметрам принялась ползти по крыше, доползла до кабины и ухватила за какую-то торчащую деталь. Потом вдруг раздался глухой удар, тело Сьюзен подпрыгнуло и ударилось о металлическую крышу. Ее подбородок и нос так сильно стукнулись о металл, что она была оглушена. Все дальнейшее происходило как во сне.

Ясное сознание вернулась к Сьюзен совершенно внезапно, Она подняла голову и поняла, что нос и губа кровоточат. Потом она посмотрела по сторонам и узнала район, по которому ехал грузовик. Это был Хеймаркет. "Ну конечно, – подумала она, – грузовик направляется к аэропорту Логан".

Грузовик остановился на красный свет. Движение было еще довольно интенсивным. Сьюзен справа взобралась на крышу кабины. Потом она села и спустила ноги на капот. В этот момент она наклонила голову и через ветровое стекло встретила взглядом с шофером.

Мужчина был не в силах пошевелиться от изумления; не веря своим глазам, он уставился на Сьюзен, Руки его крепко вцепились в руль.

Сьюзен скользнула с капота на крыло, а потом спрыгнула на проезжую часть. Поднявшись на ноги, она побежала между машинами к Правительственному Центру, Шофер, наконец, оклемался. Он открыл дверцу и закричал ей вслед, Но другие гневные вопли и резкие сигналы клаксонов загнали его обратно. Свет в светофоре сменился на зеленый. Шофер щелкнул передачей и бросил грузовик вперед, говоря себе, что все равно никто не поверит, если он будет рассказывать об этом случае.

Четверг, 26 февраля

20 часов 10 минут

Рваная и тонкая, как бумага, униформа медсестры была плохой защитой против режущего как бритва холода. Было восемь градусов мороза, и порывы северного ветра, достигавшие скорости тринадцати метров в секунду, были способны превратить человека в ледяную статую. Сьюзен бежала мимо пустынных овощных ларьков Хеймаркета, огибая пустые картонные коробки, которые волочил по улице ветер. Этот мусор замедлял ее движение, и вся картина напомнила ей кошмар, с которого начался сегодняшний день.

Она свернула за угол налево, и ветер обрушился на нее с новой силой. Она затряслась от холода, ее челюсти колотились друг о друга с такой силой, как будто хотели выбить морзянкой призыв о помощи. Возле Сити Холла ей пришлось еще хуже. Архитектура Правительственного Центра, с его специфически закругленными углами зданий и обширными пешеходными пространствами, обеспечивала нечто вроде аэродинамической трубы, по которой ветер несся с ураганной силой. Сьюзен пришлось согнуться против ветра, чтобы устоять и продвигаться вперед. Слева от нее в темноте вырисовывались замысловатые формы Сити Холла, его резкие геометрические выступы формировали темные перекрещивающиеся тени, придавая всему зданию зловещий вид.

Сьюзен нужно было найти телефон. Она достигла Кембридж-стрит, на которой еще встречались прохожие, также согнувшиеся против ветра. Сьюзен остановила первого прохожего, это оказалась женщина. Голова ее поднялась навстречу Сьюзен, в глазах отразилось сначала недоверие, а потом страх.

– Мне нужно десять центов и телефон, – выдавила Сьюзен сквозь стучащие зубы.

Женщина оттолкнула руку Сьюзен и поспешила прочь, не оглядываясь и не проронив ни единого слова.

Сьюзен посмотрела на свою униформу медсестры. Она была мятая, испачканная и забрызганная кровью. Руки были черные от

грязи, волосы спутаны в полном беспорядке. Она поняла, что выглядит, как психопатка, а еще вернее, как сумасшедшая в Делирии.

Сьюзен остановила прохожего-мужчину и повторила свою просьбу. Тот отшатнулся, разглядев Сьюзен. Но полез в карман и протянул ей горсть мелочи, в его глазах метались изумление и испуг. Он высыпал монетки в руку Сьюзен, как будто боялся прикоснуться к ней.

Сьюзен зажала мелочь в руке. Там было гораздо больше десяти центов, которые она просила.

– Я думаю, телефон есть тут налево в забегаловке, – сказал мужчина, глядя на Сьюзен. – С вами все в порядке?

– Все будет в порядке, если я доберусь до телефона. Большое спасибо.

Оледеневшие пальцы Сьюзен с трудом удерживали монеты в горсти. Ее руки онемели настолько, что она даже не ощущала, что лежит у нее в ладони, Она побежала поперек Кембридж-стрит по направлению к забегаловке.

Влажная сальная теплота блаженно охватила Сьюзен. Несколько лиц поднялось навстречу ей от тарелок, и несколько человек отметили ее странный вид. Но анонимность большого американского города послужила Сьюзен защитой, и посетители вернулись к своим тарелкам, воздержавшись от вмешательства не в свое дело.

Сьюзен опять охватила необъяснимая паранойя, ее глаза перебегали с человека на человека, пытаясь обнаружить врага. А тепло заставило ее трястись еще сильнее. Сьюзен поспешила к платному телефону, установленному возле туалетов.

Ее руки с огромным трудом управились с мелочью, большинство монет упало на пол, пока Сьюзен не ухитрилась опустить монетку в десять центов в щель автомата. Никто не шевельнулся, чтобы помочь ей собрать рассыпавшиеся монеты. Грязноватый бармен, покрытый татуировками, поглядел сквозь нее, давно привыкший к гримасам бостонской уличной жизни. Ответил оператор в Мемориале.

– Меня зовут доктор Уилер, мне необходимо поговорить с доктором Старком, немедленно. По очень важному делу. Вы дадите мне его домашний телефон?

– Сожалею, но мы никому не сообщаем домашние телефоны врачей.

– У меня дело чрезвычайной важности, – Сьюзен оглянулась, подсознательно ожидая нападения.

– Сожалею, но у нас приказ. Если вы хотите, оставьте свой номер, я позвоню доктору Старку домой.

Глаза Сьюзен отыскивали номер автомата:

– 523-8787.

Раздался щелчок. Сьюзен повесила трубку. У нее в руке остался еще один десятицентовик. Она подумала, как здорово было бы выпить сейчас чашку горячего чаю. Она поискала на полу упавшие монетки. Нашла двадцать пять центов. Поискала вокруг. Кажется, была еще одна монета в двадцать пять центов.

Один из посетителей отлепился от стойки и, пошатываясь, направился к телефону. Он уже схватил трубку, когда Сьюзен заметила его.

– Прошу вас. Я ожидаю звонка. Подождите, не звоните несколько минут, – умоляюще сказала Сьюзен мужчине с торчащей на лице щетиной.

– Прости, сестренка, но мне нужно позвонить, – мужчина поднял трубку и бросил в прорезь десятицентовик.

Первый раз в жизни Сьюзен полностью потеряла контроль над своими чувствами и остатки благоразумия.

"Нет!" – закричала она высоким голосом, заставляя повернуться в свою сторону все головы в забегаловке. Для того, чтобы доказать свою непреклонность, она сжала руки, переплелась пальцы и, размахнувшись, ударила ими в предплечье мужчины. Это неожиданное нападение заставило того выронить и монету, и телефонную трубку. Продолжая сжимать руки вместе, Сьюзен нанесла еще один удар по носу и лбу мужчины. Ошарашенный тип, оступившись, стукнулся о край телефонной будки. Как в замедленной киносъемке, он сполз в сидячее положение, его ноги разъехались в разные стороны. Неожиданность и ярость нападения оглушили его, он не мог даже двинуться.

Сьюзен немедленно повесила трубку на место и положила сверху руку, сощурилась глазами. Она ждала звонка. Телефон затрещал. Это был Старк. Сьюзен попыталась держать себя в руках, но слова вырывались из нее, как пузыри на поверхность кипятка.

– Доктор Старк, это Сьюзен Уилер. Теперь у меня есть ответы... все ответы. В это нельзя поверить, но это так.

– Успокойся, Сьюзен. Что ты подразумеваешь под всеми ответами? – голос Старка был размеренный и успокаивающий.

– У меня есть мотив. Есть и мотив, и способ.

– Сьюзен, ты говоришь загадками.

– Коматозные больные. Это не случайные осложнения, Они планировались заранее. Когда я делала выписки из историй болезни, я обнаружила, что всем таким больным делали тканевое типирование.

Сьюзен остановилась, вспомнив, как Беллоуз отговаривал ее придавать какое-либо значение тканевому типированию жертв комы.

– Продолжай, Сьюзен, – сказал Старк.

– Ну, тогда я не придала этому никакого значения. Но теперь я знаю. После того, как побывала в Институте Джефферсона.

Произнесение конкретного имени заставило Сьюзен подозрительно оглянуться по сторонам. Большинство глаз в забегаловке было обращено на нее. Но никто не шевелился. Сьюзен отступила подальше в глубину будки, прикрывая микрофон трубки сложенной в чашечку рукой.

– Я знаю, это звучит безумно, но Институт Джефферсона – это место для расчетов на черном рынке органов для трансплантации. Какие-то люди получают заказы на органы с определенным набором тканевых антигенов. Потом каким-то образом производится поиск по больницам Бостона, пока они не находят больного с соответствующим набором антигенов. Если этот больной лежит в хирургическом отделении, во время анестезии в газовую смесь добавляют угарный газ. Если это терапевтический больной, то он или она получает летальную дозу сукцинилхолина внутривенно через капельницу. У таких больных происходит разрушение коры головного мозга. Но тела их живут, органы в полном порядке, пока их не вырезают эти убийцы из Института.

– Сьюзен, это невероятная история, – сказал Старк. Он казался ошарашенным. – И у тебя есть доказательства?

– Это проблема. Если начать эту суету – сообщить полиции, чтобы они поехали в Институт Джефферсона для проверки – так у этих наверняка есть план на случай такой проверки. Это место замаскировано под больницу для интенсивной терапии. Кроме того, и угарный газ, и сукцинилхолин быстро метаболизируются в телах жертв, не оставляя никаких следов преступления. Единственный

способ разоблачить подобную организацию, это чтобы кто-нибудь вроде вас смог убедить власти произвести настоящий налет на Институт.

– Это хорошая мысль, Сьюзен, – ответил Старк. – Но я должен услышать все подробности, которые заставили тебя прийти к такому фантастическому выводу. Тебе сейчас угрожает опасность? Я могу подъехать и забрать тебя.

– Нет, со мной все в порядке, – сказала Сьюзен, бросая взгляд в зал забегаловки. – Проще будет, если мы с вами встретимся где-нибудь. Я могу поймать такси.

– Отлично. Встречаемся в моем кабинете в Мемориале. Я немедленно выезжаю.

– Я тоже скоро буду, – Сьюзен уже собралась повесить трубку.

– Сьюзен, подожди, еще один вопрос. Если то, что ты говоришь – правда, тогда сохранение тайны – дело чрезвычайной важности. Ничего никому не говори, пока мы не побеседуем.

– Ладно. Через несколько минут увидимся.

Повесив трубку, Сьюзен нашла номер таксопарка.

Она истратила свой последний десятицентовик, чтобы заказать такси. При этом она назвалась Ширли Уолтон. Ей ответили, что такси будет через десять минут.

* * *

Доктор Говард Старк жил в Вестоне, там, где проживали девять десятых бостонских врачей. Он владел обширным особняком в тюдоровском стиле, который мог к тому же похвалиться викторианской библиотекой. Поговорив со Сьюзен, он положил трубку на телефон, стоявший у него на столе. Потом выдвинул правый ящик стола и вытащил оттуда второй телефон, у которого была специальная электронная приставка, чтобы исключить возможность подсоединения к номеру и подслушивания. Это было невозможно сделать так, чтоб Старк не узнал. Он быстро набрал номер, глядя на экран крошечного осциллографа. Все было в порядке.

Хрупкий мужчина с наманикюренными ногтями, находящийся на контрольном посту в Институте Джефферсона, подошел к

завзвонившему телефону и снял трубку.

– Уилтон! – заорал в трубку Старк, не в силах совладать с охватившим его гневом. – Для такого умненького парнишки со способностями к бизнесу ты поразительно глуп, когда нужно схватить молодую безоружную девчонку в здании, окруженном как крепость! Я не могу понять, как вы упустили ее и позволили делу зайти так далеко. Я же предупреждал насчет нее еще несколько дней назад.

– Не беспокойтесь, Старк. Мы найдем ее. Она вылезла на карниз, но рано или поздно вернется внутрь здания. Все двери наружу перекрыты, а внутри у меня десять охранников. Не беспокойтесь.

– Не беспокойтесь! – огрызнулся Старк. – Я хочу сказать тебе кое-что. Она только что звонила мне и обрисовала суть нашей программы. Она уже убежала от вас, ты, задница!

– Убежала?! Невозможно!

– Невозможно. Что за утверждение? Говорю тебе, она только что звонила мне. Ты что, думаешь, она пользовалась телефоном из твоего кабинета? Господи, Уилтон. Почему ты ею не занялся как следует?

– Мы старались. По-видимому, она смогла ускользнуть от нашего очень надежного хиттера. Того же, который занимался Вальтерсом.

– Боже, это еще одна проблема. Почему он просто не убрал его, а инсценировал самоубийство?

– Для вас же старался. Вы же сами были так расстроены, когда обнаружили лекарства, которые этот старикашка припрятывал. Я подразумеваю, что вы боялись, того, что полиция по делу с этими лекарствами может начать крупное расследование. Поэтому нам нужно было не только избавиться от Вальтерса, но и связать его с этими проклятыми лекарствами.

– Ладно, все эти дела заставили меня изменить отношение к этой программе. Я думаю, сейчас самое время свернуть всю операцию. Ты понимаешь, Уилтон?

– Великий доктор хочет умыть руки, а? Первые проблемы за три года, и вы – сразу в кусты? Вы получили все деньги, которые просили для реконструкции вашего госпиталя. Вы получили назначение на заведование хирургией. А теперь хотите выйти сухим из воды. Нет уж, теперь я скажу вам кое-что, Старк, что вам не очень понравится. Вы никому не смеете отдавать приказы. Вы будете только подчиняться им. И первый приказ – любым способом избавиться от девчонки.

Старк обнаружил, что его руки мертвой хваткой вцепились в телефонную трубку. Он положил ее и задвинул телефон в ящик. Его трясло от ярости. Он еле сдерживался, чтобы не начать бить вещи и бросать в стену стоящие на столе принадлежности. Вместо этого он схватился за край стола и сжимал его, пока пальцы не побелели, как молоко. Потом его гнев начал ослабевать. Старк знал, что гневом нельзя ничего добиться и решить. Нужно думать, аналитически мыслить. Уилтон прав. Сьюзен представляла собой первую проблему, которая возникла у них на пути за почти три года работы. Успехи, достигнутые при этом, превзошли самые смелые мечты Старка. Нужно продолжать это дело. Этого требует медицинская наука. А Сьюзен нужно убрать. Это определено. Но это нужно сделать так, чтобы ни у кого не возникло и тени подозрения, особенно, у таких узколобых пней, как Гаррис и Нельсон, которым не хватало широты мышления самого Старка.

Старк встал и вышел из-за стола, направившись к полкам с книгами. Он был погружен в глубокую задумчивость, его рука рассеянно гладила золотые обрезы первого издания Диккенса. Внезапно вдохновение снизошло на него, а на лице появилась улыбка.

– Прелестно... замечательно, – громко произнес он. Потом засмеялся, а гнев его полностью улетучился.

Четверг, 26 февраля

20 часов 47 минут

Не заплатив по счетчику, Сьюзен выскочила из такси и по прямой бросилась бежать к главному входу в Мемориал. У нее не было денег, и она не собиралась препираться по этому поводу с таксистом. Шофер такси тоже выскочил из машины, гневно крича ей вслед. Ему удалось привлечь внимание одного из охранников на входе, но Сьюзен уже проскочила в двери.

В главном холле Сьюзен пришлось замедлить шаги. Вдруг с испугом впереди себя она заметила Беллоуза, который шел в том же направлении. Сьюзен пристроилась прямо за ним, споря сама с собой, стоит ли к нему подойти. Она припомнила, как он отвлек ее внимание от тканевого типирования коматозных больных. Таким образом, шанс, что Беллоуз вовлечен в это преступление, оставался. Кроме того, Сьюзен вспомнила предупреждение Старка, чтобы она никому ничего не говорила. Когда они оба подошли к углу, Беллоуз отправился дальше, в отделение скорой помощи, а Сьюзен свернула к лифтовому холлу крыла Беард. Там она подождала лифта, вошла в него и нажала кнопку десятого этажа.

Поле зрения Сьюзен медленно перекрывалось закрывающейся дверью лифта. Вдруг в самый последний момент в щель просунулась рука, схватила край двери и задержала ее. Сьюзен тупо смотрела на происходящее, пока в щели не показалось лицо охранника.

– Мне нужно сказать вам несколько слов, мисс, – произнес охранник, продолжая держать дверь, несмотря на то, что Сьюзен давила на кнопку закрытия дверей, и двери лифта дергались в попытках закрыться.

– Пожалуйста, выйдите из лифта.

– Но я ужасно спешу. Это очень срочно.

– Отделение скорой помощи на этом этаже, мисс.

Сьюзен нехотя вышла из лифта, подчинившись требованию охранника. Двери закрылись позади нее, и пустой лифт отправился на десятый этаж.

– Мне нужно не туда, но все равно очень срочно.

– Что это за срочность такая, что вы не можете заплатить за такси? – в голосе охранника была смесь укоризны и озабоченности. Внешний вид Сьюзен был сильным доводом в подтверждение ее слов о срочности.

– Запишите его имя и таксомоторную компанию, я улажу это дело позднее. Ну посмотрите, я студентка третьего курса медицинской школы, меня зовут Сьюзен Уилер. У меня сейчас нет ни секунды времени.

– А куда вы направляетесь в такое позднее время? – тон охранника стал почти заботливым.

– На Беард-10. Я должна там встретиться с одним врачом. Мне нужно идти, – Сьюзен нажала кнопку вызова лифта.

– С кем?

– С Говардом Старком. Вы можете позвонить ему. Смущенный охранник засомневался.

– Ладно, все нормально. Но зайдите в отдел охраны, когда будете возвращаться.

– Хорошо, – согласилась Сьюзен. А охранник повернулся и ушел.

Почти сразу же приехал еще один лифт, и Сьюзен вошла внутрь, пропустив сначала несколько пассажиров, которые с любопытством посмотрели на ее всклокоченный вид. Пока лифт медленно возносился на десятый этаж, Сьюзен, обессиленная, прислонилась к стенке.

Коридор десятого этажа представлял разительный контраст по сравнению с прошлым визитом Сьюзен в дневное время. Не было слышно стука пишущих машинок. Не было видно ни одного больного. Внутренность коридора пустынностью напоминала морг, Толстый ковер поглощал звук неуверенных шагов Сьюзен, когда она двигалась навстречу своей цели и безопасности. Горела единственная лампочка на журнальном столике посреди холла. Стопка журналов "Нью-Йоркер" была аккуратно выровнена по краю. Лица на портретах знаменитых хирургов Мемориала, развешанных на стенах, были покрыты пятнами фиолетовой тени.

Сьюзен подошла к офису Старка, помедлила минуту, собираясь с силами. Она совсем уже собралась постучать, но, положив ладонь на ручку двери, обнаружила, что та открывается. Приемная, где сидела секретарша Старка, была пустой, но дверь во внутренний кабинет

была слегка приоткрыта, в нее пробивался свет. Сьюзен толкнула дверь и вошла.

Дверь закрылась за ней в то же мгновение. В перевозбужденной измученной душе Сьюзен вспыхнула мгновенная паника, она повернулась, чтобы увидеть лицо нападающего. У нее хватило сил, чтобы не закричать.

Старк запирает дверь. Наверно, он зашел сзади.

– Извини за излишний драматизм, но я не думаю, что мы захотим, чтобы кто-нибудь прерывал наш разговор, – вдруг он улыбнулся. – Сьюзен, ты даже представить себе не можешь, как я рад видеть тебя. После всех твоих приключений, о которых ты рассказала, мне нужно было настоять на том, чтобы заехать за тобой. Но это неважно, ты благополучно доехала. За тобой кто-нибудь следил?

Испуг Сьюзен стал уменьшаться, пульс начал успокаиваться. Она сглотнула.

– Я думаю, что нет, но не уверена полностью.

– Проходи и садись. Ты выглядишь так, как будто прошла через Первую Мировую Войну, – Старк дотронулся до руки Сьюзен, подводя ее до кресла перед своим столом. – Я вижу, тебе, мягко говоря, не повредит немного шотландского виски.

Сьюзен чувствовала чудовищное утомление: умственное, физическое и эмоциональное. Она не смогла ничего произнести в ответ. Она просто последовала за Старком, ее грудная клетка тяжело вздымалась. Усевшись в кресло, она плохо соображала, что с ней происходит.

– Ты поразительная девушка, – продолжал Старк, через комнату направляясь к маленькому шкафчику-бару.

– Я не думаю так, – голос Сьюзен отражал степень ее истощения, – Просто я, сама не зная как, влипла в поразительный кошмар.

Старк вытащил бутылку "Чивас Регал". Он аккуратно наполнил два стакана и принес их на стол. Один из них вручил Сьюзен.

– Ты скромничаешь. – Старк обогнул свой стол и сел, не спуская глаз со Сьюзен. – Ты не ранена?

Сьюзен покачала головой; ее рука, держащая стакан с виски, так тряслась, что кусочки льда стучались о стекло стакана. Она попыталась перехватить стакан обеими руками. Сделав большой

глоток виски, она почувствовала, как огненная жидкость проскальзывает ей в горло между глубокими вдохами.

– Теперь, Сьюзен, я хочу внести ясность в наши дела. Ты кому-нибудь говорила о том, что мы с тобой обсуждали?

– Нет, – Сьюзен сделала еще один глоток.

– Хорошо, это очень хорошо, – Старк сделал паузу, наблюдая за тем, как Сьюзен глотает виски. – А есть кто-нибудь еще, кто поддерживает эту идею?

– Нет. Никого, – от скотча внутри Сьюзен разливалось очень приятное тепло, она начала ощущать, как ее охватывает спокойствие. Дыхание начало замедляться и стало почти нормальным. Сьюзен посмотрела сквозь стакан на Старка.

– Ладно, Сьюзен, а теперь скажи, почему ты считаешь, что в Институте Джефферсона производятся расчеты за органы для трансплантации?

– Я слышала, как они разговаривают. Я даже видела, как грузят контейнеры с органами.

– Но, Сьюзен, вовсе не удивительно, если такой госпиталь, заполненный коматозными больными, требующими постоянного интенсивного ухода, будет служить источником органов для трансплантации от больных, умерших по совсем другим причинам.

– Да, это похоже на правду. Но проблема состоит в том, что за всем этим стоят люди, которые намеренно делают больных коматозными. Кроме того, они получают плату за их органы. Огромные суммы. – Сьюзен почувствовала, что ее веки закрываются, и с усилием открыла глаза. Она почувствовала, как ею овладевает апатия. Она знала, что переутомлена, но медленно выпрямилась в кресле. Сьюзен глотнула еще виски, стараясь не думать о Д'Амброзио. Но крайней мере, ей было тепло.

– Сьюзен, ты меня поражаешь. Я имею в виду, что ты пробыла там очень недолгое время. Как ты умудрилась узнать так много?

– У меня были планы этажей, я получила их в строительном департаменте. Там были обозначены операционные комнаты, а девушка, которая водила меня по Институту, начала врать, что у них нет операционных. Тогда я проверила это. И все стало ясно. Страшно и ясно.

– Я понимаю. Очень умно, – Старк покивал головой, изумляясь Сьюзен. – И они позволили тебе уйти. Я могу себе представить, что они бы предпочли, чтобы ты осталась, – он улыбнулся.

– Мне повезло. Очень повезло. Я смогла выехать на грузовике вместе с сердцем и почкой, которые везли в аэропорт Логан, – Сьюзен подавила зевок, стараясь не показывать Старку, как ей хочется спать. Она чувствовала себя очень, очень усталой.

– Это все очень интересно, Сьюзен, и я знаю уже почти все, что мне нужно. Но... нужно тебя похвалить. Расследуя это дело последние несколько дней, ты проявила поразительные проницательность и настойчивость. Но разреши задать тебе еще несколько вопросов. Скажи мне... – Старк сложил руки вместе и повернулся вместе со своим креслом так, чтобы видеть черную воду в гавани. – Скажи мне, ты не думала, что могут быть и другие причины для этой фантастической операции, которую ты так блестяще разоблачила?

– Вы имеете в виду другие, помимо денег?

– Да, помимо денег.

– Ну, это хороший способ избавиться от кого-нибудь, кого вы не хотите больше видеть.

Старк вдруг рассмеялся в неподходящем месте, или это показалось Сьюзен.

– Нет, я имею в виду настоящую пользу. Ты можешь представить от этого другую пользу, кроме финансовой?

– Я думаю, что реципиенты, которым пересаживают такие трансплантаты, получают пользу, если не знают, откуда берутся органы.

– Я имею в виду пользу в более широком смысле. Пользу для общества.

Сьюзен постаралась думать, но ее глаза закрывались. Она снова выпрямилась. Польза? Она посмотрела на Старка. Предмет беседы становился таким расплывчатым и странным.

– Доктор Старк, я что-то плохо понимаю...

– Ну же, Сьюзен. Постарайся. Ты проделала такую замечательную работу, чтобы раскрыть механизм этого дела. Подумай. Это важно.

– Не могу. Это все такой кошмар, что я даже не могу употреблять слово "польза", – руки Сьюзен стали наливать свинцом. Она потрясла головой. Секунду ей казалось, что она сейчас уснет.

– Ладно, ты меня удивляешь, Сьюзен. Последние несколько дней ты выказала такой ум, что я было подумал, что ты сможешь стать одной из немногих, способных увидеть другую сторону этого дела.

– Другую сторону? – Сьюзен плотно сжала глаза, а потом широко открыла их, надеясь, что они останутся открытыми.

– Именно, – Старк повернулся к Сьюзен, наклонился вперед и оперся руками в стол. – Иногда бывают такие ситуации... как бы это сказать... нельзя ожидать, что простые люди смогут принимать решения, которые способны обеспечивать долговременную пользу. Простой человек думает только о своих каждодневных потребностях и нуждах.

Старк встал и направился в угол, рядом с которым находилось огромное окно. Он посмотрел через стекло на медицинский комплекс, значительная часть которого была построена с его помощью. Сьюзен почувствовала, что не может пошевелиться. Ей было трудно даже повернуть голову. Она знала, что утомлена, но никогда не чувствовала себя такой усталой и апатичной. Образ Старка то расплывался, то становился четким у нее в глазах.

– Сьюзен, – внезапно позвал Старк, оборачиваясь и глядя ей в лицо, – ты должна понимать, что медицина сейчас находится на грани, может быть, величайшего прорыва вперед в своей истории. Открытие анестезии, открытие антибиотиков... все эти эпохальные открытия поблещают перед следующим гигантским шагом вперед. Мы почти проникли в тайну механизма иммунологической толерантности. Скоро мы сможем трансплантировать любые человеческие органы, когда захотим. Это может решить проблему рака, дегенеративных заболеваний, травм... простор для работы бесконечен. Но такие прорывы никогда не совершаются легко, им сопутствуют тяжелая работа и жертвы. Цена таких прорывов велика. Нам нужны такие первоклассные больницы, как Мемориал, и их возможности. Потом, нам нужны такие люди, как я, которые, подобно Леонардо Да Винчи, могут переставить узкие рамки законов, чтобы обеспечить прогресс в исследованиях. Что было бы, если бы Леонардо Да Винчи не выкапывал трупы для анатомирования? Что было бы, если бы Коперник подчинился законам и догмам церкви? Где бы мы все были сейчас? Все, что нужно нам сегодня для такого прорыва, это данные,

данные, достающиеся тяжелым трудом. Сьюзен, у тебя хватит ума, чтобы оценить мои слова.

Несмотря на темное облако, застилавшее мысли Сьюзен, она начинала понимать то, о чем говорит Старк. Она попыталась встать, но поняла, что не может даже поднять руку. Она напряглась, но смогла только опрокинуть остатки своего виски на пол. Кубики льда рассыпались по ковру.

– Ты понимаешь, что я говорю, Сьюзен? Думаю, понимаешь. Наша система законов не приспособлена к нашим нуждам. Бог мой, они не могут даже допустить мысль об отключении пациента от аппаратов, даже если точно известно, что его мозги превратились в безжизненный студень. Как может наука развиваться, если социальная политика представляет собой такую помеху? – Теперь, Сьюзен, я хочу, чтобы ты серьезно подумала. Я знаю, тебе сейчас тяжело думать, но постарайся. Я хочу кое-что сказать тебе и хочу получить ответ. Ты очень, очень умная, девочка. Ты одна из тех... как бы выразиться... элита звучит слишком затерто, но ты понимаешь, о чем я говорю. Нам нужны люди, такие люди, как ты. Я хочу сказать тебе, что люди, которые работают в Институте Джефферсона, находятся на нашей стороне. Ты понимаешь, на нашей стороне?

Старк замолчал, глядя на Сьюзен. Она старалась приподнять веки над зрачками. Это отнимало у нее все силы.

– Что ты ответишь на это, Сьюзен? Хочешь ли ты посвятить свои мозги на пользу общества, науки и медицины?

Рот Сьюзен попытался сформировать какие-то слова, но получалось только шипение. Ее лицо напоминало маску. Старк склонился над ней. Он поднес свое ухо к губам Сьюзен.

– Скажи еще раз, Сьюзен. Я услышу, если ты скажешь.

Сьюзен попыталась артикулировать, чтобы выдавить воздух между сжатых губ и произнести первый согласный. Наконец, из ее рта вылетел слабый шепот:

– Пошел на хрен, старый ко... – голова Сьюзен завалилась назад, ее рот раскрылся, дыхание стало глубоким и равномерным.

Старк несколько мгновений смотрел на обмякшее тело Сьюзен. Упорное сопротивление Сьюзен разозлило его. Через несколько минут его гнев сменился на досаду от обманутых надежд.

– Сьюзен, мы найдем способ утилизировать твои мозги. – Старк медленно покачал головой. – Может, ты еще согласишься на что-нибудь.

Старк подошел к телефону и позвонил в отделение скорой помощи. И попросил вызвать какого-нибудь ординатора.

Четверг, 26 февраля

23 часа 51 минута

В помещении для дежурных хирургов-ординаторов был минимум удобств. Стояла кровать, обычная больничная функциональная кровать, которую можно было сгибать и раскладывать в разные интересные положения; были маленький стол, телевизор, принимавший два канала, если вы в силах были выносить двоящееся изображение; и целая коллекция помятых и заляпанных журналов "Пентхауз". Беллоуз сидел за столом и пытался читать статью из "Американского журнала хирургии", но никак не мог сосредоточиться. Его разум, да и совесть что-то беспокоило. Он вспоминал, как выглядела Сьюзен несколько часов назад. Беллоуз видел, как она входила в Мемориал. Он знал, что она идет позади него, и думал, что она остановит его. Но, к его изумлению, она этого не сделала.

Беллоуз не смотрел на Сьюзен в упор, но увидел достаточно, чтобы отметить рваную, заляпанную грязью и кровью одежду. Он ощутил беспокойство и озабоченность ее состоянием, но одновременно почувствовал, что не хочет вмешиваться в это дело. Его работа в Мемориале вроде бы наладилась. Если Сьюзен нуждалась в медицинской помощи, то она пришла в самое подходящее место. Если же ей нужна была психологическая поддержка, то ей следовало позвонить ему и встретиться вне стен больницы. Но Сьюзен не остановила его и не позвонила ему.

Потом Беллоуз узнал, что Сьюзен пришла в Мемориал как пациентка, что Старк собственноручно ведет ее случай. Как старший дежурный хирург-ординатор, Беллоуз знал, что Сьюзен будут делать аппендэктомию. Это казалось странным совпадением, но это было так. Старк сам собирался делать операцию. Сначала Беллоуз думал помыться, чтобы ассистировать на операции. Но благоразумие подсказало ему, что в силу своего неформального отношения к Сьюзен он будет в операционной скорее помехой, чем помощью. Поэтому он послал младшего ординатора и принялся ждать.

Беллоуз посмотрел на часы. Почти полночь. Он знал, что Сьюзен взяли на операцию минут десять назад. Он постарался

сосредоточиться на журнале, но что-то продолжало беспокоить его. Беллоуз уставился на закопченное окно и принялся размышлять. Потом поднял телефонную трубку, позвонил в оперблок и спросил, в какой операционной будут делать аппендэктомию Сьюзен Уилер.

– В восьмой, доктор Беллоуз, – ответила дежурная операционная сестра.

Беллоуз положил трубку. Забавно. Сьюзен говорила ему, что нашла T-образный вентиль на кислородной линии, ведущей в эту операционную, в которой случилось так много плохого.

Беллоуз снова посмотрел на часы. Потом внезапно встал. Он уже забыл о том, что хотел зайти в кафетерий. Ему хотелось есть. Он надел свои туфли и отправился туда, по дороге думая о вентиле.

Беллоуз зашел в лифт и нажал кнопку первого этажа, где располагался кафетерий. Но, спускаясь в лифте вниз, он вдруг изменил решение и нажал на второй этаж. Какого черта! Он пойдет и присмотрит за этим дурацким вентиляем собственными глазами, пока Сьюзен там оперируют. Это было глупо, ну и пусть. По крайней мере, его совесть будет спокойна.

* * *

Фантасмагория геометрических форм, цвета и движения возникла из тьмы и все усиливалась и расширялась. Геометрические фигуры сталкивались, расщеплялись и комбинировались в лишённые смысла образы. После погони ее начал преследовать образ проткнутой ножницами руки. Появился секционный зал здесь в Мемориале, даже звуки и запахи были как наяву. Потом начался подъем по бесконечной спиральной лестнице. Потом вдруг коридор заполнило лицо Д'Амброзио, растянутое в садистской предвкушающей гримасе, оно приближалось. Внезапно лицо Д'Амброзио рассыпалось, и он, вращаясь, упал в пропасть хаоса. Коридор повернул и калейдоскопически заплясал перед ней.

Сознание возвращалось к Сьюзен наплывами. Наконец, она осознала, что смотрит в потолок, потолок длинного коридора, который движется. Нет, это она двигалась. Сьюзен попыталась повернуть голову, но почувствовала, что она весит тысячу килограммов. Потом

она попыталась шевельнуть руками. Они тоже были неправдоподобно тяжелые, но, сконцентрировав все свои силы, она смогла приподнять предплечья, упираясь локтями. Сьюзен лежала на спине на каталке, которая ехала по длинному коридору. Звуки стали различимы. Это голоса... говорят что-то невнятное. Она почувствовала, что кто-то схватил ее руки и прижал по бокам к телу. Сьюзен хотела приподняться. Она желала знать, где находится. Что же с ней случилось? Она уснула? Нет, ее отравили. Внезапно Сьюзен поняла, что происходит. Она боролась с действием снотворного, пытаясь вырваться из его цепких объятий. Ее разум начал проясняться. Голоса стали осмысленными.

"Срочная аппендэктомия. Острый аппендицит. А еще студентка медицинской школы! Могло бы хватить мозгов, чтобы явиться пораньше".

Другой голос, более низкий, чем первый: "Я думаю, боли у нее появились сегодня утром, когда она позвонила в деканат и сказала, что не может прийти на занятия. По-видимому, уже тогда она поняла, что с ней что-то не в порядке. Может быть, она думала, что беременна, и это спонтанный аборт?"

"Может быть. Но тест на беременность отрицательный".

Рот Сьюзен пытался выдавить хоть слово, но горло ей не повиновалось. Она поняла, что мотает головой из стороны в сторону. Снотворное переставало действовать. Вдруг движение прекратилось. Сьюзен узнала место. Это была предоперационная. Повернув голову направо, она увидела раковину со специальными кранами для мытья рук. Там мылся какой-то хирург.

"Вы хотите двух ассистентов, сэр?" – спросил голос позади Сьюзен.

Человек возле умывальника повернулся. На нем были надеты колпак и маска. Но Сьюзен узнала его. Это был Старк.

– Для простой аппендэктомии хватит и одного. Мы закончим за двадцать минут.

– Нет, нет! – беззвучно кричала Сьюзен. Но между ее губами вырывалась только струйка воздуха. Ее начали ввозить в операционную. Она уже видела раскрытые двери. И номер над ними. Операционная номер восемь.

Снотворное переставало действовать. Сьюзен смогла приподнять голову и левую руку. Она увидела огромную бестеневую лампу. Ее свет ослепил ее. Она знала – ей нужно встать... бежать.

Сильные руки схватили ее за талию, лодыжки и голову. Она почувствовала, что руки давят на нее, что ее поднимают и кладут на операционный стол. Она схватила одну руку.

– Пожалуйста... не надо... я... – слова выходили из нее медленно, почти неслышимо. Сьюзен попыталась сесть на столе.

На лоб ей легла тяжелая рука и, надавив, прижала голову к столу.

– Не беспокойся, все будет в порядке. Дыши глубоко.

– Нет! Нет! – кричала Сьюзен, ее голос немного окреп.

Но резиновая маска уже упала на ее лицо. Внезапно она ощутила острую боль на сгибе локтя правой руки... внутривенное. Жидкость потекла в ее вену. Нет! Нет! Она попыталась мотать головой из стороны в сторону, но сильная рука держала ее. Она посмотрела вверх и увидела лицо в маске. Глаза смотрели ей в глаза. Потом она увидела флакон с раствором, увидела, как поршень шприца выжимает жидкость в капельницу. Фентотал!

– Все будет хорошо. Расслабься. Дыши глубоко. Все будет хорошо. Расслабься. Дыши глубоко...

К 12.36 27 февраля атмосфера в операционной номер восемь была предельно напряженной. Молодой ординатор чувствовал себя ужасно неловко, ронял зажимы и неуклюже ворочал иглодержателем с атрауматической иглой. Присутствие и репутация Старка были чересчур суровым испытанием для оперяющегося хирурга, и его первоначальный апломб испарился бесследно.

Почерк анестезиолога был еще более неразборчивым, чем обычно, когда он вносил последние записи в лист операционной анестезии. Он хотел, чтобы операция закончилась побыстрее. Нарушения ритма у пациентки, возникшие в ходе операции, лишили его самообладания. Но еще хуже ему стало, когда посреди операции внезапно прекратилась подача кислорода через центральную линию. За все восемь лет, которые он проработал анестезиологом, это был первый такой случай, когда отказало оборудование. Ему пришлось достать и подсоединить запасной зеленый баллон с кислородом, все прошло гладко, и он был уверен, что концентрация кислорода в

газовой смеси не снизилась. Но это происшествие нагнало на него страху. Он боялся, что потеряет больную.

– Еще долго? – спросил анестезиолог из-за своего экрана, опуская ручку.

Глаза Старка метались между часами, дверью и операционным полем. Он принял иглодержатель с заправленной иглой для кожных швов из рук ассистента.

– Пять минут, максимум, – сказал Старк, затягивая узлы ловкими пальцами. Старк тоже очень нервничал. Это было видно даже ординатору, правда, тот думал, что сам является причиной. Но Старк нервничал, так как понимал, что что-то идет не по плану.

Кислородный вентиль не мог отказать. Это означало, что давление кислорода в линии упало до нуля. Единственный из всей операционной бригады, Старк знал, что нарушения ритма у пациентки означали, что она получила угарный газ вместо кислорода. Но потом подача газа прекратилась, и он не был уверен, что Сьюзен получила смертельную дозу газа, как он планировал.

А потом еще эти приглушенные крики, которые заставили развозящую медсестру выглянуть и осмотреть коридор. Но Старк знал, что крики раздаются сверху, из межпотолочного пространства.

Но и это еще не все. Когда Старк накладывал предпоследний кожный шов, его глаза через окно в двери операционной уловили движение в коридоре. Коридор казался наполненным людьми, что в половине первого ночи, мягко говоря, было необычно.

Старк наложил последний кожный шов и бросил иглодержатель в лоток для инструментов. Когда он взялся за концы нити, чтобы завязать узел, двери операционной распахнулись, и Старк увидел, как в операционную входят, по меньшей мере, четыре человека. Среди них был Марк Беллоуз.

Неожиданные визитеры были одеты в хирургические халаты, но пульс Старка вдруг пустился вскачь, так как он осознал, что у большинства из них халаты были надеты прямо на синюю униформу. Мертвая тишина повисла в операционной. Но когда Старк выпрямился над операционным столом, он уже знал, что что-то идет не по плану. Что-то идет совсем не по плану.

Послесловие автора

Этот роман представляет собой детектив, а не научную фантастику. События, происходящие в нем, ужасны, но возможны, более того, вероятны. В газете "Трибьюн", выходящей в городе Сан-Габриель (штат Калифорния), 9 мая 1968 года в четвертой колонке появилось следующее объявление:

ВАМ НУЖНЫ ОРГАНЫ ДЛЯ ПЕРЕСАДКИ?

Продавец может предоставить любую часть человеческого тела больному, нуждающемуся в пересадке, по перечислению денег.

Пишите: а/я 1211-6306 Ковина.

Человек, давший это объявление, даже не уточняет, какие органы он продает, и из какого тела они будут взяты.

Были и другие объявления – много объявлений во многих газетах, издающихся в стране. Были даже объявления о продаже сердец еще живых владельцев!

Как бы жутко не звучали эти объявления, большого сюрприза они не представляют. Это – ужасное проявление духа рынка в медицине. Кровь – которую тоже можно рассматривать как часть человеческого тела – давно продается и покупается. Продают и сперму, которая хоть и не является частью человеческого тела, но производится человеческим организмом.

Продаются и покупаются и другие органы. В тридцатых годах двадцатого века один богатый итальянец купил яички у одного молодого неаполитанца и пересадил их себе. В последние годы встречались случаи, когда члены семьи решали отдать свои собственные почки умирающим родственникам, или продавали их, или покупали у добровольцев. Эти случаи нечасты, но они бывают.

Огромная проблема и опасность возникают из того простого факта, что всегда существует дефицит органов для пересадки. Тысячи людей числятся в листе ожидания на пересадку почки или роговицы. Причина, по которой эти два органа нужны больше всего, проста – их чаще всего пересаживают – и успешно. Большое спасибо за изобретение аппарата искусственной почки, предназначенного для диализа больных с хронической почечной недостаточностью –

кандидатов на пересадку почки (но только части из них – остальным приходится умереть из-за недостатка диализных мест, персонала, денег), который позволяет им жить. Но их жизнь при этом очень далека от нормальной. Во многих центрах диализа почки отмечен так называемый "синдром выходных", когда у диализных больных к концу недели улучшается настроение, и они предвкушают во время уик-энда пик дорожно-транспортных происшествий, который может принести им столь желанную и отчаянно ожидаемую почку.

Трагедия этой ситуации состоит в том, что разрешение проблемы уже находится в пределах наших возможностей. Медицинская технология уже развилась до уровня, когда примерно семь процентов трупных почек может быть использовано для трансплантации (а для роговиц цифра еще больше), если их забрать в пределах часа после смерти. Но вместо того, чтобы использовать их для благородной цели спасения человеческой жизни, их отдают червям или огню в крематориях, так как современные законы, берущие начало в средневековых английских сводах, не отличаются в этом отношении от законов племени мумбо-юмбо. По этим законам мертвые тела отдаются под юрисдикцию скорее церкви, чем гражданской власти. Невообразимо, что закон так ограничивает нашу жизнь сегодня. Но это так.

Сейчас в большинстве штатов принят Универсальный Акт Анатомической Передачи. Этот закон обеспечивает снабжение трупами медицинских школ (и это снабжение в настоящее время удовлетворительное), но никак не способствует удовлетворению печальной нужды в "живых" органах для целей трансплантации. Альтернативный подход заключается в том, чтобы все трупные органы готовились к трансплантации, по крайней мере, если сам умерший заблаговременно или его ближайший родственник не выразили отказа. Но, увы, колеса реформ вращаются удручающе медленно, а потенциальные реципиенты продолжают умирать, пока нужные им органы гниют в земле. Остаются без ответа самые тяжелые вопросы: как определить, что такое смерть, и каковы законные права человека после его смерти. Но эти трудности не должны помешать прекращению вопиюще расточительной практики уничтожения бесценных человеческих ресурсов.

Проблема недостатка органов для трансплантации представляет собой, всего лишь, один явный пример неспособности общества, в целом, и медицины, в частности, предвосхитить социальное, правовое и этическое оформление достижений технологии. По каким-то необъяснимым причинам общество тянет с выработкой соответствующей политики до того крайнего предела, когда здравый смысл не придется собирать по кусочкам. И в случае с трансплантацией неспособность распознать возникающие проблемы и выработать приемлемые решения может выпустить все несчастья из шкатулки Пандоры: Старк и компания представляют собой только один отвратительный частный случай.

Тем читателям, которые заинтересуются трансплантацией органов и захотят разобраться в этом вопросе, я могу рекомендовать две превосходные статьи, блестяще освещающие проблему, несмотря на то, что обе они опубликованы в юридических журналах. Я не намереваюсь хулить юридические журналы, а просто хочу подчеркнуть, что люди, занимающиеся юридической практикой, найдут эти статьи отлично написанными. Это

AJ. Dukeminier. Supplying Organs for Transplantation. Michigan Law Review, vol. 68 (April 1970), pp 811 – 866.

AD. Sanders and AJ. Dukeminier. Medical Advance and Legal Lag: Hemodialysis and Kidney Transplantation. UCLA Law Review, vol. 15 (1968), pp. 357 – 413.

Для тех читателей, которые заинтересуются социальной политикой в области медицины и ее весьма неспешным характером, хотя и отмеченным некоторыми позитивными сдвигами к лучшему, я рекомендую

AJ. Katz and AM. Capron. Catastrophic diseases: Who Desides What? Russel Sage Foundation, 1975.

Эта блистательная, заставляющая думать статья, на много лет опережает свое время. Ее единственный недостаток состоит в том, что ее прочитало слишком мало людей, руководящих нашей медициной.

И в заключение хочу сказать несколько слов о положении женщины в медицине. Я должен признать, что в процессе сбора данных для моей книги мне пришлось полностью изменить свое мнение о женщинах-врачах. И сейчас я питаю высочайшее уважение к женщинам-врачам и девушкам-студенткам, изучающим медицину. Я

понял, что для них обычная врачебная практика и обучение более затруднены, чем для их коллег-мужчин. Прогресс наблюдается и в этой области, но происходит со скоростью улитки. Вот статья, в которой этот вопрос освещается наиболее полно

AM. Norman and A C. Nadelson. Medicine: Career Conflict for Women. American Journal of Psychiatry, vol. 130 (October 1973), pp. 1123 – 1126.

Робин Кук,
доктор медицины,
август 1976 года.